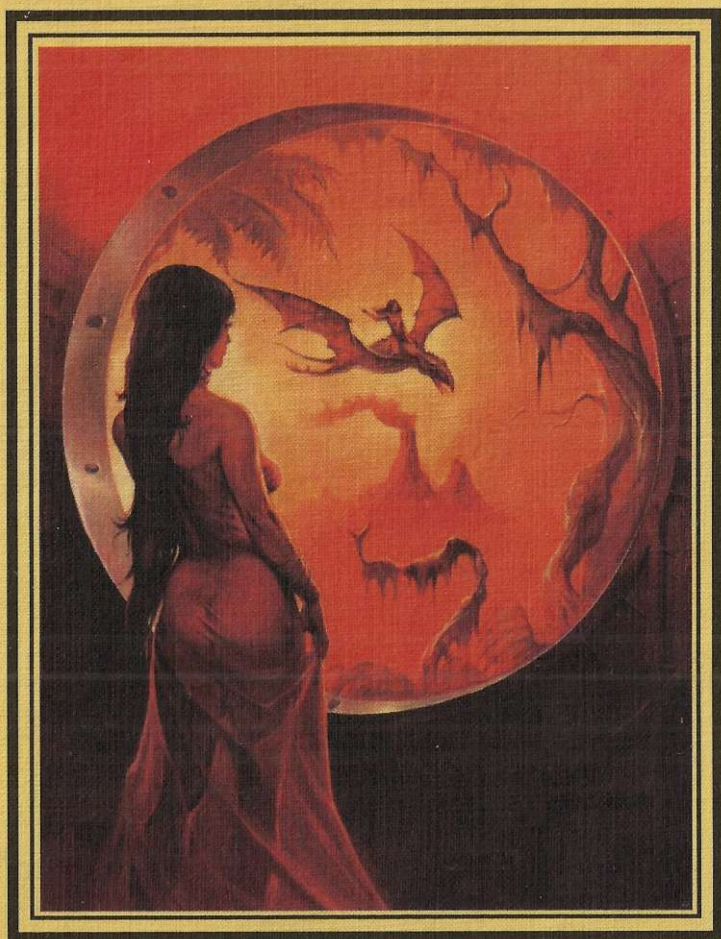
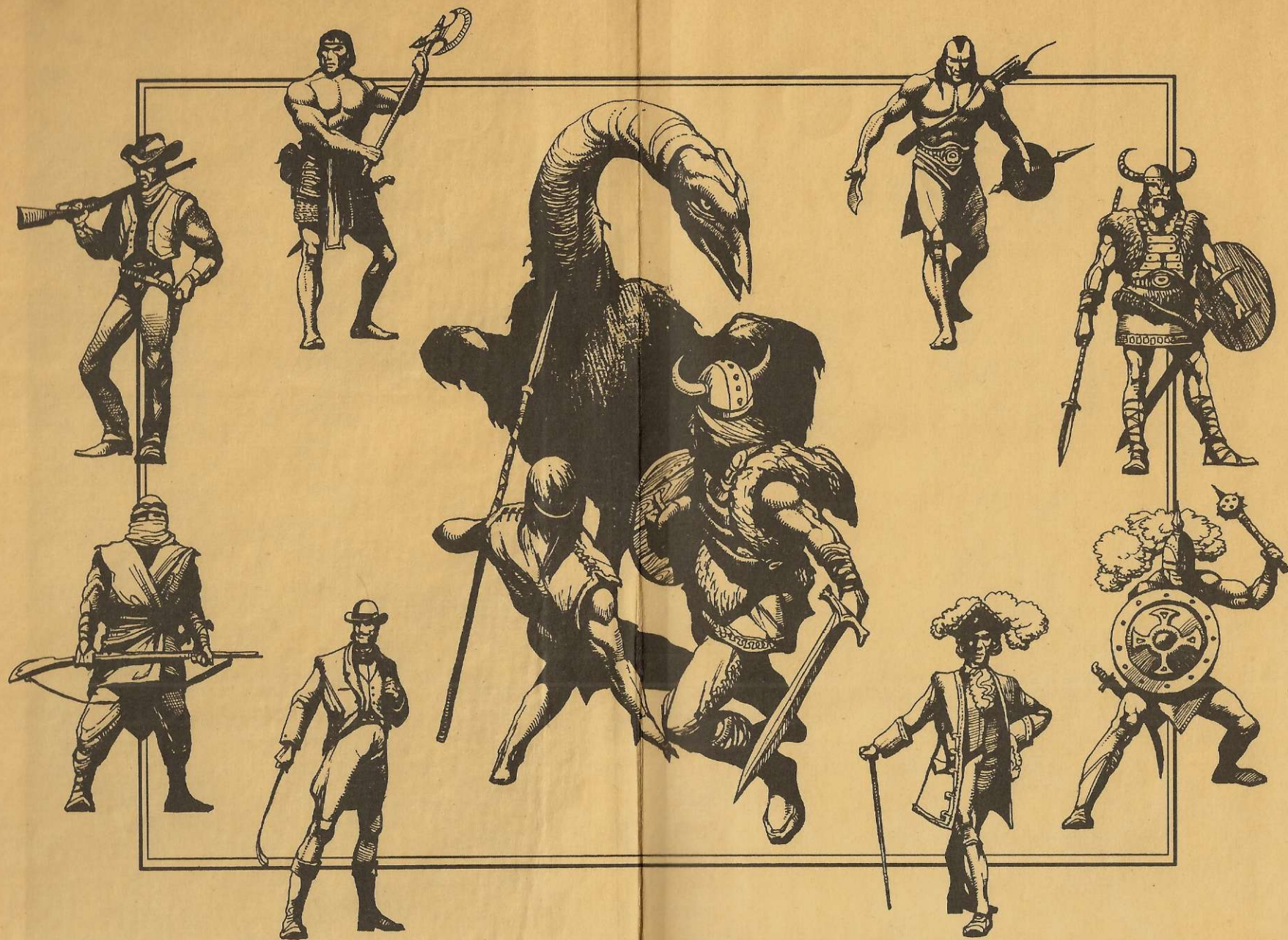

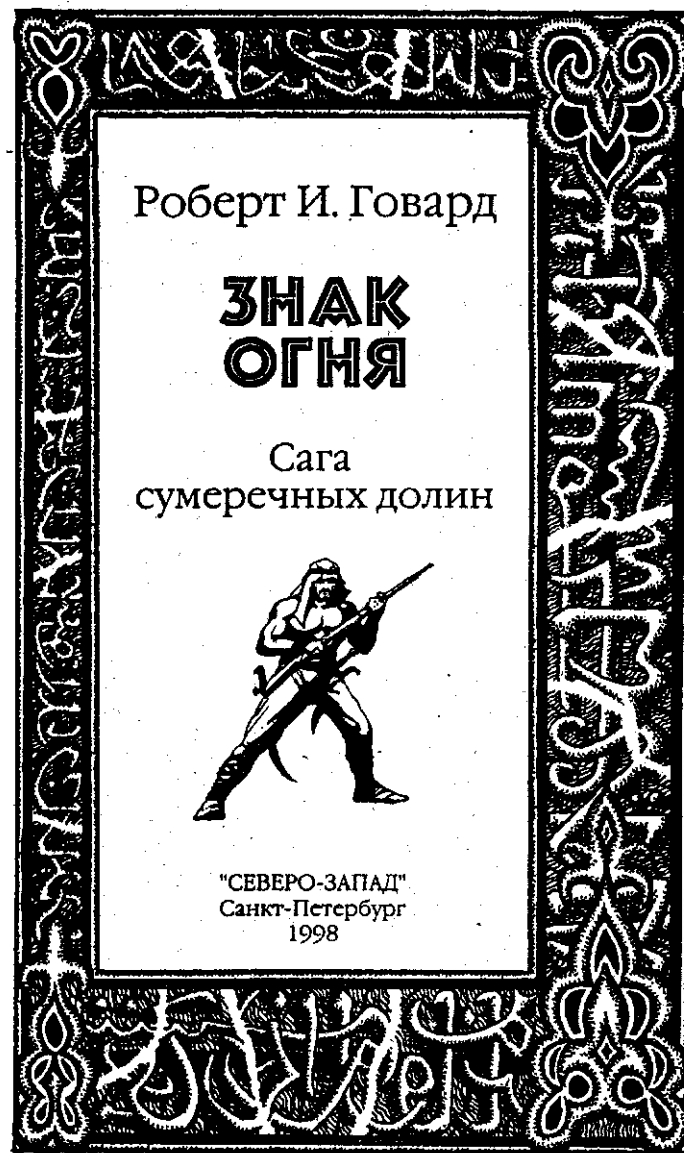
Роберт ГОВАРД

ЗНАК ОГНЯ

Сага сумеречных долин

УДК 820(73)
ББК 84 (7США)
Г 57

Говард Р. И.

Г57 Знак огня: Сага сумеречных долин: Повести и рассказы. / Пер. с англ.— СПб.: Северо-Запад, 1998.— 448 с.
ISBN 5-7906-0084-0

Поклонников творчества Роберта И. Говарда, вновь ждет встреча с полюбившимся героем Джоном Гордоном, по прозвищу Эль Борак.

На этот раз погоня за сокровищами приводит бесстрашного искателя приключений в горы Афганистана, где он оказывается в самом сердце жаркой схватки между враждующими племенами.

ББК 84 (7США).

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора.

Издательство выражает благодарность David Wynn за предоставленные редкие прижизненные издания Роберта И. Говарда и архивные материалы

© Ken Kelly, 1982

© «Северо-Запад», подготовка текста, серийное оформление, 1998

ISBN 5-7906-0084-0

Глава первая НОЧНЫЕ КЛИНКИ

Из темного дверного проема, мимо которого Гордон только что прошел, послышался легкий шорох, затем — едва уловимый звук шагов босых ног по уличной мостовой. Мгновенно собравшись, Гордон с кошачьей ловкостью развернулся на месте, готовый встретить опасность. И она пришла... Из того самого дверного проема на него бросился высокий темный человек. Даже в полутьме узко-

го переулка Гордон успел разглядеть длинное бородатое лицо нападавшего, его дикие глаза и — блеск стального клинка в руке, клинка, от которого Гордону пришлось уворачиваться, используя всю свою немалую ловкость и проворство. Острие кинжала полоснуло по его рубашке, и в этот момент американец, воспользовавшись тем, что нападавший на миг потерял равновесие, перехватил руку незнакомца, дернул ее на себя, а второй рукой изо всех сил обрушил на голову бедняги рукоять своего тяжелого пистолета. Нападавший, не издав ни звука, рухнул на землю.

Гордон неподвижно стоял над ним, напряженно прислушиваясь к окружающей темноте. За углом, в верхнем конце переулка, слышались шаги нескольких пар обутых в сандалии ног и звон стали. Глянув на пистолет, сжатый в руке, Гордон поколебался, но все же решил не принимать бой, а ретироваться с места происшествия.

«Да, не зря мне говорили, — подумал он, — что улицы ночного Кабула когда-нибудь станут могилой Фрэнсиса Эйвира Гордона».

Стремительным шагом, порой переходя на бег, Гордон спустился по переулку к более широкой улице, прошел по ней несколько кварталов, стараясь держаться подальше от зияющих беспросветной чернотой провалов дверей и подворотен, и через несколько минут уже стучал — негромко, условным стуком-паролем — в одну из дверей, над притолокой которой горела масляная лампа.

Дверь распахнулась почти мгновенно. Молнией скользнув внутрь, Гордон выдохнул:

— Запри! Быстро!

Высокий бородатый афридиец, открывший Гордону дверь, не говоря ни слова, мгновенно захлоп-

нул дверь и запер ее на широкий тяжелый засов. Затем он обернулся и, нервно поглаживая бороду, изучающе воззрился на вошедшего друга.

— Рубашечка-то распорота, Эль Борак, — буркнул он.

— Кто-то хотел убить меня, — ответил Гордон и, чувствуя, что этой информации явно недостаточно, пояснил: — Один набросился на меня сзади в темном углу, другие кинулись в погоню.

Глаза афридийца засверкали, его рука непроизвольно потянулась к внушительной трехфутовой сабле, висевшей в ножнах на его поясе.

— Тогда мы сейчас выйдем и в честном бою перережем этих собак, саиб!

Гордон покачал головой, и пыл его друга-адъютанта сразу же поумерился. Сам Гордон не выделялся ни ростом, ни габаритами, но в целом его облик внушал уважение и почтение. Широкие плечи, мощная грудная клетка, толстые канаты мышц на шее намекали на недюжинную, почти первобытную силу. И в то же время опытный наблюдатель даже по походке определил бы в Гордоне человека, умеющего двигаться с кошачьей грацией и ловкостью и с умопомрачительной быстротой.

— Аллах с ними, — махнул рукой Гордон. — Это враги Бабер-хана. Они как-то прознали, что я сегодня был у эмира и пытался убедить его простить мятежного Бабер-хана.

— Ну и что сказал на это эмир?

— Что — «что»? Он прочно уверовал в необходимость уничтожения вождя непокорного племени. Противники Бабер-хана все время подогревают эмира, настраивая его на решительные меры, да и сам Бабер-хан не подарок — редкий упрямец. Наотрез отказался прибыть в Кабул и отвести от

себя подозрения в подстрекательстве к мятежу. Ну, эмир и заявил, что через неделю он выступит на Кхор, сровняет этот городишко с землей и на копье привезет в Кабул голову Бабер-хана, если тот не прибудет в столицу добровольно и не сдастся на его милость. Враги Бабер-хана не хотят, чтобы он сделал это. Они прекрасно понимают, что все выстроенные ими обвинения разрушатся, как карточный домик, если Бабер-хан будет вести защиту с моей помощью. Тогда им самим несдобровать. Вот они и пытаются вывести меня из игры, только ударить в открытую не осмеливаются. А мне, видимо, придется срочно ехать к Бабер-хану и пытаться уговорить его сдаться на милость эмира.

— Бесполезно, — тоном пророка изрек афридиец. — Вождь Кхора никогда не пойдет на это.

— Вполне возможно. Но я все же попытаюсь. Как-никак, мы с Бабер-ханом старые друзья. Вот что: буди Ахмад-шаха и седлай лошадей, а я пока соберу все необходимое. Мы уезжаем в Кхор. Прямо сейчас.

Афридиец не стал комментировать опасность ночной поездки в горы, ничего не возразил он и по поводу позднего часа для начала путешествия. Так уж повелось, что люди, работавшие, путешествовавшие с Эль Бораком, считавшие себя его друзьями, были готовы вскочить в седло в любое время дня и ночи.

— А сикх? — поинтересовался афридиец, уже уходя в глубь дома.

— Он остается во дворце. Эмир доверяет Лалу Сингху больше, чем своей личной страже, и хочет на время оставить его при себе — как телохранителя. Он очень нервничает с тех пор, как султан Турции пал от руки этого фанатика Хастена. Что

ж, а теперь — за дело, Яр Али-хан. Враги Бабер-хана наверняка следят за нашим домом, но вряд ли они подозревают о существовании черного хода из него, там, за конюшней. Там-то мы и проскочим незамеченными.

Афридиец прошел в одну из комнат и потряс за плечо человека, спавшего там на ворохе ковров.

— Эй ты, шайтанов сын, вставай! Мы уезжаем, — сказал он и пояснил: — На запад.

Спавший проснулся и, зевая, сел. Звали этого человека Ахмад-шах, родом он был из племени юзуф.

— И куда именно? — поинтересовался Ахмад-шах.

— В эту дыру — Кхор, где мятежный шакал Бабер-хан без колебаний вырежет сердце каждому из нас, — мрачно пошутил Яр Али-хан.

Ахмад-шах, широко улыбаясь, встал и потянулся.

— Не любишь ты Бабер-хана, вождя кхоров из народа гильзай. Но не забывай, он ведь друг Эль Борака!

Яр Али-хан буркнул что-то нечленораздельное и направился через внутренний дворик к конюшням. Действительно, о существовании потайного выхода, спрятанного в узком простенке между домами, не знал никто, кроме самых близких Гордону людей. Соглядатаи, дежурившие у дома американца в ту ночь, сосредоточили свое внимание на других дверях и окнах. Поэтому маленький отряд сумел незаметно прокрасться по переулку и, быстро миновав несколько улиц, столь же незаметно покинуть квартал. С той минуты, когда Гордон постучал в дверь своего дома, прошло не более получаса, и вот уже цокот копыт за городской стеной возвестил о том, что три всадника выехали из Кабула и держат путь на запад.

А тем временем в своем дворце эмир Афганистана на себе испытывал справедливость утверждений о том, как тяжело приходится голове, которая носит корону.

Он вынырнул в приемную из внутренних покоев с очень озабоченным лицом и рассеянно кивнул на по-военному четкое приветствие высокого, широкоплечего сикха, щелкнувшего каблуками и замершего в ожидании приказаний в первой приемной личных покоев правителя. Эмир жестом показал стражнику, что хочет остаться один, и скрылся в анфиладе комнат, закрыв за собой двери. Лал Сингх лишь безмолвно проводил его взглядом, продолжая стоять неподвижно, положив ладонь на обтянутую акульей кожей рукоять длинной сабли.

В голове его крутились догадки и предположения о теме и результатах встречи его друга Эль Борака с эмиром. После нескольких часов разговора наедине с правителем Эль Борак покинул дворец с поспешностью, в которой угадывались досада и раздражение.

Об этой же встрече размышляли в это время и сам эмир. Он вошел в комнату, освещенную несколькими позолоченными светильниками, из окна которой открывался вид на спящий ночной город. Сегодняшний конфликт был первым за многие годы знакомства эмира с Гордоном. Этот американец действовал при дворе правителя Афганистана как неофициальный советник, консультант, посланник и представитель специальных служб. На эмира со всех сторон давили правители могучих держав Запада, которые использовали его горное королевство всего лишь как орудие для достижения своих целей. Гордон, имея огромные связи, влияние, опыт и, главное, обладавший огромной государственной

мудростью, не раз на деле доказывал эмиру, что на него можно положиться в самых серьезных и деликатных делах.

Хмурясь от тревожных мыслей, эмир отвернулся от окна и направился к скрытой тяжелыми шторами нише, в которой стоял его рабочий стол. Одна из штор чуть колыхалась, и поначалу эмир, заметив это, лишь рассеянно подумал, что на город подул ветер с гор. Он бросил взгляд на окна и похолодел: легкие тюлевые занавески у самого окна висели неподвижно, спадая ровными складками от потолка к полу. И при этом тяжелая парчовая штора в глубине комнаты совершенно определенно шевелилась, пусть и не очень заметно...

Правитель был сильным человеком и не раз доказывал подданным свою храбрость и мужество. Вот и сейчас, не растерявшись, он стал действовать пусть не по велению расчета и разума, но зато повинувшись инстинкту — стремительно и решительно. Одним прыжком он подскочил к шторам и резким движением отдернул парчовые полотнища... В темноте ниши в тот же миг сверкнуло лезвие кинжала, зажато в едва видимой руке. Удар клинка был нацелен прямо в грудь эмира. Криками призывая стражу на помощь, правитель повалился на пол, крепко вцепившись руками в нападавшего, увлекая его за собой. Неизвестный изо всех сил пытался вырваться и вертелся, как пойманный голыми руками дикий зверь. Глаза его горели яростным огнем и одновременно — удивлением и злостью. Еще бы — его оружие, пропоров золоченый халат эмира, уткнулось в нательную кольчугу, уже не раз спасавшую жизнь ее обладателью в перипетиях внешне тихой, но богатой на подобные «сюрпризы» дворцовой жизни.

В коридоре послышался топот сапог охраны, и эмир понял, что его спасение теперь кроется в том, чтобы выиграть время — какие-то несколько секунд. Одной рукой он схватил противника за горло, другой перехватил предплечье руки, сжимающей кинжал. Но напряженные мышцы нападавшего были, казалось, из стальных канатов. Невзирая на сопротивление эмира, он сумел нанести ему несколько неглубоких ран — в руку, плечо и бедро. Эмир почувствовал, что силы покидают его, вот-вот уже противник сломит его сопротивление, подомнет его под себя, высвободит руку с кинжалом... Вот уже кинжал взмыл в воздух, чтобы с размаху пронзить горло правителя — как вдруг комнату пересекло нечто, в свете ламп показавшееся похожим на ярко-синюю молнию, и... нападавший рухнул на свою несостоявшуюся жертву. Череп его был расколот надвое от макушки до нижней челюсти.

— Ваше Величество! О, мой господин! — Сикх был бледен, как смерть. — Вы живы? Что?.. Вы ранены!

Пинком отбросив труп нападавшего, сикх приподнял эмира, жадно вдыхавшего воздух пересохшим ртом. Лицо его было залито кровью — своей и противника. С помощью сикха эмир доплелся до дивана, где и лег без сил, а его спаситель тотчас стал рвать шелковое покрывало, чтобы перевязать раны правителя.

— Смотри! — прохрипел эмир, указывая пальцем на пол. — Кинжал! Кинжал!

Сикх посмотрел в ту сторону, куда указывал правитель. Рядом с телом нападавшего в луже крови лежало странное и необычное оружие. От одной рукоятки отходило три — именно три! —

клинка. Лал Сингх вздрогнул и негромко выругался.

— Кинжал с тремя лезвиями! — почти простонал эмир, закатывая в ужасе глаза. — Таким же оружием были зарезаны турецкий султан, персидский шах и низам Хайдарабада!

— Ритуальное оружие секты Избранных, — пробормотал Лал Сингх, с тревогой осматривающий диковинное оружие — символ чудовищного культа, последователи которого за предшествующий год сумели нанести несколько ударов, каждый из которых оказался роковым для правителя или монарха Востока.

Во дворце поднялся переполох. По залам и коридорам беспорядочно забегали придворные и слуги; все кричали и суежились, но никто не мог понять, что происходит.

— Закрой двери! — распорядился эмир. — Не выпускай никого, кроме дворецкого.

— Но вам нужен лекарь, Ваше Величество! — осмелился возразить сикх. — Ваши раны сами по себе не смертельны, но клинки этого кинжала наверняка отравлены!

— Да, да... Пошли кого-нибудь за врачом. О Аллаха! Избранные приговорили меня к смерти!

Эмир был сильным человеком, но случившееся, казалось, сломило его волю к сопротивлению.

— Кто может вечно противостоять кинжалу наемного убийцы, который наносит удар в спину?! Никому не дано одолеть змею, оказавшуюся у него под босыми ногами. Никто не сможет уберечься от яда в чаше с вином... — бормотал правитель. — Лал Сингх, быстро отправляйся к Эль Бораку и скажи, что он мне срочно нужен, — приказал эмир. — Пусть немедленно скачет во дворец! Если и есть во всем

Афганистане человек, способный защитить меня от этих дьяволов, так это он, и только он!

Отдав честь, Лал Сингх покинул покои правителя. Он шел по коридору, печально покачивая головой: впервые он увидел страх на лице и в глазах эмира, которому до того, казалось, было неведомо это чувство.

У эмира были очень веские причины не только бояться, но и откровенно паниковать: неведомый страшный культ возродился на Востоке в последние годы. Кем были его последователи, каковы были их цели, этого не знал никто. По слухам, они называли себя Избранными, а их эмблемой был кинжал с тремя клинками. Вот, пожалуй, и все, что было известно об этой секте. Ее посланники появлялись словно из ниоткуда, неожиданно и внезапно наносили удар и либо исчезали, либо погибали в поединке, никогда не сдаваясь живыми. Некоторые считали этих людей обыкновенными религиозными фанатиками. Другие полагали, что их деятельность имеет под собой политическую подоплеку. Лал Сингх знал, что даже Гордон не располагал сколько-нибудь достоверной информацией об этой таинственной секте. Но в то же время сикх был уверен, что американец сможет защитить эмира даже от этих разящих из темноты дьяволов.

***

Через три дня после стремительного отъезда из Кабула Гордон сидел по-турецки на каменистой троне, которая, петляя, шла по крутому склону горного хребта, нависшего над городком, именуемым Кхором.

— Пойми, я — последнее препятствие, преграждающее смерти путь к тебе, — вновь повторил он

слова предупреждения, обращаясь к своему собеседнику.

Тот, сидя напротив американца, машинально поглаживал медно-красную бороду. Он был широкоплеч и силен. Его роскошно украшенная оружейная перевязь щетинилась рукоятками кинжалов. Звали этого человека Бабер-хан; он был вождем дикого и непокорного племени гильзай, абсолютным, единоличным властителем Кхора и повелителем-командиром трех сотен отчаянно храбрых воинов.

Но в его тоне не было и намека на высокомерие.

— Аллах с тобой! — отмахнулся Бабер-хан от назойливо повторяющего свои предупреждения американца. — Разве может человек встать на пути чьей-либо судьбы, тем более если она уготовила другому неминуемую смерть?

— Я всего лишь предлагаю тебе возможность договориться с эмиром, заключить с ним мир.

Бабер-хан с фатализмом, столь свойственным его народу, покачал головой и ответил:

— У меня при дворе слишком много врагов и недоброжелателей. Приди я в Кабул, и кого будет слушать эмир: меня или их лживые речи? Он меня просто-напросто посадит на кол или бросит в клетку к голодным барсам. Нет, никуда я не пойду, Эль Борак.

— Тогда собери свое племя и уходи из этих мест. Найди для своего народа иное пристанище. Ты лучше меня знаешь, что в горах есть места, где даже эмир не станет преследовать тебя.

Бабер-хан бросил взгляд вниз, туда, где у подножия хребта не очень грозно, но гордо возвышались башни и стены Кхора, выстроенные из камней, скрепленных глиной. Глаза вождя сверкнули черным пла-

менем, ноздри его затрепетали. Словно горный орел, он ревниво осматривал с вершины свои владения.

— Нет! Видит Аллах, нет и нет! Мой народ живет в Кхоре со времен Пророка, и мой клан правит этим народом с тех давних дней. Нет, пусть эмир правит в Кабуле, но этот город, эта долина, эти хребты принадлежат мне и моему племени!

— Дождешься, что эмир будет властвовать и здесь, в столь горячо любимом тобой Кхоре,— буркнул из-за спины Гордона Яр Али-хан, стоявший там бок о бок с Ахмад-шахом.

Бабер-хан перевел взгляд на восток, куда уходила, скрываясь между неприступными кручами, караванная тропа на Кабул. По обе стороны от тропы на высоких скалах тут и там виднелись яркие пятна — одежды стоящих на страже метких стрелков Кхора, вооруженных тяжелыми дальнобойными винтовками. По тревоге воины накрылись бы походными бурнусами и стали бы совершенно невидимыми с тропы.

— Пусть эмир приходит, если ему так этого хочется,— мрачно сказал Бабер-хан.— Нашу долину мы сумеем удержать.

— Он придет с пятью тысячами воинов, с артиллерией,— напомнил вождю Гордон.— Он войдет в долину, перебьет твоих воинов, снесет Кхор с лица земли, а твою голову привезет в Кабул на копье — в назидание другим непокорным.

— На все воля Аллаха,— с непоколебимым фатализмом пожал плечами Бабер-хан, не утруждая себя поиском дальнейших аргументов в этом споре.

Как это частенько с ним бывало в прошлом и, куда реже, в последнее время, Гордон ощутил приступ гнева, вызванный столкновением с этой непробиваемой стеной восточного мировосприятия.

Ему, человеку Запада, претила сама мысль о том, что можно так инертно, так безвольно плыть по течению жизни. Вот и сейчас дело, похоже, зашло в тупик именно из-за нежелания Бабер-хана прислушаться к доводам активного, действующего, ищущего решения и выхода разума. Скрипя зубами, американец молча глядел на запад, где пылающий огненный шар на фоне глубокого, индигово-синего небосвода медленно опускался к зубчатому, неровному горизонту.

Бабер-хан, приняв молчание Гордона за признание им своего поражения, решил перейти к другой теме и неожиданно сказал:

— Саиб, у меня есть нечто такое, что, я думаю, заинтересует тебя. Признаться, я и сам сгораю от нетерпения показать тебе это. Видишь вон тот полуразрушенный домик за городской стеной? Там лежит мертвец. Таких людей я не видел никогда. Не только я, но и ни один человек из моего племени не встречался с такими людьми... Хотя, сказать по правде, я далеко не уверен в том, что это труп обычного человека. Слишком уж зловец и странен его облик даже сейчас, после смерти, и мне кажется...

Резкий сухой звук винтовочного выстрела прокатился по долине, заставив всех четверых собеседников вскочить на ноги и посмотреть в ту сторону, где он прозвучал.

Порыв ветра донес до них и сердитые крики. Затем на гребне хребта появился человек, быстро и ловко перепрыгивавший с камня на камень. Потрясающий над головой винтовкой, он здорово смахивал на какого-то спятившего горного черта. Рваная, развевающаяся по ветру плащ-накидка делала это сходство еще более убедительным.

— Э-гей, Бабер-хан! — завопил он во всю глотку. — Там на перевале какой-то сикх на чуть живой от долгой скачки лошади. Он говорит, что ему нужно срочно увидеться с саибом Эль Бораком!

— Сикх? — удивился и забеспокоился Гордон. — Пусть его впустят. Быстрее!

Бабер-хан прокричал условную команду, эхом прокатившуюся по всей долине, и часовой вновь скрылся за гребнем горы. Вскоре на тропе показался всадник. Лошадь его, казалось, могла рухнуть замертво в любой момент. Голова скакуна поникла, хлюпья пены повисли на морде, пот, казалось, насквозь пропитал его кожу.

— Лал Сингх! — воскликнул Гордон.

— Видит Кришна, он самый, саиб, — усмехнулся сикх, слезая с седла. — Да, не зря тебя прозвали Эль Бораком Стремительным! Наверное, я покинул Кабул спустя какой-то час после тебя, но, как я ни торопился, как ни погонял самых свежих лошадей, которых мне предоставляли в каждой деревне, повинувшись печати эмира, я так и не смог нагнать тебя по дороге.

— Должно быть, весьма срочные новости вынудили тебя так торопиться. Я прав, Лал Сингх?

— Так оно и есть, саиб. Новости более чем срочные и важные, — заверил Гордона сикх. — Эмир приказал мне догнать тебя и упросить вернуться в Кабул. Саиб, на эмира совершенно покушение. Кинжал с тремя клинками!

Гордон напрягся всем телом, как пантера, почувывая опасность.

— Расскажи подробно! — скомандовал он.

Коротко, сжато, но предельно точно Лал Сингх изложил ему все, что знал сам о нападении на правителя.

— В твоей резиденции в Кабуле мне сообщили, что ты усакал в Кхор, — сказал Лал Сингх. — Я вернулся во дворец, и эмир приказал мне следовать за тобой. Он здорово ослаб от ран, но не они приближают его к смерти, а парализовавший его волю ужас.

— Он что-нибудь говорил о планировавшемся походе на Кхор? — спросил Гордон.

— Нет, саиб. Но я полагаю, что он не покинет стен дворца до твоего возвращения, и уж по крайней мере до того, как зарубцуются его раны. Разумеется, если он и в самом деле не умрет от яда, которым были смазаны лезвия кинжала.

— Похоже, судьба дала тебе отсрочку, — сказал Гордон Бабер-хану. — Воспользуйся ею, обдумай все хорошенько. А ты, Лал Сингх, ступай в Кхор, поешь и ложись спать. На рассвете мы уезжаем обратно в Кабул.

Впятером они стали спускаться по тропе, ведущей к воротам Кхора. Ахмад-шах вел в поводу усталую лошадь. Чуть приотстав, Бабер-хан пристально поглядел на Гордона и спросил:

— Ну и что ты об этом скажешь, Эль Борака?

— Ничего, просто кто-то — в Константинополе, в Москве или Берлине — дергает за какие-то невидимые нити. Идет обычная политическая игра...

— Думаешь, все так серьезно? А я полагал, что эти Избранные — просто кучка оголтелых фанатиков-безумцев.

— Боюсь, что это не кучка, — вздохнул Гордон, — а скорее всего, весьма многочисленное тайное общество, исповедующее идеалы анархизма. Тем не менее все убитые этими ребятами правители были либо верными сторонниками, либо яростными врагами Британской империи. Так что я полагаю, что

за их спинами стоят какие-то европейские силы... Да, кстати, ты, кажется, хотел что-то показать мне.

— Да-да, чуть не забыл,— хлопнул себя по лбу Бабер-хан.— Мертвеца в развалившейся хижине. Дело было так: мои разведчики, совершая дальний обход долины, наткнулись на этого парня у подножия скалы, с которой он упал или был сброшен. Я распорядился принести его в город, но по дороге он умер. Перед смертью он что-то говорил, но никто из нас не знает этого языка. Честно говоря, у меня нет даже предположений по поводу того, как называется этот язык. В общем, мои люди испугались, что этот покойник призовет проклятие на наш город, и мы решили положить тело где-нибудь за стенами. Люди поговаривают, что этот мертвец — колдун, а то и какой-нибудь демон, и, откровенно говоря, я почти готов согласиться с ними. Ты и сам знаешь, что в хорошем дневном переходе отсюда на юг, за стеной диких, совершенно непроходимых и необитаемых гор, лежит таинственная страна, которую мы называем Гулистан.

— Гулистан! — словно эхо повторил Гордон зловещее название.— По-турецки или по-татарски это означает — Страна Роз. Но в переводе с арабского это — Страна Упырей.

— Точно, Страна Вампиров и Упырей! Страшная территория, занятая черными хребтами и бездонными пропастями ущелий, страна, которую мудрый человек обходит стороной. Выглядят эти места необитаемыми, на самом же деле там живут... живут люди или демоны. Порой где-то на дальнем пастбище или на узкой тропе пропадают наши женщины и дети. Мы знаем, что это работа тех, кто живет там, в горах Гулистана. Мы пытались выследить их, шли по их следам, видели какие-то нечет-

кие силуэты в ночи, но каждый раз погоня упиралась в отвесные скальные стены, по которым — или сквозь которые — дано пройти только демонам. Иногда мы слышим голос джинов, воющих в скалах. Даже дальних отголосков этого звука достаточно, чтобы ледяная лапа страха крепко сжала сердце самого храброго воина.

За этим разговором они подошли к полуразрушенной хижине, и Бабер-хан, откатив подпирающий двери камень, открыл вход в маленькое помещение. Внутри взглядам пяти вошедших предстало распростертое на земляном полу мертвое тело.

По пропорциям, одежде, цвету кожи и чертам лица мертвеца нельзя было отнести ни к одному из многочисленных народов Афганистана. Невысокого роста, широкий в кости, почти квадратный чело-век с плоским круглым лицом, темно-медной кожей и узкими раскосыми глазами, он, несомненно, был родом из степей и пустынь Гоби. На его затылке и плечах запеклась кровь, неестественная поза свидетельствовала о том, что кроме пробитого черепа были сломаны и другие кости.

— Ну что, чем тебе не колдун или шаман? — с наигранной беззаботностью спросил Бабер-хан.

— В общем-то, он всего-навсего монгол,— ответил Гордон.— И, уверяю тебя, сотни тысяч ему подобных людей живут в той стране, откуда он родом. Обвинять его в том, что он вампир, пещерный гном или демон, я не вижу никакой необходимости. Колдунов среди монголов не больше, чем в любом другом народе... Меня куда больше волнует другое: какого черта он здесь делал и как его сюда занесло? Вот в чем загадка!

Наклонившись над трупом, Гордон присмотрелся к нему повнимательнее, а затем прищурился и

резким движением распахнул на груди халат. Под верхней одеждой на теле мертвеца была надета тонкая рубашка, посмотрев на которую через плечо Гордона Яр Али-хан изумленно охнул. На груди, на левой стороне рубашки, алая, как только что пролитая кровь, была вышита эмблема — кулак, сжимающий рукоять кинжала... с тремя лезвиями.

— Три клинка! — прошептал Бабер-хан и отшатнулся от этого символа, знаменующего собой скорую и неминуемую смерть многих правителей Востока.

Все присутствующие выжидающе смотрели на Гордона, который продолжал молча разглядывать вышитую на рубахе монгола эмблему и пытался, опираясь на слабые ассоциации, вызвать в памяти те немногие сведения, что когда-то попались ему в связи с древним мрачным культом, использовавшим в давние времена тот же самый символ.

— Бабер-хан, твои люди могут отвести меня к тому месту, где они нашли этого человека? — спросил он наконец.

— Да, саиб. Но учти — это нехорошее место. Оно находится в Ущелье Призраков, почти на границе Гулистана...

— Хорошо, я понял... Так, Лал Сингх и все остальные — отправляйтесь в город и ложитесь спать. Мы выезжаем на рассвете.

— В Кабул, саиб?

— Нет. В Гулистан.

— Значит, ты полагаешь, что...

— Я ничего не полагаю — пока. И пока я отправляюсь в эту поездку в поисках знаний и ответов на вопросы.

Глава вторая ЧЕРНАЯ СТРАНА

П

роводник, скакавший целый день впереди Гордона и его спутников, остановился только тогда, когда вечерние сумерки стали скрадывать очертания дальних гор. Местность, где, казалось, не было ни единого пятка ровной, горизонтальной земли, прорезал глубокий каньон, по обе стороны которого громоздились неприступные кручи и гигантские скалы. Разного цвета горные породы — серые, коричневые, бу-

ро-красноватые — сменяли друг друга слоями, как бы иллюстрируя смену геологических эпох. Над ущельем не было видно ничего, кроме первозданного хаоса переломанных, торчащих в разные стороны самыми причудливыми формами черных скал.

— Там начинается Гулистан, — сказал гильзаец-проводник, и его черноглазые, с крючковатыми носами соплеменники почти инстинктивно щелкнули затворами винтовок и проверили, легко ли вынимаются из ножен кинжалы и сабли.

— Там, за этим ущельем, — продолжал проводник, — за Ущельем Призраков начинается страна ужаса и смерти. Мы дальше не пойдем, саиб. Мы никогда туда не ходим.

Гордон кивнул, но взгляд его при этом был устремлен на вьющуюся по дну ущелья, уходящую в его глубь тропу. Она была продолжением чуть заметной древней дороги, по которой отряд только что проехал немало миль, но выглядела так, словно по ней достаточно часто и совсем недавно ходили.

Проводник, угадав мысли американца, поспешил сказать:

— Да, этой тропой пользуются... По ней приходят и уходят демоны, живущие в черных горах. Но никто из людей, отважившихся проследовать по ней, не возвращался обратно.

Яр Али-хан хитро прищурился и, всячески скрывая суеверный страх, давивший на него не менее сильно, чем на гильзайцев, демонстративно иронично поинтересовался:

— Демоны, говоришь? Интересно, с каких это пор демонам понадобились тропинки, чтобы передвигаться по земле?

— Когда демоны принимают облик людей, они, наверное, и ходить вынуждены как люди, — буркнул себе в бороду Ахмад-шах.

Лицо Лала Сингха оставалось во время разговора абсолютно непроницаемым. В мифах его народа кишмя кишели тысячерукие и тысяченогие демоны, но он не позволял себе смеяться над суевериями других народов.

— Демоны летают на крыльях, как летучие мыши, — со знанием дела заявил Яр Али-хан.

Проводник не стал ввязываться в спор с афридийцем, а, обращаясь к Гордону, сказал:

— Вон там, где тропа делает первый поворот, у подножия гряды, по гребню которой она идет, мы и нашли того, кого ты назвал монголом. Наверное, его собратья-демоны повздорили с ним и сбросили его вниз с обрыва.

— Скорее всего, он сорвался, упал и скатился с тропы вниз по склону, — уточнил Гордон. — Монголы — дети ровной, как стол, пустыни. Они совершенно не знают, как вести себя в горах, а ноги их кривы и слабы из-за того, что всю жизнь они проводят в седле. Нет ничего удивительного в том, что такой человек с непривычки не удержался на узкой тропе.

— Если, конечно, все-таки считать его человеком, — многозначительно заметил гильзаец. — Я-то все равно думаю, что он... О Аллах!

Все присутствующие, включая и самого Гордона, вздрогнули при звуках, донесшихся со стороны черных гор. Гильзайцы, да и спутники американца, побледнели и крепче сжали в руках оружие, поглядывая по сторонам, словно стая загоняемых волков. А по горам, по скалам, хребтам и отрогам катился, отражаясь тысячекратным эхом, низкий,

отдающийся вибрацией во всем теле, чуть хрипящий рев.

— Это голос джинна! — прокричал проводник, машинально натягивая поводья так, что бедная лошадь всхрапнула и попятилась. — Саиб, ради всемогуществейшего Аллаха будьте благоразумны! Возвращайтесь с нами в Кхор!

— Нет, я пойду вперед. А ты забирай своих людей и отправляйся назад, в свой город, как мы и договаривались.

— Бабер-хан будет скорбеть по тебе, саиб! — с упреком в голосе сказал через плечо гильзаец, уже развернувший своего скакуна, безжалостно вонзая шпоры ему в ребра. — Он ведь любит тебя как брата! В Кхоре будет траур по тебе и твоим друзьям!

Последние фразы уже едва донеслись до тех, кому были адресованы, — так стремительно уносили, стуча копытами по камням, низкорослые горные лошадки своих седоков — бесстрашных гильзайцев, храбрых воинов Кхора, подданных Бабер-хана.

— Бегите! Бегите, жалкие трусы! Сыновья плаксивых женщин, боящихся мышей и пауков! — провопил им вслед Яр Али-хан, не упускавший случая оживить давнее межплеменное соперничество и подчеркнуть собственное превосходство.

— Мы найдем ваших демонов и, связав их хвостами, притащим вам в Кхор на потеху! — напоследок пообещал он гильзайцам, но, убедившись, что те явно покинули зону слышимости, замолчал и посерьезнел.

***

Подъехав к самому устью каньона, к тому месту, где тропа начинала уходить в его глубину, Гордон и

его спутники стали всматриваться и вслушиваться, особенно в том направлении, откуда донесся тот леденящий душу вой.

Ахмад-шах нервно ерзал в седле, а Яр Али-хан, почесывая бороду и хитро поглядывая на Гордона, напоминал хорошо выдрессированное и послушное привидение, вооруженное острой, как бритва, трехфутовой саблей. Первым Эль Борак обратился к Лалу Сингху:

— Тебе доводилось слышать что-либо подобное?

— Да, саиб. В горах, где живут люди, поклоняющиеся дьяволу.

Гордон без дальнейших обсуждений чуть тряхнул поводьями, направляя лошадь вперед медленным шагом. Ему тоже доводилось слышать этот хриплый вой десятифутовых бронзовых труб, которыми пользуются для связи и в обрядах живущие на неприступных кручах горной Монголии бритоголовые жрецы Эрлика.

Яр Али-хан недовольно фыркнул, считая себя обойденным судьбой. Еще бы: он не слышал раньше этих труб, и к тому же саиб не стал даже спрашивать его мнение по этому поводу. Яр Али-хан вообще предельно ревниво, как любимая борзая из своры, следил за всеми проявлениями внимания Гордона. Пришпорив лошадь, он обогнал Лала Сингха, чтобы оказаться рядом с другом-хозяином, когда тропа сузится настолько, что ехать придется колонной по одному. Радостно оскалившись и показав язык сикху, который давно привык к этим, почти детским, проявлениям тщеславия и обиды, афридиец обратился к человеку, внимание которого так много для него значило:

— Раз уж нас занесло в эту глухомань, населенную демонами, куда нас завели коварные воины

Кхора, которые непременно вернутся за нами ночью, чтобы перерезать нам глотки, хотел бы я знать: какого черта нам здесь нужно и что именно ты намерен делать в самое ближайшее время?!

Эта тирада больше всего напоминала недовольное ворчание старой собаки, осмелившейся зарычать на хозяина по вполне уважительной причине: когда тот чересчур ласково потрепал по холке друтого пса. Гордон наклонил голову и закашлялся, чтобы скрыть улыбку.

— Скоро остановимся на ночлег, прямо в каньоне, — сказал он, отвечая на последний вопрос афридийца. — Лошади устали, да и вообще нет смысла продолжать путь в темноте, рискуя свернуть себе шею. А завтра с рассветом осмотримся здесь, выясним, что тут к чему. Я уверен, что тот монгол был одним из так называемых Избранных. Двигался он наверняка пешком. Будь он верхом, он ни за что не упал бы, разве что вместе с сорвавшейся лошастью. Гильзайцы лошадь не нашли, а наткнулись только на мертвого человека. Если же он шел пешком — значит, шел не издалека. Где-то рядом должен быть или лагерь, или какое-то их стойбище. Ни один монгол по доброй воле не пройдет и ста футов, предпочтя проехать это расстояние верхом, это точно.

Чем больше я над всем этим размышляю, тем больше мне кажется, что у Избранных есть какая-то база в этих местах, скорее всего там, за хребтом, к которому ведет это ущелье. Место для тайного опорного пункта, сами понимаете, лучше не придумаешь. Горы в этих краях заселены, прямо скажем, неплотно. Кхор — ближайшее отсюда поселение, а до него, как мы могли сами убедиться, целый день быстрой скачки. Кочевые племена стараются держаться подальше отсюда, побаиваясь воинов Бабер-

хана, а сами они слишком суеверны, чтобы соваться в глубь ущелья. Избранные, прячась где-то там, в горах, могут годами приходить оттуда и уходить обратно никем не замеченными. Много веков назад дорога, по которой мы сегодня проехали, была частью большого караванного пути. Она и по сей день вполне сносно сохранилась. А то, что она проходит в стороне от обжитых мест, — так для тайного общества это еще и лучше. Двигаясь по ней от самых границ Запретной страны, человек может оказаться в одном дневном переходе от Кабула практически без риска быть замеченным. Я даже припоминаю, что видел эту дорогу на древних пергаментных картах.

Если говоришь честно, то я не совсем четко представляю себе, чем мы завтра будем заниматься. Скорее всего, в основном слушать, смотреть и ждать дальнейшего развития событий. Действовать будем по обстановке. Наша судьба, наши жизни — всецело в руках Аллаха, — закончил Гордон без всякой иронии в голосе.

— И не говори, саиб. О Аллах! Он все видит, на все его воля, — закивал Яр Али-хан, выразительно проводя по горлу ребром ладони.

Двигаясь в глубь каньона, путники выяснили, что тропа уводит их в узкое ущелье, примыкающее к каньону с юга. Южная стена каньона поднималась выше северной и была гораздо круче. Порой она поднималась практически отвесным черным обрывом скальных монолитов, разорванных тут и там узкими разломами ущелий. Проехав по тропе до первого поворота в ущелье, Гордон убедился в том, что дальше следует целая вереница крутых изгибов, а также подъемов и спусков. Узкая теснина извивалась, словно змеиный след, и в этот

поздний час почти ночная темнота уже заполнила ее у самого дна.

— Вот наша завтрашняя дорога,— сказал Гордон молча кивнувшим ему спутникам.

Все вместе они вернулись в основной каньон, где еще можно было кое-что разглядеть в последнем свете уходящего дня. В сумерках окружающая тишина ощущалась еще более полной, и цокот подков, казалось, раздирает окружающий мир на части, оглушая горы и ущелья.

В нескольких сотнях футов к западу от ущелья, в которое уходила тропа, в стене каньона зиял другой провал — еще более узкий, с неровным, покрытым острыми камнями дном, без каких бы то ни было следов тропинки. Этот разлом сужался так быстро, что Гордон склонялся к мысли о том, что он заканчивается тупиком, причем совсем недалеко от устья.

Примерно на полпути между этими двумя ущельями, ближе к северной стене каньона, из-под скалы бил слабый ключ, вода которого стекала в небольшое озерцо, образовавшееся под действием течения в скальном грунте. По соседству, в полукруглой нише стены, тут и там росли пучки жесткой травы. Здесь-то путники и стреножили на ночь усталых лошадей, отпустив их пастись. Сами они разбили лагерь у самой воды и поели холодных консервов, не рискуя разжигать костер, чтобы не выдать себя нежеланным соглядатаям. Впрочем, все четверо отдавали себе отчет в том, что невидимые стражи уже вполне могли заметить их продвижение по дну заповедного каньона. В горах такое всегда возможно. Помня об этом, друзья все же не унывали. Палатки были оставлены в Кхоре, но расстеленные на земле одеяла, в которые можно уку-

таться, когда похолодает, вполне устраивали в походном ночлеге не избалованного комфортом Гордона и его спутников.

Позиция, выбранная американцем, выглядела во всех отношениях удачной. Помимо воды и замкнутого пространства, где могли пастись лошади, она была хороша тем, что с севера напасть на маленький отряд не представлялось возможным из-за нависавшего над лагерем обрыва. К лошадям подойти можно было, только миновав сам лагерь. Оставалось оградить себя от непрошенных визитеров с юга, востока и запада.

Гордон разделил свой отряд на две смены. Первыми дежурить выпало Лалу Сингху, которому надлежало наблюдать за западным и юго-западным секторами, включая устье узкого разлома, и Ахмадшаху, которому достался восток и юго-восток с устьем широкого ущелья, откуда было наиболее логично ждать опасности. Выбор пал на Ахмадшаха не из-за его силы или ловкости (скорее всего, Лал Сингх превзошел бы его в любом виде единоборства, с оружием или без), а по причине того, что его органы чувств были чуть тоньше и чувствительнее, чем у сикха. Слух, зрение и обоняние дикого сына природы всегда будут превосходить аналогичные чувства цивилизованного человека, как бы долго и напряженно тот их ни тренировал и ни культивировал.

Любой противник — одиночка или целый отряд, —двигающийся с какой бы то ни было стороны, неминуемо вышел бы на одного из этих часовых, в чьей надежности Гордон имел возможность неоднократно убедиться в прошлом. Позже ночью он и Яр Алихан должны были сменить друзей и дежурить до утра, дав тем отдохнуть.

Темнело в каньоне быстро. Темнота почти осязаемыми волнами поднималась по стенам, извивающимися щупальцами выползала из уже почерневших устьев боковых ущелий. Холодные, безучастные ко всему звезды высыпали на небе. Над непрошеными гостями повис черный бархатный купол неба, свод, поддерживаемый острями вершин окрестных хребтов. Засыпая, Гордон думал о том, свидетелями каких титанических событий были эти горы с тех пор, как они поднялись здесь из огненного чрева Земли, и какие неведомые создания бродили по их склонам задолго до того, как здесь появились люди.

* * *

Первобытные инстинкты, дремлющие в обычном, среднем человеке, вновь обостряются до предела, если этот человек ведет жизнь, полную смертельных опасностей и неожиданных поворотов...

Гордон проснулся в тот же миг, как только Яр Али-хан прикоснулся к его плечу, и, еще до того, как афридиец успел произнести хоть слово, Эль Борак уже понял, что над ним и его спутниками нависла смертельная угроза.

Мгновенно встав на одно колено и выхватив из кобуры пистолет, Гордон едва слышно прошептал:

— Что случилось?

Яр Али-хан присел рядом с ним; мощным обломком скалы казались в темноте широченные плечи афридийца, глаза его горели, словно глаза дикой кошки. Тишину ночного каньона нарушали лишь звуки, исходившие от пасущихся лошадей, мерно переступавших от одного кустика жесткой травы к другому.

— Плохо дело, саиб,— одними губами произнес афридиец.— Опасность! Совсем рядом! Саиб, Ахмад-шах убит!

— Что?!

— Он лежит там, на своем посту у входа в ущелье, его горло перерезано от уха до уха. Я спал, и мне приснилось, что к нам подкрадывается смертельная опасность. От ужаса я проснулся. Понимая, что больше не усну, я прокрался к тому месту, где дежурил Ахмад-шах, чтобы сменить его. Подхожу — а он лежит на земле в луже крови. Видимо, он погиб мгновенно и беззвучно. Я никого не видел, ни звука не доносилось из темного, как преисподняя, ущелья.

Тогда я поспешил к южному посту, туда, где должен был дежурить Лал Сингх. Саиб, там никого нет! Честное слово, Аллах свидетель моим словам. Ахмад-шах убит, а Лал Сингх пропал! Демоны гор зарезали одного из них и похитили другого, причем так, что мы ничего не услышали. Мы, которые спим более чутко, чем дикие звери! Из того ущелья, где дежурил Лал Сингх, тоже не доносилось ни единого звука. Я ничего не видел, ничего не слышал, но я чувствую запах смерти. Смерть ходит где-то рядом, подкрадывается к нам, охотится за нами. Она, смерть, похожа на чудовище с горящими угольями вместо глаз, кровь стекает с ее когтистых лап. Чудовище свирепо, кровожадно и голодно... Саиб, ну скажи, какие смертные могли бы разделаться с такими воинами, как Лал Сингх и Ахмад-шах, без единого звука?! Нет, этот каньон — это действительно место, где живут демоны и джинны!

Гордон ничего не ответил; выслушав Яр Али-хана, он лишь напряженно всматривался, вслушивался, даже внюхивался в темноту, одновременно

осознавая случившееся и привыкая к мысли о том, что двух его самых близких друзей теперь с ним нет. Усомниться в словах Яр Али-хана ему и в голову не приходило — афридийцу он доверял как собственным глазам и ушам. То, что афридиец ушел на пост, не разбудив его, тоже не удивило Гордона. Яр Али-хан был из тех, кто под покровом ночи, без оружия, проникал сквозь все кольца охраны полковых лагерей и похищал у спящих английских солдат их винтовки прямо из палаток, не разбудив при этом ни одного человека. Но то, что Ахмад-шах погиб, а Лал Сингх попал в плен без единого звука, — это казалось невероятным и действительно пахло какой-то чертовщиной.

— Саиб, с дьяволами сражаться бесполезно. Садимся на лошадей и уносим отсюда ноги...

— Тихо!.. Слышишь?

Где-то неподалеку послышался звук шагов босой ноги по каменистой земле. Гордон встал, напряженно вглядываясь в темноту. Наконец ему удалось разглядеть несколько теней, едва различимых на черном фоне. Отделившись от скал, тени скользнули вперед... Гордон вынул из-за пояса одолженный в Кхоре палаши и убрал в кобуру пистолет. Лал Сингх был в плену у этих неизвестных и мог оказаться на линии огня. Яр Али-хан тоже приготовился к бою, сжав в руке длинную хайберскую саблю. Больше всего он напоминал сейчас готового к последней схватке волка, беззаветно следующего за своим вожаком. По его личному мнению, простому смертному не было смысла ввязываться в бой с чертями и демонами, но если такова была воля Эль Борака — он был готов сразиться хоть с самим шайтаном.

Чуть видная шеренга теней стала вытягиваться, обходя лагерь с флангов. Гордон и Яр Али-хан ото-

шли на несколько шагов назад, чтобы прикрыться со спины каменной стеной каньона и не попасть в окружение.

Атака началась резко, стремительно и, как ни готовились к ней Гордон и Али-хан, все равно неожиданно. Американец видел в темноте не хуже кошки; афридиец же и вовсе ориентировался ночью так, как это дано только тому, кто был рожден, вскормлен и сформирован как воин в горах с их черными, словно смола, ночами. Несмотря на это, обоим друзьям поначалу пришлось ориентироваться в основном на слух — по звуку стремительно приближающихся шагов. Лишь в последние мгновения перед столкновением они успели разглядеть какие-то детали силуэтов нападавших и блеск вороненого оружия в их руках. Завязался бой, в котором удары наносились по велению чутья и инстинкта, лишь в какой-то мере опиравшихся на зрение и слух.

Видимо, нападавшие и сами не очень хорошо видели, где находятся их предполагаемые жертвы. Во всяком случае, первого из них Гордон убил, нанеся из темноты совершенно неожиданный для противника удар палашиком. Воодушевленный тем, что нападавшие оказались-таки людьми из плоти и крови, а не бессмертными демонами, Яр Али-хан словно взорвался в приступе боевой ярости. Словно багряный возвышался афридиец над невысокими, плотно сложенными, почти квадратными противниками. Его длинные руки и длинный клинок его сабли, превосходящий длину оружия противника, позволяли Яр Али-хану держать врагов вне зоны поражения и при этом самому наносить опасные удары. Стоя бок о бок, спинами к скале, обороняющиеся были защищены от опасного нападения с

тыла и с флангов. Сталь со звоном ударялась о сталь, высекая голубые искры, которые на краткий миг выхватывали из темноты дикие, заросшие бородами лица. Началась тяжелая, абсолютно не романтическая работа — как на бойне, где остро отточенное лезвие впирается в плоть и кость и живые существа превращаются в мертвецов под хрипы, стоны и бульканье крови, фонтаном бьющей из рассеченной яремной вены... Несколько долгих и одновременно стремительно летящих секунд этот клубок тел крутился и извивался у подножия скалы. Все развивалось слишком быстро, отчаянно и при слишком плохой видимости, чтобы можно было говорить о каком-либо продуманном плане действий. Преимущество же оказалось на стороне обороняющихся: видели и ориентировались в темноте они не хуже нападавших, чисто физически каждый из них превосходил по силе, ловкости и боевому опыту любого из противников, а кроме того, они знали, что, нанося удар, они поражают лишь неприятеля. Численное превосходство нападавших сыграло с ними злую шутку: в темноте, в пылу боя было немудрено шальным ударом зацепить кого-нибудь из своих. Действуя скученно, в узком секторе, атакующие были вынуждены смирять свой порыв и следить за тем, чтобы не нанести удар по своим же товарищам.

Уворачиваясь от очередного удара, Гордон ткнул палашем в нападавшего и вдруг осознал, что уже третий его выпад оказывается безрезультатным. Палаш время от времени натывался на непреодолимое препятствие. Кольчуги, понял американец. Эти люди были одеты в кольчужные рубахи! Бессильные против пули или тяжелого холодного оружия типа двуручного меча или боевого топора, они были

вполне эффективной защитой в ближнем бою с противником, вооруженным кинжалом или саблей. Учитывая это, Гордон стал стремиться наносить удары по не защищенным сталью частям тела противников. Он целился в голову, шею, руки и ноги. Результат не заставил себя ждать. Противники стали падать и, раненные, отползать либо, убитые, оставались лежать на месте.

Атака прекратилась так же неожиданно, как и началась. Действуя одновременно, по какому-то условному сигналу, нападающие вдруг отступили и стремительно скрылись в поглотившей их темноте. Однако темнота уже не была такой крошечной — восточная сторона скал вспыхнула серебристым пламенем, знаменующим собой восход луны.

Издав боевой клич, похожий на волчий вой, Яр Али-хан бросился в погоню. Задержавшись на миг, он нанес удар по лежащему на земле человеку, лишь затем догадавшись, что тот к тому времени был уже мертв. Этого мгновения Гордону хватило на то, чтобы догнать афридийца и схватить его за руку. Американцу пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать друга, бешено рвущегося вперед, словно заарканенный бык.

— Стой! Остановись же ты, идиот! Хочешь попасть в западню? Пусть уходят!

Вняв голосу разума, афридиец поумерил свой пыл, и уже вдвоем с Гордоном они осторожно, оглядываясь и прислушиваясь, направились к устью восточного ущелья, куда скрылись отступившие. У входа в ущелье преследователи остановились, вглядываясь в крошечную темноту теснины. Где-то впереди слышался звук срывающихся из-под ног и скатывающихся по склону камешков. Боевой дух никак не выветривался из головы Яр Али-хана.

— Саиб, эти трусливые псы бегут не останавливаясь, утекают без оглядки! — прохрипел он. — Может быть, рванем за ними? Научим их уму-разуму!

Гордон покачал головой, своей уверенностью заставляя друга смирить свой порыв. Соваться в темноте в узкое незнакомое ущелье, где засады и ловушки могли подстергивать их на каждом шагу, было чистой воды безрассудством, безумием. Им пришлось вернуться в лагерь и успокоить перепуганных звуками боя и растревоженных запахом свежей крови лошадей.

— Как только луна поднимется из-за гор и осветит дно каньона, они перестреляют нас из глубины ущелья, — мрачно пророчествовал Яр Али-хан.

— Остается рассчитывать на удачу, — в тон ему столь же мрачным голосом отшутился Гордон. — Авось повезет, и они покажутся плохими стрелками.

Вынув из кармана походный фонарик, Гордон осмотрел четырех мертвецов, оставленных на поле боя нападавшими. Узкий луч света переходил с одного бородатого лица на другое, и Яр Али-хан, заглядывая Гордону через плечо, чертыхался и комментировал:

— Поклоняющиеся дьяволу! Аллах свидетель — это слуги шайтана! Племя езидов. Дети Мелека Тауса!

— Немудрено, что они сумели подкрасться к нам в темноте так незаметно, — проворчал Гордон, которому было хорошо известно, какими тайными силами и навыками обладают последователи этого древнего зловещего культа, поклоняющиеся Бронзовому Павлину, обитающему, согласно легенде, на горе Проклятого Лалеша.

Яр Али-хан начертил в воздухе знак, который, по вере его племени, должен был убереечь его от

гнева чертей, непременно кружащих сейчас у места, где погибли их почитатели.

— Пошли отсюда, саиб. Негоже тебе копаться в этой падали. Да и неудивительно, что они бесшумно подкрадываются в темноте, а затем разят или похищают людей. Это дети ночи, из нее они приходят, в нее же уходят, и их черная стихия-мать дает им дьявольское коварство и силу.

— Вот только как их сюда занесло? — негромко спросил Гордон, разумеется не ожидая от Яр Али-хана конкретного ответа. — Их родина — Сирия, предгорья горы Лалеш. Это последний бастион их религии, гонимой в равной степени мусульманами и христианами... Монгол из Гоби и дьяволиты из Сирии — странное совпадение, не правда ли? А может быть, все-таки здесь есть какая-то связь?

Он потянулся к грязному засаленному халату ближайшего мертвеца и тут же выслушал лавину возражений, обрушенных на него Яр Али-ханом.

— Эта плоть проклята! — завопил афридиец, который и сам-то сейчас больше всего напоминал истеричное, но грозное привидение: с окровавленной саблей в руке и кровью, стекающей на бороду из разбитой губы. — Не подобает такому почтенному саибу осквернять себя прикосновением к этой падали. И вообще, не стоит к ней прикасаться. Но уж если это необходимо, то пусть это сделаю я, а не...

— Да заткнись ты! — оборвал его Гордон. — Смотри-ка: я так и думал! Ну и дела...

Луч фонарика вырвал из темноты кусок льняной ткани; на убитом была надета тонкая нательная рубашка, и на этой ткани, словно алое пятно свежeproлитой крови, красовалась вышитая шелком эмблема — да, рука, сжимающая кинжал с тремя клинками.

— О Аллах! — застонал Али-хан.

Призвав этим возгласом Аллаха себе в помощь, он презрел свои страхи и суеверия и поспешно расстегнул халаты остальных трех трупов. На нательном белье каждого обнаружилась та же эмблема — тот же алый кулак сжимал все то же диковинное оружие с тремя клинками.

— Саиб, а монголы — мусульмане? — спросил вдруг афридиец.

— Да, многие из них поклоняются пророку Магомету. Но тот человек, труп которого мы видели у Бабер-хана, не исповедовал ислам. Ты обратил внимание на его зубы? Клыки у него сточены до треугольной формы, чтобы быть похожими на клыки хищного зверя. Так делают почитатели Эрлика, Желтого бога смерти, в основном, конечно, жрецы. Кстати, каннибализм входит составной частью во многие их ритуалы.

— Убийца турецкого султана был курдом, — пробормотал Яр Али-хан. — Некоторые из них тоже поклоняются дьяволу. — Втайне, конечно. Они называют его Мелек-Таусом. Но персидского шаха убил араб, а в вице-короля выстрелил мусульманин из делийской общины. Что общего может быть у правоверных мусульман с монголами и поклоняющимися дьяволу езидами?

— Вот именно это мы с тобой и должны выяснить, — ответил Гордон, выключая фонарик.

Лунный свет все сильнее заливал каньон, все отчетливее обретали форму скалы, камни и обрывы стены. Друзьям пришлось спрятать лошадей в густой тени нависшей скалы и самим спрятаться за валунами, чтобы не попасть на мушку противнику.

Время тянулось нестерпимо долго; из ущелья не доносилось ни звука. Нервы Яр Али-хана были

напряжены до предела. Не выдержав, он вскочил на ноги, проворно взобрался на ближайший высокий камень и встал в полный рост в лунном свете — отличная мишень для любого стрелка на другой стороне каньона. Но выстрела так и не последовало.

— Что будем делать теперь? — спросил Гордона афридиец.

Американец показал пальцем на темные пятнышки, тут и там видневшиеся в серебристом свете на каменной земле.

— Они оставили за собой след, по которому и ребенку не составило бы труда выследить их.

Не говоря ни слова, Яр Али-хан убрал саблю в ножны и извлек из седельного вьюка винтовку. Гордон вооружился подобным же образом, а кроме того, прицепил к поясу моток прочной веревки с острым железным крюком на одном конце. В своих путешествиях по горным краям ему не раз и не два приходилось убедиться в чрезвычайной полезности этого простого и не занимающего много места снаряжения. Луна поднялась совсем высоко, осветив даже узкую серебристую дорожку по дну бокового ущелья. Яр Али-хану и Гордону было вполне достаточно такого освещения.

Они шли по дну ущелья, пробираясь меж камней, держа в руках винтовки. Разумеется, оба отдавали себе отчет в том, что являются легкими мишенями для любого стрелка, притаившегося в засаде где-нибудь впереди по ходу ущелья или чуть выше на склоне. При всем этом оба смельчака были готовы рискнуть, использовать тот шанс, что может подарить судьба или военная удача, а именно — промах первого выстрела противника, после которого можно будет упасть, перекатиться по земле и

спрятаться в тени ближайшего камня. А там — будь что будет... Но выстрела все не было и не было, как не было видно и оторвавшихся от преследователей беглецов, хорошо знавших местность и не боявшихся засады. Капли крови — ориентир для догоняющих — частым пунктиром отмечали путь отряда езидов, несомненно уходивших от погони с несколькими серьезно ранеными товарищами.

Гордон вспомнил об Ахмад-шахе, оставшемся лежать под открытым небом — ни земля, ни даже плащ-палатка пока что не покрыли его тело. Но времени на заботу о мертвом не было ни секунды: Ахмад-шаху уже не помочь, а вот Лал Сингх оказался в плену у людей, которым неведомы пощада и жалость. Тело Ахмад-шаха можно будет предать земле потом, а сейчас главная задача — выцарапать Лала Сингха из лап езидов, прежде чем они убьют его, если, конечно, они уже этого не сделали.

Взведя курки винтовок, американец и афридиец уходили все дальше вверх по ущелью. Они вышли в погоню пешком, ибо и нападавшие, похоже, тоже были пешими, если, конечно, их лошади не были оставлены где-нибудь в глубине ущелья. Впрочем, это казалось маловероятным: пока что дно ущелья было настолько неровным и каменистым, что всадник здесь абсолютно лишился бы своего преимущества в скорости и маневренности и, наоборот, стал бы легкой добычей для пешего воина.

Каждую секунду Гордон и Яр Али-хан ждали засады, но все было по-прежнему тихо, и, ориентируясь по цепочке капель крови, они уверенно шли вперед. Кровавый пунктир стал более редким, но тем не менее позволял достаточно уверенно держать след, не тратя времени на дополнительные поиски.

Гордон прибавил шаг, рассчитывая вскоре догнать езидов, которые, как теперь стало ясно, просто-напросто убегали с поля боя. Езиды поначалу намного опередили преследователей, но нельзя было не учитывать, что среди них был раненый, а то и несколько раненых, а кроме того, они тащили за собой или на себе пленного, который, разумеется, не был заинтересован в том, чтобы облегчить их бегство. Прикинув все это в уме, Гордон предположил, что они с Яр Али-ханом должны были вот-вот нагнать отступающих. Он верил, что сикх все еще жив, потому что мертвого тела ему не попадалось, а если бы езиды убили пленного, то прятать труп у них не было никакой необходимости.

Ущелье плавно извивалось, становясь то уже, то шире, то поднимаясь вверх, то снова глубоко проваливаясь в толщу горы. Затем оно сделало резкий поворот и неожиданно кончилось, открывшись устьем в другой каньон, всего в несколько сот футов шириной, шедший с востока на запад. Цепочка кровавых капель пересекала этот каньон перпендикулярно его стенам, подходила вплотную к южному обрыву, а там исчезала.

Яр Али-хан буркнул:

— Похоже, эти трусливые псы гильзайцы были кое в чем правы: тропа упирается в стену, которую может преодолеть только птица или... сам знаешь кто.

Гордон ошарашенно смотрел на скальную стену. От тропы, которая вела их по первому каньону, не осталось и следа. Но то, что езиды пришли по этому ущелью, именно отсюда, — в этом он был абсолютно уверен. Сюда же эти дьяволопоклонники и ушли. И вот теперь та цепочка капель крови, по которой Гордону удалось их выследить, обрывалась у отвес-

ной стены, словно тот, кто был ранен, вдруг взял да и растворился в воздухе.

Гордон внимательно обшарил взглядом гладкую скалу, уходившую ввысь на сотни футов. Прямо над ним на высоте примерно пятнадцати футов виднелся небольшой карниз — почти горизонтальный выступ футов десяти—пятнадцати в длину и каких-то нескольких футов в ширину. На первый взгляд этот кусок скалы не давал никакого ключа к разгадке. Но, присмотревшись повнимательнее, Гордон увидел на стене обрыва — примерно на половине высоты до карниза — темное пятнышко: каплю крови.

Решив неуклонно идти по этому следу, американец отцепил от пояса веревку, раскрутил ее над головой и резким движением бросил вверх тот конец, на котором был закреплен крюк. Зацепившись за край карниза, крюк намертво впился в камень. Подергав веревку, чтобы проверить, насколько надежна ее фиксация, Гордон ловко полез по ней вверх — быстрее и сноровистей, чем обычный человек влез бы по веревочной лестнице. В жизни Гордону довелось немало попутешествовать по морю, и он никогда не упускал возможности попрактиковаться в лазании по канатам и мачтам в любую качку при любой погоде и любом ветре.

Поднимаясь мимо пятна на стене, он удостоверился в том, что это действительно кровь. Раненый человек, поднимаемый на веревках или карабкающийся по веревочной лестнице, оставил бы именно такой след, прикоснувшись к стене.

Яр Али-хан, оставшись внизу, не сводил глаз с карниза, куда был направлен ствол его винтовки, и, медленно переступая с ноги на ногу, старался занять наиболее выгодную для прицеливания позицию. Одновременно он не переставал критиковать

безрассудный поступок друга и параллельно — звать к его благоразумию. Мрачное воображение афридийца уже населило карниз затаившимися и не видимыми снизу головорезами, но, когда Гордон все же забрался на выступ, обнаружилось, что там никого нет.

Первое, что бросилось в глаза американцу, когда он перевалился через кромку карниза, — это мощное железное кольцо, накрепко вделанное в каменную стену в таком месте, где оно никоим образом не могло быть замечено снизу. Кольцо было натерто до блеска — судя по всему, им часто пользовались, скорее всего привязывая к нему веревочные петли. У самого края карниза Гордон обнаружил целую лужицу крови — видимо, раненый отдыхал здесь после утомительного отступления и подъема.

Много кровавых пятен устилало карниз, пересекая его по диагонали и подходя к самой стене, которая в этом месте была сильно изъедена ветрами и непогодой и покрыта целым веером трещин. В одном месте Гордон с интересом обнаружил отпечаток окровавленной ладони на вертикальном участке стены. Не обращая внимания на доносившиеся снизу причитания и комментарии Яр Али-хана, он молча разглядывал этот отпечаток, а затем, повинуясь какому-то интуитивному порыву, приложил к нему свою руку и основательно надавил на камень... Произошло то, что он уже смутно предчувствовал: часть стены, поддавшись его давлению, мягко отодвинулась куда-то внутрь скалы и чуть-чуть в сторону, открыв вход в узкий туннель, слабо освещаемый луной с другого конца.

Осторожно, словно подкрадывающаяся к добыче пантера, Гордон шагнул внутрь туннеля. Снизу тотчас же донесся удивленный возглас Али-хана. С

той точки, где находился афридиец, ему показалось, что Эль Борак просто-напросто растворился в толще скалы. На миг высунув из туннеля голову и плечи, Гордон жестом призвал своего пораженного спутника к молчанию, а затем вновь вернулся к осмотру туннеля.

Туннель не был очень длинным — лунный свет проникал в него с обеих сторон. С дальнего конца коридор, пробитый в толще скалы, переходил в узкую природную трещину, из которой была видна полоска неба над головой. Сама трещина уходила прямо примерно на сотню футов, а потом резко сворачивала вправо, не давая ни малейшей возможности увидеть то, что могло скрываться за поворотом.

Дверь, через которую Гордон попал в туннель, представляла собой плоский кусок камня неправильной формы, закрепленный на массивных, хорошо смазанных металлических петлях. Он был идеально точно подогнан под отверстие, а его неправильные контуры вполне надежно маскировали грани под трещины в скале, образовавшиеся естественным путем под действием эрозии.

Рядом с дверью на небольшом уступе стены туннеля лежала аккуратно сложенная лестница из сыромятной кожи. Вернувшись с нею на карниз, Гордон смотал свою веревку, а затем прикрепил петли лестницы к кольцу в стене и спустил ее вниз. Яр Али-хан, сгорая от стремления вновь оказаться рядом с другом, мгновенно влез по ней на карниз.

Афридийцу оставалось только восхищенно выругаться, когда он увидел наконец ключ к тайне исчезающей у обрыва тропы. Неожиданно тревожная мысль закралась в его голову:

— А почему эта дверь не заперта изнутри, саиб? — озабоченно спросил он.

— Я полагаю, что этим лазом пользуются достаточно часто, проходя через него как в одну, так и в другую сторону. Те, кто подходит к двери снаружи, как подошли мы, могут возвращаться в спешке. У них просто может не быть времени на то, чтобы докричаться до тех, кто находится на другой стороне, чтобы им открыли дверь. В таком хорошо спрятанном месте важнее всего скрытно воспользоваться им, не поднимая лишнего шума и не задерживаясь ни на секунду. Шансы того, что дверь будет обнаружена, как видишь, практически ничтожны. Даже забравшись на карниз, я едва ли догадался бы о ее существовании, если бы не отпечаток ладони. Да и то, нажми я на нее чуть слабее, и она не открыла бы мне своей тайны.

Яр Али-хан сгорал от нетерпения, желая немедленно ринуться вперед по узкому проходу в скале, но Гордон остановил его. Американец пока не видел и не слышал ничего, свидетельствующего о наличии часового, но интуиция подсказывала ему, что люди, так основательно продумавшие маскировку входа на свою территорию, вряд ли оставили бы туннель без охраны, как бы мала ни была вероятность того, что потайная дверь будет обнаружена.

Гордон скрутил лестницу и положил ее на место, а затем закрыл за собой дверь, отсекая лунный свет, падавший со стороны каньона. Ближний конец туннеля погрузился во мрак. Американец шепотом приказал своему напарнику затаиться и ждать. Афридийцу ничего не оставалось делать, как, тихо ругаясь себе под нос, выполнить распоряжение Эль Борака, который умел настоять на своем. В данном случае Гордон был уверен, что от одного разведчика в этом узком коридоре будет никак не меньше пользы, чем от двоих. Итак, Яр Али-хан занял пози-

цию за выступом в стене туннеля и взял винтовку наперевес, а Гордон скользнул вперед — сначала по туннелю, а затем по дну узкой трещины в гигантской скале.

Как бы ни был узок и глубок этот разлом, какая-то часть лунного света все же проникала к его дну, отражаясь от каменных стен. Гордону, с его кошачьим зрением, вполне хватало этого освещения.

Не успел он добраться до угла, как звук шагов предупредил его о приближении к повороту какого-то человека. Гордон едва успел прильнуть к стене, распахнувшись вдоль нее и чуть присев, чтобы не быть замеченным сразу, как из-за угла появился часовой. Стражник шел ленивой походкой человека, выполняющего рутинную, привычную работу, уверенного в ее формальности и в непреступности доверенного ему поста. Как все монголы, он был крепко сложен и кривоног, на его квадратном, медного цвета лице зловеще сверкали глаза и выделялась темная полоска похожего на старый тонкий шрам рта. В общем, такой «красавец» немногим отличался от демонов, какими их описывают легенды горных племен. Он шел, переваливаясь на кривых кавалерийских ногах, держа в руках тяжеленное ружье.

Он как раз поравнялся с притаившимся Гордоном, когда какой-то неосознанный инстинкт подал ему сигнал опасности. Круто повернувшись, он оскалился в гримасе ненависти и резким движением дернул вверх опущенный до того ствол оружия. Но едва лишь часовой стал разворачиваться, Гордон уже бросился ему навстречу, словно резко отпущенная стальная пружина, и, прежде чем ствол ружья поднялся на нужную высоту, палаш американца уже успел взмыть в воздух и обрушиться вниз. Монгол рухнул на пол, как заколо-

тый бык; череп его был рассечен мощным ударом от макушки до челюсти.

Гордон замер на месте, напряженно прислушиваясь. Судя по ничем не нарушаемой тишине, никто не услышал шума короткой схватки. Подождав еще немного, американец условным свистом позвал Яр Али-хана, который не замедлил примчаться бесшумными прыжками — возбужденный, готовый в любую секунду вступить в бой.

Увидев мертвого монгола, он сплюнул и сказал:

— Так, еще один почитатель Эрлика. И только тот, кому они поклоняются, знает, сколько еще этих уродов шляется по этим катакомбам. Надо перетащить его туда, где я прятался.

— Согласен, — кивнул Гордон, — труп лучше убирать с дороги. Кто знает, может быть, кто-нибудь и слышал, что здесь произошло. В любом случае лучше подстраховаться.

Впрочем, в глубине души Гордон почему-то был уверен, что часовой на этом посту, существующем лишь для проформы, будет всего один. Так и оказалось. По крайней мере, они с афридийцем беспрепятственно прошли за поворот, затем свернули, двигаясь по трещине, еще несколько раз и оказались на сравнительно открытом месте. Эта территория представляла собой хаотическое нагромождение камней и скал самых разных форм и размеров. Словно речная дельта, ущелье, по которому они пришли, разделилось здесь на полдюжины рукавов, обтекавших утесы, валуны и скальные нагромождения, напоминавшие острова в этой сухой каменной реке. Гигантские обелиски и башни возвышались тут и там над общим уровнем скал словно джинны-часовые, замершие в почетном карауле под звездным небом.

Пробираясь между этими молчаливыми часовыми, Гордон и Яр Али-хан вышли на сравнительно ровную, открытую площадку шириной не меньше трехсот футов, упирающуюся в отвесную стену очередного скального массива. Тропа, по которой они прошли и на которой множество ног выбило в камне желобки, петляя и вгрызаясь в камень ступенями, взбиралась на самый верх гигантского каменного монолита. Что скрывалось там, на его плоской вершине, снизу не было видно.

— Ну и что будем делать дальше, саиб?

В лунном свете афридиец походил на подземного гоблина, не успевшего вернуться в родную пещеру к рассвету и теперь ожидающего каждую секунду равносильного смерти превращения в камень. Из оцепенения его вывел голос Гордона.

— Я думаю, что мы уже почти у цели, — сказал американец. — Слышишь?

И над горами вновь, как и накануне, только теперь гораздо ближе, прокатился чудовищный рев гигантской трубы, который в племени гильзай считали голосом джинна.

— Неужели нас заметили? — удивился Яр Али-хан, сжимая ствол винтовки.

— На все воля Аллаха. Но пока мы живы и свободны, нужно действовать. Идти прямо по тропе и подниматься по этой лестнице, не зная, что находится на вершине горы, слишком рискованно. Поэтому я предлагаю забраться на одну из высоких скал, из тех, что мы сейчас миновали. Посмотрим оттуда и разберемся, что делать дальше.

Выбор пал на искрошенную, изрезанную эрозией вершину ближайшей скальной гряды, по которой мог бы забраться даже ребенок — разумеется, рожденный и живущий в горах. Гордон и Яр Али-

хан поднимались по склону легко и быстро — почти как по лестнице, держась противоположной по отношению к таинственному монолиту стороны. Оказавшись на вершине, они залегли за двумя каменными выступами и стали смотреть вниз, туда, где в первых лучах рассвета начал вырисовываться верхний край интересующей их горы.

— О Аллах! — непроизвольно вырвалось у Яр Али-хана, когда он осознал, что открылось его глазам.

С этой удачной позиции они увидели, что каменный монолит действительно представляет собой огромное скальное образование, вертикально поднимающее свои стены над уровнем окружающего его ровного пространства. Чем-то этот каменный остров напомнил Гордону пейзажи его родного Юго-Запада Америки. Отвесные стены скалы поднимались в высоту на четыреста—пятьсот футов и казались абсолютно неприступными, если не считать уже виденной Гордоном и его спутником вгрызшейся в камень лестницы-тропы. С востока, севера и запада этот огромный монолит с плоской верхней гранью был отделен от окружавших его хребтов плоскодонным каньоном шириной от трехсот ярдов до полумили. С юга плато примыкало к гигантской горе, чей заостренный пик был самой высокой точкой обозримой местности.

Впрочем, всем этим геолого-географическим деталям двое наблюдателей уделили лишь ничтожную часть своего внимания, механически восприняв, проанализировав эту информацию и отложив ее в памяти. Другое явление, иного, не природного происхождения, полностью приковало их к себе.

Ничего подобного Гордон не ожидал здесь увидеть. Нет, разумеется, он предполагал обнаружить в этих местах какое-то секретное место встречи та-

инственных убийц. Например, полевой лагерь — несколько больших палаток и дюжину-другую маленьких палаток, вполне вероятно — пещерное поселение, наконец, самое большое — деревушку из глинобитных хижин и загонов для лошадей. Но то, что открылось его глазам, превосходило все самые смелые предположения: на ровном, как стол, плато, возвышался город! Да, целый город, чьи купола, шпили и башни сверкали сейчас в лучах восходящего солнца, словно какой-то великий колдун по мановению руки перенес его сюда, в это пустынное безлюдное место из далекой волшебной страны.

— Город джиннов! — выпалил Яр Али-хан, вновь возвращаясь к едва подавленным в душе представлениям об истинной природе противника. — Да защитит меня Аллах от злой воли трижды проклятого шайтана!

Палыцы афридийца сплелись в охранительном жесте, которым его племя пользовалось еще задолго до того, как пророк Магомет дал Востоку новую веру.

В плане плато походило на неправильной формы овал — мили полторы в длину, с юга на север, и чуть меньше мили в ширину, с востока на запад. Город находился на южной оконечности, прижимаясь к возвышающейся за ним горе. Над ровными черепичными крышами жилого квартала, над невысокими, но пышными деревьями во дворах доминировало огромное строение — что-то вроде замка-дворца, главный купол которого, покрытый золотом, сейчас отливал пурпурным пламенем, освещенный лучами восходящего солнца.

— Колдовские чары и черная магия! — убежденно сообщил Яр Али-хан, выглядевший изрядно подавленным этим зрелищем.

Гордон ничего не ответил, но и его кельтская кровь мгновенно отреагировала на появление тако-

го видения. Город, против ожидания, не контрастировал с мрачной и зловещей панорамой окружающих его гор и каньонов. Наоборот, казалось, что он, несмотря на обилие зелени, впитал в себя все самое мрачное и грозное из образа окрестной пустыни. Даже блеск дворцового купола представлялся каким-то зловещим предостерегающим пламенем. Черные скалы, древние, как мир, были подходящим фоном для этой декорации. В общем, это был город демонической тайны, поднявшийся посреди пустыни одной лишь недоброй, дьявольской волей и одушевленный столь же недоброй, несущей зло и смерть жизнью.

— Наверное, это и есть тайная цитадель Избранных, — сказал Гордон. — Я, признаться, предполагал, что в наше время их штаб-квартира рано или поздно будет обнаружена где-нибудь в трущобном квартале крупного города, например Дели или Бомбея. Но обустроить свою базу здесь — это адская работа, которая будет стократно вознаграждена. Место самое что ни на есть выгодное. Отсюда можно наносить удары по всем столицам Западной Азии и одновременно иметь сравнительно недалеко абсолютную засекреченную базу — место для отдыха, подготовки и тренировок. Ну кому придет в голову искать целый город здесь — в местах, считающихся необитаемыми уже много столетий?

— От того, что мы его нашли, нам не легче, — буркнул Яр Али-хан. — Не думаю, что мы с тобой, действуя вдвоем, сумеем справиться с целым городом, будь он заселен демонами или людьми.

Гордон молча обозревал раскинувшееся перед ним плато. Оправившись от шока, он пришел к выводу, что сам по себе город вовсе не так велик, как это показалось при первом взгляде на него. Планировка его была достаточно компактной, несмотря

на то что никакие стены не ограничивали его роста вширь. Либо у его жителей еще не дошли руки до строительства крепости, либо они совершенно обоснованно считали, что город и так находится под защитой созданных самой природой стен, башен и бастионов неприступной цитадели. Дома, в основном двух- и трехэтажные, стояли в окружении густых садов, что изрядно удивило наблюдателей: по крайней мере, с их точки зрения, плато казалось единым каменным монолитом без какого бы то ни было источника воды.

После долгих раздумий Гордон принял решение и обратился к Яр Али-хану, давая ему подробные инструкции и распоряжения:

— Али, отправляйся немедленно назад, в наш лагерь в каньоне, который гильзайцы называют Ущельем Призраков. Садись на лошадь и скачи в Кхор. Расскажи Бабер-хану все, что здесь видел, все, что с нами произошло, и передай ему, что мне нужны все его бойцы. Проведешь гильзайцев той же дорогой через ущелье и потайную дверь. Затем вы рассредоточитесь в этих скалах и будете ждать от меня сигнала либо... либо известия о том, что я мертв. Тут у нас есть шанс убить одним выстрелом двух зайцев. Если Бабер-хан поможет нам выжечь каленым железом это змеиное гнездо, эмир простит его...

— Да пошел он к шайтану, этот Бабер-хан! Меня больше всего волнует, что будет с тобой!

— Я сам собираюсь пойти к шайтану в гости, — усмехнулся Гордон и пояснил: — Пойду прогуляюсь по этому славному городку, зайду кое к кому в гости...

— О Аллах! — закатил глаза Яр Али-хан, на языке которого вертелись комментарии по поводу помутившегося разума его верного друга Эль Борака.

— Это нужно, Али, — сказал Гордон. — Не забывай про Лала Сингха, которого езицы увели с собой. Его могут убить раньше, чем гильзайцы вернутся. Я попытаюсь вытащить его до того, как начнется штурм города. Если ты отправишься в путь сейчас же, то вскоре после заката уже будешь в Кхоре. Если сумеешь уговорить Бабер-хана не медлить, то вместе с его людьми вернешься сюда к рассвету, ну, может быть, чуть позже. Если я к тому времени буду жив и свободен, то встречу вас здесь. Если нет — решайте с Бабер-ханом, что делать дальше. В любом случае, сейчас самое главное — привести гильзайцев сюда.

У Яр Али-хана немедленно нашлись возражения:

— Бабер-хан не испытывает ко мне никаких теплых чувств. Если я приду к нему один и начну рассказывать про город джиннов, он просто плюнет мне в бороду. Ну, а дальше — сам понимаешь, я буду вынужден убить его, а его псы набросятся на меня всей стаей, и конец мой будет ужасен...

— Ничего он такого не сделает, и ты прекрасно знаешь об этом. Ладно, Али, сейчас не до шуток. Скорее в дорогу!

— Но Бабер-хан не пойдет в эти дьявольские края, не поведет сюда своих людей, тем более — с моих-то слов. Вот если бы его позвал ты...

— Бабер-хан пойдет в ад, если узнает от моего верного друга, что я послал его за ним.

— Его трусливые шакалы не пойдут сюда. В отличие от меня, храброго сына племени африди, эти гильзайцы боятся демонов и всякой прочей нечисти.

— Они сюда примчатся во весь опор, если ты втолкуешь им, что здесь их ждет встреча в бою не с демонами, а с трусливыми и скрытными похитителями женщин, детей и скота, наносящими удары в

темноте, со спины, — в общем, с людьми, населяющими Гулистан.

— А наши лошади? Эти черти наверняка давно уже увели их куда-нибудь в свои пещерные конюшни.

— Не думаю. Никто не уходил из города по тому пути, которым пришли мы. Никто не проходил по нему и вслед за нами. В конце концов, даже если лошади и исчезли, ты вполне доберешься до Кхора и пешком. Это просто займет больше времени.

Дернув себя за бороду, Яр Али-хан наконец набрался духу и выдал главное возражение, из-за которого он не хотел покидать Гордона.

— Эти сукины дети там, в городе, сдерут с тебя шкуру живьем!

— Нет, тут я все продумал. Придется, правда, нагромождать ложь на ложь, но нам это дело привычное, и не такие легенды выдумывали, правда, Али? Я представлюсь беглецом, скрывающимся от гнева переменчивого в своих симпатиях эмира, — этакий изгой в поисках убежища. Весь Восток полнится сказками и выдумками обо мне. Думаю, что здесь вполне могут кивнуть на эту удочку и окажут мне помощь.

Яр Али-хан прекратил спор, поняв всю бесполезность любых возражений. Бормоча себе что-то в бороду, афридиец полез вниз по склону. Некоторое время его тюрбан еще мелькал среди камней, а затем скрылся в лабиринте каменной дельты, нырнув в один из рукавов, ведущих к разлому с тайным туннелем в дальнем его конце.

Дождавшись, когда афридиец скроется из виду и отойдет на безопасное расстояние, Гордон тоже спустился с остроконечной вершины, откуда ему впервые удалось увидеть тайный город, и направился по тропе, ведущей к лестнице, поднимающейся на плато.

Глава третья ЛЮДИ ИСМАИЛА

Гордон ожидал выстрела в любую минуту, хотя, разглядывая кромку плато снизу, он не видел ни единого стражника. Время шло, он все дальше шел по тропе, отмеченной тут и там каплями крови, пересек дно каньона и стал подниматься по круто взбирающейся вверх лестнице, но ни одного человека по-прежнему не было видно. Тропа извивалась по склону бесконечной лентой, то поднимаясь гладкой наклонной

поверхностью, то превращаясь в цепочку ровных, аккуратных ступенек, заботливо огороженная со стороны обрыва невысоким каменным барьером. У Гордона было достаточно времени, чтобы восхищаться инженерной мыслью и рабочим мастерством тех, кто проложил этот путь от подножия скалы к плато. Разумеется, ни одно современное племя, живущее в афганских горах, не смогло бы построить эту лестницу, да и не стало бы браться за такую адскую работу. Да и сами ступени, стесанные стены и барьерчики вовсе не выглядели новыми, построенными недавно. Наоборот, они казались древними, рожденными едва ли не одновременно с самой скалой, в которой были вырезаны.

На последних тридцати футах пути ступеньки вновь сменились гладкой, круто поднимающейся вверх дорожкой, глубоко врезанной в толщу камня. До сих пор никто не окликнул Гордона, не остановил его, и американец беспрепятственно поднялся на плато, оказавшись на небольшой открытой площадке, обозначенной пунктирной линией из больших, в рост человека, камней. За одним из этих валунов, склонившись над какой-то замысловатой игрой, сидели семь человек, резко вскочивших и уставившихся дикими взглядами на неожиданно появившегося перед ними Гордона. Все семеро были курдами — худощавыми, но жилистыми и сильными, с тонкими талиями, перепоясанными патронташами, с винтовками в загорелых руках.

Разумеется, стволы винтовок тотчас же были направлены на незваного гостя. Гордон не сделал ни единого резкого движения, не показал ни малейшего удивления или беспокойства, а медленно, демонстративно лениво поставил приклад своей винтовки на землю и изучающе уставился на курдов.

Эти головорезы выглядели растерянными, как загнанные в угол, но еще не прижатые к стенке крысы. Их дальнейшие действия были абсолютно непредсказуемы и потому — вдвойне опасны. Жизнь Гордона висела на волоске: одно нервное движение сведенного судорогой пальца, лежащего на спусковом крючке, — и все, смерть! Но на данный момент стражники продолжали лишь молча рассматривать его, медленно выходя из транса, в который вогнало их появление чужака на их посту.

— Эль Борак! — произнес самый высокий из курдов, в голосе которого смешались страх, подозрительность и злоба. — Что ты здесь делаешь? Что тебе нужно?

Прежде чем ответить, Гордон, не торопясь, обвел взглядом горизонт, словно любясь пейзажем, — единственный спокойный, стоящий в расслабленной позе человек против семи напряженных, почти окаменевших часовых.

— Мне нужен ваш хозяин, — ответил он наконец.

Похоже, его слова ничуть не успокоили курдов. Они начали о чем-то шептаться между собой, ни на миг не сводя с него взглядов и не отводя в сторону стволы винтовок.

Неожиданно самый высокий из курдов громко рывкнул на других, заставив их замолчать.

— Да что вы сцепились, как стая ворон! Дело-то яснее ясного. Мы заигрались и прозевали появление этого типа. Мы здесь для чего стоим? Правильно: чтобы никто не мог незамеченным даже подойти к лестнице, не говоря уже о том, чтобы беспрепятственно подняться по ней. Мы, скажем честно, нарушили все приказы и правила, и вот результат. Что нам за это будет, догадываетесь? Так

что выход тут один — шлепнуть его, труп сбросить с обрыва, и дело с концом.

— Ну-ну. — Гордон выразительно пожал плечами. — Давай, приступай. Шлепни меня, а когда твой хозяин спросит: «Где же Эль Борака, который должен доставить мне важные вести?» — ответь ему: «Увы, повелитель, вы не сказали нам ничего по поводу вашего гостя, вот мы его и шлепнули, как ты выразился, чтобы продемонстрировать свою верность и бдительность».

Иронический тон голоса американца явно задел стражников, но попал в цель. Курды беспокойно переглянулись.

— Да никто и не узнает! — воскликнул один из них. — Всадим в него пулю — и дело с концом!

— Нет, выстрел услышат в городе, начнутся распросы.

— Так перережем ему глотку! — кровожадно предложил самый младший из них, но его предложение было встречено таким убийственным холодом в глазах его товарищей, что парень смущенно замолчал и поспешил отойти на пару шагов назад.

— Вот-вот, именно так, перережьте мне горло! — рассмеялся Гордон. — Только назначьте сразу того, кто, по вашему мнению, должен остаться в живых, чтобы поведать всю эту историю вашему правителю.

Эти слова не были пустым бахвальством, и большая часть стражников знала об этом. Грозное выражение лиц не могло полностью скрыть охватившую их растерянность. Они очень хотели убить непрошеного гостя, но не осмеливались воспользоваться винтовками, чтобы не поднимать лишнего шума. А напасть на него с холодным оружием означало заплатить чудовищно дорогую цену за достижение

цели — стражники либо знали это по личному опыту, по легендам и рассказам об Эль Бораке, либо почувствовали это по его тону и манере держать себя под прицелом семи стволов. По крайней мере, Гордону-то ничто не мешало воспользоваться ни его винтовкой, ни пистолетом, который, как они знали, он всегда носил при себе спрятанным где-то на теле.

Не понимал этого, похоже, лишь один из курдов — все тот же мальчишка.

— Ножи сделают свое дело тихо, — изображая на лице суровость, заявил он, за что тотчас же получил сильный тычок прикладом винтовки в живот.

Не ожидавший такой реакции со стороны своих товарищей парень покатился по земле, подтянув колени к животу, и зашелся в жалобных причитаниях. За это он был вознагражден еще одним пинком и окриком другого собрата:

— Заткнись, сукин сын! Щенок, ты что — хочешь, чтобы мы с одними ножами пошли против стволов Эль Борака?!

Сорвав зло на своем же товарище и частично выпустив накопившийся пар, курды несколько успокоились. Один из них неуверенно спросил Гордона:

— А тебя что — ждут во дворце?

— Да неужели я сунулсЯ бы сюда, если бы меня не пригласили?! Станет ли ягненок без приглашения совать голову в волчье логово?

— Хорошо ягненок, нечего сказать! — криво усмехнулись курды. — Это ты-то ягненок? Скажи уж лучше, что серый волк с окровавленными клыками ищет встречи с охотником — так будет точнее.

— Если на моих клыках и есть кровь — так это кровь тех безумцев, которые не слушались мудрых

приказаний своих хозяев, — заявил Гордон. — Вот, например, вчера ночью в Ущелье Призраков...

— Аллах! Так это на тебя напали эти болваны езиды! Они тебя не признали. Сказали, что убили в каньоне какого-то англичанина и его слуг.

Видимо, из-за того, что езиды соврали своим собратьям в отношении исхода боя, часовые и были беспечны, как обычно. Никто — ни они, ни стражник у туннеля — не ожидал появления в запретном каньоне чужака. Не верили в вероятность погони, скорее всего, и сами езиды, тем более в то, что «англичанин» сумеет найти потайной туннель.

— И что — ни один из вас не был среди тех, кто расплатился за свое невежество, напав на меня в Ущелье Призраков этой ночью?

— А мы что — ранены? Хромаем? Истекаем кровью? Валимся с ног от слабости и усталости? Нет, видит Аллах, нам повезло, что мы не воевали с Эль Бораком.

— Так не повторяйте же роковую ошибку тех безумцев, одни из которых уже мертвы, а со спин тех, кто еще жив, в скором времени будут нарезаны кожаные ремни... Ну так что — отведете вы меня к своему правителю или плюнете ему в бороду, осмелившись нарушить его приказ?

— Аллах все видит! — воскликнул высокий курд. — Мы никаких приказов* не получали. Нет, Эль Борак, твое сердце полно лжи и обмана, как сердце змеи. Там, где ты появляешься, льется кровь, обнажаются мечи и погибают люди. Но если ты солгал на этот раз — тебе не удастся уйти от возмездия, и я с радостью стану свидетелем твоей смерти. Если же ты говоришь правду — тогда у нашего правителя не будет к нам никаких претен-

зий. Отдай нам винтовку и клинок, и мы отведем тебя во дворец.

Гордон молча отдал стражникам оружие, отметив про себя, что они не решились потребовать у него выдать им пистолет, который он носил в кобуре под левой рукой.

Тем временем высокий курд, являвшийся, несомненно, старшим среди часовых, поднял с земли винтовку, которую, падая, уронил молодой парень. Тот все еще лежал на земле, жалобно постанывая, но был быстро приведен в вертикальное положение основательным пинком командира. Сунув парню винтовку в руки, он грозным голосом приказал ему стеречь лестницу так, словно от этого зависела вся его жизнь. Подкрепив устное распоряжение еще одним пинком и увесистой затрепичной, командир повернулся к остальным стражникам и стал гортанным голосом отдавать короткие приказы.

Гордон знал, что, как только кольцо часовых сомкнется вокруг него, их руки потянутся к кинжалам, чтобы вонзить клинки ему в спину. Но в то же время американец чувствовал, что семена страха и неуверенности уже посеяны им в их примитивном разуме, и был уверен, что они теперь не осмелятся убить его. Шагая в центре строя конвоиров, он вышел из-за прикрывавших лестницу камней и направился к городу по широкой дороге, которая некогда была вымощена каменными плитами, неплохо сохранившимися до наших дней.

— Езиды вернулись в город незадолго до рассвета? — словно невзначай спросил Гордон, прикинув, насколько оторвались от него преследователи.

— Да, — последовал краткий ответ.

— Конечно, быстро идти они не могли, — произнес Гордон, словно обращаясь к самому себе. — Среди них были раненные, некоторые — наверняка тяжело. Да и тот сикх, которого они взяли в плен, должно быть, изо всех сил упирался. Им наверняка пришлось связать его по рукам и ногам и нести на себе.

Один из конвоиров повернул голову и начал говорить:

— Ну, этот сикх...

Резкий окрик: «Молчать!» — оборвал его фразу. Командир подозрительно поглядел на Гордона и грозно объявил своим подчиненным:

— Кто еще хоть слово скажет — голову оторву! На вопросы Эль Борака не отвечать. Вопросов ему не задавать. Если он будет оскорблять нас, провоцировать или смеяться — молчать! Вы даже не представляете себе, что это за хитрая змея. Если мы начнем с ним говорить, он нам заморочит голову и заколдует нас так, что ему удастся смыться раньше, чем мы доведем его до Шализара.

Итак, этот таинственный город назывался Шализар. Гордон смутно припомнил, что ему встречалось это название в какой-то книге по истории средневековья.

— Почему же вы мне не верите? — изобразил он искреннее удивление. — Разве я не пришел к вам открыто, не угрожая оружием?

— Как же! Видел я, как ты пришел безоружным к туркам Битлиса, но, когда ты опустил поднятые в знак приветствия руки, улицы Битлиса залила кровь, а головы битлисских правителей оказались приторочены к седлам твоих всадников. Нет, Эль Борак, я тебя знаю с давних времен — с

тех пор, как ты вел свою банду изгоев через холмы Курдистана. Я сражался вместе с тобой против турок, затем в политике что-то переменилось, и оказалось, что я воюю с турками против тебя. Я знаю, что не могу состязаться с тобой в силе, ловкости, меткости и сметливости. В таком случае мне лучше держать язык за зубами, что я и сделаю. И не пытайся заманить меня в ловушку хитрыми речами, потому что я буду молчать. Мое дело — отвести тебя к правителю Шализара, и пусть сам разбирается с тобой. А как — не мое дело. Я нем и безучастен, как лошадь, которой нет дела до того, кто сидит в седле на ее спине — король или неприкасаемый. И я отвечаю я только за то, чтобы ты предстал перед моим повелителем. А до этого я не собираюсь с тобой говорить, и если кто-нибудь из моих людей захочет пообщаться с тобой, я разобью его тупую башку прикладом своей винтовки.

— Слушай, а ведь я тебя помню, — сказал Гордон. — Точно-точно... Ты — Юсуф ибн Сулейман, и ты был неплохим бойцом.

Худое, морщинистое лицо курда посветлело при этих словах, он захотел что-то сказать... но взял себя в руки, сорвал злобу, прикрикнув на одного из своих подчиненных, который не выказал ему ни единого намека на обиду или недовольство, и зашагал впереди конвоя, гордо подняв голову.

Гордон тоже не плелся, а шел бодро и довольно быстро, заставляя своих конвоиров приноравливаться к его шагу. И вообще он выглядел скорее как человек, шествующий в окружении почетного эскорта, а не как конвоируемый пленник. Это настроение мало-помалу передалось и курдам, так что, когда процессия подошла к го-

роду, они подровняли строй, винтовки переложили на плечо и даже держали почтительный интервал между Эль Бораком и своей маленькой колонной.

Приближаясь к городу, Гордон внимательно разглядывал все, что попадалось ему на глаза. Так ему удалось разгадать секрет садов и парков. Плодородная почва — несомненно, принесенная откуда-то из других мест — была помещена в многочисленные углубления и понижения рельефа плато. Орошались посадки при помощи развитой системы каналов, узких и глубоких, что обеспечивало минимальные потери на испарение. Источником воды служил, по всей видимости, какой-то неиссякаемый ключ или полноводный колодец, вокруг которого, вероятно, и строился город. Плато, окруженное со всех сторон высокими хребтами, видимо, обладало особым микроклиматом, более мягким, чем в других уголках этого сурового края, и привычная к жестким условиям растительность здесь росла и расцветала в полную силу.

Сады располагались в основном в восточной и западной частях города. На подходе к Шализару слева от дороги был большой фруктовый сад, справа — сад поменьше. Невысокие каменные заборы отделяли их от дороги. Гордон не мог предвидеть, какую кровавую роль предстоит сыграть и фруктовому саду. Большой сад заканчивался, не доходя нескольких десятков ярдов до границы городского квартала. Маленький, наоборот, упирался ветвями последних деревьев в крайний трехэтажный каменный дом. Еще немного — и конвой вошел в город: ровные ряды домов с плоскими крышами выстроились вдоль широкой мощеной улицы, за каждым из них виднелись кроны садовых деревьев.

Город не был окружен стеной, а стены между домами и садами, невысокие и тонкие, явно не предназначались для обороны. Плато само по себе было неприступной природной крепостью. Гора, нависающая над дальней оконечностью города, оказалась расположена гораздо дальше, чем поначалу показалось Гордону. Оказывается, плато вовсе не примыкало к крутому склону, а было отделено от него едва ли не полумилей пересеченной множеством трещин, ущелий, разломов и провалов равнины. Однако плато было связано горой: как громадная полка, выдвинутая из массивного склона.

Люди, работавшие в садах или находившиеся на улице, останавливались и с любопытством разглядывали конвоируемого стражниками белого человека. Среди местных обитателей Гордон заметил еще нескольких курдов, а также множество персов и езидов. Были здесь и арабы, и монголы, друзы и турки, индусы и даже несколько египтян. Но ни одного афганца! По всей видимости, многонациональное население этого странного города предпочитало не иметь дела с теми, кто от рождения так или иначе связан с этими местами, ощущает себя частью этой страны.

Любопытство местных жителей не простиралось дальше пристальных взглядов; вопросов не задавал никто. Наконец улица вышла на довольно широкую площадь, огражденную с противоположной стороны довольно высокой стеной, над которой на фоне неба четко вырисовывался позолоченный купол дворца.

У массивных, обитых бронзой, покрытых замысловатой чеканкой ворот не было стражи. Лишь одетый в черное слуга громко поприветствовал

подошедших и, изрядно поднатужившись, распахнул одну из створок ворот. Гордон вместе со своим молчаливым эскортом оказался в большом дворцовом дворе, вымощенном разноцветной керамической плиткой. В центре двора бил в небо, бурлил и плескался большой фонтан — настоящее чудо в этих местах. Вокруг фонтана летали и сидели на его ограждении десятки изящных голубей. С востока и запада двор окружали внутренние стены, за которыми виднелись густые кроны деревьев — видимо, там находились дворцовые сады и парки. Чуть в стороне Гордон заметил изящную башню, поднимающуюся в высоту почти до уровня центрального купола, ярко отражавшего свет уже высоко поднявшегося солнца.

Курды промаршировали прямо через двор и у самого портика дворца были остановлены караулом из тридцати арабов, облаченных в роскошные парадные доспехи и наряды. Пышные шлемы висали с их посеребренных шлемов, позолоченные кирасы сверкали на солнце, мрачно и внушительно выглядели щиты из кожи носорога, с которыми резко контрастировали красиво инкрустированные золотом и драгоценными камнями сабли. Большой контраст с этим парадным облачением средневекового образца представляли современные винтовки, которые арабы сжимали в руках, и кожаные патронташи, перетягивавшие тонкие талии стражников.

Похожий лицом на коршуна капитан арабской стражи коротко переговорил с Юсуфом ибн Сулейманом, и вскоре дюжина арабов сменила курдский эскорт, обступив Гордона плотным кольцом. По команде капитана, которого солдаты называли Махмудом ибн Ахмедом, конвой поднялся по мра-

морной лестнице и вошел в широко распахнутые двери, обитые тонкой листовой бронзой. Курды следовали позади процессии. Сдавшие дворцовой страже винтовки, они выглядели далеко не счастливыми.

Конвоиры провели Гордона по просторным, слабо освещенным залам, с высоких куполообразных потолков которых свисали на цепях масляные светильники, оставлявшие в полумраке боковые простенки и задрапированные портьерами таинственные ниши между колоннами. То и дело Гордон замечал, как кольшутся портьеры и ковры, время от времени за ними слышались чьи-то легкие шаги, один раз он успел заметить задерживавшую штору чью-то тонкую, может быть женскую, руку. Проведя большую часть жизни на Востоке, американец уже свыкся с атмосферой таинственности, витавшей во дворцах здешних правителей. Но здесь даже по сравнению с самыми недоступными дворцами таинственность, секретность и скрытность не просто витали, а висели в воздухе, царили в нем.

В какой-то момент произошла смена караула. Одни арабы уступили место другим — тем, которым было позволено нести службу во внутренних покоях дворца. Лишь капитан остался руководить конвоированием чужестранца. Здесь, в глубине дворца, под конвоем оказались и курды, которые явно были не рады, что ввязались в это дело. Таинственная неуловимая опасность притаилась в этих слабо освещенных великолепных покоях. Гордону вполне могло показаться, будто он идет по дворцу Ниневии или древней Персии, если бы не современное оружие его эскорта.

Наконец процессия вошла в широкий коридор, ведущий к красивым резным двустворчатым две-

рям. У этих дверей несла караул другая стража — разодетые еще более торжественно персы, сжимающие в руках древние копья вместо современного огнестрельного оружия.

Эти диковинные часовые стояли как истуканы и даже не пошевелились, когда арабы вместе со своим пленником — или гостем — проследовали мимо них в полукруглый тронный зал. Ковры с вытканными на них драконами покрывали стены этого помещения, скрывая за собой, возможно, имеющиеся окна и двери, за исключением парадного входа. Сводчатый потолок был обит черным деревом и богато украшен золотистым орнаментом. Позолоченные светильники на позолоченных же цепях свисали с него, ярко освещая зал. Напротив входа у противоположной стены располагался мраморный пьедестал — три широкие ступени вели к верхней площадке, на которой был установлен большой стул с подлокотниками и высокой спинкой — некое подобие королевского трона. Бархатные подушки были брошены на его сиденье, и на этих подушках восседал невысокий человек в расшитом жумчугом халате и парчовых туфлях с загнутыми вверх носками. На его розовом тюрбане ярко сверкала крупная золотая брошь, усыпанная бриллиантами. Брошь была выполнена в виде человеческого кулака, сжимающего рукоять кинжала с тремя клинками. Лицо человека в тюрбане было довольно правильной овальной формы, кожа — цвета старой слоновой кости, борода — негустая, острым клинышком, глаза — большие, темные и мечтательные. По национальности этот человек был персом.

С каждой стороны трона стояло по великану-суданцу. Эти чернокожие воины напоминали выто-

ченные из базальта статуи каких-то древних богов. Оба были обнажены, если не считать плетеных сандалий и шелковых набедренных повязок, у обоих в руках было по длинной алебарде с широким посеребренным лезвием.

— Кто это? — лениво спросил по-арабски человек на троне, жестом обрывая торжественные церемониальные приветствия капитана.

— Эль Борак! — объявил Махмуд ибн Ахмед торжественным голосом, не без оснований полагая, что это имя, произнесенное у трона правителя, стало бы настоящей сенсацией в любом дворце к востоку от Стамбула.

Темные глаза перса быстро забегали, их взгляд наполнился интересом и подозрительностью. Наблюдая за своим повелителем, Юсуф ибн Сулейман болезненно следил за выражением его лица и от волнения сжал кулаки до побеления костяшек.

— И как он оказался в Шализаре без приглашения? — последовал вопрос правителя.

— Эти курдские шакалы, которым была доверена охрана лестницы, утверждают, что он подошел к ним и заверил их в том, что за ним был послан гонец шейха Аль-Джебаля, пригласивший его в славный Шализар.

Гордон даже вздрогнул, услышав названный капитаном стражи титул. Все разрозненные подозрения теперь выстроились в единую схему. Да, это выглядело фантастично, даже невероятно, но все это оказалось чистейшей правдой. Глаза американца цепко впились взглядом в овал лица под розовым тюрбаном.

Американец молчал, выжидая, что скажет в ответ шейх. Теперь все было поставлено на одну карту — на то, какой увидится ситуация правителю

Шализара. Одно неверное слово со стороны нежданного гостя или просто всплеск дурного настроения шейха — и на Гордона тотчас же набросилась бы вся стража. Тонкий знаток Востока, Гордон делал ставку на два козыря: во-первых, ни один местный вельможа не стал бы казнить Эль Борака, не попытавшись предварительно выудить из него цель его визита, а заодно и кое-какую другую важную информацию. А во-вторых, ни один правитель Востока не может искренне похвастаться абсолютным доверием к своим подданным и, в свою очередь, их стопроцентной преданностью, а значит — очень и очень нуждается в дополнительных источниках информации.

Человек на троне некоторое время молча рассматривал американца, а затем заговорил, обращаясь, однако, не к нему, а к старшему из караульных курдов.

— Закон Шализара гласит, — важно и поучительно произнес он, — что Стражи Ступеней не должны позволить никому, повторяю — никому подняться по Ступеням, пока он ясно и четко не произнесет пароль и не сделает руками знак принадлежности к нашему братству. Если же это чужеземец, который не знает пароля или знака, то страже надлежит вызвать Стража Ворот, чтобы уже он поговорил с незнакомцем и решил, допускать ли его к Ступеням или нет. Сообщения о появлении Эль Борака в дворцовую стражу не поступало. Страж Ворот вызван не был. Назвал ли Эль Борака пароль, сделал ли он знак, подойдя к подножию Ступеней?

Юсуф ибн Сулейман — побледневший и вспотевший одновременно — явно колебался между опасной правдой и еще более опасной, но соблазнитель-

ной ложью, дающей слабый, но манящий шанс на спасение. Бросив косой взгляд на Гордона, он хрипло заговорил:

— Часовой в ущелье не подал нам сигнала. Эль Борака... он появился на верхней Ступени совершенно неожиданно для нас, хотя мы стояли на самом краю обрыва и бдительно следили за подступами к лестнице, зорко всматриваясь в каньон и Ступени, как охотящиеся орлы... Вот... Он это... он ведь известный колдун... и, видимо, умеет становиться невидимым, когда ему это нужно. Мы решили, что он говорит правду, утверждая, что ты послал за ним. Ведь если бы это было не так — то ему бы не был известен путь через потайной туннель...

Человек на троне со скучающим видом смотрел в потолок, давая понять, что лепет курда его мало интересует. Капитан дворцовой стражи, почувствовав, что Юсуф ибн Сулейман впал в немилость, подскочил к нему и с размаху ударил кулаком по зубам.

— Жалкий пес! Молчи, пока Его Величество не прикажет тебе говорить!

Юсуф покачнувшись от удара, облизал разбитые в кровь губы, с ненавистью посмотрел в глаза арабу, но промолчал и не попытался ответить ему ни словом, ни оружием.

Лениво, но требовательно перс взмахнул рукой.

— Уведите курдов, — бросил он страже. — В темницу их — до выяснения. Я подумаю, что с ними сделать. Даже если я кого-то жду, чужеземец не должен застать Стражей Ступеней врасплох. Будь они бдительны, даже Эль Бораку не удалось бы подняться на плато незамеченным. Никакой он не колдун, а просто хитер, как лиса. Капитан, отправь-

те к Ступеням другой караул. Можете идти — все. Я поговорю с Эль Бораком один на один.

Махмуд ибн Ахмед отдал честь, произнес несколько коротких команд, и через секунду его подчиненные в сверкающих доспехах уже покинули тронный зал, энергично вытолкав за двери сбившихся в плотную толпу, дрожащих от страха курдов. Проходя мимо Гордона, каждый из арестованных наградил его взглядом, полным бессильной ненависти.

Последним, закрывая за собой бронзовые двери, покинул зал Махмуд ибн Ахмед. Проводив его взглядом, перс вздохнул и обратился к Гордону по-английски:

— Можешь говорить начистоту. Рабы не понимают твоего языка.

Прежде чем ответить, Гордон небрежным движением передвинул один из невысоких диванчиков, стоявших вдоль стен, поближе к пьедесталу трона и сел на него, положив ноги на обитую бархатом специальную подушечку.

Да, престиж и уважение, которыми он пользовался при дворах Востока, были заработаны отнюдь не смиренным или униженно-просительным поведением. Там, где другие ходили на цыпочках, прижимая к груди шляпу и ощущая сердце в пятках, он вламывался в сапогах, открывая двери пинком и тяжелой рукой отшвыривая тех, кто стоял у него на дороге. И, как ни странно это на первый взгляд, он — Эль Борак — оставался в живых там, где погибали другие. Разумеется, такое дерзкое поведение вовсе не было блефом. В любую секунду Эль Борак был готов подтвердить свое право вести себя так, как он считает нужным. И подтвердить его он мог как умным, веским сло-

вом, так и свинцом или сталью. Люди, общавшиеся с ним, знали и рассказывали другим, что не было между Каиром и Пекином другого человека, чей ствол или клинок был бы столь же точен и опасен.

Если перс и был удивлен тем, что его полугость-полупленник развалился перед ним на диване, не спросив разрешения, то скрыл он свои эмоции весьма искусно. С первых же слов шейха стало ясно, что он немало общался с европейцами и сумел перенять от них прямоту и краткость в переходе от ничего не значащих приветственных слов к делу. Без каких бы то ни было предисловий он заявил:

— Я не посылаю за тобой.

— Естественно, — усмехнулся Гордон. — Но должен же я был хоть что-то наплевистить этим болванам, чтобы не убивать их всех.

— Что тебе здесь нужно?

— Что может быть нужно человеку, добровольно приходящему в гнездо изгоев и отверженных?

— Он может прийти как шпион, — многозначительно заметил шейх.

Гордон в ответ рассмеялся:

— Интересно — чей же?

— Как ты узнал дорогу сюда?

Гордон решил спрятаться за чисто восточной уклончивой образностью ответа:

— Я шел туда, куда летели коршуны. Они всегда приводят меня к цели.

— Это ты точно подметил, — мрачно кивнул ему перс. — Уж кто-кто, а ты-то их немало подкармливал в течение жизни. Что с монголом, который дежурил в туннеле?

— Он мертв. Что ж поделать — не хотел он прислушаться к голосу разума.

— Нет, это коршуны следуют за тобой, а не ты за ними, — заметил шейх. — Почему ты не послал мне известие о том, что собираешься прийти сюда?

— А как, через кого ты прикажешь мне передать эту весть? Этой ночью, когда я разбил лагерь в Ущелье Призраков, чтобы мои лошади отдохнули перед последним переходом к Шализару, банда твоих идиотов, не попытавшись выяснить, кто я и зачем пришел в эти места, напала на моих людей, один из которых был убит, а второй — взят в плен. Еще один мой спутник, перепугавшись до смерти, бросил меня и бежал. Я пришел сюда один, как только взойшла луна.

— Это были езиды, дежурившие на дальних подступах к нашему городу. Этому отряду полагалось охранять Ущелье Призраков. Естественно, они и знать не знали, что ты идешь ко мне, не знали даже, что это именно ты. Они вернулись в город на рассвете — почти все раненные, один — тяжело: он при смерти. Судя по их докладу, в ущелье они напали на какого-то европейца и его слуг, убив всех. Разумеется, они побоялись признаться, что бежали с поля боя, оставив тебя в живых. Ну, за свою ложь они еще понесут положенное наказание. Но ты так и не сказал мне, зачем ты пришел сюда.

— Я ищу убежища. А еще — я принес тебе новости. Человек, которого ты послал убить эмира Афганистана, ранил его, а сам был изрублен на куски стражниками-узбеками.

Перс только пожал плечами:

— Разве это новости? Мы узнали обо всем этом еще до полудня следующего за попыткой покуше-

ния дня. Известно нам и то, что эмир остался жив благодаря стараниям английского врача, сумевшего быстро и правильно промыть раны, оставленные отравленным кинжалом.

Гордон уже начал склоняться к мысли о тайных — магических — каналах связи, но вдруг вспомнил стаю голубей у фонтана в шализарском дворце. Все встало на свои места и получило вполне естественное объяснение: почтовые голуби и тайные агенты в Кабуле, снаряжающие их в обратный полет с привязанными к лапкам сообщениями.

— Мы всегда надежно хранили свои тайны, — сказал перс. — Если ты узнал о Шализаре, узнал дорогу к нему — значит, тебе рассказал об этом кто-то из нашего братства. Кто тебя прислал — не Багила?

Лишь на долю секунды замешкался Гордон с ответом, прикрыв эту паузу деловитым отряхиванием брюк от пыли, но за эти мгновения он успел распознать заготовленную для него ловушку и избежать ее. Он понятия не имел о том, кто такой Багила, и решил, что это имя было заброшено персом в качестве наживки, прикрывающей острый крючок.

— Человека по имени Багила я не знаю, — ответил американец. — Да и вообще я не был знаком ни с кем из твоих людей, никто мне не выдавал ваших секретов, никто не посвящал меня в ваши тайны. Да и зачем? Я не нуждаюсь в агентах, предателях и информаторах, я все узнаю сам. И пришел я сюда лишь потому, что мне потребовалось надежное убежище. В Кабуле я впал в немилость, и англичане расстреляют меня на месте, если я окажусь в их руках.

Одной из самых достоверных легенд среди тех, что витали вокруг Гордона, была его так называе-

мая вражда с британцами. Это объясняло его неофициальный статус, отказ носить какую бы то ни было форму, и предоставляло ему право действовать невзирая на все нормы и правила этикета. Не испытывая и не изображая никакого почтения к зажавшимся, самодовольным, набивающим свой карман за счет казны и ограбления местных племен колониальным чиновникам, как гражданским, так и военным, он в ответ был вознагражден их лютой ненавистью за то, что нередко его деятельность сводила на нет все их усилия по обдыванию тех или иных грязных делишек. Поэтому легенда о враждебности Гордона к англичанам родилась и вполне искренне подпитывалась теми, кто по своей недалекости полагал, что представляет здесь, в Азии, Британскую империю. Но те, кто на самом деле правил колониями Англии в Индостане, ее союзниками и противниками в других частях Востока, предпочитали делать это, не афишируя своего влияния. И эти люди знали, что представляет собой Эль Борак и каковы его истинные цели и убеждения. Не всегда сильные мира сего одобряли методы действия Гордона, но тем не менее не отказывали ему в своей дружбе и уважении, пользуясь время от времени его помощью в решении самых щекотливых вопросов.

Правитель Шализара не был посвящен в такие тонкости. О Гордоне он знал достаточно — достаточно для того, чтобы списать его видимую «ненависть» к англичанам на вполне естественное к ним отношение уроженца Нового Света. Зная Эль Борака по легендам и рассказам, порой откровенно лживым, порой весьма правдоподобным, перс составил свое представление о нем как об еще одном авантюристе, не подчиняющемся ничьей короне и

никаким законам, а значит, и не находящемся под чьей-либо официальной защитой. Вот почему его не удивило, что в конце концов этот белый впал в немилость у сильных мира сего и оказался вынужден искать себе убежище.

Неожиданно шейх произнес несколько слов на древнеперсидском языке. Угадав намерение шейха, Гордон сделал вид, что не знает этого языка, в очередной раз убедившись в том, что хваленая восточная хитрость порой бывает по-детски наивна.

Шейх обратился к одному из чернокожих рабов. Тот почтительно кивнул головой и, сняв с перевязи серебряный молоток, ударил им в позолоченный гонг, скрытый в стенных портьерах. Не успело затихнуть прокатившееся по залу эхо, как бронзовые двери чуть приоткрылись — ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель боком проскочил худенький невысокий человек в простых по покрою, но сшитых из хорошего шелка одеждах. Перс по национальности, как и его правитель, он подошел к трону и низко поклонился. Шейх обратился к нему по имени, назвав Мусой, и спросил на языке, знание (или незнание) которого Гордоном он только что проверил:

— Ты знаешь этого человека?

— Да, Ваше Величество. Это...

— Не произноси его имени! Он не понимает нас, но, услышав свое имя, он догадается, что мы обсуждаем его персону. Скажи мне, Муса: наши разведчики докладывали о нем?

— О да, Ваше Величество. Последнее сообщение из Кабула касалось и его. В ночь покушения на эмира афганского этот человек беседовал с ним один на один. Примерно за час до покушения. По-

кинув дворец, он уехал из города. Где-то через полчаса его, в сопровождении еще троих всадников, видели на дороге, ведущей к городу Кхору, вотчине мятежного Бабер-хана. Вдогонку ему из Кабула была послана кавалерия, но преследователи либо прекратили погоню, либо были перебиты стражей Кхора. Точно это пока не известно.

— Похоже, что он не врёт, утверждая, что пришел не ко двору в Кабуле и был вынужден срочно бежать из столицы, — пробормотал шейх.

Развалившись на диване, Гордон всем своим видом изображал, что не понимает, о чем говорят персы. Про себя же он отметил, что, во-первых, система разведки Избранных оказалась куда более развитой, глубоко внедренной и эффективной, чем он предполагал, и, во-вторых, целый ряд обстоятельств и цепь совпадений удачно сложились в его пользу. Для этих людей было вполне понятно и объяснимо его исчезновение из Кабула, якобы по причине изменения в отношении к американцу правителя страны. То, что при этом он подался в стан мятежников, только подтверждало эту версию, как и факт «погони» королевской кавалерии.

— Можешь идти, — произнес шейх.

Муса еще раз поклонился и безмолвно покинул зал. Правитель еще немного помолчал, а затем, изображая, что, хорошенько подумав, он принял-таки решение, заявил:

— Я склонен поверить в то, что ты говоришь правду. Ты бежал из Кабула, бежал в Кхор, где вряд ли приняли бы кого-либо из верных эмиру людей. Твоя вражда с интриганами давно всем известна... Что ж, такие люди нам нужны. Но — предупреждая сразу: я не могу посвятить тебя в члены нашего братства, пока почтенный Багила не увидит и не

проверит тебя. Сейчас его в Шализаре нет, но завтра к утру он вернется. А пока что я все же хотел бы выяснить, как, где и когда ты узнал о нашем братстве и нашем городе.

Гордон пожал плечами:

— Разве у гор есть от меня секреты? Я слышу, как спешат мне их поведать крылья ветра, играющего в ветвях цветущего тамариска и жестких колючках саксаула. Ведомы мне и тайны воя волков и рыка барса. Но, само собой, не сторонюсь я и тайн, что раскрываются и выбалтываются у костров и очагов, которые освещают и согревают людей, ночующих в переполненных караван-сараях...

— Раз так, то тебе известны и наши цели, наши намерения?

— Я знаю, как вы себя называете. А еще мне известно, что некогда существовал где-то в горах другой город, которым правили эмиры, называвшие себя шейхами Аль-Джебаля, что означает: древний народ гор. Их подданных называли асасинами, то есть убийцами. Эти люди курили коноплю, гашиш, употребляли опий, а их жестокие убийства наводили страх на всю Западную Азию.

— Да! — сверкнув глазами, воодушевленно воскликнул перс. — Сам Саладин боялся их. Крестоносцы — даже крестоносцы! — боялись их. При одной мысли об асасинах вздрагивали от ужаса эмиры Дамаска, халифы Багдада, султаны Египта. Все они, и даже сельджуки, платили дань шейхам Аль-Джебаля. Шейхи не выводили в поход больших армий. Они сражались ядом, огнем и магическим трех-клинковым кинжалом, разящим из темноты. Их гонцы в черных плащах с алой подкладкой, словно посланники самой смерти, проникали повсюду

и наносили неотразимые удары. Погибали один за другим монархи, правившие в Каире и Иерусалиме, Самарканде и Бухаре. Великий шейх Аль-Джебаля — Хассан ибн Сабах — воздвиг на горе Арамут в Персии огромный город-замок с потайными, скрытыми от посторонних глаз садами. В этих садах его подданным дозволялось вкушать райских наслаждений. В этих садах для них танцевали стройные, как феи, девушки, легкий ветерок кружил над землей лепестки цветов, а в воздухе витал чарующий запах гашиша.

— Ну да, — понимающе усмехнулся Гордон, — несчастного подданного шейха «накачивали» наркотиками, а затем волокли в сад, где он представлял себя в том самом раю, что обещал ему Пророк. Потом его снова обкуривали до беспамятства, вытаскивали во дворец и сообщали, что единственный способ вновь обрести райское блаженство — это беспрекословно и фанатично верно служить шейху. Ни один король не мог похвастаться такой беззаветной верностью своих подданных. И так продолжалось до тех пор, пока в тысяча двести пятьдесят шестом году монголы под командованием Кулагу-хана не сровняли с землей эти дьявольские замки, избавив цивилизацию Востока от опасности полного уничтожения.

— Как видишь, опасность не исчезла, — с гордостью заявил шейх. — Я прямой потомок Хассана ибн Сабаха. С юности я грезил величием своего древнего рода. Потом пришли деньги — деньги западных держав, плативших мне за минералы и руды, найденные в моих горах и извлеченные из недр. Так мечта стала явью: Отман ибн Азиз стал шейхом Аль-Джебаля.

Хассан ибн Сабах был верным последователем Исмаила, учившего, что все люди и все их поступ-

ки подвластны всевидящему Аллаху. Вера исмаэлитов прочна, как камень, и глубока, как море. Она заставляет отбросить, преодолеть, забыть религиозные и национальные отличия, объединяя людей из самых разных сект и народов. Это единственная сила, которая рано или поздно сумеет объединить Азию. Народ моих родных гор не забыл учение Исмаила, как не забыл он и сады-курильни. Именно там я нашел своих первых последователей. Вскоре к нам примкнули жители гор Курдистана, где я основал свою первую твердыню. Среди тех, кто пришел ко мне, были персы, езиды, курды, друзы, арабы, турки — изгои, отверженные, те, кто потерял всякую надежду, всякую веру и был готов проклясть даже Магомета ради обретения рая здесь, на земле. Но наша вера никого не проклинает, никого не отбрасывает. Она объединяет. Мои посланники путешествовали по всей Азии и привозили с собой тех, кто был готов следовать за мной. Я тщательно отбирал своих подданных. Наши отряды росли медленно, ибо каждого кандидата я подолгу проверял на крепость его веры и верность мне лично. Ни религия, ни национальность не имеют для меня никакого значения. Среди моих последователей есть мусульмане — сунниты, шииты и представители всех других течений религии Магомета, есть индуисты, есть те, кто поклоняется Мелеку-Таусу, есть и монголы из пустыни Гоби, почитающие Эрлика.

Четыре года назад я привел своих последователей сюда, в этот город, лежавший в руинах. Даже местным жителям ничего не было о нем известно: страшные легенды заставляли горцев держаться подальше от этих мест. Много столетий назад этот город был крепостью асасинов, разрушенной пре-

восходящими силами проникших сюда монголов. Его дома были разрушены, каналы засыпаны мусором и камнями, пышные сады сменились зарослями непроходимых колючих кустов. Три года напряженной работы потребовалось на то, чтобы восстановить здесь все, привести город в порядок. Огромные деньги — почти все свое состояние — я истратил на эту работу. Чего стоила только скрытная доставка сюда нужных материалов и инструментов! Мы привозили все через Персию по древней караванной дороге, которой перестали пользоваться, когда мир стал торговать другими товарами и возить их по другим маршрутам. Затем наш груз переносили через хребет и спускали на плато с западной стороны — там, где оно соединялось со склоном. Впоследствии я уничтожил этот перешеек. Но в итоге, затратив уйму денег, сил и времени, я все же обрел свой Шализар, которому суждено стать столь же грозным и могучим, каким он был во времена древних шейхов.

— Смотри!

Встав с трона, шейх жестом пригласил Гордона проследовать за ним.

Чернокожие великаны надежно прикрывали Отмана ибн Азиза, направившегося к скрытой за шторами нише. Один из рабов распахнул парчовые занавеси, и взорам шейха и Гордона открылся небольшой балкончик, выходивший во внутренний двор дворца. Двор представлял собой зеленый сад, окруженный пятнадцатифутовой стеной, почти полностью скрытой густыми кустами. Над сплошным ковром разнообразных деревьев, кустарников и цветов плыл диковинный пьянящий аромат, серебристыми колокольчиками журчали струйки фон-

танов... Гордон заметил в саду стройных, грациозных девушек, чьи тела были лишь частично прикрыты — либо почти прозрачным шелком, либо небольшими кусочками расшитого драгоценными камнями бархата. Среди женщин американец заметил персиянок, уроженок Аравии, Египта и Индостана. Неожиданно ему стал понятен смысл необъяснимых исчезновений некоторых известных своей красотой девушек из знатных индийских семей. В последние годы число таких исчезновений выросло слишком значительно, чтобы быть списанным на традиционные похищения местными царьками.

Под деревьями на шелковых покрывалах лежали мужчины — явно вкусившие гашиша или какого-нибудь другого дурмана. Откуда-то доносилась приятная негромкая музыка, соответствовавшая общему настроению мира и покоя, царившему в саду. Гордону нетрудно было почувствовать, как для восточного человека, вкусившего гашиша, это место превращалось в рай, обещанный Пророком.

— Я скопировал, а затем и усовершенствовал сады Хассана ибн Сабаха, — сказал шейх, задерживая занавеси балкона, предусмотрительно защищенного ими от взглядов из сада.

Вернувшись на трон, он доверительно добавил:

— Я показал тебе их потому, что не хочу, чтобы ты «вкушал райские наслаждения», как другие. Я не столь глуп, чтобы рассчитывать на то, что тебя удастся так легко одурачить. Да это и не нужно. Никому — ни тебе, ни нам — не будет хуже от того, что ты это узнал. Если Багила не согласится принять тебя, твое знание умрет вместе с тобой. Если же ты останешься с нами, то ты все равно скоро узнаешь это и еще многое другое — то, что положено знать

человеку, который займет важное место в выстраиваемой мною империи. Я стану могущественным, как мои великие предки. Три года я строил этот город, еще дольше я шел к нему, зато теперь... Теперь я начал наносить удары. В течение последнего года мои асасины отправились в путь в разные столицы, неся смерть на клинках своих отравленных кинжалов. Все происходит так, как тогда, много столетий назад. Для них нет иного закона, кроме моей воли. Они неподкупны, неустрашимы и непобедимы, ибо алчут скорее смерти, чем жизни в предательстве. Смерти же они не боятся, ибо уже при жизни вкусили того блаженства, что их ждет на том свете.

— И какова же твоя главная цель?

— Разве ты до сих пор не понял? — почти прошептал шейх, сверкая горящими фанатическим огнем глазами.

— Ну, в общем-то мне все понятно. Другое дело — услышать это от тебя.

— Так слушай же и внимай! Я хочу, и я буду править Азией! Отсюда, из моей тайной твердыни, я буду вершить судьбы мира. Короли на тронах? Они будут лишь марионетками, танцующими на нитях, которые дергаю я. Те, кто осмелится не повиноваться мне, умрут — внезапно и мучительно. Вскоре непокорных не останется. Власть будет принадлежать мне! Мне одному! Власть! О Аллах, что может быть слаще и величественнее?!

Гордон не стал отвечать на этот чисто риторический вопрос своего собеседника. Про себя он обдумывал странное соотношение стремления шейха к единоличной власти и его почтительные реверансы в адрес некоего Багилы, который должен был решить судьбу пленника. Это заставляло пред-

положить, что правление шейха в Шализаре вовсе не было таким единоличным, как он стремился представить новичку. Гордон терялся в догадках по поводу того, кто скрывался под именем Багилы. Само по себе это слово обозначало пантеру и, скорее всего, было псевдонимом или прозвищем, как и данное Гордону уроженцами Востока имя Эль Борак.

— А где мой сикх? — неожиданно спросил американец, глядя в глаза правителю. — Твои езиды увели или унесли его с собой, убив другого моего спутника — Ахмад-шаха.

Перс явно переусердствовал, изображая на лице удивление и непонимание.

— Понятия не имею, о ком ты говоришь, — сказал он. — Никакого пленного езиды не приводили.

Гордон понял, что шейх лжет, но не менее ясно ему было и то, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут, по крайней мере сейчас. Точные причины, по которым Отман ибн Азиз отрицает, что ему известна судьба Лала Сингха, были скрыты от Гордона, но настаивать на объяснении после формального, но недвусмысленного отказа было бы непростительно неучтиво, да и откровенно опасно.

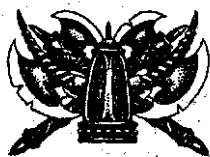
Шейх сделал знак стражнику, и тот вновь ударил в гонг. В зал опять тотчас же вошел Муса и замер, низко склонившись перед тронем.

— Муса проводит тебя в комнату, куда тебе принесут еду и вино, — сказал правитель. — Разумеется, ты мой гость, а не пленник. Стража не будет приставлена к тебе, как не будет заперта и твоя комната. И все же я должен попросить тебя не выходить из нее, пока я не пришлю за тобой слугу. Мои люди очень подозрительно относятся к иност-

ранцам, и пока ты официально не посвящен в члены нашего братства, сам понимаешь...

Что должен был понимать Гордон, шейх уточнять не стал.

LAAL SULTAN

Глава четвертая ШЕПЧУЩИЕ КЛИНКИ

Б

есстрастный и молчаливый Муса вывел Гордона из тронного зала, провел между двумя шеренгами сверкающих доспехами охранников и жестом пригласил американца следовать за ним по узкому извилистому коридору, уходившему в глубь дворца. Вскоре коридор привел их к черной деревянной двери, за которой скрывалась комната с куполообразным потолком, покрытым тонкой резьбой. Окон и дру-

LAAL SULTAN

гих дверей в этой комнате не было; свет и воздух проходили в нее через небольшие отверстия по окружности купола. Тяжелые бархатные портьеры скрывали стены помещения, толстые дорогие ковры устилали пол. Впрочем, из мебели в комнате присутствовал лишь один низкий, обитый бархатом диван.

Муса поклонился и вышел из комнаты, оставив Гордона одного. Проводив взглядом закрывшего за собой дверь слугу, американец сел на диван и задумался. Подумать ему было о чем. За всю его жизнь, полную опасностей и приключений, ему еще не доводилось оказываться в столь странной ситуации. Так, например, совершенно неуместными казались его армейские сапоги и броки цвета хаки в этом таинственном городе, где само время словно вернулось едва ли не на тысячелетие назад. И в то же время Гордону казалось, что все окружающее ему знакомо — или было знакомо когда-то. Но когда?.. Видимо, очень, очень давно... Он вдруг живо представил себе самого себя — черноглазого, черноволосого воина из далеких западных стран, облаченного в кольчугу крестоносца, пробирающегося по таинственным, полным опасностей замкам и подземельям города асасинов.

Гордон нетерпеливо оборвал себя. Он и без того склонялся к вере в перевоплощения души и не нуждался в дополнительных доказательствах. Скорее наоборот, здесь, в Шализаре, правитель которого словно нарочно стремился воссоздать атмосферу многовековой давности, Гордон интуитивно чувствовал присутствие какой-то могучей, скрытой, но абсолютно не мистической, а напротив — совершенно реальной силы.

Что это была за сила? Разумеется, чья-то могучая политическая воля. Воля одной из великих держав,

сцепившихся в смертельной (пока еще скрытой, закулисной) схватке за власть, влияние и владение Индией, страной — ключом ко всей Азии.

За этим орденом фанатиков-наркоманов стояло нечто большее, чем воля его основателя — персидского мечтателя. Чего стоило одно лишь воссоздание этого древнего города! Гордон очень сомневался в том, что на это мероприятие были потрачены деньги лишь из личного состояния Отмана. Вряд ли на это дело хватило бы любого, даже самого огромного частного состояния, даже принадлежащего наследнику персидских шейхов. Нет, за постройкой Шализара явно скрывались иные — почти безграничные средства, которые может предоставить лишь один источник — казна большого, богатого государства.

Впрочем, долго размышлять над тайными пружинами основания и финансирования этого змеиного гнезда Гордон не стал. Сейчас его не столько волновали политические аспекты существования Шализара, и даже не собственное — весьма неопределенное — положение, сколько судьба Лала Сингха. Забыв о судьбах мира и народов, почти забыв о себе, американец нервно ходил из угла в угол комнаты, словно тигр по клетке, и ломал голову над тем, где и в каком состоянии мог находиться в данный момент его верный сикх. То, что Отман отказался признавать присутствие пленника в Шализаре, давало пищу для самых мрачных предположений.

Услышав за дверью приближающиеся шаги, Гордон заставил себя сесть на диван и даже лениво-небрежно развалиться на нем. В комнату вошел Муса, за которым следовал высокий чернокожий раб с золотым подносом, уставленным разными блюдами, и с чеканным золоченым кувшином вина. Муса поспешил закрыть за собой дверь, однако от внима-

тельных глаз Гордона не ускользнул блик на полированной стали шлема, мелькнувшего за портьерой на противоположной стороне коридора, по всей видимости прикрывавшей спрятанную за ней потайную нишу. Итак, Отман солгал, сказав, что к американцу не будет приставлена стража. Гордон тотчас же почувствовал себя свободным от данного им обязательства не покидать выделенного ему помещения.

— Вино из Шираза, саиб. И угощение. — Муса сделал приглашающий к трапезе жест. — А кроме того, сейчас к вам пришлют нежную и ласковую девушку — чтобы саибу не было скучно у нас в гостях.

Гордон хотел было отказаться, но понял, что женщину к нему все равно пришлют — хотя бы для того, чтобы присматривать за ним, и, решив не осложнять себе жизнь, а также не раздражать попусту своих «гостеприимных» хозяев, одобрительно кивнул.

Муса жестом приказал рабу поставить поднос на пол, сам попробовал каждое блюдо, отпил вина и, поклонившись, покинул комнату, пинком подгоняя чуть замешкавшегося негра. Гордон, внимательный и напряженный, словно волк, пробравшийся на деревенский скотный двор, отметил про себя, что вино перс попробовал в последнюю очередь, а на выходе из комнаты его слегка покачивало. Когда дверь за слугами закрылась, Гордон поднес к лицу кувшин и принялся. Нужно было обладать очень тонким и тренированным обонянием, чтобы распознать в букете терпкого вина едва уловимый, но знакомый посторонний аромат. Нет, это был запах не яда, а одного из бесчисленных восточных дурмящих веществ, вызывающих у человека кратковременный, но глубокий, беспредельный сон. Вот почему перс и поспешил поки-

нуть комнату, отпив из кувшина. Он стремился скрыться за дверью раньше, чем снотворное одолеет его. Гордон даже предположил, что шейх, быть может, все же решил попробовать перетасщить его, сонного, в «райский» сад.

Многолетний опыт пребывания при самых разных восточных дворах подсказал американцу, что в этом случае вряд ли кто-то стал бы возиться с подкладыванием яда или дурмана в еду — это занимает больше времени и сил, а кроме того — легче обнаруживается. Вот почему, еще раз осмотревшись, он отдал должное принесенным угощениям, чтобы подкрепить силы.

Не успел Гордон закончить трапезу, как дверь его комнаты вновь приоткрылась — ровно настолько, чтобы позволить проскользнуть в помещение стройной девичьей фигурке. Девушка, одетая в расшитый золотыми нитями парчовый нагрудник, имитирующий парадные воинские доспехи, украшенную драгоценными камнями набедренную повязку и тонкие, из почти прозрачного, струящегося шелка, шаровары, казалось, шагнула в сегодняшний день со средневековых миниатюр, рассказывающих о гареме Гаруна аль Рашида. В следующую секунду Гордон, словно стальная пружина, вскочил на ноги — он узнал эту девушку еще до того, как она сняла с лица полупрозрачную декоративную чадру, сделанную из легкого тюля.

— Азиза! Как ты здесь оказалась?

Девушка подбежала к нему, совсем по-детски вцепилась руками в его плечи и заговорила быстро-быстро, стараясь сдержать наворачивающиеся на глаза слезы.

— Саиб, меня похитили, схватили, когда я пошла вечером погулять в сад нашего дома в Дели.

Меня увезли в караване, выдававшем себя за перегонщиков табунов и торговцев лошадьми. Сначала в Пешавар, а потом — через все хребты и плоскогорья Хайбера — сюда, в этот город дьявола. Со мной везли еще шестерых девушек, похищенных в разных городах Индии. Причем все эти караваны рабов проходят под самым носом у англичан. Там, где дороги проходят мимо британских постов, там, где встречаются армейские патрули, девушек заставляют сидеть в черной, скрывающей лицо и фигуру парандже. Никто не осмеливается закричать и позвать на помощь, потому что нож одного из похитителей всегда находится в нескольких дюймах от твоего сердца или горла. За хребтами Хайбера уже никому нет дела до плача и стонов похищенных женщин, а на территории колониальной Индии нас выдают за жен, сестер и дочерей этих «торговцев лошадьми». В Пешаваре, куда сходятся все караванные пути, и где налажен серьезный пограничный контроль, у похитителей есть свой человек из британской колониальной администрации. Сам он индус, но под его прикрытием каждый год десятки похищенных индийских девушек переправляются в Афганистан...

Гордон сдержал в себе готовые сорваться с губ проклятия и ругательства. Впрочем, мысли его от этого не стали более смиренными и менее кровавыми. То, как хорошо была налажена работа этого канала работорговли — практически под самым носом у англичан, да что там — чуть ли не за спиной самого Гордона, лишний раз подтверждало, насколько развита и глубоко внедрена была в Индии сеть агентуры исмаэлитов.

— Тебе знакомо имя продавшегося похитителям чиновника? — мрачно спросил он девушку.

— Да, саиб. Его зовут Дитта Рам.

— Черт побери! Да я же знаю эту скотину! — не сдержал чувств Гордон.

По-своему его даже обрадовало это известие. Он давно искал возможности вывести на чистую воду этого хитрого и осторожного взяточника, на которого Гордон имел «зуб». Впрочем, разбирательство и наказание чиновника-оборотня из Пешавара пока что откладывалось на весьма неопределенное время.

Азиза продолжала торопливо рассказывать:

— Я здесь уже почти месяц и едва не умерла от ужаса, страха и позора. Мне довелось видеть, как непокорных женщин здесь убивают, замучивают пытками до смерти. Меня определили в «феи» в этих фальшивых райских садах. Когда я увидела тебя под конвоем стражников Махмуда ибн Ахмеда, у меня чуть сердце не остановилось. Мне удалось подсмотреть из-за портьер. Пока я сидела, убитая горем, в нашей комнате, туда вошел евнух-слуга и сказал, что хозяин приказал послать к чужестранцу девушку поумнее, которая смогла бы разговаривать саиба и выведать у него какие-нибудь секреты. Я сразу же вызвалась, сказав, что не боюсь белых мужчин, а кроме того — хорошо понимаю по-английски. Он засомневался, и, чтобы убедить его, мне пришлось сказать неправду: я соврала, что у меня с тобой старые счеты, что ты якобы убил моего брата.

На миг девушка запнулась, словно мысленно прося у богов прощения за столь кощунственную ложь: на самом деле ее брат был одним из лучших друзей Гордона во всей Индии.

— Азиза, скажи, известно ли тебе что-нибудь о Лале Сингхе, сикхе, которого исмаэлиты захватили в плен этой ночью?

— Да, саиб,— кивнула девушка.— Они притащили его в город, чтобы попытаться сделать из него такого же убийцу, опьяненного наркотиками. До сих пор среди исмаэлитов не было ни одного сикха, и правители очень заинтересовались таким пленником. Ведь у Лала Сингха, как я поняла, в Пенджабе большие связи. Но твой друг оказался, быть может на свою беду, человеком огромного мужества. Как только его ввели во дворец и развязали спутывавшие его веревки, он отчаянно набросился на стражу и голыми руками убил младшего брата Махмуда ибн Ахмеда. Теперь капитан арабской стражи требует казнить сикха, и, боюсь, его влияние на Отмана перевесит политические цели правителя, тем более, что, судя по всему, сломить волю Лала Сингха будет не просто.

— Так вот почему шейх соврал мне,— понимающе кивнул Гордон.

— Да, саиб. Сейчас Лал Сингх находится в темнице, в подвалах дворца. Завтра, если ничего не изменится, его выдадут Махмуду для пыток и казни.

Ни один мускул не дрогнул на лице американца, лишь по глазам можно было догадаться о бушевавших в нем чувствах.

— Сегодня ночью ты проводишь меня к комнате, где спит Махмуд ибн Ахмед,— сухо сказал Гордон, сформулировав словами сжигавшие его чувства.

— Нет-нет, саиб! Ни в коем случае! — стала убеждать его Азиза.— Он спит в казарме, в окружении своих воинов, признанных мастеров меча Аравии. Их слишком много даже для такого сильного человека, как ты. Лучше я отведу тебя туда, где находится Лал Сингх.

— А как насчет стражи в коридоре?

— Охрана ничего не заметит! Из этой комнаты есть потайной ход в подвал. Стражники ни за что не войдут сюда, пока я не выйду из комнаты, и никому не позволят зайти.

Отодвинув одну из портьер на противоположной от двери стене, Азиза нажала на один из фрагментов витиеватого резного орнамента. Часть стены сдвинулась внутрь, а затем распахнулась на петлях, открыв за собой узкую каменную лестницу, уводящую вниз, в крошечную темноту.

— Хозяева всегда недооценивают своих слуг, считая, что тем неведомы их секреты,— улыбнулась Азиза.— Пойдем.

Протянув руку, девушка извлекла из-за дверного косяка с внутренней стороны потайной двери тонкую свечу и спички. Подняв огонек над головой, она стала первой спускаться по лестнице. Гордон последовал за нею. Когда, по его расчетам, они оказались уже ниже уровня первого этажа, лестница сменилась горизонтальным туннелем.

— Сейчас мы под одним из внешних садов,— сказала Азиза.— Когда я оказалась в Шализаре, то сразу же стала обдумывать возможность побега. Мне повезло познакомиться с одним из слуг, который давно готовился бежать отсюда. Поверив мне, он согласился взять меня с собой. Он-то и показал мне этот туннель. Здесь мы прятали впрок еду и оружие. Но, к несчастью, моего друга выследила и схватила дворцовая стража. Он умер под пытками, но не выдал меня. Вот меч, который он спрятал на случай побега.

Азиза вынула из-под нижней ступеньки короткий прямой меч, который Гордон с удовлетворением взвесил в руке. Это оружие будет весьма нелипшим здесь, в дворцовых покоях и подземельях.

Через минуту они подошли к тяжелой, обитой железом двери. Приложив палец к губам, Азиза показала Гордону узкую щелочку, через которую можно было разглядеть то, что находилось по другую сторону от двери. Гордон увидел, что за дверью туннель выходит в достаточно широкий коридор. С одной стороны коридор упирался в тупик с единственной маленькой дверью — затейливо украшенной резьбой и запертой на нешуточные засовы. Вдоль противоположной стены шел ряд камер с решетчатыми дверьми. Сам коридор, не очень длинный, был освещен свисавшими с потолка бронзовыми масляными лампами.

Перед дверью одной из камер стоял внушительного роста араб в доспехах и шлеме дворцовой стражи. Крючконосый, чернобородый, с палашом наголо, он представлял собой живое воплощение значительности, обеспеченной оружием, силой и осознанием собственной власти.

Рука Азизы легла на плечо Гордона.

— Лал Сингх находится в камере, около которой стоит стражник, — прошептала девушка. — Хорошо бы убить араба без стрельбы, чтобы не поднимать лишнего шума. Огнестрельного оружия у него нет, а в своем мастерстве владения клинком он уверен на сто процентов. Из гордости он не станет звать на помощь, пока не поймет, что побежден. Звона стали наверху, в караульном помещении, не услышат.

Гордон прикинул сбалансированность клинка, доставшегося ему от беглеца-неудачника. Это было легкое, изящное индийское оружие. Впрочем, его легкость не мешала ему быть прочным и отточенным до остроты бритвы. Рубить таким клинком было одно удовольствие, колоть же труднее, но возмож-

но. По длине он был практически равен палашу часового.

Сосредоточившись и настроившись на поединок, Гордон открыл дверь и шагнул в тюремный коридор. За решеткой, за спиной стражника, он успел заметить удивленно-недоверчивое лицо Лала Сингха. На скрип ржавых петель араб резко развернулся, мгновенно оценил ситуацию и почти радостно, как опытный боец в предвкушении кровавого поединка, по-тигриному стремительно бросился в атаку.

С не меньшей гордостью американец бросился ему навстречу. Руки Лала Сингха до побеления косяшек пальцев сжали прутья решетки. С другой стороны коридора, затаившись за дверью, Азиза тоже наблюдала за тем, как разворачивается бой двух мастеров фехтования, бой, от которого кровь закипела бы у самого равнодушного наблюдателя.

Единственными звуками, раздававшимися в подземном коридоре, были шуршание подошв по каменному полу, дыхание соперников и звон стали. Сверкающие в золотистом свете ламп клинки, словно молнии, рассекали воздух. Они походили на живые существа, на языки двух гигантских, разящих все на своем пути змей. Казалось, что оружие приросло к рукам бойцов — так естественно и ловко, словно частью своего тела, владели они им. Для Азизы бой был абсолютно непонятной фантаσμαгорией, лишь заставлявшей кровь стечь в ее жилах. Лал Сингх же, выросший с мечом в руке, напряженно следил за каждым движением, за каждым выпадом, ударом и уходом противников, понимая, что в этом бою сошлись настоящие мастера клинка. Впрочем, понимать — еще не значит оставаться спокойным, и Лал Сингх, подобно Азизе, следил за поединком с величайшим напряжением.

На мгновение раньше араба он почувствовал едва уловимое изменение в балансе сил. А в следующий миг и сам стражник, осознав неизбежность поражения, уже набрал воздуха в легкие, чтобы отчаянным криком позвать на помощь и обеспечить тем самым отмщение за свою неминуемую гибель. Однако Гордон не дал противнику этого последнего шанса. Его меч засвистел в воздухе еще стремительнее и в какой-то момент словно играючи, едва-едва, самым острием коснулся шеи стражника. Араб повалился на пол, голова его повисла на надрубленной шее. Кровь хлынула из огромной зияющей раны. Часовой умер, не успев издать предупредительного крика.

Мгновение Гордон постоял над ним, переводя дыхание. Впрочем, сильно усталым он не выглядел, ни единой царапины не прибавилось на его теле после этого поединка. Лишь несколько мелких капелек пота над бровями выдавали пережитое напряжение.

Нагнувшись, он снял с пояса часового связку ключей. Звук лязгающего замка, казалось, вывел Лала Сингха из транса.

— Саиб! Это безумие! Безумие приходить сюда, в это змеиное гнездо, ради меня! — воскликнул сикх. — Нет, но кто бы мог подумать, что какой-то араб умеет так классно владеть мечом?! Саиб, это мне напомнило те дни, когда мы с тобой мерялись силами и мастерством фехтования с лучшими мечами Турции.

— Ладно, сейчас нам не до воспоминаний, — усмехнулся Гордон, распахивая решетку. — Вылезай.

Сикх шагнул в коридор. Без тюрбана, голый по пояс, весь грязный, он тем не менее выглядел по-прежнему внушительно и совершенно не казался сломленным тем, что с ним произошло.

Гордон напряженно обдумывал, как поступить дальше.

— До темноты нечего и пытаться выбраться из города, — сказал он. — Нужно ждать. Азиза, когда должны сменить часового?

— Смена происходит каждые четыре часа. Этот стражник заступил на дежурство совсем недавно — за несколько минут до нашего появления здесь.

— Отлично! Итак, у нас есть почти четыре часа.

Глянув на наручные часы, Гордон удивился, обнаружив, что находится в Шализаре дольше, чем ему это казалось.

— Через четыре часа начнет смеркаться. Как только стемнеет, мы попытаемся выбраться отсюда. Пока мы все не подготовим, ты, Лал Сингх, останешься в потайном переходе, на лестнице у двери, ведущей в мою комнату.

— Но когда придут менять часового, сразу же обнаружат, что я сбежал из камеры. Наверное, лучше оставить меня за решеткой, чтобы не давать страже точного направления поисков, — предложил сикх. — А когда все будет готово, ты придешь за мной или пригнешь девушку.

— Нет, на такой риск я пойти не могу. Ситуация может сложиться так, что я не смогу вернуться за тобой вовремя. Ничего, у нас, считай, четыре часа. А когда твое исчезновение обнаружат, общий переполох может даже сыграть нам на руку. А сейчас надо бы спрятать труп куда-нибудь.

Оглянувшись, Гордон задержал взгляд на красивой двери с тяжелыми засовами в дальнем конце коридора. Поймав этот взгляд, Азиза в ужасе воскликнула:

— Нет, только не туда, саиб! Только не открывай эту дверь! Она ведет в ад!

— В каком смысле? Подожди, объясни толком, что находится за этой дверью.

— Я точно не знаю. Тела тех, кого в Шализаре казнят, сбрасывают с обрыва плато, и их пожирают шакалы и грифы. Сюда же, за эту дверь, вытаскивают тех, кто подвергся пыткам, но еще не умер. Что там с ними происходит, я не знаю, но кричат и стонут они отчаяннее, чем при самых жестоких пытках. Можешь мне поверить — я сама слышала крики этих несчастных. Говорят, что за этой дверью живет джинн, который отказывается питаться мертвечиной и пожирает людей лишь живыми.

— Может быть, оно так и есть, — скептически заметил Лал Сингх, — но несколько часов назад я видел, как кто-то из рабов открыл эту дверь и выставил за нее большую корзину с чем-то. С чем именно — я не разглядел, но явно это не было телом мужчины или женщины, тем более — живым.

— Наверное, это был ребенок! — в ужасе задрожала Азиза.

Тут Гордона осенило: отложив выяснение природы кошмарного обитателя пространства за дальней дверью, он потащил тело убитого стражника в камеру Лала Сингха. Тот, сообразив, в чем дело, помог другу, а затем, по его указанию, снял с араба одежду, надел ее на себя, а убитого обрядил в лохмотья, остававшиеся на нем после пленения. Труп был усажен у стены в дальнем углу камеры, его голова склонялась на грудь так, что при беглом взгляде не была заметна чудовищная рана на горле араба. Хотя покойник и был намного ниже ростом, чем сикх, в сидячем положении это не было заметно. Лал Сингх надел на себя ту одежду араба, что более или менее подошла ему по длине. Остальное, включая доспехи и шлем, он забрал с собой, чтобы

спрятать в туннеле. Заперев потайную дверь изнутри, Гордон отдал ключи сикху.

— На полу тюремного коридора осталось много крови, — сказал американец. — Тут уж ничего не поделаешь. Будем надеяться, что, приняв мертвеца за тебя, стражники сначала бросятся искать самого пропавшего часового. Это даст нам еще какой-то выигрыш во времени. Четкого плана, как выбраться из города, я пока не придумал, все будет зависеть от того, как сложатся обстоятельства. Если я пойму, что побег отсюда невозможен, мне останется только убить шейха, а там... на все воля Аллаха.

Если получится так, что я не смогу выбраться отсюда, а вам двоим это удастся, попытайтесь пробраться назад по ущелью, туннелю и каньону — навстречу гильзайцам. Я послал за ними Яр Али-хана. Если он нашел наших лошадей, то к ночи он уже доберется до Кхора. А следовательно, гильзайцы будут по эту сторону туннеля завтра утром.

Поднявшись по лестнице, ведущей из подземелья к комнате Гордона, друзья остановились.

— Лал Сингх, ты останешься здесь, — распорядился Гордон. — Жди, пока я за тобой не приду. Оставь себе оба клинка. Я не могу показаться Отману с трофейным или краденым оружием. Возьми фонарик, и вот — держи.

С этими словами он почти насильно всунул в руку сикха свой пистолет.

— И без возражений! — строго сказал американец. — Все это скорее понадобится тебе, чем мне. Я тут в некотором роде почетный гость-пленник. И запомни: если со мной что-нибудь случится, бери девушку с собой и попытайся бежать под покровом темноты. Если же в течение ближайших четырех часов ни я, ни Азиза за тобой не придем, уходи один.

— Как прикажешь, Эль Борак. Прости меня, я навеки покрыл себя позором, оказавшись в плену без боя. Но езиды кралась по ущелью тихо, как кошки. Они там каждый бугорок знают, и им удалось подобраться ко мне в темноте на расстояние броска камня. Я помню страшный удар по голове, а затем, очнувшись, с ужасом понял, что лежу с кляпом во рту и связан по рукам и ногам. Так же, по их словам, они сначала оглушили Ахмад-шаха, но потом перерезали ему горло, потому что исмаэлиты не хотят иметь ничего общего с местными горцами. Им даже запрещено брать пуштунов в плен. Видимо, они опасаются, что рано или поздно местные жители разболтают секреты своим родственникам и тайна Шализара будет раскрыта. В общем, сайб, я объяснил причину своего пленения: эти езиды ловки, как кошки, и коварны, как кобры. Но все это никак не снимает с меня ответственности и не смыкает моего позора.

С этими словами сикх сел на верхнюю ступеньку лестницы, подобрал под себя ноги и приготовился к долгому ожиданию со спокойствием и невозмутимостью, свойственными его народу.

Когда Гордон и Азиза вошли в комнату и закрыли за собой дверь, девушка тщательно задернула прикрывавшую ее портьеру. Затем американец сказал ей:

— Теперь ты иди. Не стоит возбуждать подозрения слишком долгим твоим отсутствием. Постарайся вернуться ко мне ближе к вечеру, в сумерках. Сдается мне, что меня будут удерживать в этой комнате, пока не вернется некий Багила. Когда придешь, скажи стражнику у двери, что тебя послал шейх. Наверняка мне еще предстоит встретиться с ним, и я замолвлю словечко о столь понра-

вившейся мне девушке. Да, кстати, мне принесли вино со снотворным. Скажи им, что видела, как я пил его, а затем крепко уснул. Похоже, я догадываюсь, зачем мне его подсунули.

— Я сделаю все, как вы скажете, сайб, и постараюсь в сумерках вернуться сюда.

Девушка дрожала от страха и восторга, но держала себя в руках. Сочувствие и печаль отразились во взгляде Гордона, которым он проводил скрывающуюся за дверью стройную фигурку. Дочь богатого торговца из Дели, Азиза, конечно, была не приучена к такому обращению, какое ее встретило в Шализаре. Тем не менее держалась она мужественно и с достоинством.

Гордон взял кувшин, прополоскал вином рот — так, чтобы терпкий запах разносился бы его дыханием, выпил часть вина в угол за портьеру, а часть пролил на пол у дивана, словно случайно уронив кувшин. Повалившись на диван, американец глубоко и ровно задышал, изображая крепкий сон.

Не прошло и нескольких минут, как дверь вновь приоткрылась, и в комнату вошла девушка. То, что это была девушка, Гордон определил, не открывая глаз, — по легким шагам и аромату духов, ударившему ему в ноздри. И именно эти же признаки определенно дали ему понять, что это была не Азиза. Судя по всему, шейх не слишком-то доверял женщинам и предпочитал на всякий случай продублировать информацию, полученную от одной из них, посылая на проверку другую. Гордон не думал, что ее подослали убить его: для этого за глаза хватило бы яда в кувшине, поэтому он предпочел не рисковать и не подсматривать за ней сквозь прищуренные, но не плотно закрытые веки.

Судя по частому, прерывистому дыханию девушки, она сама дрожала от страха. Ее ноздри едва не коснулись его губ. Наконец раздался вздох облегчения — это незнакомка учуяла запах вина со снотворным, исходивший от Гордона. Мягкие проворные руки ловко обыскали его, явно стремясь нащупать спрятанное оружие. Ощувив ее пальцы под левой рукой, там, где под курткой висела на портупее потайная кобура, Гордон порадовался, что предусмотрительно отдал пистолет Лалу Сингху. Ведь, разыгрывая усыпленного снотворным, он был бы вынужден позволить девушке забрать у него оружие.

Так же тихо, как вошла, незнакомая девушка покинула комнату. Чуть скрипнув, закрылась за ней дверь. Гордон продолжал лежать неподвижно, решив воспользоваться тем, что предоставила в его распоряжение сложившаяся ситуация. И раз уж в течение ближайших трех — трех с половиной часов предпринять что-либо было нельзя, то оставалось хотя бы выспаться и набраться сил. Долгие годы напряженной, изматывающей жизни приучили Гордона использовать любую возможность поесть и поспать, что никогда не бывает лишним. Другому человеку едва ли удалось бы даже вздремнуть в таком нервном состоянии, но Гордон уже давно привык играть со смертью в игру, ставкой в которой была его собственная жизнь. Вот и сейчас весь его маскарад висел на волоске, его судьба, как и судьба его друзей, зависела от весьма сомнительной возможности бежать с плато под покровом ночи, никакого конкретного плана бегства из города и спуска с обрыва у него не было — и тем не менее он уснул. Уснул так крепко и спокойно, словно остановился на ночлег в доме верного друга в тишине и безопасности своей родной страны.

Глава пятая МАСКА СОРВАНА

К

ак и большинство людей, ведущих своего рода «волчий» образ жизни, Гордон мог уснуть, когда это бывало нужно, в любой обстановке и в любое время. При этом будильник его внутренних, подсознательных часов тоже никогда не подводил его. Впрочем, на этот раз он Гордону не понадобился — американцу пришлось проснуться несколько раньше предварительно намеченного им времени.

Стоило дверям лишь чуть скрипнуть, как Гордон мгновенно вскочил с дивана, готовый ко всему. На этот раз его покой потревожил вошедший Муса, как всегда вежливо и учтиво поприветствовавший его.

— Шейх Аль-Джебаля желает видеть вас, саиб, — объявил слуга. — Господин Багила вернулся в Шализар.

Итак, некто таинственный, по прозвищу Пантера, вернулся в город раньше, чем ожидал шейх. Не зная, чего именно ему ждать от этой встречи, Гордон внутренне готовился ко всему. Выходя вслед за Мусой из комнаты, он обратил внимание на то, что портьера на противоположной от двери стене по-прежнему чуть топорщилась — стражник все еще находился там, на своем посту.

Муса повел американца не в тот зал, где его впервые принимал шейх, а — по длинному, извилистому коридору — к незнакомой раззолоченной двери, вход в которую преграждал воинственно выглядевший рослый часовой-араб. По знаку Мусы стражник распахнул дверь и позволил персу и его спутнику пройти в скрытое за ней помещение. Шагнув за порог, Гордон от неожиданности замер на месте.

Он оказался в довольно просторном зале без окон, но с несколькими дверями. Прямо напротив той, через которую вошел американец, на бархатном диване раскинулся шейх Аль-Джебаля. За его спиной, по обыкновению, замерли два чернокожих суданца с серебристыми алебардами, а кроме того, вокруг дивана плотным полуколыцлом столпилась дюжина вооруженных людей самых разных национальностей: курды, друзья, арабы и даже один представитель племени орадж — весь покрытый шрама-

ми громила, знакомый Гордону под именем Урук-хан, возглавлявший некогда жестокую банду убийц и грабителей.

Но всех этих людей, включая и грозного Урук-хана, Гордон едва удостоил краткого взгляда. Все его внимание оказалось приковано к еще одному присутствующему в зале. Этот человек, шагнув вперед, оказался между американцем и диваном шейха. Судя по кривым ногам, ему пришлось немалую часть жизни провести в седле, что, однако, не лишало его фигуру внушительности и даже некоторой эффектности. Высокий, худощавый, этот человек был даже по-своему, как-то зловеще красив. Одна его рука ласково поглаживала рукоять большого автоматического пистолета, свисавшего с пояса, другая механически подкручивала длинный черный ус. Гордон понял, что проиграл свою партию, ибо этот долговязый усатый кавалерист был не кем иным, как Иваном Конашевским, казаком, слишком хорошо знавшим Эль Борака, чтобы можно было обвести его вокруг пальца, как это удалось сделать с шейхом, наплетя ему всяких небылиц.

— Вот этот человек, — сказал Отман. — И он хочет вступить в наше братство.

Человек по имени Багила презрительно улыбнулся:

— Он притворяется, шейх. Он актер, умело играющий выбранную роль. Нет, убей меня, я не поверю, чтобы Эль Борак оказался предателем. Не тот он парень. А здесь он мог оказаться только в одном качестве — как шпион, засланный англичанами.

От взглядов, нацеленных на Гордона, немедленно повеяло холодом и ненавистью. Да, этим людям достаточно было одного слова Багилы, чтобы поверить ему и составить мнение о том, что он говорит.

Гордон вдруг от души рассмеялся, чем явно привел в замешательство всех присутствующих. Не понял причину этой веселости и Иван Конашевский. Он достаточно хорошо знал американца, чтобы отделить ложь от истины в его словах и даже абсолютно точно определить истинную цель его появления в тайном городе, но даже он не знал его настолько хорошо, чтобы понять этот смех и новый, мрачный блеск, появившийся в глазах Эль Борака.

В смехе Гордона не было ни самоиронии, ни цинизма, вызванного признанием своего поражения. Нет, под непроницаемой личиной Эль Борака скрывалась душа дикого, яростного воина. Долгие годы жизни разведчика приучили его к справедливости древней мудрости: вступать в бой только тогда, когда не осталось никаких средств избежать его. Но теперь игра была проиграна, и уже ничто не сдерживало рвущегося в бой воина! Маски были сброшены. Продумав все, что было возможно, Гордон не смог-таки перехитрить судьбу и учесть все-все вероятные и невероятные встречи в этом таинственном городе. Отступать теперь было некуда. Ему оставалось только одно — принять этот бой, последний бой в жизни. И в этом бою у Гордона было одно преимущество — ему уже нечего было терять, он мог не задумываться о последствиях этой стычки, мог не строить стратегических планов. Для него все должно было решиться в ближайшие мгновения — в этом самом бою. И смех, так удививший его противников, вырвался из каких-то первобытных, диких уголков души цивилизованного американца. Даже вспыхнувший в его глазах злобный огонь не насторожил противника — все были слишком удивлены этой вспышкой необъяснимого веселья.

Шейх развел руками и снисходительно произнес:

— В таких делах я всецело полагаюсь на тебя, Багила. Ты знаешь этого человека, я — практически нет. Можешь делать с ним, что считаешь нужным. Не бойся, он не вооружен.

Получив заверения в беспомощности слывшего весьма опасным противника, шализарцы заметно оживились. Урук-хан потянул из ножен трехфуттовый хайберский меч. Остальные тоже взяли за оружие. Самых разных клинков в зале было предостаточно, но, судя по всему, огнестрельное оружие было только у казака.

— Не вооружен? — усмехаясь, переспросил шейха Иван и перешел на русский язык, понятный из всех присутствующих лишь Гордону. — Что ж, так оно для всех спокойнее... Нет, Гордон, не думай, что ты окажешься таким болваном. Соваться сюда тебе — тебе, кого каждая собака знает, — это просто безумие. Неужели ты не мог предположить, что в таком месте наверняка найдется кто-нибудь, кто знает тебя как облупленного? Естественно, я не имею в виду этих дикарей, включая и так называемого шейха...

— Согласен, ты оказался в этой партии неожиданно вынырнувшим из колоды джокером, — признал Гордон. — Я и вообразить не мог, что таинственный Багила — это и есть ты. Тут я и вляпался, понадеявшись на удачу. Да, все сошлось так, как я и предполагал: я имею в виду то, что за всем этим маскарадом стоит какая-то европейская держава. По-моему, твои хозяева тоже мечтают об установлении своей азиатской империи, ведь так? Вот они и послали тебя сюда, чтобы установить связи и объединить силы с этим фана-

тиком Отманом. Он прельстился возможностью осуществить свою давнюю мечту, а потому стал послушным орудием в твоих руках. На ваши деньги был построен этот город, вооружены европейским оружием эти бандиты. Но на что вы рассчитываете, чего хотите достичь, опираясь на банду наркоманов-фанатиков? Заменить всех верных Британии азиатских правителей послушными марионетками? Под страхом смерти заставить враждебных вам султанов и пашей подписать и соблюдать мирные договоры?

— Частично — да, — спокойно кивнул Конашевский. — Это одно из направлений строительства нашей империи в Азии. Не стану утруждать себя и беспокоить тебя напоминаниями о том, что в новой империи тебе нашлось бы достойное место. Я знаю, что это бесполезно. Твое упрямство и верность в отстаивании интересов Англии известны не меньше, чем твое воинское мастерство. Ты из кожи вон лезешь, чтобы сохранить и укрепить британское правление в Индии, хотя, признаться, я не понимаю причин этой настойчивости. Ты ведь американец, ты даже не англичанин по происхождению твоего рода. Еще до того, как уплыть через Атлантику в Новый Свет, твои предки веками воевали с англичанами...

Гордон чуть заметно улыбнулся:

— Мне нет дела до англичан. Но Индия — этой стране под британским правлением будет куда лучше, чем под властью тех, кто использует в своей борьбе таких людей, как ты и Отман. Да, кстати, а кому в данный момент ты подчиняешься? Царским агентам или кому-то другому?

— Уверяю тебя, что не пройдет и нескольких минут, как эти и все другие вопросы перестанут

интересовать тебя, — усмехнулся Конашевский, обнажив в кривой ухмылке желтые зубы.

Отман и его приближенные забеспокоились, явно не желая присутствовать при разговоре, ведущемся на непонятном им языке. Уловив их недовольство, казак перешел на арабский:

— Интересно будет понаблюдать за твоими последними минутами — или, быть может, долгими предсмертными часами. Говорят, что ты терпелив и вынослив, как краснокожие индейцы. Любопытно будет проверить справедливость этих утверждений... Связать его!

С этими словами Иван стал вынимать из кобуры пистолет, так как понимал, что Гордон вряд ли добровольно позволит связать себя. Но, даже понимая, что его противник опасен и без оружия, казак не мог предположить, насколько стремительными, взрывоопасными могут быть движения американца. В общем, Конашевский еще не успел поднять выхваченный из кобуры пистолет на нужную высоту, как Гордон уже бросился на него и молниеносным ударом в челюсть нокаутировал казака. Кровь брызнула из разбитой губы, Иван повалился на пол, пистолет выпал из его разжавшейся руки.

Только Урук-хан, по собственному опыту знавший, насколько грозным может быть в бою Эль Борак, заранее подготовился к атаке и первым подбежал к нему. Его атака не позволила Гордону поднять упавшее оружие Ивана, заставив американца присесть и развернуться на месте, уворачиваясь от занесенного трехфутового клинка. Метнувшись к нападающему, Гордон перехватил запястье его руки, сжимавшей оружие, останавливая в воздухе рубящий удар. Одновременно, пользуясь мгновенным замешательством противника, не ожидавшего тако-

го отпора, он сумел выхватить из-за пояса Урук-хана кинжал и практически тем же движением всадить этот клинок ему под ребра почти по рукоятку. Урук-хан застонал и стал заваливаться на пол, оставив в руках Гордона свой меч.

Все это произошло в одно мгновение, в каком-то взрыве скорости, соединившейся с силой, и заняло лишь краткую долю секунды! Конашевский был выведен из боя, а Урук-хан и вовсе отправлен на тот свет — причем раньше, чем кто-либо успел понять, что происходит. Когда же остальные приближенные шейха вступили в схватку, их встретил клинок длиной почти в ярд, сжатый в руке одного из самых известных мастеров фехтовального дела к северу от Хайбера.

Вместе с первым же разворотом в сторону нападавших Гордон сразил слишком увлекшегося собственной яростью курда, боковым ударом перерубив ему яремную вену. Затем пришла очередь одного из арабов, повалившегося на пол со вспоротым животом. Бросившийся в ноги Гордону с кинжалом в руках друг с воем откатился назад, зажимая ладонью культю правой руки, с которой меч Гордона одним взмахом снес кисть и часть запястья.

Американец даже не стал прижиматься к стене, чтобы прикрыть спину. Наоборот, с яростным боевым кличем он сам перешел в атаку и вонзился в гущу нападавших на него противников. Он оказался в центре бешеного водоворота рубящих, колющих, сверкающих, словно молнии, клинков, которые тем не менее никак не могли поразить свою единственную цель. Цель эта беспрестанно перемещалась по залу, меняя позицию каждую секунду. Взгляды нападавших едва успевали за маневрами Гордона, чего нельзя было сказать об их клинках. Даже

численное превосходство исмаэлитов сыграло с ними злую шутку. В пылу боя они уже нанесли несколько ран друг другу и теперь были вынуждены действовать осторожно; частенько откровенно рассекая мечами и саблями воздух, даже не рассчитывая попасть в цель. Разумеется, сильное психологическое, деморализующее воздействие на нападавших оказал и сам бешеный шквал смертоносных ударов со стороны того, кого еще минуту назад они считали беззащитной, обреченной жертвой.

В ближнем бою в помещении длинный прямой клинок, похожий на большой нож, был эффективнее, чем сабли и ятаганы нападавших. Да и вообще, в руках человека, умеющего обращаться с хайберским мечом, он становится едва ли не самым эффективным холодным оружием в мире. А Гордон как раз и посвятил немало дней своей жизни тренировкам с клинком этого типа, бесчисленное количество раз отрабатывая пробивающий любую защиту разящий удар сверху — тот, что рассекает человеческий череп от макушки до шеи, — или, например, укол в живот, с одновременным движением снизу вверх, от чего внутренности из вспоротого брюха жертвы вылетали наружу.

Это была настоящая бойня. Ни одного лишнего или ошибочного движения не позволил себе Эль Борак, знавший, что карой за малейшую ошибку будет мгновенная смерть. Ни на миг он не испугался и не усомнился в себе. Словно тайфун, он пронёсся сквозь стену тел и клинков, оставляя за собой залитую кровью просеку.

В пылу сражения чувство времени притупляется. Казалось, прошла целая вечность, на самом же деле едва ли минуту спустя нападавшие как-то разом отпрянули, отступив под напором одинокого

воина. Эль Борак резко развернулся на месте, чтобы избежать удара в спину, и одновременно вычислил взглядом спрятавшегося в дальнем конце зала шейха, которого прикрывали своими телами и алебардами могучие суданцы. Мускулы Гордона напряглись, готовясь к решающему броску, но неожиданно раздавшийся резкий крик заставил американца мгновенно обернуться.

В зал, распахнув двери из коридора, вбежала группа стражников-арабов, направивших стволы винтовок на американца. Его противники немедленно бросились врассыпную, чтобы не оказаться на линии огня. Гордон, видя, как поднимаются винтовки, успел напомнить себе, что терять ему больше нечего, и прикинул шансы добраться-таки до шейха. Выходило так, что где-то на полпути к Отману его неминуемо поразит с полдюжины пуль, но при определенной доле везения у него еще может хватить остатка инерции и силы, чтобы вонзить меч в горло или сердце этого опасного безумца. Померяться силами с самой смертью — это могло бы напугать слабого духом человека, но не таким был Фрэнсис Гордон, для которого вся жизнь была азартной игрой.

А затем — впрочем, можно было бы сказать, в тот же миг, так быстро все произошло, — еще до того, как Гордон метнулся к шейху, а арабы нажали на спусковые крючки, дверь с правой стороны зала распахнулась, и шквал свинца обрушился на шеренгу стрелков. Это был Лал Сингх! С первой же вспышкой в руке сикха, сжимавшей пистолет, Гордон изменил свои планы самым коренным образом: теперь он отложил последний поединок со смертью до лучших (или худших?) времен и сосредоточился на том, как выжить в этой почти безнадежной ситу-

ации. Решение оказалось неожиданным даже для него самого: вместо отступления Гордон бросился в сторону смешавшегося строя арабской стражи.

Выстрелы Лала Сингха, унесшие жизни троих арабов и заставившие закричать еще двоих, тяжело раненных, изрядно деморализовали стражников. Кто-то начал стрелять в сикха, кто-то — в приближающегося Гордона. Разумеется, и те и другие промахнулись, как всегда бывает с людьми, чье внимание оказывается раздвоенным. В стремительном прыжке Гордон ворвался в строй арабов, успел несколько раз взмахнуть мечом и, проникнув сквозь смешавшиеся шеренги, как горячий гвоздь сквозь масло, выскочил в коридор, откуда метнулся в дверь, ведущую в комнату, из которой стрелял его друг. Лал Сингх, увидев, что Эль Борак ушел со своей стороны и проворно захлопнул дверь зала со своей стороны и с удовлетворением услышал, как град пуль обрушился на окованные бронзовыми листами толстые створки.

Перекрикиваясь, друзья бросились по анфиладе комнат навстречу друг другу. На беду сикха, он слишком увлекся и не заметил, как из-за одной из портьер взметнулась в воздух сжатая сильной рукой дубинка, которая в следующий миг обрушилась ему на голову. Предупреждающий возглас Гордона прозвучал слишком поздно. Сикх повалился на каменные плиты пола, одна из которых неожиданно резко ушла вниз, и образовавшаяся яма-ловушка проглотила бесчувственное тело Лала Сингха.

Громогласно проклиная все на свете, Гордон подбежал к портьере, но рубящий удар его меча пришелся по камню. Тот, кто прятался в засаде на выходе из зала, успел скрыться в какой-нибудь потайной нише, искать вход в которую у Гордона не

было времени. Сикх исчез в провале в полу — живой или мертвый, неизвестно, — и помочь ему сейчас Гордон был не в силах. Плита-ловушка вновь встала на свое место, закрыв путь в подземелье, а в коридор уже ввалились стражники, открывшие яростную пальбу. Эхо выстрелов, многократно отразившись от стен коридора, пошло гулять по дворцовым покоям.

Винтовочные приклады гулко забарабанили по запертой сикхом двери. Гордон запер дверь, ведущую в коридор, и, двигаясь вдоль стен, чтобы избежать ловушек на прямых линиях между дверьми, обогнул комнату. Здесь, распахнув еще одну обитую бронзой дверь, Гордон метнулся в узкий коридор, шедший перпендикулярно основной анфиладе залов. В дальнем конце коридора виднелось окно с позолоченной ажурной решеткой. Навстречу Гордону бросился какой-то курд с винтовкой наперевес. Стражник успел выстрелить, не целясь, лишь один раз. Передергивая затвор вторично, он уже был сметен налетевшим, как ураган, Гордоном. Американец, взбешенный предательским нападением на сикха и разгоряченный боем, ударил мечом наотмашь. Голова курда соскочила с плеч и покатилась по полу, а обезглавленное тело отлетело к стене, заливая все вокруг себя фонтаном бьющей из рассеченных вен и артерий крови.

Подбежав к окну, Гордон вскарабкался на подоконник и, упершись в один из прутьев решетки плечом, руками и ногой надавил на другой. Мощь стальных мышц, помноженная на первобытную ярость, дала результаты: прутья, чуть согнувшись, с хрустом вырвались из креплений в оконном проеме. Протиснувшись в образовавшуюся щель, Гордон оказался на балконе-галерее, укрытом от солн-

ца и от взглядов снаружи тонкими кружевными занавесями. За спиной американца послышались шаги и крики. Прогремели выстрелы, первые пули ударились в оконный переplet и просвистели рядом с беглецом. У Гордона оставался лишь один путь — вперед. Он прыгнул, на лету взмахом клинка пропоров тюль занавеса, и, сгруппировавшись, приземлился в дворцовом саду.

Сад был пуст, если не считать полудюжины с визгом разбежавшихся в разные стороны женщин. Петляя между деревьями, чтобы не попасть под пули преследователей, Гордон побежал к дальней стене, ограждающей сад. Бросив взгляд через плечо, он успел заметить множество злобных бородатых лиц на балконе и блестящие на солнце винтовочные стволы, нацеленные ему в спину. Пули свистели рядом с ним, попадали в стволы и ветви деревьев, шелестели в зеленой листве... Чей-то злобный боевой клич предупредил беглеца о новой опасности.

По стене наперерез ему бежал человек, размахивая зажатым в руке ятаганом.

Этот стражник — крепко сложенный, даже толстоватый курд — совершенно точно рассчитал место, где преследуемый должен был подбежать к стене. На свою беду, сам он оказался на этом месте на секунду позже, чем Гордон. Стена была невысока — примерно в человеческий рост, — и Гордон легко, почти не теряя скорости, взобрался на нее — как раз вовремя, чтобы, успев восстановить равновесие, поднырнуть под свистнувший в воздухе ятаган. Мгновение спустя острие хайберского меча вонзилось в жирный живот нападавшего.

Курд издал предсмертный стон, захрипел, как издыхающий бык, и, выпустив ятаган, последним

усилием вцепился обеими руками в плечи своего убийцы. Затем, заваливаясь на бок, тяжелый курд увлек за собой и Гордона. Тот успел заметить, что стена сада почти нависала над неглубоким обрывом узкого сухого оврага. Гордону хватило сил и времени лишь на то, чтобы как можно дольше удерживаться ногами на парапете стены. Это дало ему возможность, пролетев вдоль стены и обрыва полтора десятка футов вместе со своей жертвой, оказаться наверху в момент приземления. Тело толстяка смягчило удар, но даже при этом у Гордона перехватило дух, и он на время потерял способность ориентироваться в пространстве и что-либо делать. Из ступора его вывел сухой звук винтовочного выстрела. «Мимо», — успел подумать Гордон, услышав, как пуля ударилась о камень где-то за его спиной. «Следующий точно не промахнется», — вынужден был признать он, поднимая голову. Действительно, прямо с гребня стены на него жадно нацелилось дуло винтовочного ствола...

Глава шестая ПРИЗРАК КОШМАРНОГО ЛАБИРИНТА

Г

ордон встал на ноги, понимая, что, безоружный, он ничем не сможет защитить себя от неминуемой пули в грудь или в голову. словно замороженный, глядел он в крохотный черный кружок ствольного среза. Чуть дальше, за дулом, слегка размытое, виднелось оскалившееся в злобной ухмылке убийцы лицо стрелка.

Затем, к удивлению Гордона, чья-то рука увела ствол в сторону, и в тот же миг над

гребнем стены показалось множество голов в разноцветных тюрбанах. Человек, остановивший стрелка, рассмеялся, что-то сказал ему и махнул рукой в ту сторону, куда уходил овраг. Обидевшийся было на него стрелок подумал — и лицо его исказила жестокая улыбка. Гордон с удивлением разглядывал ряд бородатых лиц. Преследователи смотрели на него сверху, удовлетворенно и злорадно ухмылялись, как будто они подстроили беглецу зловещую ловушку. Затем, когда другие продолжали злобно смеяться, другие стали выкрикивать ответы на вопросы, задаваемые кем-то невидимым.

Гордон терялся в догадках: еще несколько секунд назад он не ждал от этих людей ничего, кроме шквала свинца, — и вдруг они явно отказывают себе в удовольствии пристрелить его!

Неожиданно над стеной показалось еще одно лицо — залитое кровью, с расквашенными губами. Конашевский был изрядно бледен, но усы его все так же браво торчали в стороны, а ухмылка на его тонких губах была не менее зловещей, чем в тот миг, когда он приказывал связать Гордона.

— Из огня да в полымя, как у нас говорят, — расхохотался казак. — По правде говоря, у меня в отношении тебя были несколько другие планы. Я имею в виду детали. Но если уж ты так настаиваешь, я готов примириться с тем вариантом, который ты для себя выбрал сам. Не уверен, что ты об этом не пожалеешь. А теперь я предоставляю тебе полную свободу размышлять и даже действовать. Ты мне теперь неинтересен, времени на тебя я терять не хочу. Не собираюсь так же заниматься благотворительностью, милостиво жалуя тебя пулей в голову. Это было бы для тебя слишком легкой смертью. Прощай, покойничек!

Скомандовав что-то своим подчиненным, Иван исчез из виду. Вслед за ним со стены убрались и другие головы преследователей. Гордон остался один, если не считать мертвого курда, лежавшего у его ног.

Оглядевшись вокруг себя, Гордон недовольно нахмурился. Он знал, что южная оконечность плато была превращена в сеть узких извилистых оврагов, ущелий и трещин. Сейчас он находился в той ее части, что вплотную примыкала ко дворцу, — в прямом, как шрам от сабли, овраге шириной футов тридцать. Этот овраг выходил из лабиринта и утыкался в подножие южной стены дворца и забора дворцового сада, с которого Гордон и упал вниз. Этот обрыв был абсолютно гладким и строго вертикальным — чересчур ровным и неприступным, чтобы быть творением одних лишь природных сил.

Столь же гладкими и отвесными были и стены этого тупика, упиравшегося в подножие дворца. Кроме того, по гребню этих стен и вдоль стены была закреплена стальная полоса с короткими, но остро отточенными, направленными вниз треугольными лезвиями. Падая сверху вниз, Гордон счастливо миновал их, но любой, кто попытался бы вскарабкаться по обрыву на стену, встретил бы на пути непреодолимое препятствие в виде этих зубьев. И так, там, где овраг был не слишком глубок, выбраться из него не давали стальные клинки. Там же, где их не было, стены оврага уходили вверх на двадцать футов и выше. Гордон оказался в ловушке, в тюрьме — частично природной, частично созданной человеческими руками.

В противоположной от дворца стороне овраг изгибался и распадался на множество узких расщелин, сеть уходящих до маячившего над горизон-

том горного склона. Ничто не перекрывало Гордону путь в лабиринт, но он достаточно хорошо знал своих противников, чтобы понимать, что они, затратив столько сил и времени на укрепление одной стороны ловушки, вряд ли оставили бы неприкрытым выход по ее другую сторону. Тем не менее, как натура деятельная, Гордон не допускал и мысли о том, чтобы сдаться на милость судьбы и покорно дожидаться того, что она ему уготовила. Да, исмаэлиты, видимо, были уверены в том, что Эль Борак заперт ими надежно. Но точно так же в этом бывали уверены и многие другие люди, которые тем не менее рано или поздно обнаруживали свою ошибку.

Выдернув меч из тела курда, Гордон обтер клинок от крови и пошел по дну оврага прочь от стены.

Через сотню ярдов он подошел к месту, где овраг разделялся на узкие рукава, вошел в один из них наугад и тотчас же оказался в гуще этого кошмарного лабиринта. Овраги, каналы и трещины в толще скал хоть и шли преимущественно с юга на север, но пересекались, изгибались, сливались друг с другом и расходились веером так, что ни о какой системе или каком-либо порядке не могло быть и речи. Одни проходы заканчивались тупиками, и Гордону приходилось возвращаться из них на исходную точку, другие неожиданно выходили в более широкие или, наоборот, узкие разломы, в которых неподготовленный человек вскоре затерялся бы и сбил с дороги. Кроме того, дно этого лабиринта вовсе не было ровным и гладким, и Гордону приходилось перелезать и перепрыгивать с камня на камень, чтобы продвигаться по этому хаосу узких проходов и трещин.

В какой-то момент, прыгнув с очередного валуна, Гордон почувствовал, как у него под ногой

что-то хрустнуло. Посмотрев вниз, он с ужасом обнаружил у своих сапог человеческий скелет с переломанными во многих местах костями. Головы у этого скелета не было. Отделенный от позвоночника и проломленный череп валялся поодаль. Никакой ураган, камнепад или другое природное явление не смогли бы изувечить человеческое тело именно таким образом. Гордон внимательно и напряженно осмотрел все вокруг, осторожно заглядывая за каждый выступ камня и присматриваясь к затемненным нишам у подножия стен. Нигде, ни на одном песчаном участке, он не заметил ни единого следа, который мог бы навести его на мысль о размерах и внешнем виде какого-либо гигантского хищника. Лишь поодаль ему попался один-единственный полустертый след. Этот след не походил на лапу тигра, леопарда или медведя. Больше всего отпечаток походил на след, оставленный огромной, босой, неправильной формы, но — человеческой ступней. Кроме того, останки человека не походили на то, что остается после нападения плотоядного зверя. Ни на одной кости не было видно следов зубов. Все они были не перекушены или перегрызены, а именно переломаны, как мог бы сломать их невероятной силы человек.

С величайшей осторожностью Гордон двинулся дальше и вскоре обнаружил на остром каменном выступе маленький клочок грубой серой шерсти, а затем, ориентируясь по омерзительному, незнакомому запаху, он вышел на нишу в стене, где, судя по обилию экскрементов и шерсти на камнях, имел обыкновение спать этот таинственный зверь... или человек, или же — демон.

Чтобы не сбиться с курса и держаться по возможности точно южного направления, Гордон влез

на одну из скал, которая, похоже, была выше многих окружавших ее камней. С вершины американец огляделся. Первоначальные предположения не обманули его: лишь с севера, там, где маячил купол шализарского дворца, горизонт был более или менее далек и ровен. Со всех остальных сторон путь к горному хребту преграждали казавшиеся непроходимыми нагромождения скал и камней.

Впрочем, удалось Гордону рассмотреть и кое-что новое. По крайней мере, яснее стала природа этого странного лабиринта. Когда-то часть плато, лежащая между городом и хребтом, стала постепенно, фрагмент за фрагментом, раскалываться и опускаться на дно впадины. За миллионы лет эти гигантские осколки раздробились под действием ветров и перепадов температур и образовали этот лабиринт трещин и расщелин. Теперь Гордону стало ясно, что он выбрал неправильный путь: не было никакого смысла пытаться штурмовать лежащие впереди завалы из гигантских обломков скал. Куда более реальной выглядела попытка выйти по одному из ущелий, лежащих к юго-западу от города и максимально близко подходящих к подножию хребта. Прикинув расстояние, Гордон понял, что быстрее он попадет туда, вернувшись к городской стене и вновь начав путь на юг по другому ущелью, а не пробираясь по множеству скальных гряд, отделявших его от искомого места.

Еще раз все осмотрев, он спустился со скалы и пошел обратно, по своим же следам. Солнце начало клониться к горизонту, когда он наконец вышел к устью ущелья, которое, по его расчетам, должно было вывести к подножию хребта. Бросив взгляд в сторону города, он вдруг заметил, что с телом, остававшимся у подножия стены, произошли

ли какие-то изменения. Почувствовав недоброе, Гордон решил вернуться в тупик оврага у городской стены. Во-первых, тело, лежавшее на дне оврага, явно не было столь же мощным, как у погибшего курда. Во-вторых — лежало оно не в том положении, в котором его оставил Гордон. В-третьих, одежда на нем была другой... В общем, спустя секунду Гордон уже бежал со всех ног к лежавшему неподвижно человеку. Труп курда исчез, а на его месте лежал Лал Сингх!

На правой стороне его головы была огромная, распухшая ссадина, но сикх остался жив. Более того, когда Гордон приподнял его голову, он заморгал и пришел в сознание. Поднеся руку к ране на голове, он непонимающим взглядом посмотрел на американца.

— Что случилось, саиб? Что с нами? Мы погибли и теперь попали в ад?

— В ад, говоришь? А что, может быть, ты и прав. Но, что мы не умерли, это я тебе заявляю со всей ответственностью. Пока что мы живы, пока... Ты помнишь, как ты здесь оказался?

Сикх покачал головой, изумленно глядя вокруг:

— Понятия не имею. А где мы?

— В овраге, за внешней стеной дворца. Ты не помнишь, как тебя сюда сбросили?

— Нет, саиб. Последнее, что я помню, — это бой во дворце. Потом... потом — ничего. Я ждал тебя, как было приказано, но тут прибежала Азиза и сказала, что тебя узнал кто-то из твоих давних врагов. Она провела меня в комнату, смежную с залом, где ты ввязался в бой. Я воспользовался твоим пистолетом, и, насколько я помню, бесполезно. Выбежав тебе навстречу, я бросился в коридор, вбежал в соседнюю комнату... и больше ничего не

помню. Что-то случилось, но что — не помню. Ничего не помню.

— Кто-то из обитателей дворца, спрятавшихся за занавесями, огрел тебя по голове изрядной дубинкой, — буркнул Гордон. — Наверняка он заметил, как ты входил в ту комнату, но, побоявшись напасть в открытую, нанес удар со спины, из какой-то потайной ниши. По-моему, в этом дворце полным-полно таких местечек. А потом, оглушив тебя, он как-то привел в действие скрытую в полу ловушку. Этого добра там, наверное, тоже навалом. С того момента я ничего о тебе не знал. Я стал отступать, выбрался в дворцовый сад, перемахнул через стену и свалился сюда, подмяв под себя убитого мною курда. Наверное, пока я обследовал окрестные катакомбы, они подняли на веревках его тело, а тебя сбросили сюда... Хотя нет. Подожди-ка: вряд ли тебя сбросили со стены. Ты бы тогда и костей не собрал. Спуститься по лестницам и поднять тело курда стражники, конечно, могли, но едва ли они стали бы утруждать себя тем, чтобы бережно опускать тебя вниз. А раз так — то напрашивается следующий вывод: тебя выгнали сюда из дворца через какую-то дверь или люк, которые находятся, скорее всего, где-то здесь, неподалеку.

Несколько минут внимательного осмотра скалы у подножия стены подтвердили правоту предположения Гордона. Небольшая дверь была пригнана так плотно, что совершенно не бросалась в глаза при беглом взгляде. Снаружи дверь была сделана из того же камня, что и сама скала, и ни на миллиметр не сдвинулась, когда Гордон вместе с Лалом Сингхом изо всех сил навалились на нее.

Собрав воедино все скудные, отрывочные знания о планировке шализарского дворца, Гордон пришел к пугающей догадке. Настолько пугающей,

что сикха он решил до поры до времени не посвящать в свои предположения. По всему выходило так, что они оказались по другую сторону той богато украшенной двери в подземной тюрьме, о которой Азиза сказала, что это дверь в ад. Дверь в ад! Дверь в преисподнюю! Похоже. Лал Сингх не так уж и ошибался, высказав предположение, что они в аду — особенно если учесть уже виденные Гордоном человеческие кости. Итак, легенда о джинне, пожирающем людей, обрела подтверждение в реальности. Хотя, если подходить к этому делу со скрупулезной точностью, то те несчастные, чьи останки видел Гордон, не были в буквальном смысле этого слова сожраны. Но это все детали. А в том, что в этих каменных лабиринтах обитает какое-то сильное, враждебно настроенное к людям существо, Гордон больше не сомневался. Вспомнив о тяжелых засовах, толстых досках и металлической обивке той двери, он решил и не пытаться выломать ее. Для осуществления этой затеи потребовался бы хороший таран и пара взводов солдат, да к тому же — немалое время. Ни того, ни другого, ни третьего у двух друзей не было.

— Стена, конечно, высокая, — сказал сикх, потирая больную голову. — Но дальше она уходит еще выше. Я вот что думаю: если ты заберешься ко мне на плечи и подпрыгнешь...

— То изрежу руки о те зубья.

— Тьфу ты! Я и не заметил, — виновато сказал Лал Сингх и, как бы извиняясь и объясняя свою оплошность, показал на свою раненую голову. — Так что же нам теперь делать?

— Перейдем эти овраги и посмотрим, что за ними, — пожал плечами Гордон. — Что с Азизой, случайно не знаешь?

— Она бежала впереди меня до той самой комнаты, из которой я стрелял. Наверное, она пропустила меня вперед и вошла следом за мной. Но когда она исчезла и что с ней стало — я не знаю.

— Тот парень, который огрел тебя по голове дубиной, вполне мог сцапать и ее, спрятав где-нибудь в укромном месте, откуда не слышны ее крики. Черт побери, эти ублюдки будут пытаться ее, а потом убьют!.. Ладно, хватит об этом. Пора выбираться отсюда. Пошли, Лал Сингх.

Таинственные синеватые сумерки окутали скалы, когда американец и сикх вошли в каменный лабиринт. Поплутав по узким коридорам, они наконец вышли в достаточно широкое ущелье, которое, как надеялся Гордон, было тем самым, что он видел с вершины скалы. Некоторое время друзья шли по дну этого ущелья, уводившего их прямо на юг, но неожиданно оно вдруг раздвоилось, превратившись в два почти одинаковых по ширине рукава. Скорее всего, подумал Гордон, оба этих рукава, обогнув вытянутую скалу, сходятся вновь в единое русло где-то впереди. Он поделился своими мыслями с Лалом Сингхом, на что тот сказал:

— Но есть вероятность, что один из рукавов ведет в тупик. Давай так: я беру на себя левое ущелье, а ты правое. Пройдем вперед, а там будет ясно, нужно ли возвращаться обратно, и если нужно, то кому из нас.

Гордон не успел ничего возразить ему — так быстро Лал Сингх исчез в левом ответвлении ущелья, пропав из виду практически мгновенно. Гордон хотел было окликнуть его, но что-то удержало его от крика. По правую руку от него в стене виднелась еще более узкая щель — уже почти утонувший в сумерках колодец теней. И там, в беспроглядной

серо-синей мгле, что-то шевельнулось... Шевельнулось и стало приближаться к выходу из этой темной щели. Напрягшись и затаив дыхание, Гордон, с трудом веря своим глазам, наблюдал, как к нему приближается чудовищный человекоподобный силуэт.

Он был как обретший реальность дух края кошмаров, как зловещее воплощение персонажа мрачной легенды, обретшее плоть и кровь.

Это создание оказалось огромной обезьяной — ростом с крупную гориλλу. В отличие от тропических обезьян, тело этой твари покрывала довольно густая белесо-серая шерсть. Руки и ноги, ступни и кисти этого создания больше походили на человеческие, чем конечности других обезьян. С первого взгляда было ясно, что этот великан не древесное животное, а уроженец равнин или скальных хребтов, расположенных не в тропических широтах. Физиономия этого примата в общих чертах была как у гориλλы, но переносица у него была выражена сильнее, челюсти меньше напоминали звериную пасть, хотя подбородка, как и у других обезьян, не наблюдалось. При этом все черты сходства с человеком словно специально служили для того, чтобы подчеркнуть устрашающий облик чудовища, а разум, светившийся в его глазах, пытал только злом и жестокой ненавистью.

Гордон понял, что за тварь предстала перед ним. В существование этого редчайшего монстра он не верил — до этой вот секунды. Чудовище называлось снежным человеком, или белой обезьяной пустынь. Местом его естественного обитания были степи, пустыни и предгорья Внутренней Монголии. До Гордона доходили слухи и легенды об этом существе, слухи и легенды, спускавшиеся с отрогов затерянного плато Гоби, еще не исследованного и

не изученного белым человеком. Представители племен, живших там, клялись, что верят в существование огромной человекообразной обезьяны, обитающей там с незапамятных времен и прекрасно приспособленной к суровой жизни в холоде и бесплодье высокогорных зим. Но до сих пор Гордон не встречал ни одного человека, который мог бы убедительно доказать или хоть как-то подтвердить факт встречи с одним из этих чудовищ.

На сей раз абсолютно неопровержимое доказательство стояло перед ним собственной персоной. Как кочевникам, служившим Отману, удалось привезти сюда из Монголии этого монстра, Гордон мог только гадать, но в том, что это и есть тот таинственный джинн, что обитал в скалах к югу от Шализара, сомнений у него не было.

Все эти мысли пронеслись в голове американца с быстротой молнии, в тот краткий миг, когда человек и обезьяна в напряжении стояли друг против друга, рассматривая и оценивая один другого. Затем в каменных стенах ущелья загрохотало эхо, повторяющее глубокий низкий рык обезьяны, бросившейся на чужака, молотящей воздух огромными кулаками и обнажившей в боевой гримасе чудовищные клыки.

Гордон не стал звать своего друга. Лал Сингх был безоружен и вряд ли смог бы помочь ему. Не попытался он и убежать. Встав поудобнее, он выставил вперед меч и приготовился отразить нападение, противопоставив разум, ловкость и сталь природной хитрости, скорости и невероятной силе противника.

Обычно обезьяны доставались беспомощные, истерзанные жертвы, прошедшие ад пыток, которые известны только редким мастерам этого дела даже здесь, на жестоком Востоке. Недочеловеческий

разум, отличавший эту обезьяну от других представителей животного царства, находил удовлетворение в созерцании предсмертных мук несчастных людей и в причинении им последней, как можно более мучительной боли. Человек, что стоял сейчас перед чудовищем, был для него всего лишь еще одной мягкотелой тварью, которую предстояло сладострастно разорвать на куски, вывернуть наизнанку, переломать ей все кости. А то, что эта тварь стоит на ногах прямо и держит перед собой какую-то блестящую штуку — так это дела не меняет.

Гордон понимал, что единственный шанс уцелеть — это избежать хватки чудовищных лап, или рук, которые могли раздавить его в одну секунду. Внешне громоздкое, чудовище оказалось очень ловким и быстрым — оно стремительно подбежало к Гордону и завершило атаку молниеносным броском, словно выпущенное из пушки ядро. Гордон стоял неподвижно, когда обезьяна направилась к нему, не изменил он своего положения и в момент броска. Когда же, казалось, когтистые лапы готовы были сомкнуться на его теле, он мгновенно, со скоростью отпущенной с держателя катапульты, увернулся с линии атаки.

Когтеподобные ногти обезьяны зацепили лишь его рубашку в тот самый миг, когда Гордон прыгнул в сторону. И в том же самом прыжке он резко взмахнул клинком и нанес рубящий удар. Чудовищный рев огласил скалы и ущелья: рука — или лапа? — обезьяны, отрубленная мечом по локоть, покати-лась по земле. Несмотря на боль, несмотря на бьющую фонтаном кровь, зверь ни на мгновение не прервал свою атаку, и на этот раз его бросок был настолько молниеносным, что человеческие мыш-

цы и суставы оказались не в силах полностью и абсолютно своевременно среагировать на него.

Гордону удалось увернуться от когтей и растопыренной пятерни оставшейся целой лапы монстра, но удар массивного плеча вывел его из равновесия и отшвырнул к скале. Но, падая, приминаемый дикой тяжестью, Гордон из последних сил всадил меч в брюхо обезьяны и даже успел резко дернуть клинок вверх, полагая, что наносит свой последний предсмертный удар.

Человек и зверь вместе ударились о каменную стену, и здоровая рука обезьяны тотчас же обвилась удушающей хваткой вокруг тела Гордона. Чудовищный рев оглушил его, когда прямо перед его лицом распахнулась огромная пасть... Но в этот момент резкая судорога пробежала по гигантскому телу обезьяны, рев, вырывавшийся из ее глотки, сменился хрипом и бульканьем. Хватка зверя ослабла, и Гордон, поспешив отскочить подальше, увидел, как огромная обезьяна начала молотить в воздухе всеми конечностями, дергаясь в предсмертных конвульсиях. Стальной клинок не только вспорол монстру брюхо, рассек кишечник с желудком, но и, будучи правильно направлен, проник снизу в грудную клетку и, по всей видимости, вонзился в сердце этого человекоподобного зверя, или звероподобного человека.

Все мышцы Гордона мелко дрожали, как после долгого боя или многочасовой тренировки на выносливость. Стальные мускулы его грудной клетки сохранили ему жизнь: ведь за те мгновения, что он испытывал на себе хватку огромной обезьяны, более слабый человек был бы задушен или раздавлен, как скорлупа ореха. Но даже для него, при всей его силе, такая схватка оказалась страшно выматывающей. Рубашка и нательное белье Гордона были

изодраны в клочья, огромные когти оставили глубокие кровоточащие борозды на его спине. Он был грязен и залит кровью — своей и поверженного противника.

— Эль Борак! Эль Борак! — донесся до американца голос Лала Сингха.

Через мгновение из левого рукава ущелья выскочил встревоженный сикх, сжимавший в каждом кулаке по увесистому булыжнику.

— Саиб, ты ранен? Ты весь в крови! Где раны?

— В брюхе этой твари, — усмехнулся Гордон, не любивший бурных проявлений эмоций. — И кровь на мне не моя, а обезьянья.

Лал Сингх с облегчением вздохнул и, широко раскрыв от удивления глаза, уставился на поверженного чудовище.

— Вот это удар! — восхищенно цокнул он языком. — Да ты его вспорол так, что из него все кишки вывалились, и при этом зацепил острием сердце! Пожалуй, на свете не наберется и десяти человек (из тех, кто сейчас жив, разумеется), кто мог бы повторить такой удар. Слушай, саиб, а ведь это и есть тот самый джинн, про которого говорила девушка во дворце! Обезьяна... Так это же та тварь, которую монголы называют снежным человеком!

— Точно. А я, если честно, никогда не верил в рассказы об этих огромных обезьянах. В свое время в отдаленные районы Гоби было послано несколько научных экспедиций, но тамошние обитатели — и люди, и звери — всячески стараются избежать контактов с белыми людьми.

— Слушай, а ведь здесь могут быть и другие такие твари, — озабоченно предположил Лал Сингх, внимательно вглядываясь во все трещины и щели между скалами. — Скоро стемнеет, саиб. Не хотел

бы я встретиться с таким чудовищем в темноте, даже стоя бок о бок с тобой.

— Не думаю, что в этом лабиринте есть собратья этой твари,— возразил Гордон.— И дело даже не в том, что они вообще очень редки. Просто этот дикий рев наверняка был слышен во всех закоулках ущелий и оврагов. Будь здесь еще хоть одна обезьяна, она непременно пришла бы на помощь сородичу или, по крайней мере, откликнулась бы на этот рев.

— Да, слышал я этот рев.— Лала Сингха аж передернуло.— В первый момент кровь застыла у меня в жилах. Я решил, что это и есть тот самый джинн, о котором твердили суеверные мусульмане. А уж найти тебя живым я и вовсе не надеялся.

— Однако прибежал мне на помощь,— улыбнулся Гордон.

Затем, сплюнув и облизав пересохшие губы, американец сказал:

— Ладно, пошли дальше. Мы хоть и избавили окрестности от этого чудовища, но сами можем помереть от голода и жажды, если не сумеем выбраться отсюда.

Темнота все плотнее окутывала окружающие скалы, между которыми шли на юг двое друзей. Два рукава ущелья действительно вскоре соединились, как и предполагал Гордон. Все чаще стали попадаться на глаза ниши и расщелины, приспособленные огромной обезьяной под логова. Гордон чертыхался себе под нос, Лал Сингх тоже негромко обращался к каким-то высшим силам, когда под ногами у них оказывались останки очередной жертвы кровожадного зверя. Видимо, обезьяна предпочитала для своих увеселений именно это ущелье. По большей части скелеты были женскими, и при виде очередных останков безжалостная ярость застилала разум Гор-

дона. Все дикое, жестокое, свирепое, что было в его душе, но обычно находилось под железным пресом воли и разума, хлынуло в его сердце. Американец с ужасом представил себе, какие нечеловеческие страдания пришлось пережить этим несчастным, и в глубине души решил положить хоть всю свою жизнь на то, чтобы разорить змеинное гнездо Шализара, предав смерти правящих в нем дьяволов в человеческом облике. Не в его натуре были торжественные клятвы и обещания. О своем решении он не стал говорить даже Лалу Сингху, но от этого его решимость разрушить эту крысиную нору не стала меньше. Теперь эту решимость подпитывало желание отомстить за обиду Гордона, нанесенную правителями запретного города лично ему, Гордону. Фрэнсис Гордон вдруг со всей отчетливостью осознал, что не сможет заставить себя покинуть это плато, пока своими глазами не увидит трупы Ивана Конашевского и шейха Аль-Джебаля.

Наконец прямо над головами путников замаячили крутые склоны хребта, ограничивавшего с юга гигантский лабиринт. Ущелье, по которому они шли, сузилось до тонкой трещины в скале — практически туннеля, уходящего в каменную толщу. В голосе Лала Сингха послышались ноты отчаяния:

— Саиб, из этой тюрьмы нет выхода. По отвесным обрывам нам на хребет не взобраться, а эта пещера...

— Тихо ты! Подожди,— внезапно завокнувавшись, перебил друга Гордон.

Заволноваться было от чего. Американец и сикх остановились в нескольких шагах от устья пещеротуннеля. Кромешная тьма окружала их. И вот в этой темноте, где-то далеко впереди, мелькнул слабый-слабый, едва уловимый огонек — какая-то синеголубая искорка. Но, в отличие от искры, этот

огонек не двигался, не исчезал из виду и даже не трепетал на ветру. Он горел — ровно и четко, пронзая черноту слабым, но постоянным, тонким, как игла, лучиком.

— Вперед! — воодушевленно прошептал Гордон и, отпустив руку сикха, стал стремительно уходить в темноту, направляясь к этому огоньку, рискуя при этом провалиться в какую-нибудь яму или впотымах нарваться на кого-либо из опасных обитателей подземелья. Лал Сингх еще не успел осознать значения синего огонька, но Гордон уже понял, что это светит звезда — звезда, которую они видят сквозь какое-то отверстие в каменной стене скальной гряды, преграждавшей им путь к свободе.

Вскоре пещера закончилась тупиком, но тупик этот не был глухим. Примерно на высоте десяти футов над полом в торцовой стене пещеры зияла дыра, сквозь которую была видна звезда и кусочек черного ночного неба. Не говоря ни слова, сикх подставил Гордону спину. Тот вскарабкался ему на плечи, и, когда Лал Сингх встал, американец оказался на уровне дыры в скале. Это отверстие, глубиной в четыре-пять футов, по ширине как раз подходило для того, чтобы в него мог протиснуться человек. Огромная обезьяна вполне могла бы дотянуться до этого окна, но ее широченные плечи ни за что не пролезли бы в узкое отверстие. Гордон был уверен в том, что в Шализаре никто не знал об этом выходе из кольца гор, опоясывающих чашу с плато в середине.

Протиснувшись сквозь самую узкую часть отверстия, Гордон увидел по другую сторону скальной гряды западный склон хребта. Склон довольно полого уходил вниз футов на триста и был утыкан и усеян торчащими в разные стороны осколками скал, валунами и россыпями мелких камней. Плато с это-

го склона видно не было — торчащие вертикально вверх, словно зубья огромной пилы или гребень дракона, скалы перекрывали обзор.

Осмотревшись, Гордон вновь пролез в дыру и спрыгнул с карниза, приземлившись рядом со стоявшим от нетерпения сикхом.

— Ну что, саиб? Выход есть? — спросил он.

— Для тебя — да. Слушай меня внимательно, Лал Сингх: сейчас ты вылезешь на ту сторону хребта и пойдешь вдоль него, чтобы встретить на подходе к каньону Яр Али-хана и гильзайцев. Я очень рассчитываю на то, что Али-хан все же добрался до Кхора. Если это так, то к туннелю гильзайцы подойдут завтра на рассвете. По моим подсчетам, в Шализаре не меньше полутысячи человек, способных держать оружие. Три сотни воинов Бабер-хана не смогут взять город открытым штурмом. Может быть, им и удалось бы захватить часовых на лестнице врасплох, может быть, они сумеют и захватить ступени с боем, пробиться к верхней кромке лестницы, но пересекать ровное, как стол, плато под огнем пяти-шести сотен стрелков, которыми командует Конашевский, — это просто самоубийство.

Так вот, тебе нужно перехватить Бабер-хана до того, как его солдаты окажутся у плато. Я думаю, ты должен успеть. Тебе придется обогнуть Шализар, идя по внешнему склону окружающих его гор. Гильзайцы пойдут в котловину через единственный известный Али-хану путь — через туннель. Скорее всего, двигаясь по склону, ты пересечешься с гильзайцами где-то в районе каньона, где на нас напали езиды. Прогулка тебе предстоит не из легких — скалы, оползни, обрывы. Трудно будет и спуститься по отвесной стене каньона. Но у тебя будет на это вся ночь... или всего одна ночь.

— А ты, саиб?

— Сейчас я как раз перехожу к этому. Итак, если ты доберешься до Ущелья Призраков раньше гильзайцев, спрячься и жди их. Если они опередят тебя, постарайся догнать их во что бы то ни стало. Проходя через туннель, они потеряют много времени. Когда найдешь Бабер-хана, передай ему мой план действий. Пусть он отправит человек пятьдесят на отвлекающий штурм лестницы. Если им удастся застать стражу врасплох и захватить плацдарм на верхней площадке, за валунами, — прекрасно. Если нет — путь поднимутся на окрестные скалы и, засев там, ведут огонь по всему, что будет шевелиться на плато. Основная цель этих действий состоит в том, чтобы отвлечь как можно больше шализарцев, заставить их поверить в то, что начинается штурм города со стороны лестницы. Если исмаэлиты перейдут в контратаку, пусть гильзайцы отступят глубже в лабиринт скал, увлекая атакующих за собой. Чем меньше шализарцев останется на плато — тем лучше.

Тем временем ты вместе с Али-ханом поведешь остальных гильзайцев сюда — тем же путем, каким ты доберешься до каньона. Постарайтесь как можно четче и быстрее пробраться через это окошко, а затем идите по этому лабиринту к южной стене дворца — туда, где мы с тобой встретились у потайной двери в тюрьму.

— А ты что собираешься делать?

— Я? Собираюсь открыть вам эту дверь во дворец. Изнутри.

— С ума сошел, что ли? В город тебе не пробраться. А если и заберешься, то тебя схватят и живьем сдерут с тебя кожу. Да и потом — ну как ты собираешься попасть во дворец?

— Через дверь.

— Но как? Ее ведь и тараном не выбьешь!

— А я и не собираюсь ее выбивать. Мне ее откроют. Откроют добровольно, не зная, правда, о том, что я еще жив. Понимаешь, та чудовищная обезьяна не ест несчастных, которых выносят ей через эту дверь. Обезьяны не хищники, и эта не исключение. Людей она убивает из чисто человеческих соображений — из чувства садистского удовольствия при причинении страданий другим. А питается эта тварь овощами, кореньями или еще какой-нибудь подобной дребеденью... Расти в этих каменных джунглях ничего не может. Значит, обезьяну кормят, вынося ей еду из дворца. Помнишь, ты видел, как кто-то из слуг выносил за дверь какую-то большую корзину? Наверняка это и был корм для обезьяны. Сдается мне, что кормят они ее регулярно и достаточно часто. Истощенным это чудовище, во всяком случае, не выглядело.

Я рассчитываю, что и сегодня поздно ночью дверь откроют. А уж в открытую дверь я сумею войти. Если учесть, что это мне очень нужно. Не забывай, что где-то во дворце они держат Азизу. Один Аллах знает, какие мучения грозят ей. Так что давай потопрапливайся. Мне нужно не упустить момент, когда приоткроется кормушка, тебе важно не пропустить гильзайцев. Когда вернешься сюда с ними, оставь большую часть солдат в лабиринте, возьми с собой троих-четверых из них и осторожно проберись к стене. Постучи в дверь прикладом — и я открою ее вам. В любом случае дверь откроется, жив я буду к тому времени или нет. Если надо, я вернусь с того света и открою ее вам. А уж ворвавшись во дворец, мы устроим кровавую баню Отману и его шакалам.

Сикх поднял руку и открыл рот, собираясь что-то возразить, но, поняв бесполезность каких-либо попыток переубедить Гордона, согласно кивнул головой.

Гордон сел на корточки, и сикх вскарабкался ему на плечи. Затем американец встал во весь рост, не помогая себе руками. Разогнуть ноги, держа на плечах рослого человека, и не опираться при этом на что-либо — такой трюк недоступен большинству людей, если не считать, конечно, акробатов.

Подтянувшись и забравшись в трещину с окошком, сикх повернул голову и спросил через плечо:

— А что, если сегодня обезьяну не собираются кормить? Тогда дверь останется запертой.

— Тогда я отрежу обезьяне голову и перебросю ее через стену. Никуда не денутся — прибегут, как миленькие, чтобы выяснить, почему я еще жив и как мне удалось справиться с их хваленым джинном. Может быть, они потащат меня во дворец, чтобы пытками покарать за дерзкое убийство этого гоблина. Ничего, дайте мне только пробраться во дворец, а уж там, даже в цепях, я сумею обмануть шализарцев и добиться своего — отпереть эту дверь. Да, кстати, держи. — И Гордон протянул Лалу Сингху свой меч. — Может сгодиться.

— А ты? Что, если тебе действительно придется отрезать голову обезьяне?

— Найду острый осколок камня, на худой конец отгрызу зубами! Ладно, дружище, за дело!

— Да хранят тебя боги, — пробормотал Лал Сингх и скрылся в черной дыре.

До Гордона донеслось шуршание, говорящее о том, что сикх пробирается сквозь узкий лаз, затем в отверстии вновь показалось ночное небо, и послышался стук мелких камешков, скатывавшихся под ногами сикха по склону горы.

Глава седьмая СМЕРТЬ, КРАДУЩАЯСЯ ПО ДВОРЦУ

В

ывавшись из пещеры ущелья и оказавшись в сравнительно хорошо освещенном звездами и луной лабиринте, Гордон перешел на бег, чтобы не опоздать к моменту открытия двери. Огни Шализара подсвечивали северную часть небосвода, чуть слышно доносились до уха американца мелодии, наигрываемые на местной цитре. Женский голос затянул печальную, даже жалобную песню. Гордон зловеще усмехнул-

ся. История ничему не научила Восток. Вот точно так же, отгородившись от мира стенами и рвами, предавались блаженству властители Ниневии, Вавилона, Сузы... Спрятавшись за хребтами и ущельями, перекрыв все подходы к своим дворцам, выставив надежную стражу, они ощущали себя повелителями мира, не обращая внимания на обреченных ими на мучительную смерть пленников и узников их подвальных тюрем. Но именно они, те, кого уже считали живыми мертвецами, оказывались орудием в руках мстящего жестоким тиранам рока.

На ровной площадке перед самой дверью было пусто — ни еды, ни каких-либо свидетельств того, что дверь недавно открывалась. Как часто кормили кошмарную зверюгу и собирались ли ее кормить этой ночью, Гордон не знал. Однако чутье подсказывало ему, что с момента последней кормежки, которую наблюдал прошлой ночью Лал Сингх, прошло достаточно времени. Скорее всего, чудовище кормили по ночам, и даже не все обитатели Шализара точно знали, чем именно, как не догадывались они и об истинной природе этого живого воплощения мифа о джинне.

Гордону оставалось ждать и надеяться на верность своих расчетов, но в большей степени — на удачу. Мысль об Азизе и ее несчастной судьбе заставила его вздрогнуть и наполнила его душу злобой и нетерпением. Но, переборов эмоции, он заставил себя встать у стены, раскидавшись вдоль дверного косяка, и приготовился ждать. Еще в юности, общаясь с индейцами и живя в их стойбищах, он научился у краснокожих терпению, которое превосходит даже искусство ожидания, столь развитое на Востоке. Целый час он простоял у стены практически неподвижно — едва ли кто-либо другой мог больше походить на дышащую, но в остальном — неподвижную статую.

Наконец терпение Гордона было вознаграждено: послышался звон цепей, лязг засовов, и дверь, вздрогнув, чуть-чуть приоткрылась.

Кто-то несколько секунд выжидательно вглядывался в темноту, чтобы убедиться, что грозного косматого стража ущелий не было поблизости. Затем дверь полностью открылась. Звякнули последние цепочки, скрипнули петли, и за порог вышел таджик с большой корзиной, полной овощей, орехов и фруктов. Призывно посвистев в темноту, он наклонился, чтобы выложить продукты из корзины, — и в этот миг Гордон обрушил ему на затылок молотоподобный удар кулака. Таджик беззвучно ткнулся лицом в корзину, и на его шее стало расплываться большое багровое пятно — раздробленные шейные позвонки вонзились в артерии.

Да, удар был нанесен со спины, без предупреждения, но в душе Гордона не осталось ни жалости, ни рыцарского кодекса чести по отношению к кому-либо из шализарских бандитов. Заглянув в тюремный коридор, Гордон не увидел в нем стражника — видимо, камеры были пусты и не нуждались в охране. Американец поспешил спрятать тело таджика в ближайших камнях на дне оврага, а сам вернулся к двери, вооружившись кинжалом убитого.

Войдя в коридор, Гордон закрыл за собой дверь и задумался, стоило ли запираť ее. С одной стороны, он мог и не вернуться сюда в нужное время, но с другой — кто-нибудь обязательно появится в этом подземелье до утра, и тогда, если обнаружится, что дверь не заперта, во дворце поднимут тревогу, а дверь в любом случае запрут. Осторожно, чтобы не производить лишнего шума, Гордон вернул засовы в их пазы, набросил предохранительные цепи и направился к потайной двери, через которую можно

было пройти к секретной лестнице, ведущей в центральные дворцовые покои. План его был ясен и прост, хотя и не легок для исполнения: найти Азизу и, если она еще жива, спрятаться вместе с нею в подземном переходе. Когда же Лал Сингх приведет гильзайцев к стенам дворца, он откроет им дверь и поведет их в бой против обитателей города убийц и бандитов. Исход этого боя ведом только Аллаху, но Гордон надеялся на то, что справедливость все же восторжествует, а кроме того, он возлагал большие надежды на не отравленный гашишем разум воинов Бабер-хана, их праведный гнев и их умение обращаться с клинком и винтовкой.

Если же спрятаться в потайном ходе ему не удастся, Гордон собирался забаррикадироваться в тюремном коридоре и держаться в нем — опять-таки до подхода отряда Бабер-хана. В любом случае планы Гордона строились на уверенности в том, что гильзайцы придут к стенам Шализара на рассвете. Разумеется, он понимал, что этому противостояло множество препятствий: взять хотя бы вероятность того, что Яр Али-хан не добрался до Кхора. Но Гордон не был бы самим собой, если бы не играл с судьбой в азартные игры. Вот и сейчас он поставил свою жизнь и во многом успех дела на то, что афридиец сумел-таки выполнить задание.

Потайная дверь находилась в дальнем от него конце коридора, напротив другой, незадрапированной двери. Гордон не успел дойти до своей цели, когда вторая дверь распахнулась и на пороге появился один из стражников-арабов. Выругавшись и чертыхнувшись сквозь зубы, часовой потянулся к кобуре, висевшей у него на поясе.

Одновременно рука Гордона взлетела в воздух, занесенная для броска кинжала. Араб замер, блед-

нея на глазах. У него не было иллюзий относительно исхода этой неожиданной встречи. Да, его ладонь сжимала рукоять револьвера, но он прекрасно понимал, что раньше, чем он успеет выхватить оружие и навести его на противника, кинжал, брошенный Эль Бораком, вонзится ему в горло или сердце. Меткость и сила этого белого воина слишком хорошо были известны в афганских горах и даже в этом заповедном городе. К тому же Гордон за последние сутки успел продемонстрировать правдивость и точность ходивших о нем легенд и рассказов. В общем, араб решил не играть со смертью: разжав пальцы, он медленно отвел ладонь от рукоятки револьвера и плавно поднял обе руки, признавая этим жестом, что готов сдаться на милость противника.

Стремительным броском Гордон подскочил к стражнику, выхватил у него из кобуры револьвер и резко ткнул стволом в лицо арабу.

— Где Азиза, девушка из Дели?

— В камере. — Стражник глазами показал направление. — Там, за дверью, через которую я вошел, есть еще один коридор с камерами.

— Еще охрана там есть?

— Нет, клянусь Аллахом, я один. В этом отсеке никого нет, и мы несем дежурство по одному. Сюда я заглянул просто на всякий случай — что-то задерживается таджик, который...

— Все, хватит болтать! — оборвал его Гордон. — Кругом! И — марш вперед, во второй коридор. Смотри мне — без шуток!

— Аллах меня сохрани! — взмолился стражник.

Он осторожно открыл дверь и медленно, словно ступая босой ногой по битому стеклу, перешагнул порог. Гордон последовал за ним в коридор,

резко сворачивавший влево. За поворотом по обеим сторонам коридора Гордон увидел два ряда затрещанных камер, на первый взгляд пустых.

— Она в последней камере с правой стороны, — тихо, не оглядываясь, произнес араб.

Гордон ткнул его стволом в спину, и они прошли по коридору. Остановившись у последней решетки, араб мелко затрясся: камера оказалась пустой. На противоположной стороне этой камеры находилась вторая решетка, дверь в которую была открыта.

— Ты соврал, — мрачно сказал Гордон, сильно втыкая ствол револьвера стражнику под ребра. — Заложь только одно наказание — смерть. И я убью тебя!

— Аллах свидетель! Я не вру! — затараторил бледный, как смерть, стражник. — Она была здесь, я помню. Я правду говорю...

— Ее увели. Совсем недавно, — раздался в подземелье третий голос, прозвучавший совершенно неожиданно для Гордона.

Американец резко развернулся на месте, повернув и араба так, чтобы тот оказался между ним и незамеченным свидетелем их разговора. Ствол револьвера выглянул из-за плеча стражника.

Из-за соседней решетки на Гордона уставились бородатые лица. Тонкие загорелые руки узников крепко сжали железные прутья. Черные, полные ненависти глаза впились в чужака пронзительным взглядом.

Гордон шагнул вперед, по-прежнему толкая перед собой стражника.

— Вы же — верные слуги шейха, — усмехнулся он, увидев за решеткой уже знакомых ему курдов — Стражей Ступеней. — С чего это вы вдруг оказались за решеткой?

Юсуф ибн Сулейман плюнул сквозь прутья, стараясь попасть в Гордона.

— Из-за тебя, белокожая собака! Это ты застал нас врасплох на вершине лестницы, и именно из-за тебя шейх приговорил нас к смерти — еще до того, как стало известно, что ты шпион. Шейх сказал, что мы либо слепые, либо идиоты, либо плохие солдаты, если позволили тебе незаметно подняться по Ступеням, и завтра на рассвете мы умрем под ножами палачей Махмуда ибн Ахмеда, да проклянет Аллах его и тебя заодно с ним!

— Итак, завтра на рассвете вы навеки окажетесь в райских садах, не так ли? Вы же верно служили шейху Аль-Джебаля. Так на что же вы жалуетесь?

— Пусть гиены сложут кости шейха Аль-Джебаля! — послышался полный гнева ответ. — Чтоб тебя и шейха бесы сковали в аду одной цепью!

Гордон отметил про себя, что Отман не мог похвастаться беззаветной преданностью подданных в отличие от его великого предшественника, слуги которого с радостью и ликованием убивали себя, лишь бы прославить имя своего господина.

Вынув из-за пояса араба связку ключей, Гордон, задумчиво глядя на них, подбросил ключи на ладони, словно взвешивая их — не только в буквальном, но и в более общем смысле этого слова. Курды впились в ключи взглядом грешника, которому после смерти вдруг намекнули на возможность избежать ада или, по крайней мере, оттянуть на некоторое время попадание в огненную геенну.

Гордон неожиданно торжественным голосом обратился к старшине курдов:

— Юсуф ибн Сулейман, ты запятнал себя множеством преступлений и несправедных дел. Но сре-

ди твоих грехов нет одного из самых страшных — клятвопреступления. Шейх предал тебя, выпшвырнув тебя и твоих людей со службы и приговорив вас к смерти. Ты теперь не его слуга и свободен от всех обязательств перед ним, ты и твои братья-курды. Отман сам освободил вас от необходимости быть верными присяге.

Юсуф смотрел на американца, как волк на человека, — с ненавистью, страхом, но и с интересом.

— Отправь я шейха на тот свет, — прохрипел он вдруг, — и можно умирать спокойно. Многие мои грехи будут прощены Аллахом, соверши я это благое дело.

Все курды напряженно смотрели на Гордона, чувствуя, что их судьба зависит от того, что тот сейчас скажет.

Убрал ключи за спину, чтобы не подвергать слишком болезненному искушению беспомощных узников, американец спросил:

— Готовы ли вы — каждый из вас — поклясться мне честью своего рода и обещать верой и правдой служить мне до окончания нашего общего дела или до той минуты, когда смерть освободит нас от всех клятв? Отман дал вам все, что мог и хотел, — собачью смерть. Я же предлагаю вам право умереть с честью, в бою, как и подобает воину.

Огонь надежды засверкал в глазах Юсуфа, вены на его руках напряглись и запульсировали.

— Поверь нам. Я клянусь тебе! — вот и все, что сказал курд, но эти слова стоили многих длинных речей.

— Клянемся! — хором повторили его соплеменники. — Эль Борак, мы клянемся тебе нашей честью и честью наших предков — честью всех шести родов.

Гордон быстро вставил ключ в замочную скважину и открыл дверь. Он прекрасно знал этих людей: дикие, грубые, жестокие, склонные к предательству, если расценивать их поступки по западным стандартам, — они все же верно следовали своему особому, почти первобытному кодексу чести. И, как ни странно, этот свод неписаных правил горцев Западной Азии не так уж сильно отличался от кодекса чести предков Гордона, живших когда-то в шотландских горах. Может быть, поэтому он довольно легко понимал этих людей, ориентируясь порой не по логике, а по подсказке чутья и интуиции.

Вырвавшись из клетки, курды первым делом набросились на араба, в семь глоток заорав:

— Убить его! Это один из псов Махмуда ибн Ахмеда!

Гордон силой отбил араба у курдов, безжалостно раздавая оплеухи направо и налево. Одного из нападавших, особенно ретивого, он отправил в нокаут, основательно врезав ему в солнечное сплетение, постаравшись, однако, чтобы удар не причинил тому тяжелых повреждений.

— Прекратить! — рявкнул Эль Борак. — Люди вы или волки?

Подгоняя араба толчками в спину, Гордон заставил того вернуться в дальний тюремный коридор. Курды, верные клятве, последовали за ним, не задавая никаких вопросов и не проявляя никакого недовольства. Во втором коридоре Гордон приказал стражнику раздеться, что тот сделал, дрожа мелкой дрожью: это распоряжение он воспринял как знак неминуемой казни, причем скорее всего — предвараемой пыткой.

— Поменяйся с ним одеждой, — приказал Гордон Юсуфу ибн Сулейману.

Гордый, воинственный курд поспешил исполнить команду. Затем по приказу американца остальные курды связали араба, затолкали ему в рот плотный кляп и запили беднягу в темноту подземного хода за открытую Гордоном потайную дверь.

Юсуф облачился в халат стражника, его шелковые шаровары и водрузил на голову шлем с плюмажем. Благодаря семитским чертам лица курд вполне мог сойти за араба, если наблюдатель не стал бы пристально к нему приглядываться.

— Тебе, Юсуф ибн Сулейман, я доверяю особо ответственное и важное дело, — сухо сказал Гордон. — Оно достойно настоящего воина, храброго мужчины. Через некоторое время — может быть, сегодня на рассвете, может быть, к вечеру следующего дня или даже спустя еще ночь — в дверь, которая ведет в логово джинна, постучат пришедшие с той стороны люди. Это будут гильзайские воины, ведомые Лалом Сингхом и Яр Али-ханом. Тебе предстоит дожидаться их, спрятавшись в этом потайном тупике, и открыть им дверь во дворец. У тебя останется ятаган стражника. Когда другой араб придет сменить часового, убей его и спрячь труп в туннеле. Может быть, тебе придется повторить это еще раз, прежде чем дежурный сообразит, что сменившийся с поста часовой погиб, а не загулял где-нибудь в райских садах. У тебя будет преимущество внезапности: тебя ведь и не отличишь от араба, пока ты не нанесешь первый удар.

Судя по тому, как заблестели глаза Юсуфа, можно было быть уверенным в том, что по крайней мере эту часть плана курд исполнит не за страх, а за совесть.

— Может быть, убивать никого и не придется, — поспешил уточнить задание Гордон. — Сам ни-

куда не высовывайся. Увидев, что пленники убежали, новый часовой, вполне вероятно, и не сунется во второй коридор. Если он позовет подмогу, спрячься в туннель и не геройствуй. Главное — дожидаться гильзайцев и открыть им дверь. Может быть, сюда вообще никто не заглянет, и я вернусь раньше, чем сменится стража. Пять человек пойдут со мной: мне нужно найти и освободить Азизу. Если это окажется возможным, я вернусь сюда с нею, мы забаррикадируем двери и будем оборонять коридор от солдат Отмана опять же до тех пор, пока не подойдет Бабер-хан. Но даже если я не вернусь — слушай меня внимательно — я приказываю, прошу, заклиная тебя оставаться здесь, прячься или обороняйся изо всех сил, чтобы открыть дверь в нужный момент.

— Твои гильзайцы убьют меня на месте, едва я успею приоткрыть им дверь, — скорее в шутку, чем всерьез пожаловался Юсуф ибн Сулейман.

— Прежде чем открыть, оклики Лала Сингха и скажи ему: «Эль Борак просил, чтобы ты вспомнил волков из Джагаи». По этому паролю он поймет, что тебе можно довериться. А теперь — к моему делу! Итак, куда увели девушку?

— Вскоре после того, как араб пошел в обход поста, какие-то люди открыли дверь с той стороны ее камеры и увели ее. Они сказали, что сам шейх хочет допросить ее. Скорее всего, допрос состоится в том зале, где он в первый раз принимал тебя. Но, Эль Борак, шестеро не смогут пробиться сквозь строй из двух десятков персидских стражников, несущих караул у тронного зала!

— Вы знаете, где находится вход в райские сады? — спросил Гордон.

— Конечно! — уверенно закивали головами курды.

Судя по всему, у Отмана было не много секретов от подданных — в отличие от его великого предка, даже самые верные приближенные которого не знали точного местоположения этих садов.

— Тогда пошли туда. Ведите меня! — скомандовал Гордон.

Он спокойно повернулся спиной к своим недавним врагам, ставшим вдруг его союзниками. Ничего удивительного он не находил и в том, что всецело доверил свою жизнь одному слову этих диких, свирепых людей, родившихся, выросших, формировавшихся и живших в мире, где предательство, убийство, обман и хитрость являются неперенными атрибутами и условиями существования. Ничто не мешало Юсуфу ибн Сулейману дожидаться, пока Гордон уйдет, а затем броситься к шейху, чтобы ценой смерти Гордона продемонстрировать свою верность Отману и купить себе жизнь. Ничто не мешало ему и рассказать Ивану Конашевскому о планах американца и устроить в подземельях дворца засаду на Лала Сингха и отряд Бабер-хана. Ничто — кроме врожденной чести первобытного воина, знающего, что ему доверился другой человек, человек чести.

Гордон вместе со своим небольшим отрядом поднялся по узкой лестнице. Комната, выделенная ему после появления в Шализаре, была пуста. На верхней ступеньке лестницы он обнаружил два клинка — палаш и саблю, оставленные там Лалом Сингхом, бросившимся с пистолетом в руке спасать друга, узnanного и приговоренного к смерти Иваном Конашевским. Это оружие Гордон отдал своим спутникам, как и взятый у мертвого таджика кинжал. Себе американец оставил револьвер стражника-араба.

Коридор за дверью комнаты был пуст. Курды бесшумно скользнули в темноту. Сейчас, с наступ-

лением ночи дворец шейха Аль-Джебаля стал еще более таинственным и странным. Лампы, свисавшие с потолка, горели через одну и вполсили, легкий ночной бриз шевелил шторы на окнах и портьеры вдоль стен. Ступая по толстым коврам, устилавшим полы, Гордон даже в сапогах производил не больше шума, чем его босые спутники.

Дорогу они действительно знали хорошо. Оказавшись в роскошных покоях, эти бедно одетые, с горящими глазами люди походили на компанию полуночных воришек, забравшихся в богатый дом. Они шли тем маршрутом, где встретить кого-нибудь в это время суток было менее вероятно. Пройдя незамеченными через какую-то потайную, умело замаскированную дверь, они оказались в небольшом тамбуре, второй выход из которого — позолоченную резную дверь — охраняли два великана-суданца с алебардами наперевес. Гордон даже присвистнул: по его мнению, главная слабость царства Отмана, большая ошибка шейха заключалась в том, что вход в так называемый рай не был достаточно хорошо скрыт от посторонних глаз. Тайна потеряла свою величественность.

Суданцы, впрочем, вполне отдавали себе отчет в том, что ввалившаяся к ним компания — вовсе не уполномоченные посетители сада наслаждений. Позвать на помощь или поднять тревогу грозные стражи не могли — все суданцы при дворе Отмана были немые. Гордон не хотел стрелять — в тишине выстрел бы разнесся на полдворца. Но применять огнестрельное оружие ему и не потребовалось. Жаждавшие вкусить сладость мести курды налетели на чернокожих часовых. Двое кинулись на них с оружием, остальные повисли на суданцах и повалили их. Через несколько мгновений оба стражника

уже бились в конвульсиях, получив каждый множество как легких, так и смертельных ран. Эта грязная работа была необходимой, неотъемлемой частью общего плана Гордона, а жалость... Жалость к суданцам ли или к кому-либо еще в этом страшном городе — это чувство американец уже успел задавить в себе целиком и полностью.

— Оставайся здесь и сторожи вход, — приказал Гордон одному из курдов, проскальзывая в сад вместе с остальными.

Безлюдный ночью, сад утопал в таинственном свете луны и звезд, в темноте о чем-то шуршали листья деревьев, журчали струйки фонтанов. Одурачивающе сильно — сладко и пряно — пахли цветы. Разгоряченные первой кровью, вооруженные алебардами убитых суданцев, курды смело, даже излишне дерзко шли по саду, который еще недавно они считали если не раем (как того хотелось бы их правителю), то, по крайней мере, наиболее близким его подобию на земле. Похоже, только сейчас они по-настоящему осознали, что идут в бой, ведомые Эль Бораком, о котором все были наслышаны. И живая, реальная сила и слава этого американца помогали им вырваться из страха перед таинственными сказками и кошмарными легендами этого царства крови и смерти.

Гордон напрямиком направился к балкону, о существовании которого он уже знал — иначе ему ни за что было бы его не найти, так искусно балкон был замаскирован ветвями деревьев, лозой дикого винограда и задрапирован тюлевыми занавесями. Подсаженный курдами, Гордон нащупал окно, из которого шейх показывал ему сад, и острием кинжала открыл его. В следующую секунду он уже взобрался на подоконник и спрыгнул на пол по другую его

сторону, произведя при этом не больше шума, чем пантера, проделавшая такой же маневр.

Из-за отгораживающих решетку балкона штор до него доносились рыдания девушки, плакавшей от боли и страха, и голос Отмана.

Заглянув в щелочку между шторами, Гордон увидел шейха, развалившегося на троне, за спиной которого уже не маячили чернокожие стражники. Оба суданца находились посередине зала и были заняты мрачными приготовлениями: они доводили до бритвенной остроты лезвия своих кинжалов. Рядом, в небольших пылающих горящими угольями жаровнях, разогревались докрасна щипцы и крючья. Азиза, нагая, лежала между стражниками на полу, ноги и руки ее были крепко привязаны к вкрученным в пол металлическим штырям. Больше в комнате никого не было, а бронзовые двери были закрыты и заперты на засовы изнутри.

— Итак, я жду ответа на вопрос: как сикху удалось сбежать из камеры? — грозно спросил Отман.

— Нет! Не скажу! — сквозь слезы воскликнула девушка и, не в силах от страха скрыть истинную причину своего упрямого молчания, прокричала: — Если я скажу, это может повредить Эль Бораку!

— Эх ты, глупышка... — с притворной жалостью вздохнул Отман, — отстала от новостей, сидя в подземелье. Так вот, зря ты упрямисься: твой Эль Бораку...

— Здесь! — громко произнес Гордон, выходя из балконной ниши.

Шейх подскочил на троне, обернулся и, подвернув ногу, скатился по ступенькам пьедестала. Суданцы развернулись навстречу непрошеному гостю и схватились за ножи. Гордон выстрелил от бедра, и

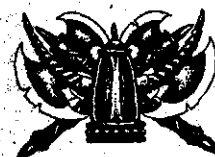
один из стражников, получив пулю в грудь, рухнул на пол. Второй же бросился к лежащей на полу Азизе и занес над ней схваченную с табурета алебарду, явно намереваясь убить девушку до того, как погибнуть самому. Удар кинжала в горло не дал осуществиться первой части его плана — великан-негр повалился на пол, напрасно пытаясь зажать руками зияющую рану на шее. За дверями зала забегали и закричали слуги. Посыпались сильные удары в двери.

Шейх вскочил на ноги, глядя на Гордона выпученными, почти безумными глазами. Он явно не хотел поверить в реальность появления перед ним этого залитого кровью, в изодранной одежде белого человека с дымящимся револьвером в руке.

— Нет, это не ты... не ты... это призрак, привидение,— забормотал шейх, словно желая убедить самого себя в правоте этих слов.— Ты — порождение гашиша... Нет! Кровь! Кровь на полу — она настоящая! Ты же мертв, мне сказали, что ты мертв. Тебя бросили на съедение обезьяне. Но ты... ты вернулся, ты воскрес из мертвых, чтобы убить меня! Нет, ты — призрак или же — демон! Сам дьявол! На помощь! На помощь! Стража, ко мне! Взять его! Дьявол Эль Борак вернулся, чтобы погубить меня!

С визгом, как обезумевший, Отман бросился к дверям. Гордон дождался, пока пальцы шейха коснулись засовов, а затем — хладнокровно и без сожаления — нажал на курок. Пуля прошла тело шейха насквозь. Развернувшись, он стал сползать по двери, в ужасе глядя на Гордона и не переставая жалобно взывать о помощи. Этот крик Гордон оборвал второй пулей, раздробившей череп правителя Шализара и разбрызгавшей по бронзовой двери его окровавленные мозги.

Глава восьмая ЗАГНАННЫЕ ВОЛКИ

Г

ордон холодным взглядом оглядел свою жертву, желая удостовериться в том, что шейх действительно мертв. За дверью творилось что-то невообразимое, к тому же из сада Эль Борака нетерпеливо окликали курды, желавшие узнать, все ли с ним в порядке, и жаждавшие поучаствовать в столь желанном деле. Прикрикнув на них и призвав к терпению, Гордон освободил девушку, перерезав веревки, и, схватив с ди-

вана шелковое покрывало, наскоро укрыл ее тело. Азиза жалобно всхлипывала, обхватив его шею руками. Ее близкое к истерике состояние было вызвано самыми противоречивыми чувствами — от еще не прошедшего страха до благодарности и облегчения.

— Саиб, я знала, что ты придешь сюда и спасешь меня! — причитала Азиза. — Я верила, что ты не позволишь им пытать меня! Мне говорили, что ты погиб, но я верила, я знала, что они не смогут убить тебя!

Взяв девушку на руки, Гордон поднес ее к окну и передал курдам, опустившим ее на землю. Она вскрикнула, увидев их бородатые, залепанные кровью и грязью лица, но одно строгое слово Гордона успокоило ее.

Сам Гордон, спрыгнув с балкона в сад, был встречен вопросом своих спутников:

— Что теперь делать, Эль Борак? Куда идти?

Курды еще более рьяно рвались в бой, почуяв кровь и став свидетелями чужой схватки. Их воодушевлению немало способствовало и восхищение Гордоном. Такие лидеры, такие командиры, как Эль Борак, умели выводить свои армии из самых безнадежных окружений, вытаскивать их из-под носа у самой смерти, а затем одерживали с ними самые славные и самые невероятные победы.

— Теперь назад, в туннель, где остался Юсуф.

Все вместе они помчались через сад, уже не стремясь соблюдать тишину. Гордон нес девушку на плече — легко, словно ребенка. Они не пробежали и сорока футов, как за их спинами во дворце раздались громовые удары чем-то тяжелым о металлические листы. Это слуги и стражники выбивали каменными скамейками двери тронного зала. Одно-

временно навстречу бегущим выскочил из кустов оставленный у входа в сад курд. Парень зажимал ладонью порез на правом предплечье и ругался на чем свет стоит:

— Там у дверей два отделения арабских псов, — задыхаясь, выпалил он. — Кто-то услышал, как мы схватились с суданцами, и побежал в казармы шакалов Махмуда ибн Ахмеда. Я успел ткнуть одного из них мечом в брюхо и захлопнуть дверь. Но выбить ее — займет у них не более нескольких минут.

В подтверждение его слов тяжелые удары стали доноситься и со стороны входа в райский сад.

— Азиза, есть из этого сада выход, который ведет не во дворец? — спросил Гордон.

— Там, саиб, — сказала Азиза и, соскочив с его плеча, бросилась бежать к северной стене, едва не скрывшись из виду до того, как мужчины последовали за нею. На беду, они отчетливо слышали, как трещат под ударами сыновей аравийских пустынь позолоченные двери. При каждом ударе Азиза болезненно вздрагивала, словно он наносился непосредственно по ее слабому, хрупкому телу. Подбежав к стене, она, не задумываясь, стала рвать руками прочные лианы и колючие побеги кустарника, которые, как оказалось, скрывали потайную дверь.

В револьвере Гордона оставалось еще два патрона. Один он израсходовал на то, чтобы выстрелом сбить старый висячий замок. Беглецы ворвались во второй, меньший по размерам сад, освещенный масляными лампами на столбах, как раз в тот момент, когда позолоченные врата в рай рухнули под ударами тарана и в райский сад хлынула толпа стражников и вооруженных придворных.

В центре сада, в который только что ворвались беглецы, высилась подобная минарету башня, кото-

рую Гордон заметил еще тогда, когда впервые попал во дворец.

— В башню! — скомандовал он, запирая дверь в сад на кинжальное лезвие, рассчитывая таким образом выиграть несколько секунд, которые потребуются преследователям, чтобы сломать его. — Нужно проникнуть туда и запереться внутри!

— Шейх часто удалялся в этот минарет, чтобы наблюдать в телескоп за небом или окрестными горами, — сообщил Гордону один из курдов. — Он никого туда не пускал, кроме Багилы, но говорят, что там хранится часть дворцового арсенала — винтовки и патроны. На нижнем этаже постоянно находятся пять арабов-стражников. Пост этот — один из самых спокойных, поэтому по ночам они наверняка спят.

Поворачивать назад было поздно. Преследователи уже добежали до стены, и, судя по грохоту, доносившемуся со всех сторон, оставались считанные минуты до того, как во все ворота сада при башне хлынут десятки преследователей. По приказу Гордона его люди бросились со всех ног к башне. Дверь у ее основания распахнулась, и на пороге появились пятеро заспанных арабов, явно недовольных поднявшимся шумом, о причинах которого им, разумеется, не было известно абсолютно ничего. Стражники лениво зевали, оглядываясь вокруг, и вдруг заметили приближающуюся к ним группу людей со сверкающими в свете ламп глазами и блестящими клинками в руках. Сон еще не выветрился из голов стражников, поэтому они среагировали на нападение ровно на секунду позже, чем следовало.

Одного из арабов Гордон застрелил в упор, второму раскроил череп рукоятью револьвера — в тот самый миг, когда он пронзил палашом сердце одного из курдов. Оставшихся трех защитников башни

нападающие смели в одно мгновение, дав выход древней племенной вражде, помноженной на ярость боя. В общем, через мгновение все пятеро часовых лежали у подножия башни в лужах крови.

Воинственные крики за стеной сада слились в радостный шквал, когда дверь, запертая на кинжал, не выдержала наконец напора и рухнула под градом ударов. В дверном проеме мгновенно показались разъяренные лица дюжины подчиненных Махмуда ибн Ахмеда. Они так жаждали догнать ускользающую добычу, что в пылу погони на мгновение задержали друг друга в тесном проходе. Воспользовавшись этим замешательством, Гордон схватил винтовку, выпавшую из рук одного из охранявших башню арабов, и разрядил весь магазин в плотную массу человеческих тел, забившую узкую дверь. На расстоянии менее ста метров такая стрельба была для него не более чем детское упражнение на меткость. Еще мгновение назад дверной проем представлял собой сплошную стену из рвущихся вперед тел и оскаленных лиц; сейчас он превратился в груды брызжущих кровью тел — мертвых и живых, но более всего желающих убраться со столь опасного и хорошо простреливаемого места.

Курды восторженно заорали и бросились в башню... преследуемые по пятам группой друзей, выломавших одни из ворот сада и скрытно подобравшихся вплотную к беглецам. На нижнем этаже башни завязалась кровавая драка, в которой Гордон принял самое активное участие, изо всех сил орудуя прикладом винтовки. Несколько секунд такого яростного сопротивления сломали натиск нападавших: друзья отступили, оставив у порога башни трех мертвых соплеменников и одного тяжело раненного, пытавшегося отползти подальше, цепляясь за землю

одной рукой, оставившего за собой густой кровавый след.

Гордон захлопнул за собой бронзовую дверь и загнал в пазы тяжелые засовы, способные выдерживать даже слоновью атаку.

— Наверх, быстро! — скомандовал он замешкавшимся курдам. — Хватайте оружие!

Они бросились вверх по лестнице — все, кроме одного, остановившегося на полпути и сползшего по ступенькам от слабости из-за большой потери крови. Гордон втащил его наверх и уложил на пол, приказав Азизе перевязать рану, оставленную на груди бедняги саблей одного из друзей. Лишь затем американец оглядел помещение, в котором ему предстояло держать оборону.

Он с товарищами находился в верхней комнате башни. В ней не было обычных окон, но зато в стенах имелось немало смотровых окошек самого разного размера и расположенных под самыми разными углами. При этом все они были оборудованы закрывающимися ставнями из толстого листового железа. Направленные вниз, эти отдушины весьма смахивали на крепостные бойницы. Курды весело зацокали языками при виде шкафов с новенькими винтовками и стеллажей, полных магазинов и патронных пачек. Да, Отман неплохо подготовил свою башню — как для научных наблюдений, так и, на всякий случай, для обороны.

Несмотря на все синяки, ссадины и раны, которые достались в большей или меньшей степени всем спутникам Гордона, курды быстро заняли позиции у бойниц и, вооружившись винтовками со стеллажей, открыли огонь по толпе, собравшейся у дверей башни. Среди нападавших не было видно самого Махмуда ибн Ахмеда, но добрая сотня подчиненных

ему арабов уже проникла в сад, как и целая толпа слуг, придворных и солдат других национальностей. Все они бегали по саду, сталкиваясь друг с другом, натываясь на деревья и столбы с фонарями, крича на разные голоса и пытаясь разглядеть, что же происходит в башне, за закрытыми ставнями ее бойниц. Повсюду сверкали полные злости глаза, мелькали в воздухе стальные клинки, раздавались явно не прицельные выстрелы. Кусты и тонкие деревца безжалостно ломались и вытаптывались. Вдруг откуда-то в сад притащили большое бревно, которое было пущено в ход в качестве тарана.

Гордона немало удивило, насколько грамотно и толково было в общих чертах организовано преследование беглецов и их окружение. Теперь и осада начиналась по всем правилам, явно под чьим-то опытным руководством. Удивление его исчезло в тот момент, когда он услышал в общем гаме голос Ивана Конашевского, властно отдающий приказы и распоряжения. Видимо, казак одним из первых узнал о смерти шейха и взял командование шализарской братией на себя. Его опыт и чутье командира, соединенные с удачным блокированием беглецов арабской стражей Махмуда ибн Ахмеда, предопределили развитие ситуации.

Впрочем, даже загнанные в угол, мятежники вовсе не были беспомощными жертвами. Возбужденно перекрикиваясь, курды палили из-под полуприкрытых козырьков бойниц, нанося нападавшим существенный урон. Даже тот, который был ранен, после того как Азиза наскоро перевязала ему рану, пододвинул с ее помощью один из диванов к бойнице и, сев поудобнее, тоже открыл огонь по своим бывшим союзникам. На таком расстоянии меткому стрелку промахнуться было сложно, и пули курдов без-

жалостно косили столпившихся в саду людей. Даже фанатики-исмаэлиты не смогли долго выдержать такого свинцового дождя. Толпа рассыпалась и стала отходить от башни, каждый хотел найти себе хоть какое-то укрытие. Курды приветствовали это отступление радостными криками и выстрелами в спины отступающих.

Через короткое время сад опустел, если не считать убитых и тяжело раненных, которые не могли самостоятельно передвигаться. Зато на башню обрушился целый ураган свинца. Огонь велся с верхнего этажа дворца, из-под купола, а также с крыш всех домов, стоявших вокруг сада, за его стенами.

Пули целкали о стены башни со звуком, похожим на тот, что издает жук, с размаху налетающий на стекло, за которым горит манящий его свет. Лишь изредка кому-то из стрелков удавалось попасть в козырек или ставень той или иной бойницы. Имея под рукой такой внушительный склад боеприпасов, удерживать башню можно было очень долго. Гораздо раньше — и уже весьма скоро — должна была остро встать проблема отсутствия воды и пищи. Раненый курд особенно страдал от жажды, но с выносливостью, которой славится его племя, терпеливо сносил мучения. Он молча лежал на диване, держа во рту свинцовую пулю, чтобы обмануть чувство жажды.

Поочередно обойдя все бойницы, Гордон внимательно осмотрел окружающую местность. Как он уже знал, дворец со всех сторон был окружен садами, лишь фасадом он выходил в огороженный высоким забором двор. Все это хозяйство было обнесено высокой стеной. Другие, более низкие стены отделяли сады друг от друга — как спицы колеса, ступицей которого был дворец, а ободом — внешняя стена. Сад, в котором стояла башня, находил-

ся к юго-западу от дворца, рядом с парадным двором. От двора и от другого сада — на западной стороне — он был отделен двумя внутренними стенами. Оба этих сада словно обтекали сад «райских наслаждений», частично скрытый между флигелями дворца. Стены этого внутреннего сада словно продолжали стены парадного двора. Таким образом, сад с башней оказывался полностью окруженным.

С севера возвышалась наружная дворцовая стена, из-за которой виднелись крыши пализарских домов. Ближайшее здание находилось всего в каких-то полутора сотнях футов от стены. Окна этого дома, как и других соседних зданий, были открыты. Из них высовывались вооруженные люди, палившие по башне в тщетной надежде попасть во что-либо, кроме каменных стен. Во дворце зажгли лампы и свечи, но двор и окружающие сады по-прежнему были погружены в темноту.

Лишь в осажденном саду, как и прежде, горели висячие лампы. Станным и злоеющим выглядел этот сад — освещенный островок среди темноты, с башней в центре, пустой, если не считать множества трупов, и при этом окруженный массой невидимых, но явно настроенных злобно и жаждущих крови людей.

Обстрел велся со всех сторон одновременно, а курдам оставалось лишь изрыгать проклятия — в темноте они могли стрелять лишь наугад, не имея никакой возможности разглядеть цель. Неожиданно обстрел прекратился. Без приказа, словно подчинившись общему решению, перестали отвечать стрельбой и засевшие в башне. В повисшей напряженной тишине четко прозвучал голос Ивана Конашевского, спрятавшегося от огня за стеной парадного двора.

— Ну что, сдаешься, Гордон? — прокричал казак.

Американец в ответ рассмеялся:

— Приди и возьми нас в плен, если ты решил, что мы готовы сдаться.

— Именно это я и собираюсь сделать. Чуть позже — на рассвете, — заверил его Иван. — Так что все, приятель: записывай себя в покойники.

— Сдается мне, что нечто подобное я уже слышал от тебя, когда ты оставил меня в логове своего джинна, — возразил Гордон. — Но я почему-то до сих пор жив, в отличие, кстати, от твоего павиана.

Гордон специально произнес эти слова на арабском, чем вызвал у нападавших целую бурю возгласов недоверия и гнева. Курды же, которые до сего момента не задали ему ни единого вопроса по поводу его почти чудесного возвращения из лабиринта джинна, переглянулись и кивнули друг другу с демонстративно невозмутимым видом, словно давая понять один другому, что победить джинна, оказавшись в его логове, мог только Эль Борак.

— Иван, а твоим асасинам известно, что шейх Аль-Джебаль мертв? — иронично поинтересовался Гордон.

— Они прекрасно знают, что Иван Конашевский — истинный правитель Шализара — сейчас, как и раньше, — последовал раздраженный ответ. — Я действительно не знаю, как тебе удалось одолеть обезьяну, вернуться во дворец и освободить этих жалких курдских шакалов-предателей из камеры, но одно я знаю точно и наверняка: завтра утром, спустя час после восхода солнца, ваши шкуры уже будут развешаны для просушки на стенах этой самой башни!

— Это мы-то шакалы? — недовольно переговаривались гордые горцы. — Курдские собаки? О Аллахах, он сам это сказал!

Гордон улыбнулся, поняв, что Юсуф ибн Сулейман по-прежнему не обнаружен. Захвати его исмаэлиты или убей — Иван не устоял бы перед искушением сообщить беглецам такую новость. Гордон рассчитывал на то, что в ближайшие часы никто не предпримет серьезный осмотр тюремных помещений, и убедился, что никто не занимался этим до сих пор. Все внимание шализарцев было сосредоточено на башне, и с их точки зрения не было никакого смысла проводить сейчас расследование и осматривать подземелья дворца. Получив косвенное подтверждение своих догадок в молчании Ивана, Гордон укрепился в уверенности, что Юсуф ибн Сулейман жив и здоров и дожидается в туннеле прихода Лала Сингха и воинов Бабер-хана.

Со стороны парадного двора послышались звуки работы топоров, пил и молотков. Что именно делали там осаждающие — из башни видно не было. Ситуацию прояснил Конашевский, прокричав:

— Слышишь? Эй ты, американская свинья, тебе ясно, что там происходит? Я думаю, тебе известно из курса древней истории, как в былые века штурмовали крепостные ворота. Так вот, мои люди сейчас срочно строят подвесной таран на колесах, прикрытый защищающим от пуль навесом и щитом. Построить такую штуку, способную защитит полсотни человек, требует некоторого времени. Но это и есть все то время, что у тебя осталось. Ты меня понял, Гордон? Как только рассветет, мы подкатим нашу тележку к башне и вышибем дверь. Остальное, как я полагаю, тебе и так ясно. Тебе конец, жалкий американский койот!

— И тебе тоже! — выпалил в ответ Гордон. — Тебе не удастся штурмовать башню, не высунувшись из укрытия. Вот только покажись мне на

секунду — и я вышибу тебе мозги, русский волкодав!

Ответом казака был смех, впрочем — довольно напряженный и нервный: как-никак, а меткость Гордона была хорошо известна Ивану, и угрозы американца вовсе не были пустыми словами. Этот обмен любезностями явно отбил у обеих сторон охоту к дальнейшим переговорам. Исмаэлиты по-прежнему вели огонь по бойницам и двери башни, не столько надеясь попасть в кого-либо из защитников, сколько явно вознамерившись задавить в зародыше любую мысль о попытке выбраться из башни. Гордон, разумеется, обдумал и эту возможность. Перестрелять фонари в саду — дело пяти минут, и если потом попробовать рискнуть прорваться к стене сада... Нет, нет и еще раз нет. Слишком много вооруженных людей держало под обстрелом дверь башни и весь сад. При такой плотности огня любая попытка прорыва была равносильна самоубийству. Итак, приходилось признать, что крепость стала ловушкой.

Гордон честно признался себе, что на сей раз он попал в западню, из которой собственными силами ему ни за что не выбраться. Если гильзайцы не появятся у стен Шализара в обозримом будущем, то ему и его товарищам жить оставалось, прямо скажем, недолго. Гордон вздрогнул, представив себе Юсуфа ибн Сулеймана, напрасно ждущего день за днем в дворцовых подземельях, пока голод не заставит его подняться и сдаться врагу или же — открыть дверь и попытаться уйти с плато по каменному лабиринту. Только сейчас Гордон вспомнил, что не успел рассказать курду, по какому маршруту следует идти к спасительному пролому в стене пещеры.

Топоры и молотки без устали стучали в соседнем с садом дворе, скрытом от взгляда осажден-

ных дворцовым флигелем. Даже если гильзайцы придут на рассвете, помощь может оказаться запоздалой. Конечно, чтобы протащить в сад большую телегу-навес, исмаэлитам потребуется снести и разобрать завал изрядной части стены. Делать эту работу под огнем из башни будет небезопасно, но даже если осажденным удастся затянуть окончание этой работы, в общем и целом на нее не уйдет много времени.

Курды, впрочем, не разделяли мрачных мыслей своего предводителя. С их точки зрения, все шло замечательно. Во-первых, и это самое главное, им удалось избежать позорной смерти пленников, а значит — путь в рай они себе уже расчистили. Оставалось немного — погибнуть, как гибнут герои, как подобает погибать настоящим воинам. А для этого у них были все возможности. Они уже устроили хорошую кровавую баню противнику, у них был командир, которому они не только всецело доверяли, но и преклонялись перед ним почти как перед божеством. Была у них отличная боевая позиция, хорошее оружие и громада боеприпасов. Ну что еще может желать гордый воин с суровых гор Курдистана? Курды залихватски палили во все, что двигалось в поле их зрения, и не думали о будущем, предпочитая, чтобы оно подумало о себе самом, а заодно — и об их судьбах. Так несколько часов продолжался этот странный бой, где звукам винтовочных выстрелов вторила дробь строительных инструментов.

Раненый умер незадолго до рассвета — в тот час, когда посветлевшее небо заставило чуть побледнеть садовые светильники. Накрыв мертвого покрывалом с одного из диванов, Гордо внимательно оглядел свой маленький отряд. Трое оставшихся в живых курдов прильнули к бойницам и более всего походи-

ли сейчас на принявших человеческий облик призраков мести и смерти, спустившихся на землю в эти предрассветные сумерки. Азиза, измученная страхом и усталостью, спала на полу, подложив под голову по-детски мягкую круглую руку.

Стук молотков прекратился, и в наступившей тишине Гордон услышал скрипение больших деревянных колес. Он понял, что передвижной навес с тараном уже построен и направляется к башне, скрытый пока что углом дворца. Кое-где в сумерках можно было разглядеть людей, перебежками подбигающих поближе к садовой стене или занимающих удобные позиции для обстрела на крышах и окнах. Противник явно готовился к штурму. Гордон с надеждой всматривался вдаль — стараясь разглядеть, что происходит на северной стороне плато, за чертой города. Среди валунов у верхней площадки гигантской лестницы не было видно ни одного человека. Видимо, новых стражников ничему не научил горький опыт Юсуфа ибн Сулеймана и его отряда. Похоже, что, не желая упускать случая поучаствовать в столь азартной погоне и осаде, Стражи Ступеней, поддались азарту и покинули пост. Ни один правитель на Востоке никогда не мог добиться строгого, точного и беспрекословного выполнения подчиненными приказов командира. Никакие, даже самые жестокие, меры не могли довести армейскую дисциплину до подобающего нормальной западной армии уровня. Впрочем, вскоре Гордон увидел группу людей — дюжины полторы солдат, — спешным шагом направлявшихся к краю обрыва. Значит, Иван Конашевский приказал им срочно занять оборону на верхней площадке лестницы; о судьбе, уготованной казаком тем, кто покинул пост, можно было только догадываться.

Гордон окликнул курдов, мигом повернувших к нему свои грязные, бородатые лица. Сам он выглядел не хуже: голый по пояс, весь в запекшейся крови и пыли, в пятнах пороховой гари и со свежими шрамами на теле, ни дать ни взять — предводитель воинственного дикого племени.

— Гильзайцы не пришли, — объявил он курдам. — Может быть, они совсем не придут, может быть — лишь немного задерживаются. Нам это, в общем-то, уже безразлично. Вот-вот Конашевский пошлет своих головорезов на штурм под прикрытием большого деревянного навеса. Дверь они вышибут тараном — это не займет у них и нескольких минут. А потом... потом мы успеем убить нескольких нападающих на лестнице, прежде чем умереть.

— На все воля Аллаха! — кивнули курды, явно выражая спокойную готовность принять судьбу такой, какой она им явится. — По крайней мере, умрем мы в бою и наверняка еще унесем с собой на тот свет немало душ своих противников.

Курды оскалились, как голодные волки, и перехватили затворы винтовок.

Со всех крыши и окон град пуль посыпался на балкю. Осажденные наконец увидели через щели в бойницах катящуюся по двору осадную машину. Это было массивное сооружение из толстых брусев и бревен, укрытое бронзовыми и латунными щитами, водруженное на большие колеса от воловьих упряжек. В центре переднего щита было оставлено круглое отверстие, из которого высовывался заостренный конец толстого бревна, обитый листовым железом. Не менее пятидесяти человек могли спрятаться за этим укрытием от огня и спокойно делать свое дело: придвинув навес к башне, выбивать подвешенным на цепях к раме тараном ее единственную дверь.

Подъехав к стене сада, навес остановился. В дело пошли кувалды, ломы и кирки — шализарцы сноровисто и азартно взялись за разрушение преграды.

Весь этот шум разбудил Азизу, которая протерла глаза и вдруг зарыдала и бросилась к Гордону, ища у него поддержки и утешения. Но ему нечем было успокоить девушку. Пара ободряющих фраз, ласковое поглаживание по голове — все это не могло скрыть от нее их истинного, совершенно безнадёжного положения. Единственное, что реально мог и собирался сделать для нее Гордон, — это встать между нею и противником во время последнего боя, выиграв для нее несколько лишних секунд жизни, и приберечь для нее последнюю спасительную пулю, чтобы извлечь девушку от мучительной смерти под ножами и щипцами палачей.

Чувствуя и понимая безнадёжность их положения, Азиза села на пол в центре комнаты и, обхватив голову руками, тихо заплакала. Гордон подошел к ней, обнял ее за плечи, и девушка затихла, словно спокойствие и решимость Эль Борака передались ей.

— Стена вот-вот рухнет, — сообщил Гордону один из курдов. — Сейчас пыль развеется, и мы сможем разглядеть тех, кто начнет разбирать завал. По крайней мере, можно будет подстрелить кое-кого из них и задержать продвижение тарана к башне. А потом...

— Тихо! — оборвал его Гордон. — Слышите?

Все замерли — и те, кто в башне и те, кто готовился ее штурмовать. Азиза даже вскрикнула, услышав в наступившей тишине грохот другой, далекой перестрелки к северу от города. В эти минуты все винтовки в Шализаре замолчали и покачнулись во вздрогнувших от неожиданности руках тех, кто держал оружие. Да, на северной оконечности плато, у самого выхода со Ступеней, шел бой.

Глава девятая ПОЛЯ, ЗАЛИТЫЕ КРОВЬЮ

Г

ордон метнулся к бойнице, расположенной на северной стороне башни, и приоткрыл козырек. Из всех сил он вглядывался в серые предраусветные сумерки, стараясь разобраться в том, что происходит на дальней оконечности плато. Небольшая группа вооруженных людей — меньше десятка человек — поспешно отступала к городу, отстреливаясь на бегу. А позади них, из-за валунов, окружающих выход с ле-

стницы на плато, маячили в полумраке другие фигуры — в неизмеримо большем количестве.

Как бы далеко ни находились наступавшие и как бы плоха ни была видимость, Гордону все же удалось разглядеть, как первая их шеренга синхронно вскинула винтовки и выстрелила залпом. Взметнулось облако порохового дыма, чуть с запозданием донесся громовой раскат залпа, и все отступавшие попадали на землю — кто убитый, кто раненный, а кто и просто перепуганный до смерти. Затем до замершего в непонимании Шализара донесся многоголосый боевой клич.

— Бабер-хан! — воодушевленно воскликнул Гордон.

Опять небрежность Стражей Ступеней обернулась для них тяжелыми последствиями. Гильзайцы успели подняться по неохраняемой лестнице как раз вовремя, чтобы перестрелять посланных на замену дезертирам часовых. Когда число поднимавшихся на плато воинов перевалило за полсотни, Гордон забеспокоился. Все новые и новые шеренги гильзайцев расходились по плато в обе стороны от лестницы. Вот их уже человек сто, вот — почти двести. Когда же на плато оказалось больше трехсот вооруженных кхорских солдат, Гордон был вынужден признаться себе в том, что Лал Сингх, по всей видимости, не смог передать им новый план атаки. Он живо представил себе сцену, разыгравшуюся в каньоне в тот момент, когда Бабер-хан и его всадники подошли к условленному месту и не обнаружили там Эль Борака. Гневная вспышка эмоций со стороны Яр Али-хана и молчаливое, но весьма красноречивое согласие Бабер-хана бросили горцев на немедленный, фактически не подготовленный штурм лестницы, ведущей на плато. Пойти в бой, начать

штурм, почти ничего не зная ни о противнике, ни о его крепости — если не считать уверенности в том, что противник захватил в плен или даже убил одного из лучших друзей племени! Конечно, это в характере мятежного Бабер-хана и его подданных! Благородство, граничащее с безумием, вполне вписывалось в знакомые Гордону схемы поведения диких афганских племен: О судьбе же Лала Сингха ему оставалось лишь догадываться.

В Шализаре мертвое оцепенение первых мгновений сменилось лихорадочной деятельностью. С крыши донеслись предупреждающие крики, вооруженные люди забегали по улицам. Известие о штурме города разнеслось со скоростью молнии и почти мгновенно достигло дворца и его парадного двора. Гордон знал, что Конашевский немедленно поднимется куда-нибудь под купол, чтобы лично выяснить, что происходит на подступах к городу. Через минуту над дворцом и садом действительно разнесся громкий голос казака, расторопно и толково готовящего оборону. Разрушение стены прекратилось, покинули солдаты и навес-укрытие.

Вскоре на дворцовый плац стали со всех сторон стекаться люди. Они бежали от ближайших ко дворцу домов, из садов и из-за хозяйственных построек при дворце. Несколько бежавших курдам удалось подстрелить, но никто не обратил внимания на эти потери. Гордон на всякий случай искал глазами Ивана, хотя прекрасно понимал, что казак не настолько глуп, чтобы высунуться из дворца с той стороны, которая простреливалась из башни. Через какое-то время долговязый казак мелькнул в просвете между домами, но слишком далеко, чтобы можно было рассчитывать попасть в него или его спутников — отделение лучших арабских стражни-

ков, возглавляемое закованным в боевые доспехи Махмудом ибн Ахмедом. Вслед за командиром по улицам Шализара быстро и, что удивительно, достаточно слаженно промаршировали хорошо вооруженные, даже как-то подтянуто выглядящие исмаэлиты. Шли они колоннами, представляя каждой группой то или иное племя или народ. По всей видимости, Ивану удалось вбить в головы своих головорезов хотя бы основы цивилизованного военного искусства.

Поначалу колонна шализарцев проследовала по главной улице города, ведущей к лестнице, словно намереваясь встретить нападающих в открытом бою на гладком, как стол, плато. Но, подойдя к окраине города, его защитники проворно рассыпались по обе стороны дороги и заняли оборону в садах, за земляными заборами и в крайних домах.

Афганцы все еще находились слишком далеко, чтобы разглядеть, что происходит в городе и на подступах к нему. К тому времени, как они подошли на достаточно близкое расстояние, улицы и сады уже выглядели абсолютно безлюдными. Гордону же с его наблюдательной позиции были отлично видны фигуры шализарцев, скрытно занявших оборону на крышах, чердаках и в садах у края города. Винтовки исмаэлитов злоебно поблескивали в лучах восходящего солнца. Афганцы шли прямо в ловушку, но Гордон ничем не мог им помочь.

Один из курдов подошел к бойнице, посмотрел в нее, пожал плечами и стал поправлять сползшую с раны на запястье повязку. Затягивая зубами тугой узел, он спросил американца:

— Это и есть твои друзья, Эль Борак? Они же просто глупцы! Они сами лезут в адское пекло, сами идут на заклание...

— Сам вижу, — огрызнулся Гордон, сжав кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

— Я знаю, что будет дальше, — сказал другой курд. — Как-то раз, дежуря во дворце, я слышал, как Багила объяснял офицерам план обороны города в случае прорыва противника на плато. Видишь вот сад, у самого города, к востоку от дороги? Там засели полсотни стрелков. Среди цветущих персиковых ветвей можно разглядеть, как блестят стволы их ружей. Через дорогу от него — другой сад. Он называется египетским. Там тоже засели в засаде пятьдесят отличных стрелков. Ближайший к саду дом — крайний по улице — тоже битком набит солдатами, как и первые три дома по другой стороне улицы.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — раздраженно буркнул Гордон. — Разве я сам не вижу, как эти шакалы залегли на крышах и засели за углами домов?

— Слушай дальше, Эль Борак, — невозмутимо продолжил курд. — Те, кто засел в садах, не будут открывать огонь, пока твои афганцы не пройдут мимо них и их первые шеренги не окажутся между домами на главной улице. Вот тогда-то будет подана команда начать стрельбу одновременно: с крыш, из окон, из подвалов и из-за заборов — по голове колонны, а из обоих садов — по флангам и тылу. Готов поспорить, что из-под такого перекрестного огня уйти не удастся почти никому.

— Если б я только мог предупредить их! — почти простонал Гордон.

Первый курд вздохнул и показал рукой в сторону дворца, откуда по-прежнему, хотя и намного реже, доносились выстрелы, вслед за которыми в стены и железные ставни башни ударялись пули.

— Багила ни за что не оставил бы нас без стражи, — заметил курд. — Человек двадцать, если не больше, по-прежнему караулят башню и выход из нее. Сунься мы отсюда — и нас перестреляют раньше, чем мы добежим до середины сада.

— Господи! Неужели мне суждено так и просидеть здесь, глядя на то, как расстреливают моих друзей, не имея возможности предупредить их об опасности?

На могучей шее Гордона запульсировали напряженные вены, глаза американца налились кровью. Он напрягся, сжался как пружина, как пантера, готовящаяся к прыжку из башни на другой конец города. Вдруг, заметив какие-то изменения на плато, он прильнул к бойнице и воскликнул:

— Смотрите! Афганцы рассыпаются широкой цепью и подходят к городу, стараясь использовать все возможные укрытия. Нет, Бабер-хан — хитрый старый волк! Это Яр Али-хан кинулся бы сломя голову в город, система обороны которого ему неизвестна. Но Бабер-хан не позволит себе такого безрассудства.

И это было абсолютной правдой. За свою жизнь Бабер-хану довелось повоевать столько, сколько едва ли выпадает на долю среднего племенного вождя в Афганистане. Одно то, что мятежный вождь до сих пор оставался в живых, уже говорило о его полководческом таланте, интуиции и благоразумии. Вот и сейчас чутье старого вояки заставило его повнимательнее присмотреться к слишком уж людным улицам и огородам Шализара. Наверное, насторожила Бабер-хана и стихнувшая стрельба на другом конце города: ведь эхо этой перестрелки звучало над котловиной в течение всего времени подъема кхорцев по гигантской лестнице. А может

быть, острый взгляд Бабер-хана заметил блик солнечного луча на одном-другом винтовочном стволе засевших на крышах исмаэлитов. Во всяком случае, три с лишним сотни его воинов, развернувшись широким полукольцом, замедлили наступление и, укрываясь за камнями и в оросительных каналах, стали обстреливать окраины города.

С крыш и из окон крайних домов раздались ответные выстрелы — обманчиво редкие, но те, кто занял позиции в садах, не выдали себя ни единым движением, ни единым неосторожным выстрелом. Слабый отпор обороняющихся был явно рассчитан на то, чтобы спровоцировать нападающих на стремительное наступление.

— А это еще что? — воскликнул вдруг Гордон и громко выругался, поняв, что именно означало увиденное им.

А заметил он, как на центральную улицу повыскакивало человек сто шализарцев, резво бросившихся вперед, изображая контратаку. Курды, стоявшие рядом с Гордоном, понимающе покивали головами.

— Все рассчитано верно, — вздохнул один из них. — Немного постреляв и раззадорив твоих друзей, шализарцы начнут отступать. Но не родился еще афганский солдат, который удержался бы от искушения догнать убегающего противника. Гильзайцы, увлекшись погоней, забудут об осторожности и сами прибегут в расставленную для них ловушку.

Ближайшая часть цепи афганцев находилась всего в нескольких сотнях ярдов от городских садов. Контратакующие едва вышли из-под прикрытия деревьев, как их встретил ураганный огонь гильзайцев. Не меньше полутора десятков исмаэлитов по-

падали на дорогу. Продержавшись ровно столько, чтобы дать два ответных залпа, они стали постепенно отступать к городу, отстреливаясь уже беспорядочно. Количество трупов, оставшихся на дороге и обочинах, свидетельствовало о том, что шализарцы были готовы дорого заплатить за окончательную победу.

Воодушевленный боевой клич афганцев прокатился над плато, когда шализарцы, сломав строй, стали беспорядочно отступать к городу, чтобы спрятаться за домами и заборами. Все получилось именно так, как предсказывали курды, и чего так боялся Гордон: гильзайцы повыскакивали из-за укрытий и, стреляя на ходу, помчались к городу, словно пылающие злобой и яростью демоны войны.

С двух сторон выскакивали они на дорогу, и единственное, что удалось сделать Бабер-хану, — на бегу заставить их собраться в более или менее компактную группу, не растянутую в длинную пунктирную линию мелких группок и одиночных бойцов. Для этого вождю пришлось немало покричать, обрушить на своих воинов все мыслимые проклятия, а порой — и кулаки или приклад винтовки.

Самые расторопные гильзайцы отставали от убежавших всего на сотню ярдов, когда те, промчавшись между садами, оказались в городском квартале. Гордон до боли сжал кулаки и челюсти. На его глазах афганцы пересекали границу садов, с каждой секундой все глубже залезая в расставленную для них ловушку.

Но здесь в отлаженном маневре исмаэлитов произошел какой-то сбой. Позднее Гордон узнал, что дело было в ярком тюрбане одного из шализарцев, обладатель которого неосторожно высунул голову из-за садовой ограды, выдав Бабер-

хану придуманную Иваном засаду. Вождь, от зоркого взгляда которого ничто не ускользало, заметил яркое пятно и метким выстрелом вложил пулю прямо в лоб неосторожному шализарцу. Умирая, тот судорожно нажал на курок своей винтовки. Раздался выстрел. Напряжение в боевых порядках исмаэлитов было столь велико, что у многих сидевших в засаде не выдержали нервы. Вслед за первым в саду раздалось множество выстрелов, произведенных произвольно — без команды — и неприцельно. Дальше последовала цепная реакция. Сначала раздался залп из сада на восточной стороне, выдавший тех, кто прятался в засаде, а затем, не понимая, что происходит, стрелки в домах и на крышах открыли беспорядочную стрельбу по наступающим. Слишком велико было напряжение воинов Отмана, которые, как и афганцы, не обладали хорошей выдержкой. Захлопнувшаяся раньше времени ловушка произвела обратный эффект — деморализовала и запутала обороняющихся.

Два десятка афганцев упали на землю при первом же залпе, но в ту же секунду Бабер-хан среагировал на сложившуюся ситуацию единственным спасительным образом. Неожиданно обрушившийся на его воинов шквал огня остудил их слепую ярость и азарт, словно ведро ледяной воды, выплеснутое в лицо. Афганцы замерли, но, прежде чем паника охватила отряд, Бабер-хан громогласно призвал к вниманию своих воинов и, мгновенно сориентировавшись, повел их в атаку — штурмовать стену, окружавшую огород, и выбивать оттуда противника. Гильзайцы с колыбели привыкли слепо, не спрашивая ничего и не требуя никаких объяснений, следовать за вождем. Вот и сейчас, под градом свинца,

косящим их ряды, они все как один пошли вслед за Бабер-ханом.

Залп в упор из-за ограды оставил на обочине целую шеренгу неподвижных и корчащихся в конвульсиях тел, но остановить атаку гильзайцев уже не смог. Переметнувшись через невысокий забор, как цунами через прибрежную дамбу, они смели засевших на краю восточного сада шализарцев. Превосходя обороняющуюся полусотню в несколько раз, действуя огнем, прикладом и клинком, воины Бабер-хана быстро очистили сад от противника, а затем открыли яростную стрельбу по саду через дорогу и по ближайшим городским домам.

Так в течение одной минуты изменился весь ход боя. Не менее сорока афганцев осталось лежать на дороге на подступах к Шализару, но, заплатив такую цену, Бабер-хан сумел вырваться из уже захлопывавшейся ловушки, грозившей смертью всему его отряду.

Теперь гильзайцы были неплохо прикрыты ограждающей сад невысокой стеной и растущими в нем фруктовыми деревьями. Шквальный огонь, который вели по ним с крыши и из сада, едва ли был эффективен. В саду были прокопаны оросительные каналы, полные воды, многие фрукты на ближайших деревьях уже созрели. Имея возможность утолить жажду и — частично — голод, гильзайцы смогли бы удерживать свою позицию несколько дней, если, конечно, противник не стал бы пытаться выбить их оттуда, атакуя в лоб.

С другой стороны, отряд Бабер-хана все же попал в почти безвыходное положение: взять город, стреляя из-за укрытия, гильзайцам не удалось бы, но при этом любая попытка перебраться через ограду сада обошлась бы им слишком дорого — обороняю-

щиеся вели огонь прицельно, с близкой дистанции. Штурмовать город оказалось невозможно, как невозможно было и отступить назад, к лестнице. Выйдя на плато, они опять же оказались бы на гладкой равнине под плотным винтовочным огнем. Даже если кто-то и сумел бы добраться до края плато, за время спуска по огромной лестнице исмаэлиты спокойно, словно в тире, перестреляли бы отступающих. Постоянный обстрел с крыши мало-помалу сокращал бы численность отряда, долгое лежание и ползание по траве не способствовало бы повышению боевого духа гильзайцев. В итоге мощная атака с двух сторон смела бы кхорских воинов, как недавно сами они смели тех, кто сидел здесь в засаде.

В это самое время, когда люди, пришедшие сюда, чтобы спасти Эль Борака, вступили в тяжелый, почти безнадежный бой с хитрым и безжалостным, численно превосходящим их противником, сам Эль Борака беспомощно метался от бойницы к бойнице, запертый в дворцовой башне. Словно тигр в клетке, ходил он из угла в угол; руки его то сжимались в кулаки, то произвольно тянулись к винтовке или рукоятке сабли. Азиза, забившись в угол, с опаской следила за ним. Курды тоже хранили молчание.

Пули, вонзавшиеся в стены башни, бесили Гордона. Всем было ясно, что стрелки вовсе не пытаются поразить таким образом какую-либо цель, просто-напросто так они не давали осажденным забыть, что башня и прилегающее пространство находятся под прицелом. Их предупреждали, что им следует сидеть взаперти и ждать, пока Иван Конашевский расправится с их приятелями, засевшими в саду на окраине Шализара, а затем вернется и уже в свое удовольствие займется ими. Кровавая пелена повисла перед глазами Гордона. Казалось, еще чуть-

чуть — и его сердце или нервы не выдержат, и он либо рухнет замертво, либо совершит какой-нибудь безрассудный поступок.

Эль Борак даже не заметил, как один из курдов спустился вниз, на первый этаж башни, зато его возвращение вывело Гордона из напряженного, полубессознательного состояния. Еще бы — с горящими глазами, прыгая через три ступеньки, курд взлетел по лестнице и почти закричал:

— Саиб! Саиб, там... — Дыхание его перехватило от избытка чувств. — ...Я спустился, чтобы поискать чего-нибудь попить или поесть, а там... под ковром, который я приподнял, чтобы посмотреть, нет ли под ним тайника с драгоценностями — старая солдатская привычка, саиб, — так вот, там оказалось большое медное кольцо в полу. Я потянул за кольцо и открыл хорошо замаскированный люк, из-под которого куда-то вниз уходят ступеньки. Там темно, и я уже не стал...

Последние слова курд произнес, обращаясь уже лишь к своим товарищам и к Азизе. Сам же Гордон, выйдя из транса, громадными прыжками, словно пантера, слетел по лестнице, не забыв, однако, прихватить с собой коробку спичек из запасов, имевшихся на верхнем этаже. Распластавшись на полу, он как мог глубоко опустил в люк руку с зажженной спичкой, всматриваясь в темноту потайного туннеля. Дождавшись, пока догоревшая спичка не погасла у него в руке, он обернулся и сказал спустившимся вслед за ним курдам и девушке:

— Подземный ход ведет в сторону дворца, и, скорее всего, выход из него находится где-то в дворцовых помещениях. Знай Иван о существовании этого туннеля, он давно пустил бы в него своих людей, чтобы взять нас неожиданной атакой с тыла.

Похоже, у Отмана все же были кое-какие секреты, которые он хранил даже от Ивана, не доверяя ему целиком и полностью, особенно — в вопросах своей личной безопасности. Скорее всего, об этом подземном ходе из дворца в башню знал только сам шейх и его безязыкие рабы-суданцы. А значит — вряд ли кто из оставшихся в живых знает о его существовании, и еще менее вероятно, что кто-то остался караулить выход с другого его конца, рассчитывая подстеречь нас там.

— Мы, кстати, тоже не знаем, в каком именно месте дворца находится второй выход из этого туннеля, — напомнил один из курдов.

— Согласен, — кивнул Гордон. — Но попытаться все же стоит. Это наш единственный шанс.

На всякий случай он поднялся вместе с курдами на верхний этаж, чтобы оценить обстановку, поглядев в щели бойниц, и не пропустить каких-нибудь неожиданных маневров оставленных Иваном часовых. Обведя глазами маленький отряд — трех курдов и хрупкую девушку, Гордон объявил свой план:

— Я рассчитываю на то, что этот подземный ход приведет нас во дворец, причем в ту его часть, что не кишит сейчас стражей и слугами шейха. Вообще сейчас во дворце не должно быть много народу, а те, кто остался, наверняка торчат в фасадных окнах, пытаясь разглядеть, что происходит на подступах к городу. Кое-кто, наверное, продолжает следить за башней, но в любом случае все они сейчас целиком поглощены тем, чем заняты. Во всяком случае, лучше рискнуть столкнуться с превосходящими силами противника во дворце, чем сидеть здесь и беспомощно ждать, когда Иван штурмом возьмет башню и изрубит нас на куски.

Если нам удастся добраться до дворца и при этом нас не перехватит на выходе оставленная Иваном засада, то мы попытаемся пробраться к туннелю, где остался Юсуф ибн Сулейман. Ждать там уже некого, но он-то об этом не знает. Итак, если мы туда доберемся, я отправлю вас, ребята, вместе с девушкой прочь из дворца, в лабиринт и дальше — за окружающий плато хребет.

В нескольких словах он обрисовал путь от тюремной стены к пролому в пещере, выходящему на дальний склон хребта.

— Но, саиб, мы не хотим оставлять тебя здесь, — в один голос заявили курды.

Усталость и раны давали о себе знать. Лица курдов были утрюмы и измучены, грязь и пороховая гарь покрывали их толстым слоем, но они даже не пытались соскрести с кожи эту корку. Тем не менее их слова были полны искренности и убежденности.

— Вы должны подчиняться моим приказам, как поклялись, — напомнил им Гордон и, увидев, что Азиза проявляет признаки несогласия, добавил: — Это, кстати, всех касается. Далее: как добраться до Кхора, вы знаете. Тем, кто остался на страже города гильзайцев, скажете тот же пароль, что я передал Юсуфу ибн Сулейману. По ущельям за стеной можете идти спокойно. Джинн мертв, хотя, говоря по правде, никакой это был не джинн, а всего-навсего здоровенная обезьяна, существо из плоти и крови. Так вот, добравшись до Кхора, постарайтесь связаться с семьей Азизы в Дели. С вами щедро рассчитаются за то, что вы вернете ее домой.

— Пусть подавятся своими деньгами! — сплонул один из курдов. — Достаточно индусы покупали и подкупали нас на свои вонючие деньги. А кроме

того — мы больше не шакалы шейха Аль-Джебаля, ворующие людей и возвращающие их за выкуп. Но сейчас нас больше волнует твоя судьба, Эль Борак. Что ты собираешься делать, оставшись здесь один?

— После того как вы углубитесь в лабиринт и отойдете на безопасное расстояние, я попытаюсь выскользнуть из дворца незамеченным и пробьюсь к афганцам. Бабер-хан и его люди пришли сюда лишь затем, чтобы помочь мне. Теперь они погибают один за другим. Я не могу покинуть их, даже если у меня есть шанс спастись. Это дело чести.

Курды невесело, но понимающе кивнули головами. Поступить точно так же требовал и их кодекс чести. Другое дело, что не у каждого хватило бы мужества исполнить свой долг — тем большее уважение вызвало у них решение Эль Борака.

— Я сказал вам все это на тот случай, если мы расстанемся или я погибну до того, как мы проникнем к тюремной двери. Теперь каждый из вас знает, что делать. Если что-то случится — поступайте так, как я вам сказал: забирайте Юсуфа и уходите к Кхору. А теперь — вперед!

Соорудив из подручных материалов импровизированные факелы, они спустились в подземный туннель. Он оказался на удивление хорошо отделан и даже украшен резными каменными панелями на стенах. Пол был выложен мраморными плитками, потолок — довольно высокий — выполнен в виде полукруглого свода. Туннель шел прямо, как стрела, и, когда, по расчетам Гордона, они оказались уже под центральной частью дворца, узкая крутая лестница вывела их к какой-то бронзовой двери. Даже долго и напряженно прислушиваясь, Гордон не уловил с противоположной стороны двери ни единого звука. Взяв оружие наизготовку, америка-

нец осторожно надавил на дверь, слегка приоткрыв ее. Тишина. Никто и ничто не отреагировало на легкое шуршание петель. Гордон и его спутники выбрались в пустую комнату, в которой эта бронзовая дверь представляла собой одну из декоративных панелей на стене. Прикрыв ее за собой, Гордон услышал, как где-то в стене щелкнула скрытая пружина. Замок захлопнулся, а как открывать его со стороны комнаты, не знали ни Эль Борак, ни курды, ни Азиза. Итак, в этом направлении путь к отступлению можно было считать отрезанным.

Дверь из комнаты, прикрытая с обеих сторон шторами, выходила в один из дворцовых коридоров — похоже, абсолютно пустых. Гордон, приоткрыв эту дверь, долго прислушивался, но ни один звук не нарушал тишину дворца, если не считать треска винтовочных выстрелов где-то неподалеку. Видимо, это продолжали вести предупредительную стрельбу по уже опустевшей башне оставленные Конашевским часовые. Гордон не удержался от улыбки: как боец, разведчик, тактик и стратег он не мог не порадоваться тому, что немалое количество врагов сейчас сосредоточенно караулили «запертых в башне», в то время как те уже оказались во дворце, за их спинами.

— Азиза, ты можешь определить, где мы сейчас? — спросил Гордон.

— Да, саиб.

— Тогда води нас в ту комнату, где мы впервые встретились с тобой, туда, куда выходит потайная лестница из тюремного коридора. Надеюсь, никого не надо предупреждать, что идти нужно как можно тише. Нас слишком мало, и скрытность — наш верный союзник, да и единственный шанс уцелеть. Хотя, разумеется, я понимаю, что шансов быть обнару-

женными у нас немного. Рабы и слуги-мужчины сейчас наверняка сидят на крыше или даже выбрались на окраину города, чтобы посмотреть, как идет бой. Те, кто умеет держать оружие, я уверен, уже проникли в боевые порядки, чтобы принять участие в перестрелке. Женщины же, слуги и «феи» из райских садов сидят сейчас в своих комнатах, дрожа от страха. Не удивлюсь, если многие из них еще и заперты на замок хозяевами и мужьями. И все же — осторожность не помешает.

Расчеты Гордона оправдались. Не встретив никого, они прошли вслед за Азизой по дворцовым помещениям и довольно скоро оказались в уже знакомой американцу комнате. Тревогу во дворце никто не поднял. Каково же было удивление и негодование Гордона и курдов, когда из-за двери, ведущей на потайную лестницу, до них донесся гул множества голосов и топот множества ног, торопливо шагающих по ступенькам. Все это оказалось настолько неожиданным, что ни Гордон, ни курды не успели выскочить из комнаты обратно в коридор и вскинули винтовки, чтобы встретить противника огнем. Отступать было некуда, оставалось вступить в бой, по всей видимости — последний.

Дверь распахнулась, и ствол винтовки американца уперся в грудь человека, оказавшегося на пороге. На мгновение они оба замерли...

— Саиб! — раздалось вдруг с лестницы.

— Лал Сингх! — воскликнул Гордон.

Курды с изумлением воззрились на огромного сикха, который длинными могучими руками обнял и крепко прижал к себе их саиба, их командира, их повелителя, которому они дали клятву на верность и жизнь которого были готовы защищать ценой своих жизней. Но тут, успокоив их, из-за плеча

сикха показался Юсуф ибн Сулейман, изрядно смахивавший в своем арабском одеянии на заблудившегося в катакомбах горного демона. Вслед за ним в комнату один за другим ввалились, набив ее до предела, полсотни воинов с винтовками и ятаганами, на вид — дикари дикарями.

— Я подумал, что ты... погиб, — сказал Гордон чуть дрогнувшим голосом.

— И это было бы заслуженным концом для меня, — сокрушенно вздохнул Лал Сингх, — потому что я не смог выполнить твое задание. Саиб, я должен был добраться до Ущелья Призраков раньше, чем туда подойдут гильзайцы. Поначалу все шло хорошо: у подножия западного склона хребта, окружающего плато, я обнаружил старую караванную тропу, одну из тех, что некогда проходили через эти горы, соединяя Персию с Индией. Эта тропа поворачивает на север, вслед за склонами хребта, и выходит к каньону где-то в миле от того места, где находится карниз с потайной дверью, которую ты сумел обнаружить.

По дороге идти было легко, но в конце пути я решил сократить расстояние и начал спускаться по обрыву напрямик. В какой-то момент я подвернул ногу, не сумел удержаться и сорвался вниз, ударившись головой о камень. Наверное, несколько часов я пролежал без сознания. Когда же я, придя в себя, спустился в каньон, солнце уже высоко стояло над горизонтом и воины Бабер-хана давно миновали тот потайной проход в скале. Я наткнулся на оставленных ими лошадей, которых охраняли несколько подростков. Они и рассказали мне, что гильзайцы едва не погубили коней бешеной скачкой всю ночь напролет. Добравшись до потайного карниза, Яр Али-хан взобрался на него при помощи твоей ве-

ревки с крюком и убил часового, не успевшего даже понять, что происходит, а не то чтобы поднять тревогу. Видимо, эти асасины настолько уверовали в свою безопасность и в неуязвимость их тайной крепости, что даже твое неожиданное появление в городе посчитали случайностью, из-за которой не смогли повышать бдительность или усиливать охрану подступов к плато. Да и кто бы мог подумать, что вслед за тобой к Шализару придет целый отряд афганцев, жаждущих отомстить за тебя.

Мальчишки-пастухи дали мне веревку и помогли взобраться на карниз. Последовав за гильзайцами, я услышал стрельбу. Сначала я подумал, что они обстреливают охрану лестницы с окрестных скал, но потом по звуку перемещавшейся перестрелки понял, что они уже поднялись на плато и штурмуют город. Пока я прислушивался, пытаюсь определить, что происходит на плато, и проклиная себя за то, что не смог выполнить задание и вовремя предупредить Бабер-хана, в каньоне вдруг показались эти пятьдесят всадников, скакавших по следам гильзайцев. Это воины племени вазиров, которое из-за своей малочисленности было бы обречено на истребление эмиром или другими соседями, если бы Бабер-хан не позволил им обосноваться неподалеку от Кхора. Так вазирь смогли построить свою деревню под прикрытием более сильного города, а Бабер-хан приобрел верных и благодарных ему по гроб жизни союзников. Прознав о том, что гильзайцы срочно вышли в поход, вазирь поспешили вслед за союзниками — помочь в бою и, если удастся одержать победу, поучаствовать в дележе добычи. Я решил, что лучше всего будет привести их сюда, саиб, как ты приказывал привести во дворец главные силы Бабер-хана. По крайней мере, так я смогу

хоть частично, хоть с опозданием, но все же выполнить твой приказ. Мы пересели на уже успевших отдохнуть лошадей гильзайцев и, двигаясь почти все время по старой дороге, довольно быстро подошли сюда. Лишь последнюю милю до пролома в стене пещеры нам пришлось пройти пешком, поднимаясь по склону. В лабиринте джинна нас никто не видел и, скорее всего, не заметил. Дверь в дворцовую тюрьму, как ты и обещал, нам открылась. Встретил нас этот курд — Юсуф ибн Сулейман, переодетый арабом, который назвал твой пароль. Вот вкратце и все, саиб. Я здесь, перед тобой, и жду твоих приказов, как и те, кто пришел со мной.

— Все ясно, ребята, — потер руки Гордон. — Работа, достойная мужчин, здесь найдется для всех.

— Что тут творится, саиб? — спросил Гордона предводитель вазиров, который повел своих людей за сикхом, потому что знал, что тот — друг и помощник попавшего в беду Эль Борака. — По пути мы все время слышали стрельбу, но, естественно, ничего не видели. Курд, открывший нам дверь в подвал, знает о том, что происходит наверху, не больше, чем мы.

— Бабер-хан захватил и удерживает сад и северную окраину города, — ответил Гордон и, наскоро описав топографию поля боя, сказал: — По пути я подробнее опишу вам ход сражения и нашу задачу, а сейчас — не будем терять времени. Нужно начинать действовать.

Затем обернулся к курдам:

— Вы, ребята, делайте то, что вам было приказано. Вазир объяснит вам, где они оставили лошадей. — Прервавшись, чтобы вождь мог дать им необходимые пояснения, американец продолжил: — Скачите в Кхор и ждите нас там. Если сражение

закончится не в нашу пользу, я требую, чтобы вы, прежде чем освободиться от связывающей вас клятвы, исполнили мой последний приказ: доставить Азизу домой или передать ее в руки родителей. Все ясно?

Курды молча кивнули. По выражению их лиц Гордон понял, что они костью лягут, чтобы выполнить его волю. Азиза прильнула к нему, но на эмоции, слезы и даже на короткое прощание времени не было. По знаку Гордона курды подхватили девушку и бережно, но настойчиво повлекли ее за собой, в зияющую черноту потайной лестницы.

Через мгновение их силуэты уже скрылись в темноте подземелья.

***

— А мы теперь будем выбираться из дворца, причем так, чтобы максимально облегчить положение Бабер-хана, — объявил Гордон вазирам. — Если мы просто промчимся по центральной улице и пробьемся в сад, где гильзайцы и так сидят, словно в капкане, то этим мы едва ли заметно улучшим ситуацию. Поэтому я считаю, что нам лучше всего попытаться проникнуть в сад, находящийся по другую сторону от дороги. Если мы освободим от шализарцев обочину и захватим крайние дома, к которым этот сад прилегает вплотную, то сможем блокировать с фланга любую атаку на позиции Бабер-хана и избавим его от обстрела со стороны дороги. Таким образом он получит возможность отхода или другого маневра, а там... там видно будет. А сейчас — вперед, за мной!

Гордон бросился вперед, вдоль по коридору, по которому накануне Муса вел его в зал, где его уже ждал Иван Конашевский. Пятьдесят воинов-вазир последовали за ним. Странное зрелище пред-

ставляли собой эти свирепые люди в рваных одеждах среди роскошных дворцовых интерьеров.

Они пристально и подозрительно оглядывали все вокруг, на бегу не забывая заглянуть за двери и шторы, чтобы избежать неожиданного нападения и не дать уйти живым никому из слуг или придворных, которые могли бы поднять тревогу. При этом все внимательно прислушивались к доносившейся с окраины города перестрелке — то затихавшей, то вспыхивавшей с новой силой. Гордон повел свой отряд в тот зал, откуда ему удалось бежать накануне, нокаутировав казака и, благодаря прикрытию Лала Сингха, увернувшись от пуль стражников. Все двери были открыты, портьера, перекрывавшая выход на балкон, по-прежнему валялась на полу, сорванная Гордоном во время бегства. В ажурной решетке балкона зиял незаделанный пролом. Здесь американец на секунду задержался, чтобы пояснить Лалу Сингху и вазирам некоторые детали своего плана. Дикие воины заворуженно слушали каждое слово, произносимое Эль Бораком, будто им довелось внимать голосу какого-то мифического героя, полубожества-получеловека.

— Видите, как расположены сады: к западу от городской черты они идут сплошным массивом, прерываемым лишь невысокими каменными заборами. Деревья и кусты хорошо разрослись, и если мы будем передвигаться, пригнувшись или кое-где даже ползком, то вполне вероятно, что из домов нас не заметят. Скорее всего, мы сумеем скрытно добраться до окраины египетского сада, потому что исмаэлиты сейчас внимательно следят за тем, что происходит в другой стороне. Сколько их в египетском саду — я точно не знаю, но думаю, что внезапная атака с тыла опрокинет их. Кто не будет убит

нами, побежит в город, подставляя себя под пули гильзайцев. Нам важнее всего, чтобы сад был очищен от противника. А теперь — вперед: спрыгиваем с балкона и бежим через сад вон к той стене. С этой стороны дворец никто не охраняет.

Один за другим вазир последовали за Эль Бораком и Лалом Сингхом. Перемахнув через внешнюю дворцовую стену, они оказались на голой каменной равнине, подходившей к дворцу с этой стороны. Недалеко отсюда начинался овраг, в который угодил Гордон, упав со стены вместе с убитым им стражником. Завернув за угол, вазир стремительным броском пересекли открытое пространство, отделявшее их от границы первого сада из тех, что сплошным полукольцом окружали Шализар.

Перестрелка на другом конце города стала еще более яростной. Сотни винтовок вели беглый огонь, и у Гордона аж мурашки пробежали по коже при мысли о том, какой густой свинцовый дождь поливает сейчас позиции, занятые солдатами Бабер-хана. Такой ураганный огонь не мог не принести своих кровавых результатов, несмотря на все умение афганских горцев максимально использовать любую складку местности, любой камень, любое углубление в качестве укрытия. Но этот грохот, по крайней мере, прикрывал приближение его отряда. Во-первых, в таком шуме никто не услышал бы звука шагов пятидесяти человек, со всех ног бегущих по садам, чтобы вступить в бой. А во-вторых, в азарте такой напряженной перестрелки вряд ли кто-нибудь из исмаэлитов будет обращать внимание на то, что происходит в тылу — тем более что опасаться им, по общему разумению, было некого и нечего.

Видимо, все так и получилось. Никто не заметил пробирающихся вдоль западной ограды садов вазир

ров. Никто не поднял тревоги, и они, осторожно пригибаясь и стараясь ступать как можно тише, постепенно приближались к своей цели — далекому от дороги забору, отделявшему египетский сад от других пригородных садов.

Чем ближе к северной оконечности центральной улицы подходили вазирь, тем больше становилась вероятность того, что их обнаружат. Но внимание противника, на их счастье, было целиком и полностью поглощено тем, что происходило в противоположном направлении — по ту сторону дороги, за забором восточного сада и за стенами крайних городских зданий. Ни Гордон, ни его спутники, радующиеся чрезмерной увлеченности противника боем и подходившие все ближе и ближе, не знали, что события вот-вот начнут развиваться с невероятной, ураганной скоростью. Бой неумолимо приближался к кульминации.

Глава десятая ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

ван Конашевский, руководивший боем с крыши третьего от края города здания, уже понял, что без мощной лобовой атаки ему не удастся выбить афганцев из сада у самых стен Шализара. Казака раздирали сомнения: продолжить обстрел противника, рассчитывая изрядно потрепать и обескровить его, было соблазнительно, но оставлять многочисленный отряд в непосредственной близости от города на ночь

было рискованно. Обреченные гильзайцы могли под покровом темноты предпринять решительную атаку. А кроме того, Иван не был уверен в том, что афганцам на помощь не подойдут другие отряды. Тогда ему пришлось бы действовать на два фронта, отправив немалую часть своих подчиненных оборонять лестницу, ведущую на плато. К тому же какое-то чутье подсказывало ему, что опасность может исходить и от Гордона, который хоть и был накрепко заперт в башне, все же мог каким-нибудь дьявольским маневром перехитрить оставленных на страже стрелков и устроить какую-то гадость в тылу. Конашевский, опытный, храбрый солдат, не боялся встретиться с американцем в поединке один на один, но его изрядно беспокоило то, насколько падет моральный дух его солдат, если они вдруг обнаружат, что небезызвестный им Эль Борак в очередной раз обвел вокруг пальца их командира и подтвердил таким образом приписываемое ему магическое бессмертие. Хватит и того, что один раз он уже сбежал из дворца, при этом основательно захав Ивану по физиономии, затем расправился с обезьяной, сумел вновь вернуться во дворец и убить шейха (о чем, признаться, Иван не сожалел). Хватит подвигов на долю этого американца. Гораздо спокойнее чувствовал бы себя Конашевский, если бы твердо знал, что Гордон ни в чем не сможет нарушить его планы. А планы эти он должен был увязывать еще и с тем, что его подчиненные, хоть и истинные фанатики-убийцы, не были настоящими солдатами, подготовленными к длительной обороне. Чтобы приободрить их и — упаси Бог — не дать им пропустить афганцев в крайние дома города, откуда тех будет выбить куда труднее, чем из сада,

он уже распорядился выдать исмаэлитам виски и первую порцию гашиша.

Итак, вопреки всем правилам тактики и его собственному опыту, Иван решил отказаться от долгого, многочасового обстрела противника с целью нанесения ему возможно большего урона и немедленно штурмовать вражеские позиции — пусть и ценой намного больших потерь со своей стороны. Пример гильзайцев, стремительно захвативших этот сад, показывал, что невысокую изгородь и узкую полосу деревьев невозможно удержать, если противник действует быстро, внезапно и численно значительно превосходит обороняющихся.

Оставив на крышах и в окнах домов несколько десятков стрелков и приказав им вести как можно более плотный огонь, чтобы Бабер-хан не заскучал, а его солдаты не смели высунуться из-за стены, Конашевский собрал основную часть своих боеспособных воинов — человек четыреста — на сравнительно просторной площадке между третьим и четвертым зданиями вдоль главной улицы с восточной стороны, куда не залетали шальные пули отстреливающихся афганцев. Он отрядил сотню бойцов под руководством самого надежного из офицеров и приказал им обойти противника с востока, чтобы в нужный момент ударить по нему с фланга. Сам же казак повел за собой остальные три сотни обкурившихся, изрядно выпивших исмаэлитов в лобовую атаку — прямо по центральной улице, в направлении юго-западного угла занятого афганцами сада.

Казак понимал, что стены домов будут прикрывать его подчиненных до последних сотен футов и лишь после этого его люди попадут под огонь противника. Он отдавал себе отчет в том, что, преодолевая это открытое пространство, его отряд поне-

сет большие потери. Тем не менее он рассчитывал, что, несмотря на все усилия гильзайских стрелков, достаточное количество шализарцев сумеет добежать до ограды и выбить засевших за ней афганцев. А потери... человека всегда можно заменить. Жизнь в этих горах никогда не была чем-то священным, и правители здесь сорили жизнями подданных, словно мелкой разменной монетой. Иван был готов пожертвовать тремя из каждых четырех своих бойцов ради достижения полной, безоговорочной победы над вторгшимся в его владения противником.

По знаку Конашевского двенадцать монголов протрубили в гигантские бронзовые трубы сигнал к атаке. Этот страшный рев буквально оглушил Гордона и вазиров, как раз в этот момент подобравшихся к неохраняемой западной стене египетского сада. Вазеры как раз наводили винтовки на спины исмаэлитов, сидевших у восточной ограды, обстреливающих занятый афганцами сад и слишком занятых этим делом, чтобы думать о чем-либо еще. На миг этот чудовищный рев парализовал вазиров, а в следующую секунду прямо за сигналом послышался многоголосый вой толпы и из промежутка между двумя крайними домами на открытое место перед входом в сад хлынул поток разъяренных, разгоряченных наркотиками и алкоголем, увешанных оружием людей.

Одновременно с этим стрелки, оставленные на крышах, произвели синхронный залп — казалось, что мир раскололся и земля провалилась туда, где в преисподней демоны и черти ведут свои бесконечные битвы.

В этот миг все зависело от одного-единственного, но мгновенно принятого и правильного решения. Права на ошибку или промедление не было. И

Гордон успел оценить ситуацию, среагировать на нее и найти это единственно верное решение, как несколькими часами раньше столь же стремительным порывом Бабер-хан спас свой отряд от неминуемой гибели. Оглушенные стрельбой, ревом труб и боевым кличем исмаэлитов, вазеры не смогли бы расслышать его приказ, но они прекрасно поняли намерения американца, вскинувшего винтовку и представившего приклад к плечу. Они тотчас же последовали его примеру.

Первый залп вазиров, выведший из строя более двух десятков исмаэлитов, оказался никем не замеченным в этом грохочущем аду. Погибшие асасины ткнулись лицами в землю, так и не успев понять, что за смерть подкралась к ним с тыла. Второй залп окончательно расчистил позицию у ближней к дороге ограды египетского сада. В мгновение ока ее занял отряд Гордона. Раненые шализарцы были добыты, тела мертвых брошены под ноги или откинута за ближайшие кусты. Стрелки на крышах и в зданиях, продолжавшие азартно палить поверх голов наступающих товарищей, так и не обратили внимания и не поняли, что произошло в египетском саду.

Вазеры еще только подбегали к своей новой позиции, когда атакующая толпа исмаэлитов выскочила из-за прикрывавших ее домов и бросилась в сторону восточного сада. Атакующих встретил мощный прицельный залп — гребень стены, за которой держали оборону афганцы, вспыхнул огненными флажками, а затем покрылся сплошной полосой порохового дыма. Практически вся первая шеренга атакующих была поражена этими выстрелами, дорога оказалась усеяна трупами, по которым пронеслись, затаптывая их, остальные шеренги исмаэ-

литов. Иван рассчитывал, что набранная инерция движения поможет его подчиненным преодолеть шок от первого разящего залпа, но даже его фанатикам-наркоманам были ведомы страх и чувство самосохранения. На миг атака приостановилась, кое-кто из шализарцев даже обернулся и стал прикидывать, не лучше ли отступить.

Но в этот момент посланная Конашевским сотня асасинов добралась до восточной стены сада и обнаружила, что она не охраняется. Слишком сильным был лобовой штурм, отбивая который гильзайцы все как один бросились к юго-западному углу садовой ограды. Именно на это и рассчитывал Иван, но он не учел, что ветви плодовых деревьев очень густые, и его людям пришлось стрелять сквозь стену ветвей и листвы в основном вслепую. Вот почему залп из сотни винтовок, хоть и раздавшийся внезапно, не был столь эффективным, как того ожидал Конашевский.

Однако этот залп заставил гильзайцев вздрогнуть и оглянуться. И в тот самый момент, когда их огонь ослаб, обезумевшая толпа исмаэлитов, издав душераздирающий вопль, понеслась вперед и неудержимой волной перекинулась через отделявшую ее от афганцев преграду. И тотчас же, понимая, что ждать нельзя ни секунды, отряд Гордона открыл огонь по этой несущейся в атаку толпе. Десятки шализарцев пали от пуль, посланных им в спины меткими залпами засевших в саду вазиров, но, увы, остановить атаку уже ничто не могло. Ревущая волна асасинов схлестнулась со строем воинов Бабер-хана. Винтовки, оказавшиеся стволом к стволу с оружием противника, были разряжены в упор. Далеко не все, кто остался в живых после этих залпов, успели вновь передернуть затво-

ры. В ход пошли приклады, взметнулись в воздух и опустились на головы первых жертв сверкающие клинки сабель, коротких прямых мечей и полумесяцев ятаганов. Началась рукопашная схватка. Люди падали друг на друга, скатывались на дорогу и падали по противоположную сторону стены, атакующие и защищающиеся смешались и с каждой секундой все больше углублялись в боевые порядки друг друга. Исмаэлиты, попирая ногами своих мертвых и раненых, сплошной волной захлестнули стену сада — задние с непреодолимой силой напирали на спины передних. Словно воинственные духи или черти, спрыгивали они со стены, и на месте тех, кто погиб или же пошел дальше вперед, немедленно поднимались и спрыгивали в сад другие. Эта разогретая дурманом орда казалась бесконечной.

Вазиры из своей засады продолжали вести огонь. Никем не обстреливаемые, они спокойно целились, и их пули собрали в задних рядах и с фланга шализарцев богатый урожай смерти. Но наступавшая толпа настолько разъярилась, настолько оказалась увлечена азартом сражения, что походила на обезумевшего от ярости бойца, который столь поглощен желанием убить противника, находящегося у него перед глазами, что не ощущает, как кто-то другой раз за разом вонзает нож в его спину.

Сотня исмаэлитов, зашедшая афганцам в тыл, преодолела заросли кустов и вступила в ближний бой с гильзайцами. И на этом краю сада взметнулись в воздух клинки, опустились на раскальваемые черепа тяжелые приклады, сталь зазвенела о сталь. Вазиры Гордона, не в силах преодолеть в себе витавшее в воздухе помешательство, покинули свою надежную позицию в саду, чтобы, в последний раз выстрелив во врага в упор, обрушиться на него с

тыла, пустив в ход приклады и ятаганы. Стрелки-шализарцы, оставшиеся на крышах, понимая, что в таком яростном круговороте они рискуют в равной мере поразить как чужих, так и своих, бросили свои позиции и помчались туда, где кипела рукопашная схватка, рассчитывая, что именно их помощь окажется решающей и вместе они сумеют переломить ход сражения в пользу защитников города.

Старая стена, опоясывавшая сад, представляла собой просто аккуратно сложенные, ничем не скрепленные стопки камней. Наступил момент, когда стена не смогла выдерживать многотонные нагрузки живой и мертвой человеческой плоти с обеих сторон. Во многих местах она обрушилась, погребая под собой тех, кто лежал у ее основания. И тогда потоки противников, которые вспенивались с каждой стороны преграды, смешались и превратились в единый, кипящий кровью и ненавистью водоворот.

Теперь на поле боя не было намека на порядок, ничей план уже не мог быть выполнен, как бы хорош он ни был. Никто не смог бы исполнить ничьи приказы, и ни у кого не было времени и возможности отдавать их. Все превратилось в одну гигантскую бойню: лицом к лицу, глаза в глаза, клинок к клинку, люди рубили, кололи друг друга, били прикладами, наносили удары кулаками и впились друг в друга зубами. Это пропитанное кровью месиво дерущихся людей заполнило весь сад, перехлестнуло через придорожную канаву, вытекло на дорогу и гладкое пространство, отделявшее позицию афганцев от городских домов. Стрельба почти прекратилась, уступив место звону стали. Патроны в магазинах кончились практически у всех, а остановиться, чтобы перезарядить оружие, не было

никакой возможности — любое промедление обрекало человека на мгновенную смерть, делая его, неподвижного, легкой мишенью для клинка или приклада. Численно силы противоборствующих сторон почти сравнялись — шализарцы понесли большие потери. Исход боя не был известен никому. Все висело на волоске, и было бы непростительно глупо хоть на миг задержаться, чтобы построить самый приблизительный прогноз: ведь именно в этот момент, именно сил одного этого бойца могло не хватить для решающего перелома. Каждый участник сражения был слишком занят тем, чтобы уберечь свою шкуру и голову, исхитрившись при этом непременно отправить на тот свет ближайшего соседа из лагеря противника. Никому не было дела до того, что происходит в нескольких шагах от него, а уж тем более — до того, как развивается сражение в целом.

Даже Гордон, чей мозг обычно, пусть и в гуще яростного боя, оставался кристально ясным и работал как часы, понятия не имел о том, как идет бой в целом и в чью сторону склоняется чаша весов. Бесчисленное множество личных кратких сражений вытеснило из его головы все мысли о стратегии, тактике, судьбах империй и тайнах горных общин.

Как опытный воин, американец не тратил понапрасну силы и не пытался перекрикивать грохот и вопли, отдавая приказы, которые все равно никто не услышит, а если и услышит — то не будет в силах исполнить. Все командирские права и привилегии сейчас не имели смысла, как и тактический талант полководца. Исход боя решался теперь перевесом одной грубой силы над другой в огромном количестве единоличных противостояний сражающихся

людей. И раз уж ты оказался в этом водовороте, в этом тайфуне, раз уж некому и незачем теперь отдавать приказы, раз уж нет возможности вырваться отсюда, чтобы взглянуть на бой со стороны и оценить перспективы, нужно делать то, что остается возможным, а именно — постараться расколотить как можно больше вражеских черепов, надеясь таким образом повернуть колесо фортуны в свою сторону.

Гордон запомнил, как разрядил в последний раз винтовку, выстрелив в упор в оскаленное лицо кого-то из исмаэлитов. Затем, перевернув оружие стволом к себе, он начал молотить прикладом, как дубиной. Он бил, бил и снова бил, мир вокруг него покрывался кроваво-красной пеленой, и порой Гордону казалось, что он уже не помнит себя, не помнит, зачем он здесь и что ему нужно в этом аду. В мозгу действовали только механически работающие отделы, отвечающие за реакцию, наблюдение и волевое усилие, заставляющие усталые мышцы вновь и вновь заносить оружие для удара.

Он знал, не осознавая своего знания, что Лал Сингх сражается бок о бок с ним. Так же — рядом, почти вплотную — дрался Юсуф ибн Сулейман. А за ними вели каждый свой бой все те вазирь, кто оставался в живых до сих пор. Не видя их, Гордон лишь спиной ощущал их присутствие да ловил на слух особый свист их ятаганов, рассекавших воздух.

И тут, совершенно неожиданно, как тает туман под покровом утреннего ветерка, напряжение боя стало спадать. Сплющенное клубящееся месиво человеческих тел стало распадаться на отдельные группы и пары. Гордон понял, что одна из сторон начинает сдавать. Кое-кто из сражающихся даже повернулся спиной к противникам и попытался было

скрыться с поля боя. Преждевременно, отметил про себя Гордон, видя, как вонзаются в спины первых ослабевших клинки тех, кто еще находил в себе силы и ярость, чтобы сражаться. Пожалуй, к удивлению даже самого Гордона и Бабер-хана, сдавать начали шализарцы, чей боевой настрой, видимо, во многом зависел от количества дурмана в голове. А дурман начал сейчас выветриваться, открывая прояснившимся глазам весьма пугающую картину боя с далеко не гарантированной победой. Без наркотика боевой пыл исмаэлитов оказался слабее дикой ярости горцев, знавших, что поражение для них означает неминуемую и страшную, под пытками, смерть. А кроме того, несмотря на все старания Ивана Конашевского превратить исмаэлитов в некое подобие армии, в целом они оставались просто толпой разноязыких, разноплеменных изгоев, отбросов общества, привыкших в уголовном, разбойничьем мире действовать, рассчитывая лишь на себя и не доверяя даже самому близкому другу или родному брату. Поэтому им и недоставало подсознательно-рационального единства и чувства локтя, свойственных любому воинственному племени афганских гор.

Но перелом не мог произойти сразу и бесповоротно. Если по краям поля боя сражение начинало утихать, распадаясь на отдельные стычки, то в центре превратившегося в пропитанное кровью глиняное месиво сада оно кипело с прежней силой и даже разгоралось вновь, особенно там, где, организовав круговую оборону и прижавшись спинами к деревьям, отбивали все атаки и даже переходили в контрнаступление лучшие воины Шализара.

Именно туда повел Гордон остатки своего отряда, сумев собрать вазиров в единую плотную груп-

пу, на пути которой разбегались в стороны разрозненные исмаэлиты. Впереди замелькали сверкающие на солнце доспехи стражников-арабов; Юсуф ибн Сулейман издал какой-то гортанный выкрик и метнулся в ту сторону, где поверх тюбанов колыхался в воздухе украшенный пышным плюмажем, сверкающий позолотой шлем.

Затем и сам Гордон разглядел своего заклятого личного врага. Иван Конашевский, голый по пояс, словно заведенный, лихо размахивал казачьей шашкой, удерживая на расстоянии клинка полудюжину гильзайцев. Три афганца лежали под его ногами сейчас, и одному Богу было известно, жизни скольких еще оборвались под взмахом этой дьявольской шашки. Бок о бок с казаком арабские стражники в железных латах и крепкие, почти квадратные монголы в плотных кожаных панцирях вели бой с воинами Бабер-хана. Вазиры, ведомые Гордоном, ураганом влетели в самую гущу этой кровавой схватки.

Только сейчас Гордон впервые увидел Яр Али-хана. Афридиец, на голову возвышавшийся над окружавшей его толпой, дико оскалившись, свирепо отмахивался мечом и кинжалом от наседавших противников. Чуть поодаль вел бой и сам Бабер-хан: и залитый с ног до головы кровью, он спокойно, но зло орудовал саблей. Гордон решил пробиваться к Конашевскому.

Увидев приближающегося американца, казак захохотал, сверкая полубезумными глазами. По груди Гордона текла кровь — прикрывая одного из вазиров, он получил удар кончиком палаша шализарца, немедленно погибшего после этого от сабли Лала Сингха. Приклад винтовки Гордона потрескался и был измазан кровью и затекшими на нем мозгами.

— Иди сюда и умри, Эль Борак! — хохоча, проорал Иван, и Гордон приготовился броситься в атаку, раскрутив над головой оружие, порожденное западной цивилизацией и вновь низведенное в этих диких краях до дубины.

— Нет, саиб, подожди! Держи! — крикнул Лал Сингх и ткнул в руку Гордона рукоять своей залитой кровью сабли.

Эль Борак разогнулся, взмахнул саблей, тряхнул головой, чтобы прочистить мозги, и пошел на Конашевского так, как двинулся ему навстречу и сам Иван — взорвавшимся клубком похожих на молнии сабельных ударов. Сойдясь вплотную, американец и русский завязали бой, подобный казачьему поединку, когда удары сыплются один за другим настолько часто, что глаз наблюдателя не успевал отследить их. Казалось, время вернулось на триста лет назад, на поединок запорожских казаков в Запорожской Сечи, ниже порогов Днепра по течению...

Вокруг двух лидеров, двух командиров, сошедшихся в смертельном поединке, образовалось кольцо тяжело дышащих, истекающих собственной и перемазанных чужой кровью бойцов, позабывших о своей адской работе. С удивлением и ужасом смотрели они на бой двух сынов Запада, решавших в этом бою, как подсознательно понимали все зрители, судьбу Востока, судьбы их родных стран и их личные судьбы...

Вздых изумления и даже краткий стон пронесся над полем боя, когда Гордон, вдруг оступившись, на миг потерял контакт своей сабли с клинком шашки Ивана.

Казак победно вскрикнул, взмахнул шашкой и... ощутил острие сабли Гордона в своем сердце еще до того, как понял, что американец сумел его обма-

нуть. Он тяжело повалился на землю, вырвав при этом саблю из рук Гордона. Смерть настигла Конашевского раньше, чем он коснулся телом каменной земли. На губах казака застыла горькая усмешка над самим собой.

Гордон сделал шаг вперед, чтобы выдернуть саблю из мертвого тела, но тут в тишине, на время повисшей над плато Шализара, прогремел одинокий выстрел. Эль Борах нагнулся, словно собираясь поклониться колени перед покойным, и вдруг повалился на него всем телом, заливая лицо казака и землю вокруг хлынувшей из раны на голове кровью. Он уже не слышал прокатившегося над полем боя сначала жалобного, а затем яростного воя афганцев, преисполнившихся благородной мести и готовых зубами разорвать глотки своих противников...

***

Придя в сознание, Гордон ощутил, что не чувствует своего тела. Он не чувствовал ни рук, ни ног и ужаснулся своей незащищенности. Казалось, его окружает одна лишь черная мгла — без звука, без света, без запахов. Затем в этой черной вате зазвучали голоса. Далекие, невнятные и тихие поначалу, они становились громче и отчетливее, по мере того как сознание прояснилось. Мало-помалу он стал различать голоса и узнавать их. Даже в полубессознательном состоянии Гордон весело отметил про себя, что громче всех голосит Яр Али-хан. Оказалось, что великан-афридиец не просто кричит. Нет, он плакал, выл, заливался слезами, и причем без тени стыда за свое не достойное мужчины поведение.

— Ай-яй-яй! Ой-ей-ей! Ох-ох-ох! — голосил афридиец. — Он умер! Он погиб! Его мозги вылетели,

вылетели через ту страшную дыру в черепе! О, мой брат! О, величайший из воинов мира! О, король всех нас, смертных! О, великий Эль Борах, погибший за орду этих жалких ублюдков — горцев-гильзайцев! На кого ты меня покинул?! За что сложил свою голову?! Да один лишь кончик ногтя с твоего мизинца стоит больше, чем все чертово племя этих головорезов-конокрадов, спустившихся с Гималаев, пропади они все пропадом вместе со своим Бабер-ханом!

— Да заткнешься ты или нет? — ворвался в сознание Гордона другой голос. — О Аллах! Ты видишь, что он жив? Жив, тебе говорят! Шайтан тебя подери! Да как тебе не совестно оскорблять нас, гильзайцев? Десятки моих воинов героически погибли в этом бою.

Так это Бабер-хан! Гордон с некоторым усилием заставил себя воплотить ощущения в мысли, а мысли облечь в слова.

— Да чтоб все они передохли, твои гильзайцы, и ты вместе с ними, и я тоже!!! — продолжал завывать Яр Али-хан. — Ой, чего бы я не отдал за то, чтобы сохранить жизнь моему Эль Бораку!

— Заткнись, болван! — рявкнул на него кто-то, и Гордон, порывшись в памяти, узнал голос Лаля Сингха. — Разнылся, как бык на бойне. А ну-ка живо, подай мне бинт... Говорю тебе в десятый раз — эта рана не смертельна. Пуля только оцарапала череп, контузив Эль Борака и на время лишив его чувств (да покарает Аллах того асасина, кто нажал на спусковой крючок).

— Аллах Аллахом, однако я сам расколол череп этому шайтанову отродью, — не без гордости сообщил Яр Али-хан. — Но смерть этого шакала, увы, не вернет жизнь нашему дорогому Эль Бораку! Ах,

мой саиб! Эй ты, сикх, держи бинт. Да смотри пере-
вязывай аккуратнее. Эх, нет у вас, сикхов, сердца.
Твой друг и брат лежит перед тобой мертвый, ну,
пусть даже умирающий, а ты — хоть бы слезу уро-
нил, что ли... Нет, ты просто насмехаешься над
моим горем! Клянусь Аллахом, если бы не это горе,
обессилевшее меня, я бы заставил тебя прослезить-
ся — уже над своей собственной судьбой, бесчув-
ственный чурбан!

К этому моменту Гордон настолько пришел в
себя, что стал ощущать боль. Особенно сильно бо-
лела голова, которую сейчас бережно и ловко под-
держивали и бинтовали чьи-то сильные, умелые руки,
приложившие к самому больному месту что-то мок-
рое, приятно охлаждавшее. Черная пелена вдруг спала
с его глаз, и он увидел озабоченные лица старых
верных друзей и союзников.

— Саиб! — радостно воскликнул Лал Сингх. —
Бабер-хан, смотри, он открыл глаза! Али-хан, если
бы тебя не ослепили твои дурацкие слезы, ты мог
бы убедиться, что горячо любимый тобой (и ничуть
не меньше — всеми нами) Эль Борак жив и пришел
в сознание.

— Саиб! Саиб! — Радостный вой, вырвавшийся
из могучей груди афридийца, оглушил Гордона, уси-
лив боль в его раскалывающейся голове.

Гордон приподнял голову и был вынужден сжать
зубы и зажмурить веки, чтобы выдержать боль, прон-
зившую мозг. Переждав, пока приступ пройдет, он
заставил себя вновь открыть глаза и оглядеться.
Оказалось, что он полусидит-полулежит в углу сада,
прислонившись к основанию стены. Над ним нави-
сают ветви персикового дерева, листья которого
яркими зелеными пятнами вырисовываются на фоне
неба, а нежные лепестки на распустившихся цвет-

ках наполняют воздух дивным тонким ароматом.
Впрочем, последнее он, видимо, уже домыслил, по-
тому что в следующую секунду ему в нос ударил
резкий запах крови, пороховой гари, пота и гряз-
ных тел. Эта вонь мгновенно оживила в памяти
воспоминания обо всем, что происходило с ним за
последние двое суток, начиная от отъезда из Кабула
в Кхор и кончая поединком с Иваном Конашевс-
ким.

После оглушительного грохота кровопролитно-
го сражения сейчас на плато было как-то странно и
непривычно тихо. Единственным посторонним зву-
ком, доносившимся до слуха Гордона, были стоны
раненых, мучившихся от боли где-то неподалеку от
него. К тому же в его голове постоянно что-то
шумело и гудело — видимо, это как-то было связа-
но с пронзающей мозг болью.

— Что произошло? — произнес он тихо, почти
одними губами. — Иван... мертв?

— Мертв, как только может быть мертв чело-
век, в сердце которого вогнали острое сабли, —
радостно доложил Лал Сингх. — Да сам шайтан об-
манулся бы, попавшись на трюке, которым ты
подловил казака. У меня тоже душа в пятки ушла,
когда я увидел, как ты оступился. Потом, спустя
секунду, один из мерзавцев-исмаэлитов выстрелил в
тебя из-за деревьев. Но к тому времени шализарцы
уже выдохлись, а наши афганцы, наоборот, разъя-
рились как львы, увидев, что ты сражен вражеской
пулей. Никто не смог бы устоять против порыва, с
которым они набросились на исмаэлитов и стали
добивать их. А эти хваленые асасины — шакалье
племени — бросились врассыпную... Я имею в виду
тех, кто еще мог куда-нибудь броситься, не будучи
сраженным тут же, на месте. Сейчас гильзайцы вы-

лавливают последних из них на улицах города, на самых подступах к дворцу.

Гордон повернул голову и улыбнулся Бабер-хану:

— Я боялся, что ты погибнешь в этом бою.

В ответ вождь мятежного племени гильзайцев тоже расплылся в улыбке. Его борода сплилась от крови, вытекшей из пореза на шее, а правая нога вся была обмотана бинтами выше колена. Бабер-хан, видимо не в силах стоять, сидел напротив американца, опершись спиной о ствол дерева.

— Ну, положим, пулю в бедро я получил, — кивнул вождь. — Но это дело поправимое. Скоро все затянется. А вот за тебя мы здорово переволновались, решив, что ты погиб.

— Ха! Ты слышал их, саиб? — Яр Али-хан погладил бороду и закатил глаза. — Я спрашиваю, ты слышал, что говорят эти старые трусливые бабы? Эх, жаль, жаль, что ты не слышал, как они выли и причитали над тобой, мысленно похоронив тебя раньше времени — живехонького и здоровехонького! Ну, что я говорил? Разве я не требовал от вас прекратить эти недостойные настоящих мужчин завывания? Разве не говорил я вам, что не отлита еще пуля, способная пробить череп нашего славного Эль Борака и вышибить ему мозги?! И в конце концов, где ваши манеры, где субординация, наконец? Может быть, у саиба есть для нас распоряжения или приказы.

Гордон сел повыше и огляделся. Увиденное заставило напрячься даже его крепкие нервы. Все обозримое пространство представляло собой сплошную кроваво-глиняную массу, густо усыпанную мертвыми телами. Трупы лежали повсюду, как опавшие листья осенью, где — собранные в небольшие кучи, а где — в несколько слоев устилая дно рыка или

перепаханную ногами землю между деревьями. За обрушившейся стеной, из-под которой торчали частично погребенные ее камнями останки погибших, виднелась дорога, столь же густо усыпанная трупами как защитников Шализара, так и тех, кто штурмовал город.

— Господи! — пробормотал Гордон и на миг потерял дар речи.

Затем, встрепенувшись, он распорядился:

— Бабер-хан, пошли кого-нибудь к своим войнам... Яр Али-хан, иди и ты тоже. Скажите солдатам, чтобы они прекратили резню. Хватит смертей на сегодня. Пусть берут в плен тех, кто сложит оружие и сдастся. Их нужно будет запереть в каком-нибудь доме и приставить к ним охрану. И еще: в Шализаре много женщин, которые вовсе не по своей воле оказались наложницами и служанками этих бандитов. Я требую, чтобы с этими женщинами ничего не случилось. Передайте всем, что я лично разберусь с каждым, кто хоть пальцем прикоснется к ним. В мои планы входит вернуть пленниц в их родные города, родителям и близким.

Яр Али-хан, преисполнившийся важности от того, что именно ему доверили передать гильзайцам столь важный приказ, поспешил скрыться в направлении города. На смену ему к Гордону приблизился другой человек. Это был Юсуф ибн Сулейман, сжимающий в руке сломанный трофейный палаш. Говорить ему было трудно из-за шрама, рассекшего обе губы курда, на которых пузырилась кровавая пена.

— Саиб, — сказал Юсуф. — Мой клинок не выдержал и сломался с последним нанесенным мною ударом. Но дело уже было сделано — Махмуд ибн Ахмед лежит вон там — среди трупов его облаченных в блестящие доспехи псов. Больше ему никогда

не удастся оскорбить ни великого Эль Борака, ни гордого уроженца суровых гор Курдистана. Ну что, сдержал ли я свою клятву, саиб? Выполнил ли я свое обещание?

— Конечно, Юсуф ибн Сулейман. Все клятвы и обещания исполнены. Но почему ты задаешь мне этот вопрос? Ничего другого я и не ждал от тебя, зная, что клятва — не просто слова, а слова чести, которой гордым курдам не занимать.

Юсуф глубоко вздохнул и сел по соседству, поджав ноги и положив на колени сломанный клинок.

Над полем боя все громче и жалобнее разносился стон — раненные просили воды. Опершись на плечо Лала Сингха, Гордон тяжело, преодолевая боль, встал.

— Бабер-хан, — сказал он, — нужно перенести раненных в дома и постараться помочь им, насколько это возможно. Женщины помогут вам. Я же... я уже могу стоять, ни на что не опираясь. Через несколько минут я смогу идти без посторонней помощи. Лал Сингх, Юсуф, отправляйтесь к ближайшему каналу и принесите в чем-нибудь воды.

Отправив друзей за водой, Гордон взялся за толстую ветку дерева и попытался сделать шаг. Это далось ему нелегко. Он все еще не мог избавиться от последствий ранения в голову. Ноги по-прежнему плохо слушались его.

— Знаешь, о чем я думал, сидя здесь с перевязанной ногой? — обратился к нему Бабер-хан. — Хороший городишко этот Шализар, правда? А защищать его куда легче, чем Кхор. Поставить стражу у обоих проходов в скалах да караул у лестницы и, на всякий случай, вдоль стен — и никакой эмир сюда не доберется. Я перевезу сюда женщин с детьми, и мы займем это плато. Оставайся с нами, Эль Борак, стань вождем племени наравне со мной! С тобой

вместе мы здесь такое королевство устроим — загляденье!

— Слушай, ты случайно не повредился умом от этой бойни? — грубо оборвал вождя Эль Борак. — Разве ты не видишь, к чему привели подобные устремления тех, кто правил Шализаром, — шейха Отмана и его соправителя Ивана Конашевского? Они, между прочим, тоже затеяли строить тут, в этих горах, свое королевство. Тоже, по моему, «загляденье».

— А что мне терять? Эмир все равно приговорил меня к смерти.

— Ну, теперь ты можешь не бояться его немилости. Любой, кто освободит эмира от страха перед кинжалом с тремя клинками, может смело рассчитывать на прощение, несмотря на все прошлые грехи. Правда, Бабер-хан! Голову даю на отсечение. А иначе, скажи мне, зачем бы я звал тебя на помощь сюда, в этот дьявольский город? Только ради собственных интересов? Ты неплохо знаешь меня и согласишься, что это не в моих правилах. Я был уверен, что если мы вместе раздавим это змеиное гнездо, то мне удастся вытребовать у эмира для тебя прощение.

Бабер-хан с облегчением вздохнул:

— У меня камень с души свалился от твоих слов, Эль Борак. Мне и самому не нравилось жить изгоем и мятежником, но, как ты знаешь, я попал в паутину лжи, расставленную против меня моими недругами.

— Мы разорвали эти сети, вождь. Но цена за это заплачена огромная. Жаль, очень жаль, что полегло столько храбрых воинов.

— Если бы эмир пошел на нас войной, погибли бы все, все племя гильзайцев во главе со мной, —

проворчал Бабер-хан. — Те, кто погиб в этом бою, погибли так, как полагается настоящим воинам, настоящим героям. Только о такой смерти и может мечтать настоящий гильзаец. А для живых — и для семей погибших — будет богатая добыча.

— Советую тебе не слишком усердствовать в разграблении города. Разумеется, мы должны будем представить захваченное имущество офицерам эмира, но учти, что я сделаю все, чтобы добиться твоего назначения здешним губернатором. Так что жечь город не в твоих интересах. Править на пожарище — гиблое дело. А так — ты только представь: вместо этих ублюдков-исмаэлитов, обкурившихся гашишем, в Шализаре живут достойные граждане из разных уголков королевства... Быть губернатором такого города — это лучше, чем править в ином захудалом королевстве! Эмир, конечно, захочет вознаградить меня за участие в этом деле, но мне, как ты знаешь, ничего не нужно. Единственное, о чем я попрошу эмира, — это о том, чтобы он назначил моего друга Бабер-хана губернатором Шализара. Бабер-хан — губернатор Шализара и окрестных земель. Отлично звучит, правда?

— Твое благородство, великодушие и щедрость смущают меня, — нервно подергивая бороду, признался афганский вождь. — Но спрошу все же, что ты сам собираешься делать дальше? Эль Борак, ты, похоже, позаботился обо всех, кроме себя.

— Сейчас я собираюсь обмыть раны этих раненых чертей, что нещадно воют от боли и жажды. Постараюсь перевязать тех, кого смогу и как сумею. Вот идут Лал Сингх с Юсуфом ибн Сулейманом, а мои ноги, похоже, вновь полностью подчиняются мне.

— Эль Борак, мои солдаты — те, кто цел и невредим, — возвращаются из города. Пусть они помогут раненым. Ты сам чуть жив от усталости и ран, ты сражался дольше всех нас — все время бок о бок с нами и целую ночь напролет до этого.

— Ничего. Я могу быть полезен, и я могу двигаться. А значит — мое место там, где я нужен. Потом я хорошенько посплю, ничего не опасаясь, под охраной твоей стражи, а завтра на рассвете — в путь.

— Куда на этот раз, Аллах тебя сохрани?! — вырвалось у Бабер-хана.

— Сначала — в Кхор, чтобы забрать Азизу. Затем, с нею, в Кабул, чтобы уладить с эмиром все дела — о твоем прощении и назначении на должность губернатора Шализара.

— А потом — ты вернешься сюда, в Шализар?

— Нет, я пришло Лала Сингха, скорее всего — с почетным эскортом от эмира и с глашатаем, который объявит о твоем прощении и назначении. А сам я отправляюсь в Индию: у меня там образовались кое-какие дела, требующие незамедлительного решения.

— О Аллах! — взмолился Бабер-хан. — Неужели нет покоя твоей беспокойной душе?! Ты как сокол, появляющийся всюду еще до того, как туда долетит ветер. Скажи, что за дело влечет тебя в дальний путь в Индию?

— Во-первых, мне нужно отвезти Азизу в Дели, к ее родителям. Заодно повидаться с ее братом — это один из моих самых старых и верных друзей. Да к тому же у меня есть старые счеты с одним мерзавцем из Пешавара. Имя этого негодяя — Дитта Рам. Пора разобраться с ним — время расплаты пришло! Три года назад он убил одного близкого

мне человека. Я знаю это наверняка, как знают и многие другие, но доказательств, годных для суда, мы не собрали. Один мой друг — тоже представитель британской администрации — уговорил меня не устраивать самосуд — ради его судьбы, карьеры и жизни. Три года я ждал, ждал, пока Дитта Рам совершит какую-нибудь ошибку и проявит себя как преступник. И вот он прокололся, поставив себя вне защиты закона. Теперь, сам понимаешь, пришло время сводить старые счета.

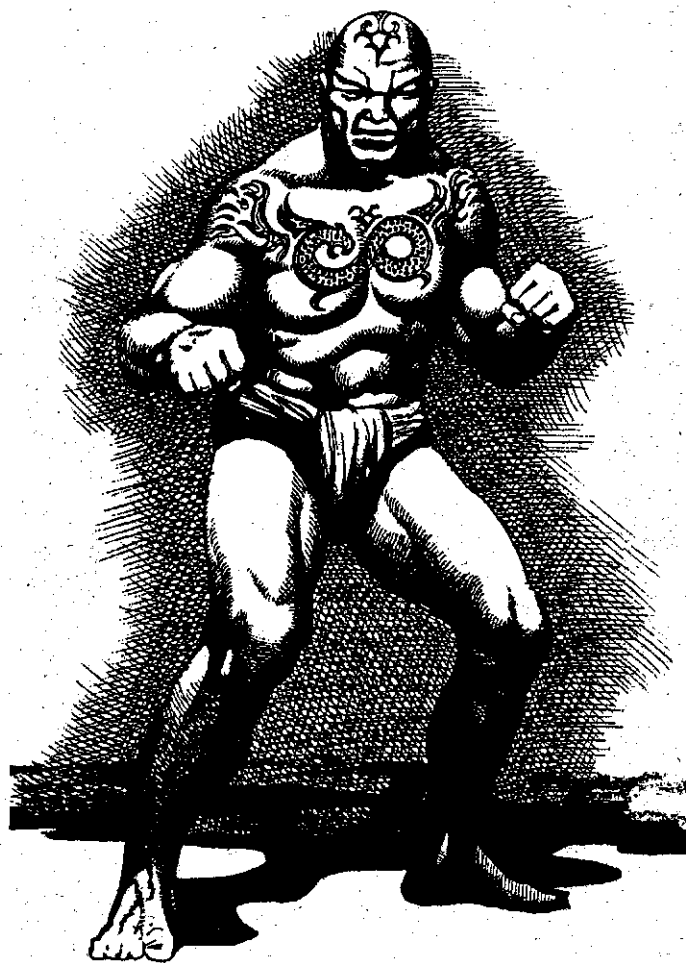
— Аллах тебе в помощь, друг, — произнес Бабер-хан, усмехнувшись, хитро прищурился и добавил: — А еще говорят, что мы — афганцы — злопаметный, мстительный и безжалостный народ!

Вождь племени гильзайцев все еще покачивал головой и ухмылялся себе в бороду, а Гордон, пошатываясь, уже направился навстречу Лалу Сингху и Юсуфу ибн Сулейману, протягивая руки к кувшинам с водой, которые те несли от канала к лежащим на пропитанной кровью земле раненым.

ДЬЯВОЛЫ ПЕСКОВ

ДОЧЬ ЭРЛИК-ХАНА

Г

оворю тебе, Ормонд, пик, расположенный к западу отсюда,— именно тот, что мы ищем. Смотри, я нарисую карту. Вот здесь наш лагерь, а вот это пик, который нам нужен.— Пемброук, высокий англичанин, быстро водил по земле охотничьим ножом, поясняя карту напряженным голосом, выдававшим его крайнее волнение.— Мы уже достаточно прошли к северу, и теперь отсюда нам надо повернуть на запад...

— Тише! — резко прервал его Ормонд, приложив палец к губам. — Сотри скорее карту — сюда идет Гордон.

Пемброук быстро стер рукой тонкие линии, а затем для пущей уверенности как следует затоптал следы карты ногами. Когда в палатку вошел третий участник экспедиции, Гордон, они с Ормондом уже непринужденно болтали и смеялись.

Гордон был ростом пониже двух остальных своих товарищей, но крепостью телосложения не уступал ни мускулистому Пемброуку, ни более широкоплечему Ормонду, а кроме того, выделялся среди них своей удивительной кошачьей гибкостью. В нем чувствовалась огромная сила, но не грубая и неповоротливая, как у многих силачей, — все его движения были точно рассчитаны и казались необыкновенно легкими.

Хотя он был одет почти так же, как и двое англичан, только еще в арабской головной накидке, Гордон куда лучше соответствовал окружающей среде, чем его спутники. Он, американец, казался такой же частью этой холмистой местности, как и дикие кочевники, пасущие своих овец на склонах Гиндукуша. В его спокойном взгляде чувствовалась уверенность, в движениях не было ничего лишнего, что говорило о его тесном единении с природой.

— А мы с Пемброуком сейчас говорили об этом пике, Гордон. — Ормонд махнул рукой в сторону горы, заснеженная вершина которой возвышалась вдаль на фоне чистого голубого неба за длинной цепью поросших травой холмов. — Мы гадали, есть ли у нее какое-нибудь название.

— Здесь у всего есть свое название, — отозвался Гордон. — Правда, не все из них отмечены на

картах. Эта вершина называется гора Эрлик-хана. Ее видело совсем мало белых людей.

— Никогда о ней не слышал, — заметил Пемброук. — Если бы мы так не спешили найти бедного старого Рейнольдса, было бы интересно подобрать к ней поближе, правда?

— Если можно назвать интересным то, что вам при этом непременно вспорют животы, — усмехнулся Гордон. — Гора Эрлик-хана находится в стране Черных киргизов.

— Киргизов? Тех, что поклоняются дьяволу? Это их святыня город Иолган, о котором говорят, что там живет дьявол?

— Дьявол там не живет, — ответил Гордон. — Сейчас мы почти у самых границ их страны. Вообще эта земля ничья, и за нее воюют друг с другом киргизские и мусульманские кочевники из восточных краев. Нам повезло, что до сих пор мы ни на кого из них не наткнулись. Эти киргизы являются отделившейся ветвью от главного стебля, который сосредоточен вокруг Иссык-Куля. Хочу вам сказать, что белых людей они ненавидят больше всего на свете. Мы подошли слишком близко к их стране. Теперь нам надо отсюда повернуть на север и постараться пройти мимо них незамеченными. По моим расчетам, самое большее через неделю мы сможем добраться до территории узбекского племени, которое, как вы думаете, захватило в плен вашего друга.

— Надеюсь, что бедняга еще жив, — вздохнул Пемброук.

— Когда вы нанимали меня в Пешаваре, я сразу сказал вам о своих опасениях, что поиски могут быть напрасными, — покачал головой Гордон. — Если это племя действительно захватило вашего друга,

то вряд ли он еще жив. Теперь я хочу вас еще раз предупредить, чтобы вы были не слишком разочарованы, если не найдете его.

— Мы это понимаем, дружище, — отозвался Ормонд. — И мы не знали никого, кроме тебя, кто мог бы провести нас туда живыми и невредимыми.

— Туда мы еще не дошли, — многозначительно произнес Гордон, перекладывая винтовку из левой в правую руку. — Я видел летавших птиц недалеко от лагеря и собираюсь пойти туда, чтобы попробовать подстрелить какую-нибудь из них. Может быть, я не вернусь до темноты.

— Ты собираешься пойти пешком? — спросил Пемброук.

— Да, и, если мне повезет, я принесу к ужину дичь.

И, не говоря больше ни слова, Гордон повернулся и зашагал вниз по склону. Его спутники молча смотрели ему вслед.

Казалось, он растворился из виду еще до того, как вошел в густую рощицу у подножия холма. Оба англичанина повернулись и молча посмотрели на слуг, занятых своими обязанностями по лагерю: четверых могучих патханцев и одного стройного пенджабца, который был личным слугой Гордона.

Лагерь, с его трепещущими на ветру палатками и привязанными лошадьми, казался единственным пятном человеческой жизни посреди огромной пустынной местности, окутанной ничем не нарушаемой, пугающей тишиной. На юге над горизонтом возвышалась плотная гряда холмов, на севере поднималась такая же гряда, только более прерывистая, и между обоими естественными барьерами простиралось огромное пространство ровной, с небольшими возвышенностями, местнос-

ти, прерываемое лишь отдельными разрозненными горами и поросшее множеством небольших лиственных рощиц. Сейчас, в начале короткого лета, склоны холмов обильно поросли сочной густой травой, но нигде не было видно ни одного стада и охраняющих его кочевников в тюрбанах, и гигантский пик, возвышавшийся над пустынной местностью, казалось, указывал на то, что здесь и есть край земли.

— Пойдем в мою палатку!

Пемброук тотчас обернулся и увидел, что Ормонд делает ему знак рукой. Никто из них не заметил, с какой мрачной подозрительностью посмотрел на англичан пенджабец Ахмед. Они были слишком заняты своими мыслями. В палатке они сели друг против друга, склонившись над низеньким складным столиком, и Пемброук, вытащив карандаш и бумагу, принялся рисовать точно такую же карту, которую он недавно стер с земли.

— Мнимый Рейнольдс сыграл свою роль, так же как и Гордон, — сказал он. — Взять его сюда было слишком рискованно, но ничего не поделаешь — он единственный человек, который мог беспрепятственно провести нас через Афганистан. Просто поразительно, как легко этот американец общается с мусульманами. Но с киргизами он так общаться не сможет, поэтому теперь он нам больше не нужен. Это действительно тот самый пик, который описал таджик, и называл он его так же, как и Гордон. Если мы используем его как ориентир, то должны обязательно найти Иолган. Мы пойдем строго на запад, затем от горы Эрлик-хана возьмем немного на север. Теперь нам не нужно сопровождение Гордона, как не нужно оно будет и при возвращении назад, потому что мы вернемся через Кашмир,

где нам нечего бояться. Весь вопрос только в том, как лучше всего избавиться от него?

— Ну это просто, — махнул рукой Ормонд; из них двоих он был куда более решительным. — Мы просто подстроим так, чтобы между нами возникла ссора, после которой мы откажемся продолжать дальнейший путь в его обществе. Он заявит нам, чтобы мы убирались к черту, возьмет своего глупого пенджабца и двинется обратно в Кабул, а может быть еще в какую-нибудь глушь. Для него тут все привычно, так что он спокойно придет туда, куда захочет.

— Прекрасно! — одобрил Пемброук. — Ведь мы не хотим вступать с ним в схватку — он дьявольски ловок и быстр, особенно когда у него в руках ружье. Недаром афганцы называют его Эль Борак, что значит Стремительный! Когда я придумывал предлог, чтобы нам сделать остановку здесь среди бела дня, то уже все решил, как будем действовать дальше. Как видишь, я сразу узнал эту гору, так что дальше идем одни, а он пусть думает, что мы направились к узбекам. Он ни в коем случае не должен знать, что нам нужен Иолган...

— Что это? — внезапно вздрогнул Ормонд, потянувшись рукой к пистолету.

В это мгновение он словно преобразился — его глаза сузились, а ноздри раздулись, — перед Пемброуком был совсем другой человек, зловеще сверкавший злобыми глазами в полумраке палатки.

— Продолжай говорить, как будто обращаешься ко мне, — еле слышно прошептал он. — Нас кто-то подслушивает снаружи.

Пемброук громким голосом произнес какую-то ничего не значащую фразу, между тем как Ормонд, бесшумно отодвинув походный стул, на

котором сидел, резко выскочил из палатки и навалился на кого-то со злорадным возгласом удовлетворения. Через мгновение он снова вошел, таща за собой пенджабца Ахмеда; худощавый индеец тщетно пытался высвободиться из железной хватки англичанина.

— Эта крыса нас подслушивала! — злобно зарычал Ормонд.

— Теперь он все доложит Гордону, и сражения не избежать! — Такая перспектива, казалось, ужасно встревожила Пемброука. — Что же теперь мы будем делать? Что ты предлагаешь?

Ормонд дико рассмеялся:

— Я забрался в такую даль не для того, чтобы рисковать получить пулю в лоб и все потерять. А людей мне приходилось убивать и за меньшую провинность передо мной.

Пемброук невольно вскрикнул, когда увидел, что Ормонд вскинул холодно блеснувшее ружье. Ахмед вскрикнул тоже, но его крик тотчас потонул в грохоте выстрела.

— А теперь мы должны убить Гордона! — спокойно сказал Ормонд.

Пемброук неуверенно взглянул на него, пытаясь унять легкую дрожь в руках. Снаружи слышалось невнятное бормотание на пушту слуг, столпившихся вокруг палатки.

— А впрочем, он уже сам распорядился собой, — вдруг ухмыльнулся Ормонд, вешая на плечо все еще дымившееся ружье. Ногой, обутой в кованный сапог, он брезгливо пошевелил распростертое на полу неподвижное тело, как будто это была змея. — Он без коня, и при себе у него лишь горсть патронов. Так что американец сам невольно сыграл нам на руку.

— Что ты имеешь в виду? — тупо спросил Пемброук, все еще, видимо, не опомнившийся от происшедшего.

— Мы просто сейчас снимаемся с лагеря и исчезаем отсюда. Пусть он догоняет нас пешком, если ему захочется, но я думаю, у каждого человека есть предел возможностей, каким бы сильным и выносливым он ни был. Оставшись в этих горах без коня, еды, одеял и снаряжения, он протянет недолго, так что вряд ли кто-нибудь из белых людей когда-либо снова увидит Фрэнсиса Хавьера Гордона!

***

Когда Гордон, выйдя из лагеря, спускался по склону, он ни разу не оглянулся. Ему и в голову не могла прийти мысль о каком-либо вероломстве, готовившемся против него. У американца не было никаких оснований предполагать, что англичане, нанявшие его в качестве проводника, его обманывают. Гордон ни на миг не усомнился в том, что два этих человека действительно горят желанием найти своего товарища, затерявшегося где-то в не отмеченных на карте горах или равнинах.

После того как он покинул лагерь, прошло около часа. Сейчас Гордон расположился на краю поросшей травой гряды и пристально вглядывался вперед — туда, где увидел стройную антилопу, негоропливо бредущую вдоль опушки небольшой рощицы. Ветер дул от антилопы в его сторону, что было весьма благоприятно для удачной охоты, и Гордон начал осторожно подкрадываться к ней, когда легкий шорох в кустах позади него заставил американца заподозрить, что к нему самому кто-то подкрадывается.

Он успел заметить притаившуюся в густом кустарнике фигуру, когда пуля просвистела у самого его уха, и Гордон в то же мгновение выстрелил в направлении дыма и огня. Листья тревожно всколыхнулись, а затем все стало тихо. Подождав немного, Гордон приблизился к кустарнику и склонился над бездыханным телом в причудливом пестром наряде.

Американец увидел, что это был худощавый жилистый человек, совсем еще молодой, в подбитом мехом халате, меховом колпаке и в сапогах с серебряными подковами. На поясе у него висело несколько ножей, а возле руки валялась многозарядная современная винтовка. Пуля Гордона попала ему прямо в сердце.

— Туркмен, — прошептал Гордон. — Судя, по всему, он был тут один. Интересно, давно ли он выслеживал меня?

Он знал, что появление здесь человека подразумевает две вещи: где-то поблизости была остальная туркменская шайка и где-то, вероятно совсем рядом, должен был быть его конь. Кочевник никогда не ходит далеко пешком, даже когда выслеживает жертву. Гордон взглянул на холм, у подножия которого стоял, и решил, что мусульманин заметил его с вершины, а затем привязал коня с той стороны холма и спустился вниз, чтобы подстеречь американца, пока тот подкрадывался к антилопе.

Гордон поднялся на холм осторожно, хотя считал, что вряд ли там есть другие туркмены, — иначе они немедленно откликнулись бы на шум выстрелов, — и почти сразу же наткнулся на коня. Это был крупный туркменский жеребец с красным кожаным седлом, с широкими серебряными стремянами и тяжелой, отделанной золотом, уздечкой. У седла

висела кривая восточная сабля в украшенных орнаментом ножнах.

Вскочив в седло, Гордон огляделся по сторонам и увидел в южной стороне слабую полоску дыма, едва заметную в надвигавшихся сумерках. Его черные глаза были острыми, как у ястреба, — немногие смогли бы различить столь призрачное пятно на горизонте.

— Туркмены — значит, разбойники, — пробормотал он. — Дым — значит, лагерь. Они идут по нашим следам, неотвратимые, как судьба.

Натянув поводья, Гордон пришпорил коня и помчался в свой лагерь. Охота увела его на несколько миль к востоку, но теперь он был верхом и поэтому быстро преодолел расстояние. Сумерки еще не успели сгуститься, когда американец остановился у опушки лиственной рощицы и молча стал вглядываться в пологий склон холма, на котором стоял их лагерь. Там было пусто. Не было никаких следов палаток, людей и коней.

Он внимательно осмотрел окружающие холмы и заросли деревьев, но не увидел ничего подозрительного. Тогда Гордон стал медленно подниматься по склону, держа наготове винтовку. Он увидел пятно крови на том месте, где раньше стояла палатка Пемброука, но никаких других следов нападения больше не было видно, и даже трава не была примята копытами. Очевидно, не шайка диких всадников напала на лагерь.

Теперь Гордон не сомневался, что уход из лагеря был поспешным, но организованным. Он видел все признаки того, что его компаньоны просто сложили палатки, навьючили их на спины животных и уехали. Но почему? Столь поспешное бегство

могли вызвать дикие всадники, показавшиеся вдаль, и испуганные англичане предпочли побыстрее скрыться. Но Ахмед — он ни за что не бросил бы своего хозяина и друга...

Пока Гордон ехал по следу, оставленному конскими копытами, его удивление возрастало — англичане отправились на запад! А ведь место их назначения, как они уверяли его, находилось к северу от этих гор, и они знали это так же хорошо, как и он. Но ошибки не было — по каким-то причинам, вскоре после того как Гордон отправился на охоту, они быстро снялись с лагеря и направились на запад, к загадочной стране, называемой гора Эрлик-хана.

Ему пришла в голову мысль, что их вынудила к тому какая-то необходимость и они оставили американцу знак, который он сразу не заметил. Повернув коня, Гордон вернулся к месту, где был разбит лагерь, и начал медленно объезжать его со всех сторон, пристально вглядываясь в землю в поисках какого-либо знака. Наконец он увидел примятую полосу трав — след от тела, которое по ней волочили.

След был не очень отчетливым — люди и кони основательно затоптали его, но взгляд Гордона был слишком острым, натренированным за долгие годы странствий и полудикой жизни. Он вспомнил о пятне крови на том месте, где стояла палатка Пемброука, и поскорее спустился с южного склона в рощицу. Через несколько мгновений Гордон уже стоял на коленях рядом с распростертым на земле человеческим телом.

Это был Ахмед, и в первый момент Гордону показалось, что тот мертв. Но затем он увидел, что, несмотря на то что ранение было, несомненно, смертельным, жизнь еще теплилась в нем. Гордон

приподнял голову своего слуги и поднес к его губам фляжку с вином. Ахмед застонал, и в его помутневших глазах появились признаки понимания и узнавания.

— Кто это сделал, Ахмед? — в отчаянии спросил Гордон.

— Саиб Ормонд, — с трудом произнес Ахмед. — Я подслушивал их разговор, стоя у палатки, потому что подозревал, что они замышляют какое-то гнусное коварство против вас. Я никогда не доверял им. Они застрелили меня и уехали, оставив вас одного умирать в холмах.

— Но почему? — еще больше, чем раньше, удивился Гордон.

— Они направляются в Иолган, — задыхаясь, прошептал Ахмед. — Саиб Рейнольдс, которого мы искали, никогда не существовал. Это была ложь, которую они выдумали, чтобы ввести вас в заблуждение.

— Но почему в Иолган? — спросил Гордон.

Но глаза Ахмеда расширились — он уже видел приближение смерти, — и через мгновение его тело дернулось и обмякло на руках американца; кровь струйкой потекла из его рта, и бедняга испустил дух.

Гордон поднялся, молча глядя на Ахмеда. Привыкший к тяготам дикой одинокой жизни, он давно уже перестал хоть как-то выражать свои эмоции. Американец просто соорудил пирамиду из камней поверх тела Ахмеда, чтобы оно не досталось волкам и шакалам. Много дорог проехал с ним этот пенджабец, который был для Гордона скорее другом, чем слугой.

Когда последний камень был водружен на вершину пирамиды, Гордон вскочил в седло и, больше

не оглядываясь назад, поскакал на запад. Он был один в дикой стране, без снаряжения. Но удача подарила ему коня, а годы странствий дали ему опыт и познакомили с этой чужой страной так, как никогда не познакомился бы с ней ни один белый человек. Поэтому Гордон не сомневался, что сможет проехать по этой земле живым и невредимым, пока не доберется до ближайших границ цивилизованного мира.

Но он даже не допускал для себя такой возможности. Его понятия о долге и расплате были такими же прямолинейными и ясными, как у варваров, среди которых он жил долгие годы. Ахмед был его другом и умер, служа ему, и теперь Гордон знал одно — кровь за кровь.

В сознании Гордона эта мысль была такой же отчетливой, как чувство голода в сознании волка. Он не знал, зачем убийцы поехали в недоступный для белых людей Иолган, но это его больше и не волновало. Теперь его задачей было проводить их в ад, отомстить за пролитую кровь. Выбора у него не было.

На землю между тем опустилась ночная мгла, и в небе засияли первые звезды, но Гордон продолжал ехать вперед, не останавливаясь. Для него по-прежнему не составляло труда даже при бледном свете звезд видеть след, проложенный в высокой траве. Туркменский конь оказался замечательным и полным могучих сил. Гордон не сомневался, что вскоре сможет догнать приземистых лошадок с навьюченной на них поклажей, несмотря на то что англичане, должно быть, отъехали уже достаточно далеко.

Тем не менее прошло уже много времени, а ему еще не удалось догнать их, и Гордон решил, что

англичане тоже мчатся без остановок, чтобы сделать как можно большим расстояние между ними и их преследователем. Убийцы полагали, что Гордон идет за ними пешком и, вероятно, сейчас посмеивались, думая, что он никогда их не догонит. И все же почему они так старательно скрывали от него истинную цель своего путешествия?

Внезапная мысль заставила его помрачнеть; он помотал головой и прищипорил коня, произвольно нащупав рукоятку кривой туркменской сабли, висевшей у седла. Взгляд Гордона нашел белую вершину горы Эрлик-хана, безмолвно возвышавшуюся на фоне ночного неба, затем скользнул туда, где, как он знал, должен был находиться Иолган. Он уже бывал там раньше и слышал глубокие ясные звуки, издаваемые длинными бронзовыми трубами, в которые на рассвете дули бритоголовые жрецы.

Перевалило уже за полночь, когда Гордон увидел огни возле поросших ивами берегов небольшой речушки. С первого взгляда он понял, что это лагерь не тех людей, за которыми он гнался, — огня было слишком много. Это был лагерь киргизов-кочевников, рыскавших по стране между горой Эрлик-хана и неопределенными границами мусульманских племен. Киргизский лагерь расположился как раз на пути к Иолгану, и Гордон призадумался, могли ли знать об этом англичане, чтобы благополучно обойти его. Дикари-киргизы ненавидели чужеземцев, и когда Гордон в прошлый раз ехал в Иолган, ему пришлось изменить внешность и одежду, замаскировавшись под местного жителя.

Перейдя ручей в стороне от лагеря, Гордон теперь осторожно приближался к нему, укрываясь в тени раскидистых ив, пока наконец не разглядел неясные очертания часовых, сидевших на спинах

коней. И тут он заметил кое-что еще — три белые европейские палатки, находившиеся внутри кольца, очерченного круглыми войлочными кибитками. Гордон выругался сквозь зубы; если Черные киргизы убили белых людей, вторгшихся в их владения, это значило конец его кровной мести! Он подкрался еще поближе.

И тут неожиданно огромная, похожая на волка, собака со злобным лаем вылетела на него откуда-то из темноты, мгновенно разбудив обитателей лагеря, которые тотчас начали выскакивать из шатров. Конные часовые помчались на лай, на скаку выпуская град стрел.

У Гордона не было ни малейшего желания получить стрелу в спину, если бы он бросился бежать. Поэтому он выскочил из ивовых зарослей и смешался с толпой всадников, не сразу различивших его в темноте. Выхватив турецкую саблю, американец принялся рубить ею врагов направо и налево. Вокруг него загудели и завывли лезвия, но киргизы явно отставали от него в искусстве фехтования. Почувствовав, как его сабля с хрустом вошла в чью-то плоть, Гордон бросил быстрый взгляд и увидел справа от себя расколотый череп киргиза. Воспользовавшись замешательством, американец прищипорил коня и рванул напролом через беснующихся кочевников и вскоре исчез в темноте.

Знакомый голос, прозвучавший позади Гордона, заставил американца облегченно вздохнуть — по крайней мере Ормонд был жив. Гордон на скаку оглянулся и увидел в неясных отблесках пламени высокую фигуру Пемброука, застывшего с поднятым клинком в руках. То, что англичане оказались при оружии, говорило о том, что их не держали в качестве пленников, хотя он никак не мог себе

объяснить подобную снисходительность со стороны кровожадных кочевников.

Они не стали слишком долго преследовать его; спрятавшись в тени густой рощицы, Гордон услышал, как киргизы, гортанно перекликаясь друг с другом, повернули назад, к своим шатрам. Больше этой ночью спать в орде никто не ложился, и вокруг лагеря начали кружить всадники с обнаженными саблями в руках. Подкрасться к предателям-англичанам теперь было бы крайне трудно, но Гордон и не торопился их убивать. Сначала он хотел узнать, зачем им понадобилось ехать в Иолган.

Продолжая крепко сжимать рукоятку кривой туркменской сабли, Гордон снова повернул на восток и поскакал по той же дороге, по которой приехал сюда. Он мчался во весь опор, чувствуя, как его конь уже выбивается из сил. И все же, пока еще не взошло солнце, он успел найти то, что сейчас ему было нужно, — еще один лагерь, стоявший примерно в милях десяти от того места, где был убит Ахмед. Догорающие огни бросали тусклые отблески на единственную палатку и фигуры людей, которые, завернувшись в плащи, лежали на земле.

Гордон не стал слишком близко подходить к ним. Когда он смог различить едва заметные на фоне ночного неба, медленно двигавшиеся ряды неясных силуэтов, он понял, что это кони, находившиеся внутри загона, а затем его глаз различил и другие силуэты — то были всадники, стерегущие ночной лагерь. Тогда Гордон отступил еще дальше назад и, укрывшись в густой рощице, слез с коня и распряг его.

Пока животное жадно щипало траву, Гордон сел на землю, скрестив ноги и прислонившись спиной к широкому стволу дерева. Положив винтовку

на колени, американец закрыл глаза и принялся терпеливо ждать. В этот момент он напоминал впавшего в транс или погруженного в медитацию коренного жителя Востока, чья душа прониклась очарованием древних загадочных легенд.

***

Восход едва окрасил небо бледно-серыми красками, когда лагерь, неподалеку от которого находился Гордон, пришел в движение. Тлеющие костры вновь ожили, взвившись в небо яркими языками пламени, и через несколько мгновений воздух наполнился аппетитным запахом жарящейся баранины. Сухопарые жилистые люди в шапках из лисьего меха и подпоясанных кушаками кафтанах засуетились вокруг лошадей или засновали возле котлов с готовящейся пищей, пытаясь выудить оттуда немытыми руками какой-нибудь лакомый кусочек. Женщин среди них не было, так же как почти не было и никакой утвари или другой поклажи. То, что они путешествовали налегке, могло означать только одно — это разбойничья шайка.

Солнце поднялось еще совсем невысоко, когда они уже начали седлать коней и вешать на ремни сабли. Гордон выбрал именно этот момент, чтобы внезапно появиться перед ними, неторопливо спустившись со склона им навстречу.

Раздался общий громкий злорадный вой, и в сторону американца вскинулось несколько винтовок. Однако неожиданность и дерзость поступка белого человека привели обитателей лагеря в некоторое замешательство, и их пальцы так и застыли на спусковых затворах. Гордон не медлил, хотя его движения были столь размеренными и неторопливыми, что со стороны казалось, будто он никуда не спе-

шит. Главарь шайки уже сидел верхом на коне, и Гордон подъехал к нему, приблизившись почти вплотную. Туркмен молча смотрел на него злобными глазами. С ястребиным носом и рыжеватою, окрашенной хной бородой, он казался похожим на самого дьявола. Внезапно лицо его перекошилось, и глаза загорелись диким пламенем — он узнал Гордона. Но его воины не сделали ни единого движения.

— Юзеф-хан, — небрежно обратился к нему американец, — неужели я все-таки нашел тебя, суннитская собака?

Юзеф-хан выпятил вперед рыжую бороду и зарычал, словно волк.

— Ты что, спятил, Эль Борак?

— Это Эль Борак!

В толпе разбойников поднялся возбужденный шум, позволивший Гордону выиграть время.

Они придвинулись к нему ближе — любопытство взяло верх над жаждой крови. Имя Эль Борака было у всех на устах от Стамбула до Бутана, оно повторялось во множестве самых невероятных легенд и преданий, обрастая самыми фантастическими подробностями.

Юзеф-хан, пришедший в полное замешательство от столь неожиданной встречи, бросил зоркий взгляд на вершину холма, по которому спустился американец. Он боялся непредсказуемой хитрости этого белого человека почти так же сильно, как и ненавидел его. Подозрительность, ненависть и страх, что Эль Борак готовит ему ловушку, делали туркменского главаря опасным и коварным, словно раненая кобра.

— Что тебе здесь надо? — злобно спросил он. — Говори быстрее, пока мои воины не содрали с тебя шкуру!

— Поквитаться кое с кем, — спокойно ответил Гордон.

Когда он еще спускался с холма, каких-либо определенных планов у него не было. Неожиданно встретив здесь своего личного врага, американец даже не удивился. Впрочем, чему удивляться — личные враги в Центральной Азии у него были повсюду.

— Да ты просто глупый осел... — начал было Юзеф-хан, презрительно усмехаясь, но, не дав ему договорить, Гордон внезапно наклонился вперед и вlepил главарю увесистую пощечину, прозвучавшую словно удар хлыста. Юзеф-хан, сильно качнувшись, едва не вылетел из седла. Взыв, как волк, он принялся шарить у себя на поясе, но замешкался, выбирая между ножом и пистолетом. Гордон легко мог пристрелить его, но это не входило в замысел американца.

— Стоять! — резко крикнул он, обернувшись к туркменам, хотя они и так еще не решились вмешаться в ход событий. — К вам у меня нет вражды. Я сложу счеты лишь с вашим главарем.

Если бы эти слова произнес кто-нибудь другой, они не возымели бы должного действия. Да другой человек просто был бы уже давно мертв. Но эти дикие головорезы знали, что с Эль Бораком нельзя поступать так, как они поступали с любым белым человеком.

— Хватайте его! — завопил Юзеф-хан. — Он будет заживо сожжен!

Туркмены двинулись к нему, но Гордон вдруг оглушительно расхохотался.

— Моя смерть не сотрет того оскорбления, которое я нанес вашему главарю! — крикнул он. — Все кругом будут говорить, что вами командует

хан, у которого на лице отметина от руки Эль Борака. Как можно избавиться от такого позора? Юзеф-хан не думает об этом, он просто призывает своих воинов отомстить за него. Неужели он трус?

Туркмены вновь в нерешительности остановились, вопросительно поглядывая на своего главаря, у которого от ярости на губах уже выступила пена. Они знали, что такое оскорбление можно смыть лишь кровью того, кто его нанес, но только в поединке. Если бы эта волчья стая заподозрила кого-нибудь в трусости, то это было бы равносильно смертному приговору. Если бы Юзеф-хан не принял вызов Гордона, туркмены повиновались бы своему предводителю и подвергли бы американца мучительной пытке, но при этом они никогда не забыли бы о несмытом позоре, и с этого момента Юзеф-хан был бы обречен.

Юзеф-хан знал это; он знал и то, что Гордон хитростью вынуждает его вступить в поединок, но применить какую-нибудь ответную хитрость, чтобы избежать его, он уже не мог — дикая ярость лишила главаря разбойников способности размышлять. Его глаза налились кровью, и он уже не вспоминал о своих подозрениях, что за вершиной холма могут прятаться вооруженные винтовками люди Эль Борака. Он не испытывал уже никаких чувств, кроме безумного желания вырвать зубами эти черные, полные презрительной насмешки глаза своего врага.

— Собака! — взревел Юзеф-хан, выхватывая свою кривую саблю. — Ты сдохнешь от моей руки!

В развевающемся плаще и с грозно поднятой саблей, туркмен устремился на Гордона, подобно тайфуну. Его воины тут же освободили широкое

пространство, в центре которого спокойно сидел в седле американец, поджидая противника.

Конь у Юзеф-хана был великолепен, и главарь, казалось, слился с ним. К тому же он был свежим и отдохнувшим. Правда, конь Гордона тоже успел получить небольшую передышку, пока американец ожидал пробуждения лагеря. Противники закружили вокруг друг друга, делая быстрые выпады и неожиданные развороты, их клинки сверкали и звенели без малейшего перерыва. В бешеном ритме их поединка было похоже, что борются не два человека, сидящие на спинах коней, а два кентавра, сцепившиеся между собой в смертельной схватке.

— Собака! — дико вопил Юзеф-хан, отчаянно вращая саблей и выкатив налитые кровью бешено горящие глаза, как будто в него вселился дьявол. — Я вывешу твою поганую голову на шесте моего шатра, чтобы все видели... а-а-а!

Из сотни столпившихся людей едва ли дюжине удалось увидеть, как сабля Гордона молниеносно раскроила череп их главаря, но все услышали страшный хруст и пронзительный предсмертный вопль. Конь Юзеф-хана дико заржал и вскинулся на дыбы, сбросив на землю своего мертвого, залитого кровью седока.

Туркмены глухо зарычали, но ни злобы, ни радости не слышалось в этом глухом бессловесном рычании. Гордон закружился на коне, вращая саблей над головой, так что брызги крови с лезвия окропили лица и одежду зрителей.

— Юзеф-хан мертв! — крикнул Гордон. — Кто хочет смыть его позор и продолжить поединок?

Туркмены в замешательстве смотрели на него, гадая, что замышляет непобедимый Эль Борак. Но

прежде чем они оправились от потрясения, вызванного видом их мертвого главаря, Гордон сунул саблю обратно в ножны, давая понять, что инцидент исчерпан, и с улыбкой взглянул на них.

— Ну, а теперь, кто поедет со мной за богатством, какого вы и во сне не видели? — весело спросил он.

Глаза разбойников на мгновение загорелись от жадности, на смену которой тут же пришла подозрительность.

— Что еще за богатство? — раздалось недоверчивые голоса. — Покажи нам его, пока мы тебя не прикончили!

Ни говоря ни слова, Гордон соскочил с коня и сунул поводья в руки ближайшему всаднику, опешившему от такой наглости, а сам решительно шагнул к аппетитно дымящемуся котлу с мясом и, наклонившись над ним, начал вылавливать куски баранины и жадно поглощать их. Он давно был голоден, и теперь ничто его так не занимало, как еда.

— Неужели я буду показывать вам звезды при дневном свете? — спросил Гордон, вынимая очередную порцию мяса. — Вы ничего не увидите, хотя звезды никуда не исчезли, — просто они будут доступны вашим глазам в свое время. Если бы это богатство было у меня с собой, разве я пришел бы к вам и предложил бы разделить его? Никто из нас не сможет захватить его без помощи другого.

— Он врет! — воскликнул вдруг туркмен, которого остальные называли Узун-бег. — Надо убить его и продолжать идти за караваном, который мы преследуем.

— А кто будет вашим главарем? — насмешливо спросил Гордон.

По рядам разбойников пронесся глухой гул и неясное бормотание; те, кто давно мысленно готовил себя на место главаря, начали с тревогой оглядываться, подозрительно всматриваясь в других возможных кандидатов. Затем все они взглянули на Гордона, безмятежно поглощающего мясо через пять минут после убийства одного из самых опасных головорезов Востока.

Однако его беззаботный вид вряд ли мог кого-нибудь из них ввести в заблуждение. Они знали, что Эль Борак опасен, как кобра, которая может метнуться, как молния, в любой момент и в любом направлении. Они знали, что не смогут убить его так быстро, как он сначала убьет кого-нибудь из них, и никто не хотел умирать первым.

Правда, одно это их бы не остановило, но к их недоверию подмешивались любопытство и алчность, загоревшаяся в душах разбойников при упоминании о богатстве. Они смутно догадывались, что Эль Борак не стал бы подвергать себя смертельной опасности, в одиночку приехав в стан врагов, если бы у него не было или мощного подкрепления, или твердой уверенности в том, что он им предлагает. Кроме того, их души раздирала подозрительность друг к другу, как к возможному главарю.

Узун-бег между тем, внимательно осмотрев коня Гордона, внезапно в ярости воскликнул:

— Да у него же жеребец Али-хана!

— Точно, — спокойно отозвался Гордон. — Более того, у меня еще и сабля Али-хана. Он выстрелил в меня из кустов, поэтому и лежит теперь там мертвым.

Ответа на эти слова не последовало. Стая разбойников не испытывала сейчас никаких чувств,

кроме ненависти и страха, но и невольного уважения к храбрости, ловкости и непобедимости.

— И куда ты нас поведешь? — спросил наконец один из них, которого звали Орхан-шах, тем самым негласно признав подчинение Эль Бораку. — Не забывай, что мы свободные люди и сыновья острого клинка!

— Вы сыновья шелудивых псов, — невозмутимо отозвался Гордон. — Мужчины, которые живут без жен и спят на голой земле, изгнанники, от которых отказался собственный народ, отщепенцы, у которых нет своей жизни, — нет ничего, кроме этих холодных пустынных гор! Вы следовали за этим дохлым псом туда, куда он вам велел, не задавая никаких вопросов и бездумно подчиняясь ему. А теперь вы вдруг спрашиваете меня, куда я вас поведу!

Вновь глухой гул прокатился между ними, но Гордон, казалось, уже перестал обращать внимание на разбойников, опять целиком сосредоточившись на еде. В его поведении, однако, не было ничего фальшивого, так же как развязного и самонадеянного, — в каждом движении и взгляде американца сквозила лишь твердая уверенность человека, прекрасно осознающего ситуацию. Со стороны даже могло показаться, что этот белый человек находится сейчас не в гуще своих врагов — диких и злобных головорезов, — а среди друзей, с безмолвным уважением внимавших своему товарищу.

Глаза многих между тем были прикованы к пистолету, висевшему в кобуре у него на бедре. В этих краях поговаривали, что искусство обращения с оружием у Эль Борака поистине колдовское; обычный револьвер в его руках превращался в живой механизм уничтожения, извергавший смерть преж-

де, чем кто-либо успевал заметить, что рука Гордона хоть чуть-чуть шевельнулась.

— Говорят, что ты всегда держишь свое слово и никогда не нарушаешь его, — осторожно вновь подал голос Орхан. — Поклянись, что ты приведешь нас к богатству, и тогда мы подумаем.

— Я не даю никаких клятв, — ответил Гордон, поднимаясь и вытирая руки о попону. — Я сказал, и этого достаточно. Вы пойдете со мной, и многие из вас погибнут; они отправятся на корм шакалам, и вы забудете их имена. Но тем, кто останется в живых, богатство покажется золотым дождем, который Аллах прольет на их головы.

— Ладно, хватит слов! — нетерпеливо воскликнул один из разбойников. — Веди нас к этим несметным богатствам!

— А вы не побоитесь пойти за мной? — прищурился Гордон. — Ведь нам придется пройти через страну Черных киргизов.

— Не побоимся, Аллах тому свидетель, — разом загудели они. — Мы уже находимся в стране Черных киргизов. Мы выслеживаем здесь караван неверных, который отправим в ад еще до следующего рассвета!

— На все воля вашего Аллаха, — отозвался Гордон. — Но многие из вас наглотаются стрел и умрут своей кровью прежде, чем мы доберемся до места назначения. Но если вы не боитесь рискнуть своими жизнями ради неслыханного богатства — больше, чем сокровища индусов, — то идите со мной. Путь у нас еще далекий.

Несколько минут спустя вся шайка в боевой готовности уже двигалась в западном направлении. Гордон ехал впереди, однако по обе стороны от него ехали молчаливые всадники с хищными ястре-

биными лицами, вид которых показывал, что американец все-таки в большей степени пленник, чем предводитель, что, впрочем, Гордона совершенно не смущало. Он был уверен в своем предназначении, и то, что у него пока еще не было никаких идей относительно того, как выполнить свое обещание привести туркмен к сокровищам, меньше всего беспокоило американца. Он знал, что каким-либо образом все разрешится, и думал сейчас совсем о другом.

* * *

Гордон знал страну лучше, чем сами туркмены, и это помогло ему подчинить их своей воле. Он вел довольно тонкую политику: то советовался с ними, то отдавал приказание, то делал уступки, то требовал беспрекословного подчинения.

Больше всего Гордон заботился о том, чтобы отряд ехал как можно ниже уровня горизонта. Скрыть от бдительных кочевников продвижение сотни человек было делом нелегким, но они кружили далеко отсюда, и Гордон надеялся, что те киргизы, которых он видел, — единственная шайка, находившаяся между ним и Иолганом.

Американец, однако, усомнился в этом, когда они напали на следы, проложенные уже после того, как он прошлой ночью проскакал по этой местности на восток. Следы свидетельствовали о том, что здесь проехало много всадников, и Гордон велел своему отряду прибавить скорость, зная, что если их заметят киргизы, то мгновенного преследования не избежать.

После полудня они наконец увидели орду, расположившуюся вдоль поросшего ивами берега ручья. Возле лагеря паслись кони, за которыми при-

глядывали мальчики, а чуть дальше всадники охраняли стада овец, щипавших густую сочную траву.

Гордон оставил своих людей, за исключением шестерых, в поросшей густыми деревьями лощине за ближайшим гребнем горы и залег среди огромных валунов, которыми был покрыт склон. Американец внимательно оглядел всю долину. Лагерь был прямо под ним, прекрасно различимый во всех деталях. Гордон нахмурился — ни одной белой европейской палатки он не увидел. Англичане были в киргизском лагере прошлой ночью, но теперь бесследно исчезли. Может быть, хозяева убили их наконец, а может быть, Пемброук и Ормонд продолжали путь одни?

Туркмены, уверенные в том, что вожаком добыча находится там, в повозках киргизов, нетерпеливо поглядывали на Гордона, ожидая от него сигнала к атаке.

— У них меньше воинов, чем у нас, — заметил Узун-бег, — и они ничего не подозревают. Слишком много времени прошло с тех пор, как чужеземцы в последний раз нападали на страну Черных киргизов. Надо послать кого-нибудь в лощину за остальными, и тогда мы набросимся на них, как ураган, и уничтожим! Ты обещал нам добычу!

— Какую добычу? — презрительно взглянул на него Гордон. — Женщин с плоскими лицами и овец с кривыми ногами?

— Женщины у них бывают очень даже неплохие, — нахмурился туркмен. — А у овец неважно, какие ноги, — лишь бы мясо было сочным! Но не это главное — киргизы возят в своих повозках золото, чтобы продать его кашмирским купцам. Они добывают его в горе Эрлик-хана.

Гордон вспомнил, что он слышал рассказы о золотой жиле в этой горе и даже видел несколько необработанных слитков, владельцы которых клялись, что раздобыли их у Черных киргизов. Но золото сейчас не интересовало горевшего чувством мести американца.

— Все это детские сказки, — сказал он, наполовину обращаясь к самому себе. — А богатство, к которому я вас веду, существует в действительности. Так неужели вы откажетесь от него ради выдумки? Возвращайтесь к остальным и скажите им, чтобы продолжали там сидеть тихо и не высовываться. Я пока еще немного понаблюдаю, но скоро тоже вернусь.

Их лица выразили крайнюю подозрительность, и Гордон заметил это.

— Поезжай один, Узун-бег, — сказал он, — и передай остальным мое сообщение. А мы тут останемся вместе.

Его слова немного успокоили подозрительность пятерых туркмен, и лишь один Узун-бег, искоса взглянув на американца, злобно прорычал что-то себе в бороду. Затем он повернулся и зашагал прочь, вниз по склону, а там вскочил на коня и поскакал в ложину, а Гордон и пятеро туркмен, тоже сев на коней, поехали по извилистой тропе в юго-западном направлении.

Тропинка заканчивалась в отвесных скалах, склоны которых были будто срезаны ножом, но от постороннего взора Гордона и его спутников скрывали густые заросли деревьев. Они благополучно миновали пространство, лежавшее между утесами и следующим гребнем, спускавшимся к ручью, в миле вверх по течению от киргизского лагеря.

Этот гребень был значительно выше, чем тот, который они оставили позади, и, прежде чем они достигли места, откуда начинался спуск к реке, Гордон осторожно выглянул из-за камня и еще раз осмотрел лагерь с помощью бинокля, до недавнего времени принадлежавшего Юзеф-хану.

Поведение кочевников говорило о том, что они совершенно не подозревали о присутствии врага, и Гордон направил бинокль дальше на восток, глядя в перевал, за которым в долине должны были оставаться его туркмены. К своему удивлению, он не заметил никого из них, но чуть в стороне увидел нечто другое.

В нескольких милях к востоку, там, где на высоком гребне скалы было словно вырезано небольшое углубление, Гордон увидел ряд маленьких черных точек, быстро двигавшихся через эту впадину. Они были так далеко, что даже достаточно мощный бинокль не помог американцу определить, кто это. Наверняка он знал одно — это были всадники, много всадников.

Обернувшись к своим пяти туркменам, Гордон ничего не сказал и лишь махнул рукой. Через несколько мгновений они уже стремительно мчались к ручью, скрытые от лагеря высоким перевалом. Все дороги, ведущие в Иолган, должны были пересекаться здесь, поэтому Гордон знал, что вскоре он увидит, что это за всадники и куда они направляются.

Влетев на берег, он заметил ясно различимые в полосе мокрого песка отпечатки конских подков и один след, оставленный европейским сапогом. Значит, англичане были здесь; скорее всего, они перешли ручей вброд и направились дальше на запад, по бескрайней холмистой равнине.

Гордон вновь пришел в замешательство. Он никак не мог понять, почему все-таки дикие, злобные кочевники приняли с миром белых людей. Можно было предположить, что Ормонд — он умел убеждать — внушил дикарям, что они должны сопроводить его до Иолгана. Но, с другой стороны, — и Гордон прекрасно знал это — дикари враждовали между собой, и если одно племя и приняло бы к себе чужого, то другое никогда бы с этим не смирилось.

Гордон никогда не слышал о том, чтобы кочевники в этих местах проявляли дружелюбность к белым. Но, как бы то ни было, оставалось лишь принять факт — англичане попали в лагерь к дикарям и остались живы. Более того — они вместе уверенно и смело начали двигаться вперед.

Из этих раздумий его вывел винтовочный выстрел — звук его прогремел вдалеке, но пуля просвистела совсем рядом. Гордон нырнул в ручей, как можно дальше проплыл под водой, затем выскочил на берег и быстро взбежал на холм, закрывавший его от врага. Затаившись на вершине холма, он взглянул вниз и увидел в едва надвигавшихся сумерках отчетливую картину.

Туркмены атаковали лагерь киргизов. Сначала они взобрались на гребень холма, а затем скатились оттуда, как снежный холм, дико рыча и поражая противника внезапно и жестоко. Это была скорее бойня, чем атака. Пастухи, охранявшие стада далеко на вышасах, даже не успели предупредить своих. Они погибли, как погибли и остальные кочевники, еще пытавшиеся соорудить некое подобие защитных укреплений из повозок и палаток.

Ответом туркменской атаке был залп стрел и отдельные разрозненные выстрелы из нарезных вин-

товок. Несколько туркменов были сбиты с седла, но это не уменьшило ярость их нападения. Киргизам было хуже — град свинца из ружей туркмен вырвал из их рядов значительное число защитников. Туркмены напали на киргизский лагерь, как саранча. Они скатились по склону совершенно незаметно и почти так же незаметно оказались в гуще растерявшихся от неожиданности врагов. Впрочем, внешняя охрана успела дать сигнал тревоги, но он оказался бесполезным для лагеря, который не сразу очнулся от безмятежного сна.

Туркмены, конечно, не рассчитывали, что их атака пройдет совсем без жертв, — они получили ответную порцию стрел и свинца, — но у них были преимущества: внезапность нападения, скорость и неожиданность атаки. Киргизов защищали заросли кустарников и деревьев, но это не спасло их от града свинца, мгновенно превратившего их лагерь в суший ад.

Гордон прищипил коня и помчался через долину, размахивая сверкающей на солнце саблей. Его врагов не было в лагере, и потому у него не было причин нападать на киргизов, как он собирался раньше, но от туркмен его отделяло слишком большое расстояние, чтобы они могли услышать хоть какую-нибудь его команду.

Туркмены увидели, как он приближается к ним, размахивая саблей, и неправильно истолковали его намерения. Они решили, что Гордон собирается своим личным участием завершить столь удачно начатую атаку, и уже предвкушали радость близкой и легкой победы. Среди киргизов началась паника, они стали беспорядочно палить из всех своих ружей, лишь бесполезно растратив патроны. Гордон еще не успел вмешаться в ход событий, когда турк-

мены радостными воплями огласили долину. Исход атаки был предрешен.

С дикими криками туркмены рубили головы киргизам, уже даже не пытавшимся сопротивляться. В этой кровавой бойне пощады не получили ни женщины, ни дети. Те, кто мог ускользнуть, попытались прорваться к реке, но туркмены мгновенно настигали их. Берег уже был залит кровью; когда туда на взмыленном коне ворвался Гордон.

Взбешенный бессмысленной резней, он с такой яростью дернул за уздечку коня первого же попавшегося туркмена, что животное не устояло на ногах и рухнуло, сбросив своего седока. Следующего туркмена Гордон свалил на землю ударом сабли плашмя по голове; тогда остальные, еще не понимая, что происходит, прекратили добивать уцелевших киргизов и в недоумении уставились на американца. Обернувшись в сторону лагеря, откуда все еще доносились крики и стоны людей, Гордон увидел, что к берегу мчатся все новые и новые всадники, догоняющие своих жертв. Так же, как и те, кто уже был на берегу, они осадили коней при виде грозно сверкавшего глазами американца и растерянно переглянулись.

— Кто отдал приказ атаковать лагерь? — резко крикнул Гордон. В своей ярости он был страшен, и несколько мгновений туркмены подавленно молчали, не решаясь ответить.

— Узун-бег, — произнесли, наконец вразнобой несколько голосов, и все невольно повернулись в сторону ухмылявшегося зачинщика нападения. — Он сказал, что ты собирався выдать нас киргизам, и мы должны опередить их и напасть первыми. Мы поверили ему, потому что...

Но Гордон уже не слушал. Издав страшный крик, от которого у всех кровь застыла в жилах, он молнией метнулся к Узун-бегу, и туркмен рухнул с коня с раскroенным черепом, даже не успев попытаться защититься. Остальные в ужасе попятились, не сводя глаз с окровавленной сабли Эль Борака.

— Шакалы! Поганые псы! Безмозглые обезьяны! — в ярости выкрикивал Гордон, и туркмены съезжались от его слов, как от ударов хлыста. — Тупоголовые ослы! Разве я не велел вам оставаться в укрытии? Разве мое слово для вас ничего не значило, если вы с такой готовностью послушались поганого Узун-бега? А вы знаете, что теперь будет? Думаете, напились бесполезной крови, и это вам сойдет с рук? Да теперь против вас поднимется вся эта страна! Вас разорвут на куски и сотрут в порошок! Ради чего вы все это натворили? Где ваша добыча? Где то золото, которым будто бы набиты повозки киргизов?

— Там не было золота, — опустив голову, пробормотал один из туркмен.

Гордон хрипло рассмеялся:

— Вы псы, которые роются в навозных кучах! Теперь вы все сдохнете, и я пальцем не пошевелишу, чтобы вас спасти!

— Убейте его! — вдруг крикнул один из разбойников. — Мы убьем его и вернемся туда, откуда пришли. В этой проклятой стране нет никакой добычи!

Нельзя сказать, чтобы это предложение было встречено с энтузиазмом. Ружья туркмен были разряжены, и если бы хоть кто-нибудь шевельнулся, чтобы подтянуть к себе поближе сумку с патронами, его немедленно настигла бы меткая пуля Гордона. Разбойники прекрасно знали, что ружье Эль Борака всегда заряжено, так же как и висевший у

него на бедре пистолет. Никто из них не решился бы также попытаться дотянуться до американца саблей — кривая сабля Гордона в его руках казалась живой.

Он увидел их нерешительность и презрительно усмехнулся, обведя туркмен не предвещающим ничего хорошего взглядом. Эль Борака не стал ни убеждать, ни уговаривать туркмен, как сделал бы кто-нибудь другой на его месте, иначе они непременно убили бы его. Он просто угрозами, оскорблениями и проклятиями сломал их сопротивление, и они подчинились, потому что были волчьей стаей, а он оказался самым сильным и свирепым волком из них.

— Ладно, давай расстанемся мирно, — произнес наконец туркмен, предложивший убить Гордона. — Иди своей дорогой, а мы пойдем своей.

Это была последняя слабая попытка еще как-то воспротивиться непостижимой власти Эль Борака, но она ни к чему не привела. Гордон лишь рассмеялся своим хриплым лающим смехом.

— Ваша дорога приведет вас лишь в адское пекло, — презрительно сказал он. — Вы пролили кровь, которая будет теперь требовать отмщения. Неужели вы думаете, что те, кому удалось спастись от вас бегством, не поспешат добраться до ближайших племен, чтобы рассказать им о том, что вы натворили? И тогда все киргизы, как один, поднимутся против вас! Да еще до восхода солнца вас растопчут копыта коней тысячи киргизских всадников!

— Послушай, отведи нас на восток, — вдруг поспешно сказал один из туркмен, в страхе озираясь. — Пока они не подняли тревогу, нам надо как можно скорее убраться из этой проклятой страны!

Гордон вновь рассмеялся так, что все поежились.

— Болваны! На восток вы не сможете вернуться. Я видел в бинокль большой отряд всадников, следующий за нами оттуда по пятам. Если вы вздумаете вернуться или остаться здесь, то никто из вас не доживет до завтра. Надо ехать только вперед, но без меня вы не сможете это сделать.

Туркмен охватила самая настоящая паника, справиться с которой оказалось несколько сложнее, чем с их сопротивлением. Они ерзали в седлах своих коней, скрипя зубами и яростно ругаясь.

— Это ты заманил нас в ловушку! — истерично выли они. — Теперь мы все погибнем. Тебя сам дьявол прислал к нам!

— Молчите, тупорылые псы! — вдруг звонко крикнул Орхан-шах, один из тех пятерых, что отравились с Гордоном в разведку. — Не он заставил вас нападать на киргизов! Но зато именно он может привести нас к той добыче, о которой говорил! Он знает эту страну, а мы нет, и если мы сейчас его убьем, то мы убьем единственного человека, который может нас спасти!

Туркмены внезапно словно очнулись, их взоры обратились на Гордона, словно на какое-то божество.

— О, мудрейший из мудрых! — заголосили они. — Мы действительно псы, роющиеся в навозной куче! Спаси нас от нашей глупости! Мы целиком и полностью подчиняемся тебе! Выведи нас из этой страны смерти и покажи нам золото, о котором ты говорил!

Гордон вложил саблю в ножны и принялся отдавать команды, ничего не поясняя, и туркмены безропотно ему подчинялись. Они понимали, что Эль

Борак использует их для осуществления каких-то своих планов, но в волчьей стае приказы вожака не обсуждают.

Немедленно едой и утварью из разгромленного лагеря было нагружено столько киргизских коней, сколько удалось быстро поймать. Полдюжины туркменов погибли в схватке, еще дюжина была ранена. Мертвых оставили там, где они лежали, а наиболее тяжело раненных привязали к седлам коней. Их стоны были ужасны, но еще более ужасными были стоны киргизских женщин, спрятавшихся в зарослях кустарника. В надвигающейся ночи они звучали, как погребальная песнь.

***

Гордон не стал отыскивать след англичан ни среди холмов, ни в зарослях деревьев. Его целью был Иолган, и он не сомневался, что найдет их там. Поэтому сейчас больше всего его беспокоило, как уйти от преследовавших их киргизов. Кочевники давно шли по следам туркмен, но сейчас их ярость многократно увеличилась, — остатки разгромленного лагеря, на которые они явно должны были наткнуться, несомненно привела их в дикое бешенство.

Поэтому вместо того, чтобы направиться через равнину, Гордон со своим отрядом свернул к холмам, окружавшим ее с юга, и начал петлять вдоль них, держась западного направления. Около полуночи один из раненых, привязанных к седлу, умер, а остальные впали в полубредовое состояние. Тело спрятали в узкой расщелине и, не задерживаясь, продолжили путь. Они двигались во тьме между холмами, словно призраки, и лишь цокот копыт и стоны раненых нарушали ночную тишину.

За час до рассвета они подъехали к ручью, извивавшемуся среди известняковых рифов, — широкому, но мелкому, с твердым каменным дном. Около трех миль они шли по ручью вброд, а затем выбрались на берег вновь на той же стороне.

Гордон знал, что киргизы, выносивавшие их след, словно волки, выйдут за его отрядом на берег и решат, что туркмены пересекли ручей, — во всяком случае, американец надеялся, что киргизы не раскроют его хитрость. Он рассчитывал, что они ринутся в горы на противоположном берегу и будут кружить там, отыскивая его след, тем самым дав ему возможность выиграть время.

Теперь Гордон направлялся на запад уже более прямой дорогой. Он знал, что киргизы не успокоятся и рано или поздно вновь нападут на его след, но при этом потеряют время, за которое он сможет оторваться от них достаточно далеко. Они будут искать его сначала не в направлении Иолгана, а в других. Поэтому Гордон, уже почти не петляя, мчался прямо в Иолган, рассчитывая настигнуть своих врагов не по дороге, а прямо там.

Восход застал обессиленный отряд в горах, и только там Гордон приказал своим людям остановиться и отдохнуть. Пока они распрягали усталых коней и доставали из сумок запасы еды, он взобрался на самый высокий утес, который только мог найти, и начал внимательно рассматривать в бинокль окрестные скалы и ущелья. Пожевав кусок вяленого мяса, американец закрыл глаза и подремал с четверть часа, а затем вновь приложил бинокль к глазам, выискивая какие-нибудь признаки погони. Так он повторял несколько раз, подобно дикому зверю, чередуя короткий сон и бодрствование.

Он дал своим людям отдохнуть столько, сколько счел нужным, а затем, когда солнце стояло уже высоко, спустился со скалы и разбудил их. Закаленные в скитаниях и походах туркмены мгновенно поднялись, за исключением одного из раненых, который умер во сне. Его тело спрятали в глубокую трещину в скале и, не мешкая, отправились дальше, правда уже более медленно, потому что кони устали куда больше, чем люди.

Весь день они пробирались по диким узким ущельям, окруженным высокими холодными скалами. Туркмены подавленно молчали, напуганные видом этой безмолвной мрачной местности, а также ощущением близости несущейся по их следам орды разъяренных, жаждущих крови киргизов. Они не задавали Гордону ни единого вопроса, покорно следуя за ним. Цепью, один за другим, они взбирались на головокружительные высоты и вновь спускались вниз, в темные бездонные ущелья.

Гордон использовал все свои знания и опыт, всю свою хитрость и интуицию, чтобы уйти от погони и в то же время как можно быстрее добраться до цели. Он не боялся столкнуться в этих диких, почти неприступных горах ни с одним местным племенем, так как знал, что они пасут свои стада на равнинах или на гораздо более низких и пологих горных склонах. Но все же он не так уж хорошо знал эту дорогу, как думали молча следовавшие за ним туркмены.

Гордон скорее инстинктивно чувствовал нужное направление, как человек, привыкший к дикой жизни, но все же несколько раз он бросил взгляд на видневшуюся вдали гору Эрлик-хана, чтобы убедиться, что они едут правильно. По мере продвижения на запад он увидел, что пейзаж начал постепен-

но меняться, и вот уже перед самым закатом перед ним открылся вид на широкие, поросшие соснами склоны, за которыми замаячили стены Иолгана.

Иолган располагался у подножия горы, возвышаясь над равниной, по которой, извиваясь среди зарослей камыша и ивняка, протекал прозрачный ручей. Город был надежно защищен от внешнего мира естественными укрытиями: с юга и запада его окружали высокие, почти отвесные скалы с возвышавшимся над ними пиком горы Эрлик-хана, на севере тянулась длинная горная цепь, а на востоке равнину окаймляли многочисленные неровные и труднодоступные склоны холмов. Сделав несколько поворотов, отряд Гордона вышел к Иолгану с южной стороны.

Эль Борак увел своих людей с более высоких скал, спрятав их в одном из многочисленных ущелий, расположенном на склоне пониже. Теперь они находились не более чем в полутора милях от города. Ущелье заканчивалось тупиком и вполне могло быть ловушкой, но выбора не было — кони уже едва не падали от усталости, а людей мучила жажда. Увидев бьющий из камней источник, Гордон решил остановиться возле него.

Он нашел небольшую расщелину, ответвлявшуюся от ущелья, и разместил часть людей возле нее, а остальных — у входа в ущелье. Усевшись на землю, все принялись торопливо поедать остатки пищи или перевязывать раны. Когда Эль Борак сказал им, что в одиночку отправляется в разведку, туркмены откровенно взглянули на него. Глаза их не выразили ничего, кроме покорности судьбе. Фатализм вообще был свойствен туркменам, как давно заметил Гордон, но сейчас его спутники явно испытывали его в полной мере.

Не то чтобы они не доверяли ему — им уже было все равно, они чувствовали себя почти мертвыми. В своих грязных рваных одеждах, перепачканных запекшейся кровью, с пустыми запавшими глазами они и в самом деле походили на мертвецов. Завернувшись в свои лохмотья, они неподвижно лежали на земле, не произнося ни слова.

Гордон был настроен куда более оптимистично. Даже если киргизы и не прекратили их преследовать, то им потребуется еще немало времени, чтобы напасть на след туркмен. Также Эль Борака не боялся и нападения со стороны жителей Иолгана — он знал, что они редко ходят в горы.

Гордон не ел и не спал столько же, как и его люди, но его закаленный организм был куда более выносливым, чем у них, а его дух — несравненно более сильным и мужественным. Его сознание всегда оставалось ясным, а тело сохраняло способность двигаться даже тогда, когда вокруг никто не мог уже и пальцем пошевелить.

Начинало темнеть, когда Гордон вышел из ущелья; первые звезды неярко засияли у него над головой, как крошечные серебристые льдинки. Прямо через долину он не пошел. Стараясь держаться поближе к горам, он бесшумной тенью заскользил вдоль них, вслушиваясь в малейшие шорохи и вглядываясь в сгуставшуюся тьму. Он не удивился, когда через некоторое время обнаружил пещеру с прятавшимися в ней людьми.

Она была расположена в каменистом выступе, опускавшемся почти до самой долины; вход в нее маскировали густые заросли тамариска, но, несмотря на это, зоркий взгляд Гордона различил еле заметные отблески огня, тускло мерцавшего внутри. Бесшумно прокравшись сквозь заросли, америка-

нец замер и начал вглядываться вперед. Пещера оказалась больше, чем можно было судить по крошечному входу в нее. В дальнем углу горел небольшой очаг, вокруг которого расположились три человека, жевавших пищу и разговаривавших на гортанном пушту. Гордон мгновенно узнал трех слуг англичан, с которыми они начали свое путешествие в эти края. Еще дальше в пещере он увидел лошадей и снаряжение из лагеря. Разговор был приглушенным, и Гордон не мог разобрать ни слова, так же как и определить, где находится четвертый слуга.

Он уже собирался подкрасться еще ближе, как вдруг услышал шаги. Кто-то приближался к пещере, и американец, метнувшись в тень, стал ждать, пока не увидит, как на фоне звездного неба появилась высокая фигура. Это и был тот самый четвертый слуга, несший в руках охапку дров.

Он подошел к естественной изгороди, закрывавшей вход в пещеру, оказавшись так близко от американца, что тот мог коснуться его рукой. Но Гордон не стал протягивать руку — он просто прыгнул на слугу, словно пантера на антилопу.

Дрова полетели на землю, а два человека, сцепившись, покатались вниз по низкому травянистому склону. Но это длилось всего несколько мгновений, и вот наконец железные пальцы Гордона крепко сдавили бычью шею афганца, не давая ему никакой возможности крикнуть, чтобы позвать на помощь. Борьба была короткой и бесшумной, и хотя противник превосходил Гордона ростом и телосложением, это ему не помогло — стальные мускулы и ловкость Эль Борака взяли верх. Навалившись на азиата всем телом, Гордон продолжал душить его и ослабил хватку только тогда, когда тот перестал сопротивляться и затих.

Когда глаза слуги вновь обрели осмысленное выражение, он узнал того, кто на него напал. Решив сначала, что из темноты на него навалился неведомый злой дух, теперь он немного успокоился и начал дышать более ровно.

— Где англичане? — злобещим шепотом спросил Гордон. — Говори, собака, а не то я переломаю тебе шею!

— Они пошли к городу дьяволов, как только стемнело! — со страхом ответил слуга.

— Одни?

— Нет, их сопровождал какой-то бритоголовый. Они взяли с собой оружие.

— Что они здесь делают?

— Клянусь Аллахом, я не знаю!

— Рассказывай все, что знаешь! — потребовал Гордон. — Но только говори тихо. Если твои собаки услышат и выскочат сюда, тебе конец! Начинай с того момента, как я ушел подстрелить дичь. После этого Ормонд убил Ахмеда — это я уже знаю.

— Да, это был именно Ормонд-саиб. И я не мог ничего сделать! Я увидел, как Ахмед крутится возле палатки другого саиба, а потом вдруг оттуда выскочил Ормонд-саиб и потащил его в палатку. Раздался выстрел, и мы подошли посмотреть. Ахмед лежал мертвый на земле. Затем саибы приказали нам сложить палатки и нагрузить поклажу на лошадей. Мы все сделали и ни о чем их не спрашивали. Потом мы спешно поехали в сторону запада и уже ночью наткнулись на лагерь неверных. Я и мои братья очень испугались, но саибы пошли вперед, они ничего не боялись. Язычники направили на нас луки со стрелами, но тогда Ормонд-саиб поднял какую-то эмблему, которая вся так и

засверкала при свете факелов. И тут вдруг язычники соскочили с коней и стали кланяться до земли.

В ту ночь мы остались в их лагере. Потом в темноте кто-то туда ворвался, началась борьба, и один язычник был убит. Ормонд-саиб сказал, что это был туркменский шпион, и, значит, тут будет сражение. Поэтому на рассвете мы уехали из лагеря и быстро помчались на запад. Там мы встретили других неверных, Ормонд-саиб тоже показал им талисман, и они принялись оказывать нам всяческие почести. Затем мы опять быстро помчались, так что чуть не загнали лошадей, и, даже когда наступила ночь, мы не остановились, а Ормонд-саиб был словно безумный, поэтому еще до рассвета мы уже приехали в эту долину, и саибы спрятали нас в эту пещеру.

Здесь мы оставались, пока какой-то неверный не прошел утром мимо пещеры, гоня овец. Тогда Ормонд-саиб позвал его и показал ему талисман, а потом объяснил, что хочет поговорить со жрецом. Тот человек ушел, но потом вернулся вместе со жрецом, который умел говорить по-кашмирски. Он и саибы долго разговаривали, но о чем — я не знаю. А Ормонд-саиб убил того человека, который ходил звать жреца, а потом они со жрецом заваляли его тело камнями. Потом они опять о чем-то говорили, а затем жрец ушел, а саибы просидели в пещере целый день. Но в сумерках за ними пришел другой человек, с бритой головой, закутанный в верблюжью шкуру, и они пошли с ним к городу. Они велели нам поесть, покормить коней и запрячь их, чтобы очень быстро выехать ночью, пока не рассветет. Вот все, что я знаю, и да будет Аллах мне свидетелем.

Гордон молчал, обдумывая услышанное. Он верил, что слуга говорит правду, но его недоумение только возрастало. Пока американец размышлял над этим запутанным клубком событий и невольно разжал хватку, слуга, воспользовавшись моментом, вдруг резко дернулся, сбросив с себя тяжелую руку Гордона и одновременно выхватив из-за пазухи кинжал. С коротким злорадным выдохом он выкинул руку с кинжалом вперед, но Эль Борак молниеносно отклонился, и лезвие лишь слегка задело его. В ярости он вцепился обеими руками в горло азиата, вложив в эту дикую хватку всю свою силу. Шейные позвонки могучего мусульманина хрустнули, как сухая ветка, и в то же мгновение Гордон уже нырнул в густую тень кустарника, услышав шум у входа в пещеру. Человек, появившийся там, тревожным приглушенным голосом что-то спросил, но Гордон не стал дожидаться дальнейшего развития событий и исчез во мраке, словно призрак.

Человек, вышедший из пещеры, повторил свой вопрос, но, не получив ответа, взволнованным голосом позвал своих товарищей. С оружием в руках они начали пробираться сквозь заросли тамариска, пока наконец один из них не наткнулся на тело своего товарища. Они наклонились над ним, испуганно бормоча.

— Точно, это проклятое место, — дрожащим голосом произнес один из них. — Акбара убили злые демоны!

— Нет, — возразил другой. — Его убили люди из этой долины. Может быть, они собираются и всех нас убить, одного за другим. — В испуге он сжал винтовку и попятился. — Они заколдовали сайбов и увели их, чтобы убить!

— Мы будем следующими, — прошептал третий. — Сайбы, должно быть, уже мертвы. Надо быстро уезжать отсюда! Лучше умереть в горах, чем ждать, как овцы, когда нам перережут горло.

Несколько минут спустя они уже мчались на восток, рассеявшись среди ночи, словно зайцы, преследуемые гончими псами.

Об этом Гордон уже не знал. Отбежав от пещеры, он направился не в ущелье, где оставались его люди, а прямо через сосны к огням города Иолгана. Туда вела узкая тропинка, извивавшаяся между деревьями и едва заметная в темноте.

Впереди уже показались массивные городские стены и ворота, стоявшие почему-то открытыми. Гордон увидел часовых, беспечно прогуливавшихся вдоль стен.

В Иолгане не опасались нападения — самые могущественные из мусульманских племен суеверно боялись даже близко подходить к городу поклонников культа дьявола. До слуха Гордона доносились обрывки праздных разговоров и шуточных споров.

Где-то здесь, в Иолгане, — американец был в этом уверен — находились люди, которых он искал. Они собирались вернуться в пещеру, и Гордон мог бы встретить их там. Но у него были свои причины, почему он хотел войти в город, и причины эти не имели ничего общего с местью двум англичанам. Спрятавшись в непроницаемой тени деревьев уже совсем близко от города, он принялся размышлять о том, как действовать дальше, и тут услышал негромкий звук копыт на дорожке позади себя. Он скользнул в глубь зарослей, но затем внезапная мысль остановила его, и он повернул обратно к дороге и стал ждать.

Наконец Гордон увидел вереницу нагруженных тюками мулов и четырех человек, охранявших их с двух сторон. У них не было факелов, они двигались как люди, хорошо знающие дорогу. Зоркие глаза Гордона хорошо различили в неясном свете звезд их очертания! Это были киргизские пастухи. Он бесшумно подкрался еще ближе и отчетливо увидел их круглые шапочки и длинные плащи, а в нос ему ударил свойственный киргизским скотоводам запах.

Когда человек, замыкавший процессию, поравнялся с Гордоном, американец железной рукой схватил его за горло, сдавив так сильно, что пастух не издал даже хрипа, бесчувственно обмякнув в руках Гордона. Остальные уже исчезли из виду, скрывшись за поворотом тропинки, а мерный топот копыт мулов и поскрипывание нагруженной на них поклажи заглушили негромкие звуки короткой борьбы.

Гордон оттащил свою жертву в сторону и быстро раздел ее, сбросив свои ботинки и надев на себя одежду киргиза, надежно закрепив на поясе пистолет и саблю, скрытые длинным плащом. Несколько минут спустя он уже шел позади колонны, опустив голову, как будто устал от дальнего перехода. Гордон знал, что пастух, чьим нарядом он воспользовался, не придет в сознание по крайней мере еще несколько часов.

Американец держался достаточно близко к каравану, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что он свой, но в то же время чуть отставал, плетясь усталым шагом. В его планы не входило, чтобы кто-нибудь заговорил с ним, — тогда Гордона немедленно разоблачили бы. Но остальные пастухи, видимо, тоже на самом деле устали, поэтому процессия двигалась в полном молчании. Когда они проходили

через ворота, их никто не окликнул. Стража не заметила подмены — даже при свете факелов, горевших над огромным арочным входом в город, Гордон выглядел совсем как киргизский пастух, в таком же, как они, длинном плаще и мерлушковой шапке, с такими же, как и у них, заостренными чертами загорелого обветренного лица.

Они двинулись по освещенной факелами улице, шумной от голосов многочисленных прохожих и торговцев, не обращавших на караванщиков никакого внимания. Здесь Гордон и отстал от каравана окончательно, затерявшись среди таких же пастухов в длинных плащах, бродивших по улицам и глазевших на город, казавшийся им непостижимо величественным.

Иолган не был похож на другие города Азии. Много лет назад, говорится в легенде, его построили последователи культа дьявола, изгнанные со своей далекой родины. Они нашли прибежище в этой дикой, не отмеченной ни на каких картах стране, фактическими хозяевами которой были Черные киргизы, являвшиеся наиболее дикой ветвью среди родственных им племен. Население Иолгана было смешанным и состояло из потомков тех самых переселенцев и киргизов.

Гордон увидел бродивших по улицам монахов — правящую касту в Иолгане, — высоких бритоголовых людей с монгольскими чертами лица, чье этническое происхождение ему не было известно. Они не походили на тибетских монахов, и религия их даже отдаленно не напоминала буддизм — это действительно был чистейший культ дьявола. Архитектура их храмов, алтарей и гробниц тоже резко отличалась от любой другой культовой архитектуры, которую когда-либо видел Гордон.

Но он не тратил времени ни на размышления о природе культа дьявола, ни на бесцельное блуждание по городу, а сразу направился к огромному каменному зданию, расположенному почти у той самой горы, у подножия которой и стоял Иолган. Гордона никто не останавливал, никто не пытался заговорить с ним. Беспрепятственно дойдя до здания, он поднялся по ступеням, поражающим своей необыкновенной — не меньше ста футов — шириной, низко опустив голову, чтобы как можно больше походить на утомленного долгим путешествием пилигрима. Большие бронзовые двери храма, никем не охраняемые, были открыты, и Гордон, скинув сандалии, вошел в огромный зал, едва освещенный тусклыми медными лампами, в которых горело растопленное масло.

По залу бесшумно сновали бритоголовые монахи, похожие на темных призраков. Они не обратили на Гордона никакого внимания, приняв его за рядового поклонника культа, пришедшего принести скромные дары к гробнице Эрлик-хана, князя седьмого круга ада.

Часть зала была скрыта от обзора огромным кожаным занавесом, расшитым золотом, который свисал до пола с самого потолка. Перед занавесом, к которому вели шесть ступенек, сидел скрестив ноги и склонив голову неподвижный, как статуя, монах, явно пребывающий в общении с неведомыми духами. Гордон остановился у ступенек, будто для того, чтобы пасть перед ними ниц, а затем, словно его охватил внезапный ужас, попятился, закрыв руками лицо. Монах продолжал сидеть неподвижно, не обратив на мнимого пастуха никакого внимания! Он уже не раз видел таких кочевников, пришедших издалека, чтобы поклониться гробнице

Эрлик-хана, которые испытывали сверхъестественный ужас; приблизившись к занавесу, скрывавшему от их глаз нечто страшное. Робкие киргизы часами бродили по храму, собираясь с духом, прежде чем подойти к занавесу и совершить ритуальное поклонение, поэтому никто из находившихся в храме даже не взглянул в сторону человека в плаще, испуганно отпрянувшего от алтаря.

Убедившись, что никто за ним не наблюдает, Гордон проскользнул в темный дверной проем неподалеку от золоченого занавеса и ощупью двинулся по широкому неосвещенному коридору, пока не наткнулся на ведущую вверх лестницу. Бесшумно и быстро поднявшись по ней, он оказался в длинном коридоре, едва освещенном слабыми мерцающими бликами огня.

Гордон знал, что эти блики отбрасывают тусклые лампы из крошечных келий, расположенных вдоль коридора. В них монахи проводят долгие часы, погружившись в размышления о таинствах своего культа или сосредоточенно изучая черные книги, о существовании которых остальной мир, находящийся за этими стенами, даже не подозревал. В конце коридора виднелась еще одна лестница. К ней и направился Гордон, стараясь, чтобы его не заметили монахи, сидевшие в кельях. Это ему удалось без особого труда, так как блики пламени масляных ламп освещали коридор так скудно, что заметить неясную тень, бесшумно проскользнувшую по коридору, вряд ли кто-нибудь смог.

Поднявшись по ступенькам до поворота, Гордон замер и прислушался. Он знал, что наверху должен быть стражник, но он также знал, что этот стражник может спать. Сделав еще несколько шагов, Гордон действительно увидел сидевшего на полу полу-

голового человека с кривой саблей на коленях, голова которого была низко опущена. Он еле слышно похрапывал, и у Гордона не осталось никаких сомнений, что стражник мирно спит.

Американец осторожно прокрался мимо него и вошел в верхний коридор, тускло освещенный латунными лампами, находившимися на равном расстоянии друг от друга. По обеим сторонам коридора тянулись ряды тяжелых деревянных дверей, обитых бронзой. Гордон направился к одной из них, отличавшейся от других особым орнаментом и лепной аркой. Подойдя к двери, он замер и прислушался, а затем тихонько постучал девять раз, с паузой после каждого трех ударов.

Несколько мгновений царила напряженная тишина, а затем за дверью раздался звук шагов, смягченный толстым ковром. Дверь тихо открылась, и на пороге возникла стройная фигура женщины, удивительно прекрасной и словно бы излучавшей какие-то магнетические волны. Сияние ее глаз было поистине волшебным — оно затмевало блеск драгоценных камней, украшавших ее пояс.

Она сразу узнала Гордона, несмотря на его маскарад, и порывисто бросилась к нему, крепко обняв его своими тонкими, но сильными руками.

— Эль Борак! Я знала, что ты придешь!

Гордон вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Кроме них двоих, там никого не было. Комната была обставлена богатыми шелковыми диванами, резными столиками и шкафчиками и задрапирована роскошными бархатными шторами, что резко контрастировало с остальными помещениями храма — мрачными и полупустыми. Окинув взглядом комнату, Гордон вновь повернулся к женщине, лицо которой выражало неподдельную радость.

— Откуда ты знала, что я приду, Ясмина? — спросил он.

— Ты никогда не бросал друга в беде, — тихо ответила она.

— А кто в беде?

— Я!

— Но ведь ты богиня!

— Я же все объяснила тебе в своем письме! — с некоторым недоумением произнесла она, пристально глядя на Гордона.

Американец так же недоуменно покачал головой:

— Я не получал никакого письма.

— Тогда почему же ты здесь? — воскликнула Ясмина, отступив от Гордона на шаг, словно проверяя, он ли перед ней.

— Это долгая история, — ответил он, еще раз окинув взглядом комнату. — Сначала расскажи мне, почему Ясмина, у ног которой лежал мир и которая от скуки отбросила его, чтобы стать богиней в чужой стране, говорит о себе как о человеке, попавшем в беду.

— Это правда, Эль Борак. — Ясмина нервным движением откинула назад свои темные вьющиеся волосы. Ее глаза чуть затуманились грустью и усталостью, но в них мелькнуло и что-то еще, чего Гордон никогда не видел прежде, — тень страха. — Но сначала поешь с дороги. Вот еда, которая тебе сейчас нужнее, чем мне.

Она села на диван и придвинула к Гордону маленький золотой столик, на котором стояло блюдо с приправленным рисом и жареной бараниной и кувшин с кумысом. Вся посуда была из чистого золота.

Гордон молча сел рядом с ней и с нескрываемым аппетитом принялся за еду. В своем грубом одея-

нии кочевника он выглядел очень странно посреди роскоши и великолепия этой комнаты. Ясмина задумчиво смотрела на него, и в ее взгляде сквозила какая-то таинственность.

— Мир не лежал у моих ног, Эль Борак, — наконец сказала она. — Но у меня было достаточно всего того, чем я пресытилась до отвращения. Знаешь, как будто хорошее вино потеряло свой вкус. Лесть стала казаться мне оскорблением, восхищение мужчин звучало для меня как пустые, заученные и лишённые всякого смысла слова. Я безумно устала от глупых лиц, вечно мельтешивших у меня перед глазами, — от их тупых бараньих взглядов и таких же бараньих мыслей. Я устала от всех, за исключением нескольких человек, таких, как ты, Эль Борак. Вы были волками в овечьей стае. Я могла бы любить тебя, Эль Борак, но в тебе слишком много ярости; твоя душа подобна лезвию, о которое я боюсь пораниться.

Ничего не ответив, Гордон взял золотой кувшин с кумысом и мощными глотками осушил его за один раз, отчего у любого другого человека тотчас помутилось бы в голове. Но Гордон слишком долго жил, как кочевник, и любой самый жгучий кумыс был для него привычен, как вода.

— Итак, я стала принцессой, женой кашмирского принца, — продолжала она. — И тут я узнала глубины человеческого свинства, и это знание досталось мне слишком дорогой ценой. Он был грязной скотиной, и я сбежала от него в Индию, и один англичанин защитил меня, когда головорезы моего мужа собирались отвезти меня обратно к нему. Но этот негодяй все еще предлагает огромные деньги тому, кто доставит меня к нему живой, и тогда он

успокоит свое уязвленное самолюбие, замучив меня до смерти.

— Понятно, — сквозь зубы пробормотал Гордон. — До меня доходили кое-какие слухи об этом.

На его лицо набежала тень, и, хотя он даже не нахмурился, в его глазах появилось что-то зловещее.

— Этот опыт и вызвал у меня окончательное отвращение к жизни, — с горечью сказала Ясмина, — к той жизни, которую я знала. Но я вспомнила, что мой отец был жрецом в Иолгане, он покинул город ради любви к одной чужестранке. Иолган я помнила по рассказам отца, хотя я тогда была совсем маленькой, и во мне зрело огромное желание покинуть мир и прийти сюда, чтобы обрести свою душу. Все боги, которых я знала, доказали мне свою ничтожность. Теперь передо мной зажегся знак Эрлика. — Ясмина слегка раздвинула складки одежды и показала Гордону напоминающий звезду талисман, висевший у нее на груди. — Я пришла в Иолган, как ты уже знаешь, потому что именно ты и привел меня сюда, под видом киргизки с Иссык-Куля. Люди помнили моего отца и, хотя они и считали его предателем, все же приняли меня, главным образом из-за того, что есть одна старая легенда, которая рассказывает о женщине-богине со звездой на груди. Они приняли меня как воплотившуюся в дочь Эрлик-хана богиню. Когда ты ушел обратно, первое время я была всем довольна. Люди поклонялись мне с такой искренностью, которую я никогда не видела в том прежнем мире. Их странные ритуалы были необычными, но завораживающими. Сначала я воспринимала только их внешнюю сторону. Затем я начала проникать все глубже в суть их мистерий...

Ясмина замолчала, и Гордон вновь увидел в ее глазах страх. Он молчал, терпеливо дожидаясь, когда она продолжит свой рассказ. Ясмина взглянула на него и, вздохнув, опустила голову.

— Я мечтала о спокойном уединении, — наконец с трудом произнесла она, не глядя на Гордона. — Я думала, что этот город населяют мистики и философы, но оказалось, что это логово безумцев, отрицающих все, кроме дьявола. Это не мистика, это черный шаманизм, отвратительный и мерзкий, как те тундры, которые породили его. Я увидела то, что привело меня в ужас. Да, я, Ясмина, никогда не ведавшая страха, теперь по-настоящему узнала, что это такое, и научил меня ему Йогок, верховный жрец. Ты знаешь его и, прежде чем покинуть Иолган, предостерегал меня, но тогда я не обратила на твои слова особого внимания. Он ненавидит меня. Он знает, что я не богиня, но боится моей власти над людьми. Он давно убил бы меня, если бы осмелился.

Я страшно измучилась. Эрлик-хан и его дьяволы оказались такой же иллюзией, как и боги Индии или Запада. Я не нашла здесь истинного пути, который искала, и теперь испытываю лишь безумное желание вернуться в тот мир, который покинула. Эль Борак, я хочу вернуться обратно в Дели. По ночам мне грезятся шум и запахи улиц и базаров. Я наполовину индианка, и моя индийская кровь зовет меня. Как же я была глупа! Передо мной была вся жизнь, а я отвергла ее. Неужели я слишком поздно это поняла?

— Совсем не поздно, — спокойно сказал Гордон. — Конечно, надо вернуться. Ты вернешься и все забудешь.

— Нет! — с горечью воскликнула она. — Это невозможно. Боги Иолгана должны оставаться в Иолгане навсегда. Если хоть кто-нибудь исчезнет, люди уверены, что город должен погибнуть. Йогок был бы и рад, чтобы я исчезла, но он боится гнева людей, поэтому ни за что не решится ни убить меня, ни помочь мне убежать. Я знаю только одного человека, который мог бы помочь мне, поэтому я написала тебе письмо, которое отправила с одним таджикским торговцем. Вместе с письмом я отправила и священный талисман — золотую звезду, украшенную драгоценными камнями, — благодаря которой ты должен был беспрепятственно пройти через страну кочевников. Они никогда не причинят вреда человеку, у которого есть эта звезда. Он будет в безопасности — опасность угрожает ему только от жрецов города.

— Я не получил ни письма, ни талисмана, — покачал головой Гордон. — А сюда я попал, преследуя парочку негодяев, которых я вел через страну узбеков и которые по непонятным причинам убили моего слугу Ахмеда и сбежали от меня. Как бы то ни было, но теперь они в Иолгане.

— Белые люди? — изумленно спросила Ясмина. — Это невозможно! Они никогда не смогли бы пройти через земли диких кочевников...

— Есть только один ключ к разгадке этой головоломки, — прервал он ее. — Каким-то образом твое письмо попало к ним в руки, и они использовали твою звезду, чтобы пройти по этим землям. Но они не собираются спасать тебя, потому что как только они пришли в долину, то сразу же вступили в контакт с Йогоком. Тут я могу предположить только одно — они собираются похитить тебя, чтобы продать твоему бывшему мужу.

Ясмина резко выпрямилась, ее руки судорожно вцепились в край дивана, так что костяшки пальцев побелели. В глазах ее вспыхнул огонь ярости, и она чем-то напомнила кобру, готовящуюся к прыжку. Гордону же в это мгновение она показалась особенно прекрасной.

— Опять к этой свинье? Опять к этим грязным псам, увивавшимся вокруг меня? Да стоит мне только сказать хоть слово людям Иолгана, как они разорвут этих негодяев на куски!

— Тогда ты сама себя выдашь, — покачал головой Гордон. — Люди, может быть, и убьют иноземцев, может быть, даже убьют Йогока, но они узнают, что ты пыталась сбежать из Иолгана. Ведь, наверное, и сейчас с тебя не спускают глаз — ты у всех на виду.

— Да, бритоголовые шпионят за мной повсюду, за исключением этого этажа. Отсюда вниз ведет единственная лестница, которая постоянно охраняется. Но здесь я свободна.

— Лестница охраняется стражником, который все время спит, — заметил Гордон. — А ты не думаешь, что когда люди узнают, что ты хотела сбежать из Иолгана, они отнимут у тебя последнюю свободу и запрут тебя в келье до конца твоих дней? Люди ведь очень трепетно относятся к своим божествам.

Ясмина нахмурилась и несколько мгновений молча размышляла, затем взглянула на Гордона.

— И что же тогда делать? — спросила она, и в глазах ее вновь мелькнул страх.

— Не знаю. Пока не знаю, — задумчиво ответил Гордон. — Здесь недалеко в горах у меня спрятана сотня туркменских головорезов, но сейчас от них толку мало. Их слишком мало, чтобы устроить здесь хорошее сражение, и они почти уверены, что их

обнаружат завтра же, если не раньше, поэтому напуганы до полусмерти. Я привел их с собой сюда, и я обязан их вывести отсюда — по крайней мере хоть часть. Сюда я пришел, чтобы убить тех двух англичан, Ормонда и Пемброука, но с этим можно подождать. Сначала надо вывести отсюда тебя, но для этого мне нужно узнать, где сейчас Йогок и англичане. Есть хоть один человек в Иолгане, которому ты можешь доверять?

— Любой человек в Иолгане отдал бы за меня жизнь, но они ни за что не отпустят меня. Нет, я не могу довериться никому из них.

— Ты сказала, что на этот этаж ведет единственная лестница?

— Да. Храм построен у горы, поэтому галереи и коридоры нижних этажей выходят прямо внутрь горы. Но это самый высокий этаж, и он оставлен исключительно для меня. Отсюда нет другого выхода, кроме той лестницы, ведущей прямо в храм, в котором кишмя кишат монахи. У меня тут ночью только одна служанка, но сейчас она спит в комнате неподалеку от этой, как всегда одурманенная гашишем.

— Это уже неплохо! — кивнул Гордон. — Вот что, возьми-ка этот пистолет. Запри дверь после того, как я уйду, и не открывай никому, кроме меня. Ты поймешь, что это я, когда услышишь, как обычно, девять ударов в дверь.

— А куда ты уходишь? — со страхом спросила Ясмина, осторожно беря оружие, которое Гордон протянул ей.

— Я должен произвести небольшую разведку, — ответил он. — Мне надо знать, что сейчас делают Йогок и другие жрецы. Если я попытаюсь вывести тебя сейчас, мы можем угодить прямо к ним в лапы.

Я не могу строить свои планы, пока не узнаю хоть что-то о планах Йогока. Если они собираются выкрасть тебя сегодня ночью — а я думаю, что это именно так, — то может быть, неплохо позволить им это сделать, а затем напасть на них вместе с туркменами и отбить тебя у них, когда они отойдут уже достаточно далеко от города. Но так действовать будем лишь в том случае, если не будет другого выхода. Когда начнется стрельба, в тебя может попасть шальная пуля. В общем, сейчас я уйду — будь начеку!

***

Усердный страж все еще похрапывал, когда Гордон проскользнул мимо него. Оказавшись в нижнем коридоре, он увидел, что теперь ни одна лампа в кельях не горит. Гордон знал, что кельи теперь пусты, а монахи спят в комнатах ниже этажом. На мгновение он остановился в раздумье, как вдруг услышал шарканье сандалий по коридору.

Шагнув в проем ближайшей кельи, Гордон дождался, пока невидимый человек поравнялся с ним, а затем тихо свистнул. Шаги замерли, и Гордон услышал неразборчивое бормотание.

— Это ты, Ятуб? — по-киргизски спросил Гордон. Он знал, что многие из низших монахов были киргизами по происхождению.

— Нет, — прозвучал в темноте ответ. — Я Оджух. А ты кто?

— Неважно, зови меня собакой Йогока, если хочешь. Я тут на страже. Белые люди уже пришли в храм?

— Да. Йогок провел их тайным путем, но люди подозревают, что они здесь. Если ты так близок к Йогоку, скажи мне — что он собирается делать?

— А ты что по этому поводу думаешь? — спросил Гордон.

В ответ прозвучал злобный смех, и Гордон почувствовал, как монах придвинулся к нему ближе.

— Йогок умен и хитер, — сказал монах. — Когда таджик, которого Ясмина попросила доставить ее письмо, показал его Йогоку, наш господин приказал ему сделать все так, как она велела. Когда человек, которого она звала, придет к ней, Йогок собирался убить их обоих, объяснив людям, что это белый человек убил богиню.

— Йогоку нет прощения, — наугад сказал Гордон.

— Скорее можно простить ядовитую змею! — вновь хрипло рассмеялся монах. — Ясмина много раз мешала ему в совершении обрядов, и он не позволит ей уйти с миром.

— Вот, значит, что он затеял! — выдохнул Гордон.

— Ты простой человек, стоишь тут на страже и ничего не знаешь. Письмо предназначалось Эль Бораку. Но таджик оказался слишком жадным и продал его тем двум белым и рассказал им о Йогоке. Они не увезут ее в Индию — они продадут ее кашмирскому принцу, который забьет ее до смерти. Йогок сам проведет их через горы тайной дорогой. Он боится гнева людей, но его ненависть к Ясмине так велика, что он решился на это.

Гордон услышал все то, что хотел узнать, и решил немедленно действовать. Окончательно отбросив мысль о том, чтобы дать Ормонду вывести Ямину из города, он понял, что надо попытаться сейчас же ее спасти. Когда Йогок поведет англичан потайными ходами, их вряд ли можно будет найти.

Монах тем не менее не торопился заканчивать разговор. Он заговорил вновь, и тут Гордон увидел огонь, движущийся во мраке, словно светлячок, затем услышал шлепанье босых ног и чье-то тяжелое дыхание. Американец тотчас нырнул в глубь кельи и затаился.

Это был другой монах, несущий маленькую латунную лампу, освещавшую его широкое толстогубое лицо, похожее на маску монгольского божка. Увидев монаха, стоявшего у входа в келью, он торопливо заговорил:

— Йогок и белые люди пошли к комнате Ясины. Ее служанка, которая шпионит за ней, сказала нам, что белый дьявол Эль Борак сейчас в Иолгане. Он разговаривал с Ясиной меньше чем полчаса назад. Служанка тотчас помчалась к Йогоку, но это было уже после того, как Эль Борак ушел из комнаты Ясины, а до того времени она боялась и шевельнуться. Он где-то здесь, в храме. Я иду собирать людей, чтобы искать его. Пойдем со мной...

Он взмахнул лампой, и ее пламя осветило всю келью вместе с Гордоном, прижавшимся к стене. Пока монах изумленно хлопал глазами, увидев наряд пастуха вместо привычного монашеского одеяния, Гордон молниеносным ударом в челюсть сбил его с ног. Лампа со стуком упала на пол, и американец в полной темноте сцепился с другим монахом. Тот оказался довольно сильным и крепким, но Гордону хватило нескольких мгновений, чтобы стукнуть его головой о пол. Монах затих, и Гордон оттащил его в келью, положив рядом с другим бесчувственным телом.

В следующее мгновение Гордон уже несея вверх по ступеням лестницы, которая находилась всего в нескольких шагах от кельи, в которой он при-

тался, и он точно знал, что за время их разговора с монахом по ней никто не поднимался и не спускался. Но монах с лампой сказал, что Йогок с англичанами уже направились в комнату Ясины, как только вероломная служанка доложила ему об Эль Бораке.

Выхватив саблю, он забежал за поворот, но сидевшая на прежнем месте фигура даже не шелохнулась, чтобы преградить ему путь. Однако мимолетного взгляда Гордону хватило, чтобы заметить, что в позе спящего стражника теперь было что-то неестественное, — голова его запрокинулась назад под каким-то странным углом. Сомнений не было — его убили, одним ударом свернув ему шею.

Недоумевая, почему Йогок убил одного из своих слуг, Гордон, не мешкая, помчался дальше. Дурные предчувствия сжимали его сердце, и, в несколько прыжков оказавшись у нужной двери, он рывком распахнул ее. Комната была пуста. Подушки с дивана в беспорядке валялись по полу. Ясины нигде не было видно.

Словно статуя, Гордон застыл посреди комнаты, сжимая в руке саблю. Обведя комнату взглядом, он вдруг заметил небольшую выпуклость за одной из штор и понял, что там кто-то есть.

Гордон повернулся к двери, будто собирается уйти, а затем внезапно сделал резкий разворот и пролетел через всю комнату, как стрела. Острое лезвие его кривой сабли рассекло тяжелую бархатную штору, и оттуда со стоном вывалился окровавленный человек, который явно даже не успел сообщить, что произошло. Это был бритоголовый монах, который, рухнув на пол, попытался вытащить нож, но Гордон прижал его коленом к полу, и тот разжал пальцы и застонал.

— Где она? — рывкинул американец, вцепившись в горло монаху. — Говори, пес, где она?

Но монах лишь продолжал всхлипывать и стонать, и ни одного слова из него вырвать не удавалось. Бросив его, Гордон побежал вдоль стен, рубя и сдирая с них портьеры. Он знал, что где-то здесь должна быть потайная дверь, но все стены были гладкими, и ему не удалось обнаружить даже малейшей щели. Он яростно колотил по ним, пинал их ногами, но ни одна из стен не поддавалась, несмотря на самые отчаянные попытки пробиться сквозь них. Гордон в бессильной злобе закричал зубами — он понял, что ему не удастся догнать Ясмину, которую похитители увели каким-то потайным ходом. Теперь ему оставалось только вырваться из города и помчаться к пещере, где он обнаружил прятавшихся слуг его врагов и куда англичане, несомненно, должны были вернуться. Ярость настолько переполняла его, что он даже не думал об осторожности.

В бешенстве Гордон сорвал с себя плащ, который теперь показался ему неуклюжим и стесняющим движения. Еще раз в отчаянии окинув взглядом комнату, он посмотрел на корчившегося на полу монаха, и ему в голову пришла новая мысль. Одежда тех монахов, которых он оставил бесчувственными этажом ниже, могла бы послужить ему маскировкой и помочь незаметно выскользнуть из храма, где уже толпы бритоголовых убийц шарят по всем углам, разыскивая белого дьявола Эль Бо-рака.

Гордон выбежал из комнаты и помчался к лестнице. Пробежав мимо мертвого стражника, он спустился на несколько ступенек вниз, а затем резко остановился и осторожно заглянул за поворот лес-

тницы. В нижнем коридоре горело множество ламп, а у самой лестницы стояла толпа монахов с факелами и саблями. В руках у некоторых Гордон увидел даже ружья.

Он инстинктивно сделал шаг назад, но в это мгновение монахи закричали и подняли ружья. Позади них Гордон увидел крадущуюся вдоль стены круглолицую девушку с раскосыми глазами. Она ухватила за веревку, свисавшую со стены, и с силой дернула за нее. В то же мгновение Гордон почувствовал, что лестница как будто вдруг поехала у него под ногами. Несколько ружей выстрелило одновременно, как раз в тот момент, когда он полетел в черную дыру, внезапно разверзшуюся под ним, и пули просвистели уже у него над головой. Последнее, что он услышал, — это яростный победный вопль монахов, но перед глазами у него была теперь только непроницаемая тьма.

***

Когда Гордон ушел, Ясмина закрыла за ним дверь и вновь села на диван. Она принялась с интересом разглядывать огромный пистолет, который он ей оставил, невольно восхищаясь голубоватыми отблесками огня на его полированной стали.

Затем она отложила его в сторону и, закрыв глаза, откинулась на спинку дивана. Ясмина всегда была склонна к философии и мистике, что мешало ей всерьез с доверием относиться к материальному оружию. Будучи натурой утонченной, она не придавала большого значения физическим действиям. При всем ее восхищении Гордоном, он все же был для нее всего лишь дикарем, варваром, прокладывающим себе дорогу мечом и пулей.

Она недооценила роль оружия, которое теперь лежало где-то в стороне, поэтому не смогла даже дотянуться до него, когда внезапный шум отодвигаемой портьеры заставил ее вздрогнуть и открыть глаза. Ясмина повернулась и расширенными от ужаса глазами посмотрела на портьеру, за которой, как она знала — или думала, что знала, — была пустая каменная стена, примыкавшая к горе.

Но теперь портьеру поднимала чья-то желтая, похожая на когтистую лапу, рука, за которой показалось злобное хищное лицо с раскосыми глазами и низким узким лбом. Кривой, с толстыми губами рот плотоядно приоткрылся, обнажив ряд острых, как у змеи, зубов.

Ясмину охватил такой леденящий ужас, что она не могла даже пошевелиться. Не в силах дать никакого разумного объяснения этому явлению, она лишь молча смотрела на хищно оскалившееся лицо, пока страшный незнакомец не вышел целиком из-за портьеры и не сделал ей навстречу несколько шагов, извиваясь, как рептилия. Ясмина вышла из оцепенения и только теперь увидела, что за откинутой портьерой в стене зияет черное отверстие, в котором показались еще два лица — жесткие и неподвижные, словно каменные, лица двух белых людей.

Ясмина вскочила и попыталась было дотянуться до пистолета, но он лежал слишком далеко от нее — на другом конце дивана. Она метнулась туда, но похожий на змею человек с невероятной скоростью подскочил к ней, с силой вцепившись в ее протянутую к пистолету руку. От ужаса она вскрикнула, но он тут же зажал ей рот рукой. Ему не стоило никаких усилий справиться с Ясминой, и,

хотя она отчаянно сопротивлялась, он так крепко сдал ее своими клешнями, что она застонала от боли.

— Скорее! — приказал он резким гортанным голосом. — Вяжите ее!

Двое белых вошли в комнату; один из них держал наготове пистолет. Вслед за ними в комнате появился монах, который тут же связал Ясмину, сунув ей в рот кляп.

— Иди к стражнику, что спит на ступенях лестницы, — приказал человек с раскосыми глазами. — Он не наш, его приставил народ, чтобы охранять ее. Он глухонемой, но даже они способны разговаривать жестами.

Монах низко поклонился и, открыв дверь, вышел из комнаты, сжимая в руке кинжал. У потайного хода Ясмина увидела еще одного монаха.

— Ты не знала о потайном ходе, — усмехнулся человек с раскосыми глазами. — Ты очень глупа! Гора за храмом вся изрезана туннелями, и за тобой постоянно шпионили. Девушка, про которую ты думала, что она спит, обкурившись гашишем, на самом деле сегодня наблюдала за твоей встречей с Эль Бораком. Это нисколько не меняет моих планов, не считая того, что я приказал своим монахам убить Эль Борака. Затем мы покажем народу его тело и скажем, что ты вернулась к своему отцу в седьмой круг ада, потому что появление неверного осквернило Йолган. А между тем эти саибы уже будут на пути в Кашмир и вскоре доставят тебя твоему мужу, моя дорогая богиня! Дочь Эрлик-хана! Ха!

— Мы теряем время, Йогок, — прервал его Ормонд. — Нам надо как можно скорее двигаться!

Жрец кивнул и сделал знак монаху, который шагнул вперед и поднял Ясмину на принесенные им носилки. За другой конец носилок взялся Пемброук. В этот момент в комнату, вытирая кровь с кривого лезвия, проскользнул первый монах. Йогок приказал ему спрятаться за портьерой — Эль Борак может вернуться сюда раньше, чем его найдут.

Затем они двинулись через потайную дверь и оказались в темном туннеле, освещаемом лишь масляной лампой, которую держал Йогок. Жрец тотчас задвинул тяжелую каменную плиту, являвшуюся частью стены, и закрыл ее изнутри на огромный бронзовый засов. При тусклом свете лампы Ясмина увидела, что они находятся в темном коридоре, ведущем вниз до длинной узкой лестницы, вырезанной в камне.

Спустившись по лестнице, они вышли в ровный туннель, по которому двигались довольно долго, пока не уперлись в каменную стену, в центре которой был вбит рычаг. Йогок повернул его, и они вошли в пещеру, в дальней части которой виднелся краешек ночного неба.

Жрец задвинул плиту на место, и Ясмина увидела, что она ничем не отличается от остальной внутренней поверхности пещеры. Йогок задул лампу и, подойдя к наружному входу в пещеру, раздвинул маскировавшие его кусты. Они вышли наружу и оказались на берегу ручья, вдоль которого двинулись дальше, продираясь сквозь густые заросли кустарников. Справа Ясмина увидела светящиеся точки — то были огни города Иолгана, находившегося в полумиле от них. Слева тянулась горная цепь, а прямо темной массой возвышалась сосновая роща. Туда-то они и направились.

Они прошли полмили. Никто не произнес ни слова, но нервозность и напряжение чувствовались в каждом движении идущих. И англичане, и Йогок думали о каре, которой их подвергнет народ Иолгана, если обнаружит, что они похитили его богиню. Йогок боялся, пожалуй, больше всех. За ним стелился кровавый след — сначала это был пастух, который привел его к Ормонду, а затем немой стражник, назначенный народом. Эль Борак тоже, вне всякого сомнения, будет мертв — монахи непременно выполняют приказ, отданный верховным жрецом.

— Быстрее! Быстрее! — подгонял он своих спутников сдавленным от страха голосом, озираясь среди темного леса, окружавшего их со всех сторон. В завывании ночного ветра ему мерещились крики преследователей.

— А вот и пещера, — пробормотал Ормонд. — Она чуть выше на склоне. Опустите носилки, их незачем тащить наверх. Я схожу туда один и приведу слуг и лошадей.

Он сделал несколько шагов вверх по склону и тихо позвал:

— Охай, Акбар!

Ответа не последовало. Подойдя еще ближе, Ормонд увидел, что огонь в пещере не горит, оттуда веяло лишь черным безмолвием.

— Заснули они там, что ли? — в ярости прошипел Ормонд. — Вот сейчас я им покажу! Ждите меня здесь.

Он прошел через густой кустарник и исчез в черном чреве пещеры. Через несколько мгновений до остальных донесся его голос, эхом отозвавшийся в каменных сводах пещеры. В нем звучал неподдельный страх.

***

Провалившись под лестницу, Гордон упал с достаточно большой высоты на холодный каменный пол. Мало кто на его месте остался бы в живых, а уж если бы и выжил, то переломал все кости. Но Эль Борака был гибким и пружинистым, как кошка, и приземлился на все четыре конечности. Тем не менее удар был таким сильным, что на какое-то время он потерял контроль за своим телом и тяжело рухнул на бок.

Некоторое время он лежал неподвижно, приходя в себя от шока, затем с проклятиями приподнялся, проверяя и ощупывая все тело в поисках ран или переломов. К счастью, таковых не оказалось, и тогда Гордон пошарил вокруг и нашел свою саблю, упавшую от него неподалеку. Отверстия, в которое он провалился, больше не было, ловушка над ним захлопнулась. Где он находится, Гордон не знал, но тьма была, как в стигийской пещере. Он не знал также и с какой высоты упал, но догадывался, что она гораздо больше, чем ему кажется. Изучив свою темницу, Гордон понял, что она представляет собой прямоугольную келью не очень большого размера, с одной дверью, крепко запертой снаружи.

Гордон принялся ощупывать дверь, пытаясь определить, можно ли ее открыть, как вдруг услышал какие-то слабые звуки с той стороны. Он отпрянул назад, надеясь, что те, кто сбросил его сюда, вряд ли так быстро придут сюда другим путем. Скорее всего, кто-то услышал шум падения и пришел удостовериться, что в келье лежит бездыханное тело.

Дверь открылась, и Гордона на мгновение ослепил яркий свет, но он, не теряя времени, бросился на неясную фигуру, появившуюся на пороге. Когда зрение вернулось к нему, Гордон увидел лежащего

на полу монаха с типичной бритой головой. В узком, освещенном лампами коридоре не было никого, кроме мертвеца.

Коридор шел наклонно вниз, и Гордон решительно двинулся вперед. Если бы коридор вел наверх, это означало бы, что он неминуемо вернулся бы к своим врагам. Каждую секунду он ожидал услышать их крики у себя за спиной. Но все же надеялся, что они не сомневаются в его гибели и поэтому не будут слишком торопиться убедиться в этом. Очевидно было и то, что монах, которого он убил, специально заранее дежурил здесь, чтобы прикончить Эль Борака, если тот еще подавал бы какие-нибудь признаки жизни.

Коридор резко сворачивал направо, но лампы вдоль стен там уже не горели. Гордон взял одну из ламп из первой части коридора и двинулся направо, почувствовав, что уклон вниз здесь стал намного круче, так что ему даже пришлось держаться рукой за стену. Стены были из цельного камня, и Гордон понял, что он находится в туннеле внутри горы, у которой стоял храм.

Гордон не был уверен, что кто-нибудь из жителей Йолгана, за исключением монахов, знает об этих туннелях. Ясмина, конечно, тоже ничего о них не знала. Мысль о ней заставила Гордона невольно содрогнуться. Одни небеса знают, где она сейчас, и он не сможет ей помочь, пока сам не выберется из этого крысиного подземелья.

Он дошел еще до одного поворота направо, за которым оказался более широкий и ровный туннель. Быстро, но осторожно Гордон направился по нему, держа лампу высоко над головой. Впереди он увидел, что туннель заканчивается грубой каменной стеной, в которой виднелась дверь в виде громоз-

дкой квадратной плиты. Повернув рычаг, торчавший из него, Гордон легко открыл вход в пещеру.

Как Ясмина незадолго до него увидела звездное небо сквозь густой кустарник, закрывавший вход, так и Гордон, остановившись, взглянул на выход из пещеры, над которым слабо мерцали звезды. Он задул лампу, подождал немного, пока глаза привыкнут к темноте, а затем двинулся к выходу наружу.

Но как только он шагнул из пещеры, ему пришлось тотчас отступить назад. Кто-то продирался сквозь кустарники, тяжело дыша, и Гордон, вглядевшись, узнал хищное лицо Йогока. В следующее мгновение он уже прыгнул на жреца, повалив его на землю. Йогок коротко вскрикнул, но Гордон схватил его за горло, сдавив его своими железными пальцами.

— Где Ясмина? — грозно спросил он.

Жрец лишь захрипел в ответ. Тогда Гордон ослабил хватку и повторил вопрос. Йогок явно обезумел от страха, подвергшись ночному нападению, но каким-то образом он догадался — по запаху или отсутствию его, — что он в руках у белого человека.

— Ты Эль Борак? — с трудом выдохнул он.

— А кто же еще? Где Ясмина? — нетерпеливо рявкнул Гордон, снова сжав горло жреца, так что тот конвульсивно дернулся.

— Ее увели англичане! — задышавшись, пробормотал Йогок.

— Где они сейчас?

— Не знаю! Я ничего не знаю! Ой! Пожалуйста, сайб, я все расскажу!

В темноте глаза Йогока блеснули дикой злобой, и он попытался дернуться, но вновь ощутил железную хватку Гордона. Жрец мелко задрожал.

— Мы отвели ее к пещере, где прятались слуги сайбов, но они скрылись, забрав лошадей. Тогда англичане обвинили меня в вероломстве. Они сказали, что я увел их слуг и собирался их убить. Они лгут! Клянусь Эрликом, я ничего не знаю об их проклятых слугах! Англичане напали на меня, но я убежал, пока мой слуга боролся с ними.

Гордон рывком поставил его на ноги, повернул лицом к пещере и связал жрецу руки за спиной его же собственным ремнем.

— Мы идем обратно, — мрачно сказал он. — Попробуй только пискнуть, и я мигом выбью из тебя твою змеиную душу. Веди меня к пещере Ормонда самым коротким путем, который ты только знаешь.

— Не могу, эти псы убьют меня!

— Скорее я убью тебя, если ты не сделаешь то, что я тебе приказываю, — произнес Гордон таким зловещим тоном, что Йогок затрясся от страха.

Поняв, что убежать ему не удастся, жрец покорился судьбе и из двух опасностей решил выбрать наиболее отдаленную. Обреченно кивнув, он двинулся вперед. Они пересекли ручей, а затем повернули направо.

— Теперь я знаю, где я, — сказал Гордон. — А также знаю, где пещера, — она вон в том выступе горы. Если здесь есть дорога через сосны, покажи мне ее.

Йогок с готовностью поспешил в сторону сосновой рощи, ни на миг не забывая о стальной хватке Гордона и о его широкой кривой сабле. Предраассветная тьма уже начала редеть, когда они подошли к пещере, вход в которую смутно проглядывался сквозь густые заросли.

— Они ушли! — Йогок вновь задрожал от страха.

— А я и не ожидал найти их здесь! — пробормотал Гордон. — Сюда я пришел, чтобы напасть на их след. Если они подумали, что ты натравишь на них своих людей, то сейчас уносят ноги как можно дальше отсюда. Меня беспокоит лишь то, что они сделали с Ясминой.

— Послушай! — Йогок конвульсивно вздрогнул, когда низкий глухой вой прорезал воздух.

Гордон швырнул жреца на землю и связал ему вместе руки и ноги.

— Чтоб ни единого звука от тебя не было! — сурово предупредил он и стал осторожно подбираться к пещере с саблей в руке.

У входа Гордон чуть помедлил и прислушался. Через несколько мгновений он вновь услышал этот странный звук, похожий то ли на вой, то ли на стон, и понял, что он не был притворным, — такой звук мог исходить только от человека, находящегося в смертной агонии.

Гордон на ощупь двинулся в темноту и вскоре наткнулся на что-то мягкое, что издало еще один стон. Гордон наклонился и на ощупь определил, что это человек в европейской одежде. Почувствовав, как его руки дотронулись до чего-то теплого и липкого, американец понял, что лежащий человек тяжело ранен. Пошарив у него в карманах, Гордон нашел коробок спичек и чиркнул одной из них.

На него смотрело мертвенно-бледное лицо с остекленевшими глазами.

— Пемброук! — пробормотал Гордон.

Звук его голоса заставил умирающего вздрогнуть. Он с трудом приподнял голову, опираясь на локоть, и от этого усилия кровь хлынула у него изо рта.

— Ормонд! — задыхаясь, произнес он. — Ты вернулся? Будь ты проклят, я...

— Я не Ормонд, — прорычал американец. — Я Гордон. Кажется, кто-то освободил меня от необходимости убить тебя. Где Ясмина?

— Он увел ее, — едва слышно произнес англичанин. — Ормонд, эта грязная свинья! Мы увидели, что пещера пуста, и поняли, что старый шакал Йогок нас предал. Мы набросились на него, но он сумел убежать, а его проклятый монах вонзил в меня нож. Ормонд взял Ясмину и монаха и ушел. Он совершенно обезумел. Он собирается перейти через горы пешком, с девушкой и монахом, которого взял проводником. А меня он оставил тут умирать, свинья, грязная свинья!

Голос Пемброука сорвался до истерического визга, его глаза расширились, дыхание участилось; затем жуткая дрожь пробежала по его телу, и он умер.

Гордон поднялся, чиркнул другой спичкой и обвел взглядом пещеру. Она была абсолютно пуста. Ормонд забрал все, не оставив раненому компаньону даже пистолета. Он отправился через горы с пленной женщиной и монахом, от которого можно ждать чего угодно, пешком и без провизии — действительно, он сошел с ума.

Вернувшись к Йогоку, Гордон развязал ему ноги, в двух словах передав рассказ Пемброука. Глаза жреца алорадно блеснули при свете звезд.

— Прекрасно! Они все сдохнут в горах! Так им и надо!

— Мы пойдем за ними, — сказал Гордон. — Ты знаешь путь, которым монах поведет Ормонда. И ты мне его покажешь.

— Нет! — отчаянно замотал головой Йогок. — Пусть они умрут!

Гордон с проклятием схватил жреца за горло и запрокинул его голову, так что глаза Йогока уставились в звездное небо.

— Будь ты проклят! — сквозь зубы прошипел Гордон, трясая его, как собака трясет крысу. — Если ты сейчас помешаешь мне, я убью тебя самым медленным способом, который я знаю. Ты хочешь, чтобы я притащил тебя обратно в Иолган и рассказал народу, что ты замыслил против дочери Эрлихана? Они убьют меня, но с тебя они заживо сдерут кожу!

Йогок понимал, что американец этого не сделает, не потому, что боится смерти, а потому, что для него сейчас важнее всего найти Ясмину. Но горящие глаза Гордона вселили в душу жреца панический ужас: этим белым человеком движет сейчас такая нечеловеческая ярость, что он смог бы разорвать Йогока на куски голыми руками. Да, в этот момент Гордон был способен на все.

— Стой, саиб! — выдохнул Йогок. — Не убивай меня. Я тебя поведу.

— Но только води меня правильно! — с угрозой в голосе произнес Гордон. — Они ушли меньше чем час назад. Если мы не догоним их на рассвете, я пойму, что ты нарочно завел меня не туда, и тогда я привяжу тебя к скале, чтобы тебя заживо сожрали грифы.

...

В предрассветной мгле Йогок повел Гордона в горы по узкой тропе, которая вилась среди ущелий и утесов. Негаснувшие огни Иолгана остались позади них, становясь все меньше и бледнее.

Они уже отошли на полмили к востоку от того ущелья, где прятались туркмены. Гордон очень хотел вывести оттуда своих людей еще до рассвета, но сейчас он не мог терять на это время. Его глаза были воспалены от недостатка сна, временами голова кружилась так, что он едва удерживался на ногах, но огонь ярости, горевший в нем сильнее, чем когда-либо, не давал ему расслабиться ни на миг. Гордон поминутно подгонял жреца, заставляя его идти все быстрее, хотя тот уже задыхался и, весь в поту, еле волочил ноги.

— Он ведь фактически тащит на себе Ясмину, — вслух размышлял Гордон. — Она наверняка упирается и борется с ним на каждом шагу. Да еще монах, которого ему, должно быть, приходится бить, чтобы заставлять вести их дальше! Судя по всему, мы должны очень скоро догнать их.

Солнце уже взошло, когда они начали подниматься вверх по высокому, почти отвесному выступу скалы. Добравшись до вершины, Гордон огляделся и вдруг услышал звук выстрела, донесшийся откуда-то издалека. Американец укрылся за большим камнем и начал пристально вглядываться в окрестные горы.

Он увидел Иолган, казавшийся издали скоплением игрушечных домиков. Посмотрев налево, он узнал ущелье, в котором укрывались его туркмены, — там мелькали крошечные черные точки, над которыми время от времени поднимались такие же крошечные белые струйки дыма.

Выстрелы звучали все чаще, и, еще до того, как он приложил к глазам бинокль, Гордон уже знал, что киргизы наконец все же выследили туркменов и сейчас между ними завязалась ожесточенная схватка. Через некоторое время из города выехал боль-

шой отряд всадников и помчался по направлению к ущелью — несомненно, киргизы послали своих гонцов в Иолган с известием, что в горах прячутся туркменские убийцы.

Йогок вскрикнул и распластался на земле, спрятавшись за выступом скалы. Гордон почувствовал, что его шапку будто сорвала с головы чья-то невидимая рука. Он пригнул голову, и в это мгновение еще одна пуля просвистела совсем близко от него, едва не задев ухо. Выждав некоторое время, американец осторожно приподнял голову и начал пристально вглядываться в выступ скалы, находившийся в сотне шагов от него. Через несколько мгновений над выступом показалась голова и часть плеча, а затем вновь раздался ружейный выстрел, и пуля отколола кусок камня, за которым прятался Гордон.

Ормонд, оказывается, был совсем рядом. Гордон думал, что его враг ушел значительно дальше. Увидев, что его настигает преследователь, англичанин остановился и, спрятавшись за выступом, открыл по Гордону огонь. Не услышав ответных выстрелов, Ормонд алорадно захохотал, и в его смехе явно чувствовались все признаки безумия.

Йогок дрожал от ужаса и все сильнее вжимался в землю, а Гордон между тем начал потихоньку подбираться к англичанину. Ормонд не знал наверняка, есть ли у его врага огнестрельное оружие или нет, и продолжал время от времени стрелять наугад, делая паузы между выстрелами и прислушиваясь.

Гордон пробирался между камнями и выступами, стараясь держаться так, чтобы еще низкое, но уже слепящее солнце было у него за спиной. Ормонд видел его, но солнце мешало ему прицелиться.

ся, и он начал в истерике палить куда попало, испытывая смертельный ужас при виде неумолимо надвигающейся на него черной на фоне яркого солнца фигуры. Такой ужас испытывает человек при виде подбирающегося к нему леопарда.

Гордон не видел Ясмину, но наконец он заметил монаха, который, воспользовавшись моментом, когда Ормонд в очередной раз перезаряжал ружье, стремительно бросился прочь, петляя со связанными за спиной руками между камнями, как кролик. Заметив это, Ормонд в бешенстве вскинул пистолет и всадил монаху пулю между лопатками; тот зашатался и с пронзительным криком полетел с огромной скалы в пропасть.

Гордон тем временем вскочил и одним прыжком преодолел значительное расстояние, оказавшись уже совсем близко от Ормонда. Шурясь от солнца, бившего ему прямо в глаза, англичанин в панике начал отступать, продолжая беспорядочную стрельбу. Наконец в его пистолете кончились патроны, и, отшвырнув его в сторону, он остановился и стал ждать Гордона, от которого его отделяло теперь всего лишь несколько шагов. Взглянув на сверкавшую на солнце саблю американца, Ормонд дико расхохотался.

— Проклятый оборотень, ты думаешь, что убьешь меня? Нет же, я все равно тебя перехитрю!

С этими словами англичанин шагнул к краю пропасти и, раскинув руки, полетел вниз, продолжая дико хохотать. Гордон подошел к краю и взглянул вниз, в наполненную жутким эхом темную бездну. Там ничего не было видно, и американец, с досадой выругавшись, разочарованно отвернулся.

Ясмину Гордон нашел за выступом скалы, лежавшую на земле со связанными за спиной руками.

Ее мягкие туфли были изодраны в клочья, а многочисленные ссадины и кровоподтеки на ее нежной коже красноречиво говорили о том, какими жестокими мерами Ормонд заставлял ее на пределе сил подниматься все выше в горы. Гордон перерезал веревки, и она тотчас горячо обняла его.

— Они сказали, что ты мертв! — воскликнула Ясмина. — Но я знала, что они лгут! Они не могут убить тебя, так же как не могут убить горы или ветер. Я видела, с тобой пришел Йогок. Он знает потайные тропы лучше, чем тот монах, которого убил Ормонд. Пойдем отсюда скорее, пока киргизы убивают туркмен! Неважно, что у нас нет никаких припасов и снаряжения. Сейчас лето, и мы, по крайней мере, не замерзнем. А если придется какое-то время поголодать, то мы это выдержим. Идем!

— Я привел туркмен с собой в Иолган ради своих собственных целей, Ясмина, — ответил Гордон. — Даже ради тебя я не могу бросить их.

Она взглянула ему в глаза и кивнула:

— Я так и думала, Эль Борак.

Ружье Ормонда валялось неподалеку, но теперь в нем не было патронов. Гордон ногой отшвырнул его прочь и, взяв Ясмину за руку, повел ее к тому месту, где скуля и дрожа, прятался Йогок. Рывком поставив жреца на ноги, американец указал ему на ущелье, откуда раздавались выстрелы и поднимались белые струйки дыма.

— Можно ли добраться до того ущелья, не возвращаясь обратно в долину? — спросил он. — Говори, от этого зависит твоя жизнь.

— Во многих ущельях здесь есть потайные выходы, — дрожа, ответил Йогок. — В том он тоже есть. Но я не могу вести тебя по этой дороге со связанными руками.

Гордон развязал ему руки, но обмотал веревку вокруг пояса жреца, один конец которой взял в руки.

— Веди! — кратко приказал он.

Йогок повел их обратно по тропе, затем свернул и начал карабкаться по огромному выступу. Взобравшись на головокружительную высоту вслед за ним, Гордон и Ясмина оказались на широком горном хребте, окаймлявшем каньон. Какое-то время они шли вдоль него, затем Йогок нырнул в узкое отверстие пещеры, находившейся под тропой. В пещере был полумрак, и лишь скудные лучи света пробивались сюда сквозь трещины в камнях. Пол пещеры был ступенчатым, опускавшимся вниз, и, пройдя ее насквозь и выйдя наружу, они оказались в треугольной расщелине, окруженной отвесными скалами. Узкая щель, которая служила входом в пещеру, была видна только отсюда, и больше ни с какой другой точки увидеть ее было невозможно. Днем раньше Гордон видел эту расщелину в бинокль, но вход в пещеру ему обнаружить не удалось.

Как только они вышли из пещеры, звуки выстрелов стали намного громче, и эхо многократно усиливало их. Они прошли несколько шагов и повернули направо, увидев впереди себя такой же узкий просвет, в котором виднелось ущелье, где Гордон оставил своих туркмен. Он увидел их, прятавшихся за выступами и валунами и стрелявших в надвигавшихся на них с внешней стороны ущелья кочевников в меховых шапках.

Протиснувшись через этот узкий просвет, Гордон громко крикнул, и туркмены едва не застрелили его, прежде чем узнали своего вожака. Он шел им навстречу, таща за собой упиравшегося

Йогока, и туркмены в немом изумлении усталились на дрожащего жреца и девушку в изодранном платье. Ясмина лишь мельком взглянула на них — они были волками, чьих клыков она не боялась, и все ее внимание целиком было сосредоточено на Гордоне.

Продолжая отстреливаться, туркмены начали все ближе подтягиваться к потайному выходу из ущелья.

— Они подкрались к нам в темноте, — хмуро сказал Орхан-шах, пытаясь перевязать кровоточащую рану на руке. — Они окружили ущелье, прежде чем наши часовые их заметили. Они перерезали горло часовым, которых мы поставили у самого входа в ущелье, и вошли в него. Они могли бы всем нам перерезать горло, пока мы спали, ведь мы не видели их, а они видят в темноте, как кошки! Но все же кто-то из наших заметил их и открыл огонь, но все равно они нас уничтожат. Что нам делать, Эль Борак? Мы в ловушке! Мы заперты со всех сторон! На скалы нам не подняться, а выход из ущелья закрыт. Мы могли бы здесь продержаться еще какое-то время — для коней тут есть и вода, и трава, но у нас уже почти кончились запасы еды, да и патронов осталось совсем немного.

Гордон взял ятаган из рук одного из туркмен и протянул его Ясмине.

— Следи за Йогоком, — сказал он ей. — И заруби его, если он попытается убежать.

По тому, как сверкнули ее глаза, Гордон догадался, что утонченная девушка поняла наконец значение и ценность реального действия. Йогок злобно взглянул на нее, но тут же опустил глаза — теперь он боялся Ясмину не меньше, чем Гордона.

Взяв ружье и горсть патронов, Эль Борак подобрался к огромному валуну недалеко от входа в ущелье. Он увидел там лежавших среди камней троих мертвых туркмен, неподалеку стонало еще несколько раненых. Киргизы, перескакивая от камня к камню, подбирались все ближе, но соблюдали осторожность, не желая напрасно рисковать жизнью. А со стороны города тем временем к ущелью подтягивался отряд всадников, скачущих во весь опор среди сосен.

— Надо выскочить из этой ловушки прежде, чем монахи соединятся с киргизами! — крикнул Гордон. — Кочевники плохо знают эти горы. И нельзя допустить, чтобы монахи показали им тайные ходы.

Он увидел, как монахи уже начали карабкаться по скалам, крича что-то киргизам. Гордон позвал своих людей, и, быстро отобрав лучших коней, он приказал отвезти Ясмину и жреца в пещеру. Орхану он велел лично сопровождать Ясмину, и туркмен, уже всецело доверявший своему вожаку, молча повиновался, поступив целиком в распоряжение женщины.

С ними отправились трое, и еще трое остались с Гордоном у входа в ущелье. Его присутствие вселило дух в отчаявшихся туркмен, которые с новой силой начали стрелять по подбиравшимся со всех сторон врагам.

Когда последний из сопровождавших Ясмину людей скрылся в пещере, Гордон знаком приказал остальным подтягиваться туда же. Продолжая стрелять, американец проследил за последним скрывшимся в пещере туркменом и кивнул тем троим, что были рядом с ним. Они поняли его без слов и молча, один за другим, исчезли в узком тоннеле. Гордон остался один.

Перескакивая от камня к камню и отстреливаясь, он добрался до потайного выхода. Оглянувшись в последний раз, он нырнул в полутемное чрево пещеры и через несколько мгновений оказался в треугольной расщелине, затем в пещере и, наконец, на краю огромного каньона, где его ждали остальные. Чертыхаясь про себя оттого, что не может быть в двух местах одновременно — в начале колонны, где были Ясмина и жрец, и в хвосте, где надо было поминутно оглядываться, ожидая преследования, — Гордон стал напряженно вглядываться вперед. К своему облегчению, он увидел, что Ясмина спокойно едет рядом с Йогоком, приставив нож к его горлу.

Видимо, она поклялась жрецу, что немедленно убьет его, как только киргизы высунутся из пещеры, и Йогок, вне себя от страха, визгливым голосом подгонял туркмен двигаться как можно быстрее. Гордон усмехнулся и тоже прикрикнул на плетущихся в хвосте туркмен.

Они уже прошли почти с полмили, и, когда свернули с хребта, Гордон задержался, оставшись один. Он увидел, как на пространство каньона из пещеры выскочили киргизы, и, вскинув ружье, дал по ним первый залп. Расстояние было слишком большим, и он промахнулся, что бывало с ним крайне редко: попал в лошадь вместо седока. Бедное животное взвилось на дыбы, огласив горы диким ржанием; еще несколько коней киргизов тоже вздыбились и в панике начали теснить друг друга.

Горный краж был слишком узким, и кони вместе с всадниками один за другим начали падать в пропасть. Остальные киргизы тут же поспешили укрыться обратно в пещеру, выжидая более подходящий момент. Через некоторое время один из них

осмелился выглянуть наружу, но выстрел из ружья Гордона сразу же пресек эту попытку.

Оглянувшись, Гордон увидел, что его люди уже преодолели узкий хребет вдоль каньона и поднялись по тропе на выступ. Он прищипорил коня и помчался вслед за ними. Это было очень рискованно, но у Гордона не было выбора — если бы он ехал медленнее, у киргизов было бы время высунуться из укрытия и обнаружить, что никто им больше не препятствует. Получить пулю в спину американец не хотел и гнал своего коня во весь опор, рискуя каждый миг свалиться в пропасть. Но конь его не подвел — он чувствовал себя в горах не хуже горных овец, безо всякого страха уверенно преодолеваяших самые головокружительные переходы.

Большинство туркмен шли пешком, ведя коней под уздцы. Они то и дело оглядывались на Гордона, стремительно приближавшегося к ним, со страхом ожидая, что он вот-вот свалится с обрыва в бездну. Но Эль Борак, несмотря на то, что глаза его закрывались от смертельной усталости и недостатка сна, быстро преодолев опасную тропу, подъехал к ним живой и невредимый, а киргизы за это время так и не успели еще выглянуть из пещеры.

Ясмина стояла неподвижно, не отрывая глаз от Гордона и судорожно сжимая кулаки. Он улыбнулся ей, и она ответила ему слабой улыбкой. Гордон окинул взглядом своих туркмен и увидел, что многие из них едва держатся на ногах от голода и усталости. Он и сам устал не меньше их, но усилием воли заставлял себя двигаться дальше, не давая ни себе, ни другим ни малейшей передышки.

Они продвигались все дальше и дальше, слыша позади себя приглушенные расстоянием крики, — киргизы наконец осмелились выйти из укрытия и

пустить в погоню за своими врагами. Но они не были столь безрассудны и отчаянны, как Гордон и его люди, и рисковать жизнью понапрасну не хотели, поэтому двигались черепашным шагом, стараясь все же не упустить врага из виду.

Заснеженная вершина горы Эрлик-хана становилась все ближе, величественно возвышаясь над остальными горами, и Йогок, когда Гордон спросил его о дальнейшем направлении, ответил, что путь к спасению лежит именно через эту гору. Больше он из себя выдавить не мог — серый от страха, он думал лишь о том, как спасти свою жизнь. Он в равной степени боялся и Гордона с его свирепыми туркменами, и монахов с киргизами, которые если догонят их, то узнают, что жрец предал богиню.

Люди и кони едва брели, шатаясь от изнеможения и стараясь удержаться на ногах под сильными порывами ветра, едва не сносившего их в пропасть. Теперь они уже спускались вниз по извилистой тропе, прямо к подножию горы Эрлик-хана. Надвигалась вечерняя мгла, и ехать становилось все труднее, но цель уже была близка.

Гора казалась невероятно огромной, и остальные горы в сравнении с ней выглядели просто карликовыми. Преодолев последний отрезок пути, отряд Гордона остановился у массивной бронзовой двери, которую украшали вырезанные на ней непонятные надписи. Дверь была столь мощная, что спокойно могла выдержать даже натиск тяжелой артиллерии.

— Это святилище Эрлик-хана, — сказал Йогок и принялся кланяться, как мусульманин. — Толкните дверь. Не бойтесь. Клянусь жизнью, здесь нет никакой ловушки.

— Посмотрим, насколько ты ценишь свою жизнь, — мрачно отозвался Гордон и, подхвачив вилочную к двери, навалился на нее плечом, едва не вывалившись из седла.

***

Огромная дверь открылась внутрь так легко, что стало ясно: древние петли недавно смазывали. Горевший у входа факел освещал длинный туннель, вырубленный в камне.

— Этот туннель ведет прямо через гору, — пояснил Йогок. — К рассвету мы уже далеко оторвемся от преследователей, и если даже они найдут через гору самую короткую дорогу, то им придется идти пешком, и на это у них уйдет вся ночь и весь следующий день. Если же они решат обогнуть гору и поедут по окружающим склонам и горным тропам, то затратят еще больше времени; а ведь их кони уже устали, да и они сами тоже. Я собирался вести Ормонда тоже кружным путем, путь через гору я не хотел ему показывать. Но сейчас это единственный путь к спасению. Здесь есть еда, так что вы сможете подкрепиться. Здесь периодически работают монахи, поэтому вы сможете найти все необходимое. Вон в той келье есть лампы, чтобы освещать дорогу.

Йогок указал на маленькую комнату неподалеку от входа. Взяв несколько масляных ламп, Гордон зажег их и отдал туркменам. Он не хотел вести своих людей наугад в незнакомое место и уже собирался было произвести разведку в одиночку, чтобы изучить обстановку. Но преследователи нагоняли их, поэтому медлить было нельзя, и, взглянув на Йогока, все еще дрожавшего от страха, Гордон решил, что жрец не предполагал тако-

го развития событий и вряд ли приготовил здесь ловушку.

Йогок объяснил, как запереть дверь изнутри, указав на огромные замки — каждый величиной с человеческую ногу. Чтобы поднять хоть один из них; потребовались усилия шестерых человек, но, зато когда замки оказались на месте, Гордон убедился, что дверь заперта надежно и сможет выдержать любую осаду.

Велев Йогоку ехать между ним и Орханом, Гордон двинулся вперед. Он все еще не доверял жрецу, несмотря на его клятвы. Слишком хорошо было известно коварство Йогока, ненависть которого к Ясмине не только не остыла, но и еще усилилась. Гордон несколько раз замечал его полные ядовитой злобы взгляды, брошенные на богиню.

Они молча двигались по огромному туннелю, и американец, при всей своей усталости, все же находил силы изумляться тому, что видел вокруг. Он никогда даже и не подозревал о существовании подобного места. Туннель был настолько широким, что по нему могли проехать в ряд не менее тридцати всадников, а потолок поднимался так высоко, что иногда его просто не было видно. Во многих местах с потолка свисали сталактиты, и свет от лампы, которую держал в руках Орхан, отражался в них тысячами переливающихся сверкающих искр.

Стены были отполированы до зеркального блеска, и Гордон поражался, сколько веков потребовалось, чтобы проделать всю эту работу. По обе стороны туннеля располагались монашеские кельи, но все они были пусты. И тут наконец американец увидел сначала следы кирки на стенах, а затем и тусклые желтые отблески.

Легенда о горе Эрлик-хана оказалась правдой. То тут, то там вдоль стен тянулись золотые прожилки, и достаточно было поковырять ножом стену, чтобы достать золота, сколько угодно.

Туркмены, чужавшие добычу, как грифы падаль, внезапно встрепенулись, и от их усталого вида не осталось и следа. Раздувая ноздри и цокая языком, они пожирали глазами стены, готовые вгрызться в них зубами.

— Так вот где монахи берут золото! — не в силах сдерживаться, воскликнул Орхан. — Эль Борак, позволь мне потрясти старикашку за ноги, чтобы он показал мне, где они прячут то, что выудили из стен!

Но «старикашку» трясти не потребовалось. Он указал на довольно большую прямоугольную комнату, где лежали груды необычной формы предметов, оказавшихся слитками чистого золота. В других, еще больших по размеру комнатах стояли приспособления и печи, в которых золото плавили и отливали в различные изделия.

— Берите все, что хотите, — с видом полного безразличия сказал Йогок. — Даже тысяча лошадей не сможет вывезти золото, которое мы добыли, а ведь мы еще совсем неглубоко вскрыли эти залежи.

Туркмены, столпившись вокруг Гордона, вопросительно поглядывали на него, алчно облизываясь и сверкая глазами.

— Только пожалейте коней, — усмехнулся Гордон. Эти слова своего предводителя они поняли как разрешение.

Теперь туркмен уже никто не смог бы убедить в том, что все здесь случившееся было для Гордона такой же неожиданностью, как и для них. Они полагали, что Эль Борак просто-напросто выпол-

нил свое обещание и в Иолган их привел исключительно ради золота. Они начали нагружать слитки на лошадей, пока у тех не стали от тяжести подгибаться ноги, и тогда Гордону пришлось вмешаться, чтобы спасти животных. Они набивали золотом сумки, пояса и карманы, но груды слитков даже как будто не уменьшались. Им некуда уже было складывать добычу, и они начали выть от отчаяния, увидев, сколько богатства придется здесь оставить.

— Мы сюда вернемся, — лихорадочно бормотали туркмены. — Мы вернемся с повозками и тысячами лошадей, чтобы вымести отсюда все до последней крошки, видит Аллах!

— Собаки! — разъярился наконец Гордон. — Вы уже и так отхватили себе золота столько, сколько вам и не снилось! Вы что, собираетесь теперь его глотать, пока не лопнете? Да вы просто шакалы, обезумевшие от вида падали! Вы собираетесь тут копать, пока киргизы не обогнут гору и не пережгут нас всех! Зачем вам тогда понадобится ваше золото?

У самого Гордона гораздо больший интерес вызвала комната, где в кожаных мешках хранилось зерно, и он заставил туркмен разгрузить от золота несколько лошадей и навьючить на них мешки с провиантом. Они недовольно заворчали, но все же повиновались своему вожаку. Они беспрекословно подчинились бы ему теперь, даже если бы он приказал им ехать с ним прямо в ад.

Его тело ныло от усталости, голова кружилась от голода, но он сжевал горсть сырого зерна, подкрепив тем самым свои утасаживающие силы. Ясмина прямо и неподвижно сидела в седле, глаза ее не были затуманены усталостью и изнеможением. Они

ярко сияли в свете ламп, и у Гордона к чувству восхищения ею прибавилось глубокое уважение.

Они вновь двинулись вперед по этому сказочно-му, сверкающему золотыми бликами подземному дворцу; туркмены жевали ячмень и возбужденно обсуждали, какие радости жизни они смогут купить теперь за свое золото. Наконец они подъехали к бронзовой двери, являвшейся точной копией той, что была позади них, на другом конце туннеля. Она была не заперта — Йогок был уверен, что никто, кроме монахов, не подойдет даже близко к горе Эрлик-хана. Дверь мягко открылась, и они выехали наружу, навстречу бледному тревожному рассвету.

Они вышли из пещеры в небольшое ущелье, окруженное со всех сторон отвесными скалами. Впереди они увидели чистый ключ, бивший из расщелины в камне.

— Тебе дарована жизнь, Эль Борак, — внезапно сказал Йогок. Он перестал дрожать от страха и посмотрел на Гордона впервые за это время открытым взглядом. — В трех милях отсюда есть тропа, которая приведет тебя прямо к сочным пастбищам для коней, к чистой воде для них, — тебе сейчас надо свернуть к югу, и через три дня ты приедешь в страну, которую хорошо знаешь. Она населена дикими племенами, но они никогда не осмелятся напасть на тебя. Ты можешь проехать через эту страну прежде, чем киргизы обогнут гору, а дальше они ни за что не осмелятся последовать за тобой. Их страна не отмечена на карте, но у нее все-таки есть свои границы. Теперь все зависит от вас, но мне уже можно уйти. Эль Борак, позволь мне уйти!

— С радостью, но не сейчас, — ответил Гордон, подозрительно глядя на Йогока. — Ведь на обратном пути ты неминуемо столкнешься с киргизами, кото-

рые спросят тебя, что случилось с богиней. Интересно, что ты им скажешь?

Йогок не ответил; бросив быстрый взгляд на Гордона, он опустил голову и засопел.

Американец был вне себя от ярости. С презрением взглянув на Йогока, он обвел взглядом своих туркмен. Они шатались от усталости, но смотрели на Эль Борака преданными глазами. Все они были простыми грубыми людьми, и Гордон знал, что они не всадят ему нож в спину из-за угла, но жрец, который вел их этими тайными тропами, по-прежнему не вызывал у него доверия. Он может ударить ножом из-за угла.

Кивнув Орхану, Гордон выехал на тропу и посмотрел в ту сторону, откуда должны были появиться преследователи.

Американец велел Орхану ехать вперед, а сам остановился в тени выступа и стал внимательно наблюдать за дорогой. Внезапно сверху на дорогу свалился камень, затем еще один, и конь Гордона, вскинувшись на дыбы, попятился, едва не угодив в пропасть. Гордон спрыгнул с коня и, укрывшись за большим валуном, смотрел, как сверху падают камни. Он понимал, что это не случайный камнепад, но чувствовал себя беспомощным. Его одолевали мучительные мысли о Ясмине; он слышал ее слабые крики и вопли туркмен, вступивших в схватку с киргизами. Он ничего не видел, и лишь звуки выстрелов говорили ему о том, что в нижнем ущелье завязалась борьба не на жизнь, а на смерть.

Гордон прищипорил коня и помчался в самое пекло. Его туркмены были подобны волкам, попавшим в капкан. Они выли от ярости и рубили своими кривыми саблями всех, кто встречался им на пути.

— Жреца надо убить! Убейте его! Он заманил нас в ловушку!

Лицо Йогока было серым; он уже не мог владеть собой и трясся от страха, но, услышав эти слова, он вытянул руки вперед, словно защищаясь.

— Нет! Все это время я вел вас быстро и самой прямой дорогой! Киргизы не могли бы за это время обогнуть гору.

— А монахи прятались в этих горах? — спросил Гордон. — Увидев нас, они могли выскочить и убивать; не глядя, кто идет. Говори, есть там монахи или нет!

— Нет! Клянусь Эрлик-ханом, три месяца в году мы добываем золото в этой горе, а все остальное время мы даже близко к ней не подходим. Я не знаю, кто это может быть!

Гордон оглянулся на тропу и в этот миг услышал голос, заставивший его невольно поежиться.

— Ты, американская собака! Сейчас посмотрим, как ты у меня попляшешь! Ты думал, что я улетел в пропасть? Я не такой дурак и нашел место, где смог вовремя приземлиться. Я видел, как ты плюнул и пошел прочь, и я смеялся над тобой. Я не хотел умирать хотя бы по той причине, что сначала должен убить тебя.

— Ормонд! — воскликнул Гордон.

— Ты думал, что я поступил опрометчиво, убив того монаха? — усмехнулся англичанин. — Нет, он рассказал мне все о тропах вокруг горы Эрлик-хана. Я давно уже брожу здесь и наконец увидел тебя и Йогока, когда вы выходили из горы. Когда я понял ваши планы, я запер на замок дверь с той стороны. Я видел, как Йогок повел вас к горе Эрлик-хана, и я постарался вас опередить. Теперь вы в ловушке. У вас один выход — уйти обратно в

пещеру, но дверь заперта, и вы будете метаться там, как насекомые, которых я передавлю пальцами. Я в гораздо более выигрышном положении, чем ты, Гордон. Ты даже не видишь меня, а я тебя прекрасно вижу. И я собираюсь держать тебя здесь, пока не появятся киргизы и не раздавят вас.

— Почему ты так надеешься на киргизов? Ведь я скажу им, что ты пытался похитить богиню, и они убьют тебя. Они увезут ее обратно, так что тебе не на что надеяться.

Гордон подался назад к дверям пещеры и крикнул своим людям то, что сказал англичанин. Йогок, бледный от страха, молча смотрел на Эль Борака. Гордон взглянул на него, и жрец затрясся всем телом.

— Отсюда есть другой выход? — свистящим шепотом спросил Гордон.

Не в силах вымолвить ни слова, Йогок лишь отчаянно замотал головой.

— Нет никакого пути, по которому могли бы пройти люди или кони.

— Что ты имеешь в виду?

Вместо ответа жрец нырнул в темноту и взял лампу, осветив ею выход из туннеля.

— Здесь была лестница, — сказал он. — Она вела к выступу в скале, на котором когда-то был устроен сторожевой пост для защиты от вторжения. Но никто никогда даже близко не подходил к Иолтану, и мы сняли сторожевые посты, не думая ни о какой опасности. Путь есть, но вряд ли он тебе поможет — с той стороны тебя ждут отвесные скалы.

— Это не твоя забота, — пробормотал Гордон, напряженно вглядываясь в ту сторону, откуда раздавался голос Ормонда.

Прошептав Орхану команду, он чуть отступил и бросил последний взгляд на Ясмину. Туркмены начали медленно отступать, и Гордон, убедившись, что последний человек скрылся в пещере, задержался у входа, глядя на приближавшихся врагов.

Они дико вопили; стрелять в них было бесполезно: патронов все равно не хватило бы. Гордон отступил в глубь пещеры, не спуская взгляда с ущелья. Его глаза еще не успели привыкнуть к темноте, но он уже знал, что его люди с ружьями наготове уходят в глубину пещеры. Он хотел последовать за ними, как вдруг увидел человека, выбежавшего из-за гребня горы и спрятавшегося за выступ скалы. Гордон вскинул ружье и стал ждать.

Пот заливал его глаза; усталость и недостаток сна валили его с ног, но Гордон знал, что он должен уничтожить врага. Тень между камнями еще раз метнулась, спрятавшись за огромным валуном, но Гордон не нажал на курок, выжидая более подходящего момента.

Над скалами царил тишина, и Гордон, не выдержав, выстрелил, целясь в камень, за которым прятался его враг. Пуля отколола кусок скалы, и в то же мгновение за камнем показалась ухмыляющаяся физиономия Ормонда. Он злобно расхохотался, но не выстрелил в ответ, и Гордон понял, что у него нет огнестрельного оружия.

Американец слышал вопли своих туркмен, но сейчас его главной задачей было вскарабкаться на уступ, чтобы занять более выгодную позицию, откуда он мог бы взять на мушку Ормонда.

Перед его глазами плыл красный туман, но все же он увидел, как Ормонд вновь высунулся из своего укрытия, держа в руках кривую саблю, которую он, должно быть, нашел в пещере. Увидев Гор-

дона с ружьем в руках, англичанин замер и попятился, но тут внезапно нога Гордона соскользнула с крошечного выступа, и он неминуемо полетел бы в пропасть, если бы в последний момент не успел ухватиться руками за камень. Для этого ему пришлось пожертвовать ружьем, которое улетело в пропасть. Это внезапное потрясение вновь вернуло ясность его сознанию и силу его мышцам. Сделав последнее усилие, Гордон взобрался наверх выступа и увидел англичанина с занесенной над головой саблей всего в нескольких шагах от себя. Последним рывком Гордон вскочил на ноги, приготовившись к схватке.

— Значит, теперь мы поговорим на языке стали, Эль Борак! — злобно ухмыльнулся Ормонд. — Посмотрим, так ли ты умело владеешь саблей, как о тебе говорят.

Они сражались на узкой горной тропе, опасно балансируя над пропастью; несколько раз то один, то другой замирал на ее краю, едва удерживая равновесие.

Ормонд совершенно обезумел. В его глазах горела ярость дикаря, хотя умение владеть оружием он явно получил от лучших учителей своей родной Англии. У Гордона не было учителей фехтования, сражаться на саблях он научился в диких степях и горах, в пустынях. Его научила сражаться сама жизнь, и в этом он был подобен диким кочевникам.

Вложив всю свою мощь и ненависть в удары сабли, Гордон не давал англичанину ни на дюйм продвинуться вперед, заставляя его понемногу отступать. Удары его сабли стали подобны ударам молота по наковальне.

— Свинья! — задыхаясь, выкрикнул Ормонд и, собрав последние силы, шквалом в лицо врагу.

— Это за Ахмеда! — проревел Гордон, обрушивая на голову англичанина страшный удар.

Издав последний звериный крик, Ормонд с залитым кровью лицом еще мгновение пытался удержаться на ногах, но затем качнулся и полетел в пропасть.

Гордон без сил опустился на камень, внезапно заметив, как страшно дрожат все его мышцы. Выпустив саблю из рук, он уронил голову на руки и начал уже впадать в забытие, когда вдруг крики, раздавшиеся откуда-то снизу, вернули его к реальности.

— Эй, Эль Борак! Сейчас только что мимо нас пролетел человек с разрубленной головой! Ты его убил! А сам ты цел или ранен? Что нам делать? Мы ждем твоих приказов!

Гордон поднял голову и взглянул на солнце, которое как раз поднималось над восточными пиками, окрашивая малиновым цветом снежную вершину горы Эрлик-хана. Он отдал бы все золото монахов Иолгана за то, чтобы ему позволили сейчас лечь и поспать хотя бы час. Но его работа еще не была завершена, и он не имел права отдыхать. Поэтому, с трудом поднявшись на ноги, Эль Борак подошел к краю пропасти и, держась за выступ, наклонился над ней.

— Садитесь на коней и скачите, собачьи дети! — с трудом выговаривая слова, крикнул он. — Скачите вперед, а я пойду вдоль гребня. Отсюда я вижу место за следующим выступом, где я смогу спуститься на тропу. Йогока возьмите с собой; он заработал свою свободу, но он получит ее не сейчас.

— Поторопись, Эль Борак! — раздался снизу нежный голос Ясины. — До Дели еще так далеко и столько гор еще лежит впереди!

Гордон вложил саблю в ножны и засмеялся, и эхо многократно повторило его смех. Туркмены сели на коней и выехали на тропу, затянув тут же сложенную песню в его честь, называя в ней Гордона «сыном меча», а человек, которому посвящалась эта песня, смеясь, шел по гребню горы и не щурясь смотрел на солнце.

ЗАТЕРЯННАЯ ДОЛИНА ИСКАНДЕРА

Слабый звук клинка, лязгнувшего о камень, разбудил Гордона. Из тусклого света звезд возник силуэт — кто-то тихо склонился над ним, и в поднятой руке блеснула сталь. Будто отпущенная пружина сработала внутри — Гордон перехватил руку с изогнутым кинжалом и в ту же секунду вскочил на ноги, сжав пальцами волосатую глотку противника. Наемный убийца едва успел вскрикнуть, как вопль его пе-

решил в клочкотание. Он судорожно глотал воздух, пытаясь отбиваться ногами, но Гордон не оставлял своей жертве никакой надежды. Наконец он схватил и поднял противника, а затем бросил его на землю. Оба дрались бесшумно, лишь глухие звуки наносимых ударов да хруст костей слышались в тишине. Как и всегда, Гордон сражался молча, с угрюмым выражением лица. Из уст противника тоже не вылетало ни звука. Его правая рука извивалась, намертво перехваченная Гордоном, а левой он тщетно пытался освободить горло, но железные пальцы все глубже и глубже входили в него, будто масса переплетенных стальных проводов. Гордон не менял положения, направляя всю свою силу в руку, душившую противника. Американец прекрасно знал, что выбора нет: или его жизнь, или жизнь того, кто подкрался к нему в ночной темноте, чтобы вонзить кинжал. Этого уголка афганских гор нет даже на картах, но все схватки здесь смертельны. Рука, пытавшаяся оторвать от горла пальцы американца, наконец ослабилась. По огромному напрягшемуся телу пробежала судорога, а потом оно обмякло.

***

Гордон оставил труп и перебрался ближе к скале, где было темнее. Привычным жестом он нащупал под мышкой ценный пакет, ради которого рисковал жизнью. Пакет — плоская пачка бумаг, завернутых в промасленный шелк, — лежал там, где и должен был лежать. От него зависели жизнь или смерть для тысяч и тысяч людей, населяющих землю. Гордон прислушался. Ни один звук не нарушал тишину. Над его головой вздымались черные скалы, нависали отдельные гигантские валуны, освещае-

мые лишь слабым светом звезд. До рассвета оставалось совсем недолго.

Но американец знал, что вокруг него среди скал движутся люди. За многие годы жизни в дикой местности его уши привыкли улавливать самые тихие звуки, будь то шорох одежды, скользнувшей по камням, или шаги, приближавшиеся украдкой. Пока никого не было видно. Гордон знал, что ни один из противников не видит и его самого, спрятавшегося до рассвета среди нагромождения валунов.

Он протянул левую руку к винтовке, а правой вытащил из-за пояса револьвер. Короткая смертельная схватка произвела не больше шума, чем если бы в спящего человека воткнули нож. Но, конечно, его преследователи ждали какого-то сигнала от подосланного убийцы.

Гордон знал этих людей и знал так же, что их предводитель идет по его следу уже несколько сотен миль и намерен не дать ему добраться до Индии с водонепроницаемым пакетом. Слава о Фрэнсисе Хавьере Гордоне распространилась от Стамбула до Южно-Китайского моря. Мусульмане прозвали его Эль Борак, или Быстрый. Они боялись и уважали его. Однако Густав Хуньяди, ренегат и авантюрист международного масштаба, оказался не хуже его — в нем Гордон встретил равного противника. И теперь американец знал, что Хуньяди не случайно оказался так близко этой ночью в сопровождении нанятых турок-убийц. Наконец им удалось разыскать его.

Гордон тихо проскользнул мимо огромных валунов, издавая не больше шума, чем дикая кошка. Даже горец, рожденный среди этих скал, не смог бы более умело и осторожно выбирать дорогу. Гордон шел на юг: именно там лежала конечная цель.

Он не сомневался, что враги окружают его со всех сторон.

Его мягкие сандалии — такие же, как у здешних аборигенов, — не создавали никакого шума, а в темной одежде горцев он сливался с чернотой ночи. Оказавшись в крошечной тьме под нависающей скалой, он внезапно почувствовал присутствие другого человека. Затем раздался шепот — европеец пытался произнести турецкие слова:

— Али? Это ты? Он мертв? Почему ты не подал сигнала?

Гордон обрушил удар туда, откуда слышался голос. Ствол пистолета попал по чьей-то голове. Человек застонал и рухнул на землю. Со всех сторон тут же раздалась другие голоса, по камню зашуршали сандалии. Кто-то в панике закричал.

Забыв про осторожность, Гордон с силой отбросил в сторону скорчившееся у его ног тело, загородившее дорогу, и пустился вниз по склону. За его спиной тут же раздался хор голосов: теперь, разглядев в призрачном свете звезд, как кто-то несет по склону, сидевшие в засаде кричали все одновременно. Темноту прорезали оранжевые вспышки, но пули прошли высоко или далеко от Гордона. Летящая его фигура была видна только одно мгновение, потом ее поглотила ночь. Враги неистовствовали в отчаянной панике, как сбившиеся со следа волки: добыча снова не досталась им, словно угорь, проскользнувший сквозь пальцы.

Именно так думал Гордон, бежавший что есть мочи по плато. Он понимал, что враги тут же бросятся за ним, к тому же среди преследователей были местные горцы, которые умели идти по следу волка по голым камням, но американцу удалось выиграть какое-то время... Внезапно он уви-

дел перед собой зияющую пропасть: земля кончилась. Его не спасла даже мгновенная реакция, обычно срабатывающая, подобно стальному капкану. Он бросился вперед, но его руки ухватились лишь за воздух, а мгновение спустя он сильно ударился головой о дно.

Когда он пришел в себя, уже рассветало. Было прохладно. Гордон сел, и у него тут же закружилась голова. Дотронувшись до огромной шишки на затылке, покрытой запекшейся кровью, американец понял, что ему крупно повезло — он не сломал себе шею. Однако потеряно драгоценное время, за которое можно было уйти далеко от этих мест — время, когда он лежал без сознания на дне пропасти среди камней и валунов.

Запустив руку под рубашку — такую же, как носили жители этих мест, — он в очередной раз ощущал пакет под мышкой. Гордон знал, что пакет прочно привязан к телу, но должен был вновь убедиться в этом. Секретные бумаги являлись теперь его смертным приговором, и спасти американца могли лишь навыки и ум. Над Фрэнсисом Хавьером Гордоном смеялись, когда он предупреждал о происходящем в Центральной Азии: сам дьявол готовил тут себе жаркое — авантюрист Хуньяди мечтал создать империю зла.

Чтобы доказать свою правоту, Гордон отправился в Туркестан, замаскировавшись под странствующего афганца. Он провел много лет на Востоке, а поэтому знал, как сойти за аборигена в любой восточной стране. И на этот раз все вышло вполне убедительно, но в конце концов его узнали. Он бежал, спасая свою жизнь, и даже больше, чем жизнь. А Хуньяди, строящий планы всеобщего разрушения, уже наступал ему на пятки. Хуньяди следовал за

Гордоном через степи, предгорья и, наконец, поднялся в горы, где американец тщетно надеялся от него отделаться. Этот венгр — гончая в человеческом облике — был очень осторожен; под покровом ночи он подослал к Гордону своего самого лучшего наемного убийцу, чтобы нанести смертельный удар.

Гордон нашел винтовку и стал взбираться вверх. Под его левой рукой находились доказательства, которые заставят официальных лиц очнуться и принять меры по предотвращению зверских преступлений, планируемых Густавом Хуньяди. Это были письма к вождям и правителям Центральной Азии, подписанные самим венгром и заверенные его личной печатью. В них заключался план вовлечения Центральной Азии в религиозную войну — орды орущих фанатиков предполагалось послать на индийскую границу. Масштабы операций трудно было вообразить. Пакет просто необходимо доставить в форт Али-Масджид! Фрэнсис Хавьер Гордон поклялся, что он приложит все силы для достижения цели. Но Густав Хуньяди готов был приложить не меньше усилий, чтобы этого не случилось. При столкновении двух таких неукротимых темпераментов сотрясаются королевства, а смерть собирает кровавый урожай.

Пока Гордон взбирался вверх, галька скатывалась в пропасть, а комья земли отваливались и рассыпались под его руками и ногами. Но вскоре он оказался на узком плато, втиснутом между огромными, мрачно возвышающимися склонами. Гордон быстро огляделся по сторонам. К югу брало начало узкое ущелье с острыми скалами по обеим сторонам. Именно в этом направлении он и поспешил.

Не успел он пройти и дюжины шагов, как за спиной раздался выстрел. Пуля пролетела рядом со щекой, обдав жарким ветром. Гордон рухнул на землю за валуном, и в его сердце закралось отчаяние. Ему никогда не удастся уйти от Хуньяди. Эта гонка закончится только после того, как один из них погибнет. Становилось все светлее, и американец видел среди валунов, к северо-западу от плато, движущихся людей. Шанс скрыться под покровом ночи упущен, и теперь, казалось, пришло время его последней схватки.

Он поднял винтовку. Глупо надеяться, что тот ночной удар вслепую убил Хуньяди. Венгр живуч, как кошка. Рядом с локтем Гордона в валун попала пуля. Американец успел заметить оранжевую вспышку — там, откуда она вылетела, притаился снайпер. Гордон стал неотрывно следить за тем местом среди скал, а когда показалась часть руки с винтовкой, выстрелил. Расстояние было большим, но противника выбросило из укрытия, и он упал лицом вперед, на скалу, за которой прятался.

В Гордона снова стреляли — теперь уже с нескольких сторон. Вокруг сыпались пули. Наверху, на склонах, где огромные валуны стояли на самом краю, готовые сорваться вниз и сокрушить все на своем пути, враги сновали взад и вперед, подобно муравьям. Они располагались неровным полукругом, стараясь занять те же позиции, что и прошлой ночью. У американца было недостаточно боеприпасов, чтобы остановить их. Он осмеливался стрелять только в том случае, когда не сомневался в успехе. Не было у него и возможности отступления: до входа в узкое ущелье не добежать, его изрешетят пули. Похоже, наступил конец пути. Гордону не раз приходилось смотреть в лицо смерти. Нельзя

сказать, что он сильно ее боялся, но мысль о бумагах, которые никогда не попадут по назначению, наполняла его отчаянием.

От валуна, за которым он прятался, отскочила очередная пуля — но уже, под другим углом. Гордон пригнулся пониже, пытаясь найти стрелка. Он заметил высоко на склоне белый тюрбан. Оттуда укрытие Гордона легко простреливалось.

Американец не мог сменить позицию — он находился под прицелом дюжины винтовок, но оставаться на прежнем месте тоже было сложно. Одна из летящих сверху пуль рано или поздно достигнет цели. К счастью, стрелок-турок решил перебраться на другое место. Он не знал Гордона так, как его знал Хуньяди, который, мгновенно оценив ситуацию, резко прокричал приказ, но турок уже начал движение, направляясь к другому выступу. Его одежда развевалась на ветру. Пуля Гордона настигла его на полпути. Турок издал истошный крик, пошатнулся и упал головой вниз. Его грузное тело ударилось о валун, стоящий на краю. Камень покатился вниз, увлекая за собой другие. Вокруг поднялась пыль.

Враги в панике начали покидать укрытия. Гордон заметил Хуньяди, выпрыгнувшего из засады. Он мчался по склону, пытаясь увернуться от валунов. Несмотря на турецкие одежды, Гордон сразу узнал высокую гибкую фигуру венгра. Американец выстрелил и промахнулся — так было всегда, когда он стрелял в этого человека. Второй выстрел он сделать не успел. Теперь весь склон, казалось, пришел в движение. Валуны, комья земли, мелкая галька — все с грохотом летело вниз, увлекая за собой новые и новые куски горной породы. Турки бежали вслед за Хуньяди с воплями: «Спаси, Аллах!»

Гордон тоже вскочил и помчался без оглядки к входу в ущелье. Сквозь грохот падающих камней прорывались дикие крики людей — одного за другим его врагов настигала несущаяся лавина. Гордон бросил винтовку: лишний груз был теперь совершенно некстати. В ушах стоял оглушающий рев. Наконец американец достиг ущелья, бросился внутрь и скорчился там, прижавшись спиной к стене. Снаружи продолжали падать камни, пыль застилала все вокруг. Но рядом с ущельем, в котором спрятался Гордон, было не так опасно, как на склоне горы, где оставались его враги.

***

Гордон с трудом выбрался из ущелья. Он стоял по колено в грязи, среди обломков камней. Один из летящих вниз осколков порезал ему лицо. Грохот лавины сменился неестественной тишиной. Миновав скалу, под которой прятался, американец взглянул назад. Окровавленные и изуродованные жертвы, пойманные каменным потоком в капкан, остались там навсегда среди толстого слоя камней, комьев земли и глины. Хуньяди и спасшихся турков нигде не было видно.

Но Гордон был фаталистом, особенно когда дело касалось этого дьявола-венгра. Он не сомневался, что Хуньяди выжил и снова выйдет на его след, как только сможет собрать своих приспешников. Вероятно, он попытается призвать аборигенов этих гор к себе на службу. Власть Хуньяди среди последователей ислама была просто фантастической.

Гордон решительно повернул назад к ущелью. Он потерял и винтовку, и мешок с припасами, остались лишь одежда да пистолет за поясом. Он понимал, что даже если удастся избежать встречи с ди-

кими племенами, населяющими эти безжизненные горы, то он все равно рискует умереть от голода. Шанс выйти отсюда живым — один из тысячи, но Гордон с самого начала знал, что рискует. К тому же расстановка сил в пользу противника никогда не останавливала Фрэнсиса Хавьера Гордона родом из Эль-Пасо штата Техас — солдата фортуны, много лет прослужившего во всех горячих точках.

Ущелье спускалось вниз, извиваясь среди высоких каменных стен. Лавина прошла стороной, но и здесь все было завалено камнями. Внезапно Гордон остановился и выхватил пистолет.

На земле перед ним лежал человек, непохожий ни на кого из тех, с кем ему доводилось встречаться в афганских горах, да и где-либо в других местах. Молодой, высокого роста и крепкого сложения, он был одет в короткие шелковые бриджи до колен, тунику и сандалии; на широком поясе держался изогнутый меч.

Внимание привлекали волосы юноши. Голубые глаза, смотревшие на Гордона, были обычными для жителей гор, но густые золотистые волосы, схваченные куском красной ткани и ниспадающие почти до плеч, здесь не встречались. Юноша, определенно, не был афганцем. Гордон вспомнил рассказы о каком-то племени, живущем в этих горах, не относящемся ни к афганцам и ни к кому из мусульман. Неужели он наткнулся на представителя этого легендарного племени?

Прижатый к земле огромным валуном, парень тщетно пытался вытащить меч. Скорее всего он попал в эту ловушку, когда бежал в укрытие.

— Убей меня и покончи с этим, мусульманский пес! — выдавил юноша. Он говорил на пушту — языке афганцев.

— Я не причиню тебе зла, — ответил Гордон. — Я не мусульманин. Лежи спокойно. Я помогу тебе, если смогу. Я ничего не имею против тебя.

Тяжелый камень лежал на ноге юноши, накрепко прижав ее к земле.

— Нога сломана? — спросил Гордон.

— Думаю, нет. Но если ты только сдвинешь камень с места, ты раздавишь мне кость.

Гордон понял, что молодой человек прав. Углубление под камнем спасло ногу, но оказалось ловушкой — валун нельзя откатить.

— Мне придется его поднять, — пробормотал Гордон.

— У тебя это не получится, — в отчаянии ответил юноша. — Даже самому Птолемею это было бы не под силу, а ты значительно слабее его.

Гордон не стал выяснять, кто такой Птолемей, как и объяснять, что о силе человека не следует судить только по его внешнему виду. Мышцы Гордона были словно переплетенные стальные канаты, но он все-таки сомневался, что сможет поднять этот валун.

Камень был не самым большим из скатившихся вниз во время лавины, но, похоже, одним из самых увесистых, что осложняло задачу. Гордон встал, широко раздвинув ноги, так, что тело юноши оказалось под ним. Обеими руками он взялся за огромный валун, напряг мышцы и вспомнил все, что знал о поднятии тяжестей.

Его пятки вошли в слой пыли и грязи, вены на висках набухли, мускулы на руках напряглись до предела. Но главное — огромный камень поднимался вверх, не качаясь и не дрожа, а человек, лежавший на земле, наконец смог вытащить из-под него ногу и откатиться в сторону.

Гордон дал камню упасть и отступил назад, вытирая пот с лица. Молодой человек осторожно разминал ногу, покрытую ссадинами и синяками. Затем он поднял голову и протянул Гордону руку совсем не по-восточному.

— Меня зовут Бардилис. Я из Аталуса,— представился он.— Моя жизнь принадлежит тебе!

— Люди называют меня Эль Борак,— ответил Гордон, пожимая протянутую руку.

Они были так не похожи друг на друга: высокий, стройный юноша в странном наряде, белокожий, с золотистыми волосами — и загорелый американец среднего роста, плотного телосложения, в потрепанном афганском одеянии. У Гордона были прямые черные волосы и черные глаза, как у индейца.

— Я охотился на скалах,— пояснил Бардилис.— Потом прозвучали выстрелы, и я хотел посмотреть, что происходит, но тут же услышал грохот лавины. Со всех сторон посыпались камни.— Бардилис помолчал и заметил: — Ты не из афганского племени патанов, несмотря на твое имя. Пойдем ко мне в деревню. Ты похож на усталого человека, сбившегося с пути.

— А где находится твоя деревня?

— Вон там, за ущельем и за скалами.

Бардилис показал рукой на юг, затем, взглянув через плечо Гордона, вскрикнул. Американец резко обернулся. Высоко из-за выступа каменной стены показалась голова в тюрбане. Полные ужаса глаза на темном лице со страхом смотрели вниз. Гордон с яростью выхватил пистолет, но голова исчезла, и тут же послышался голос — кто-то закричал по-турецки. Ему ответили другие, среди которых американец сразу узнал голос Хуньяди. Стая снова

вышла на его след. Несомненно, они видели, как Гордон прятался в ущелье. Как только обвал прекратился, они перебрались по разрушенному склону и пошли дальше по скалам, чтобы воспользоваться преимуществом над человеком, находящимся внизу.

Но Гордон недолго стоял на месте, погрузившись в раздумья. Как только голова в тюрбане исчезла из виду, американец приказал юноше держаться рядом и бросился к ближайшему повороту в каньоне. Бардилис последовал за ним, не задавая вопросов, прихрамывая на одну ногу, но передвигаясь довольно проворно. Гордон слышал, как его преследователи что-то кричали позади него, как они прорывались сквозь низкорослые кустарники и скользили по осыпающейся гальке, как безрассудно неслись вниз со скал, забыв обо всем, кроме желания загнать дичь.

У Хуньяди имелось одно преимущество, у беглецов — другое: они могли передвигаться по ущелью несколько быстрее, чем те, кто пробирался по скалам с изрезанными краями и неровными выступами. Людям Хуньяди приходилось перелезать через огромные камни, и Гордон вскоре заметил, что их злобные выкрики за его спиной становятся все тише. Выбравшись из ущелья, они с Бардилисом поняли, что значительно опережают наемных убийц Хуньяди.

Но Гордон знал, что это только временная передышка. Он огляделся по сторонам. Узкое ущелье переходило в тропинку, идущую вдоль каменной стены с одной стороны и обрыва с другой. Обрыв спускался на триста футов в долину, окруженную со всех сторон горами. Гордон взглянул вниз и увидел петляющий среди густых зарослей ручей; за

деревьями, как ему показалось, возвышались каменные дома.

Именно на них и показал Бардилис.

— Вон моя деревня! — взволнованно сообщил он. — Если нам удастся спуститься в долину, мы спасены! Эта тропинка ведет к югу, где есть спуск, но до него пять миль!

Гордон покачал головой. Тропинка шла вдоль отвесной стены, не имеющей выступов, а значит, укрыться здесь будет совершенно негде.

— Они догонят нас и убьют, как крыс, если мы отправимся этим путем.

— Но есть еще один! — воскликнул Бардилис. — Вниз по скале. Спуск лучше начать именно здесь. О нем никто не знает, но люди моего племени пользуются им в случаях крайней необходимости. В камне выбиты углубления для рук. Ты сможешь спуститься вниз по отвесной скале?

— Попробую, — ответил Гордон, убирая пистолет за пояс.

План Бардилиса казался ему самоубийством, но и попытка уйти от Хуньяди по открытой тропинке, где их легко можно расстрелять из винтовок, обрекала на верную смерть. Гордон ожидал появления врагов в любую минуту.

— Я пойду первым и буду указывать тебе дорогу, — быстро заговорил Бардилис, сбрасывая сандали.

Гордон сделал то же самое и последовал за юношей. Держась за острый край, под которым начиналась пропасть, Гордон увидел множество небольших углублений, выбитых в камне. Он начал медленно спускаться, зависая, подобно мухе на стене. Волосы вставали дыбом при мысли о том, к чему может привести одно неверное движение, но беглецам

помогал небольшой уклон скалы в этом месте. За время своей службы Гордону не раз приходилось взбираться на скалы, но никогда еще так не напрягались его нервы и мышцы. Каждую секунду смерть была на расстоянии пальца, цепляющегося за новый выступ. Под ним пыхтел Бардилис, направляя и подбадривая его, пока наконец не спрыгнул на землю. Посмотрев вверх, на Гордона, которого от ровной площадки отделяли еще фунтов двадцать, юноша отчаянно закричал, и в его голосе отчетливо прозвучал страх. Американец поднял голову и увидел бородатое лицо — турок смотрел на него со скалы, победно улыбаясь, а потом начал целиться из пистолета. Затем он отложил пистолет, взял тяжелый камень и склонился над обрывом, чтобы поточнее запустить его. Цепляясь за камни одной рукой и пальцами ног, Гордон резко выхватил пистолет, выстрелил вверх и тут же плотно прижался всем телом к скале.

Турок закричал и полетел со скалы вниз головой. Камень тоже полетел с обрыва, задев плечо Гордона. Извивающееся тело пронеслось мимо и с силой ударилось о землю внизу. Гневный голос, раздавшийся сверху, принадлежал самому Хуньяди. Гордон преодолел остававшийся участок, не раздумывая о мерах предосторожности, которым следовал ранее, и они с Бардилисом бросились к спасительным деревьям.

Американец оглянулся и увидел Хуньяди, который, пристроившись на краю пропасти, целился из винтовки. Но через секунду Гордон с Бардилисом уже скрылись из виду, а Хуньяди, явно опасающийся выстрела из зарослей деревьев, поспешно удалился вместе с четырьмя турками, оставшимися от наемного отряда.

***

— Ты спас мою жизнь, когда показал мне тот путь, — заявил Гордон.

Бардилис улыбнулся:

— Этот путь тебе мог показать любой житель Аталуса. Мы называем его Дорогой Орлов. Но пройти по нему может только герой. А откуда ты прибыл, брат?

— С запада, — ответил Гордон. — Из земли под названием Америка, расположенной далеко за морем.

Бардилис покачал головой.

— Никогда про нее не слышал, — признался он. — Но пойдем со мной. Теперь мои соплеменники — это и твои соплеменники.

Пока они пробирались среди деревьев, Гордон осматривал скалы, окружавшие долину со всех сторон, ожидая появления своих врагов. Он не сомневался, что ни Хуньяди, несмотря на всю его смелость, и ни один из его наемников не решится пойти тем путем, который только что преодолели они с Бардилисом, этой самой Дорогой Орлов. Но они не были скалолазами и гораздо увереннее чувствовали себя в седле, чем на горной тропе. Они попытаются найти другой способ спуститься в долину. Гордон поделился своими соображениями с Бардилисом.

— Тогда они умрут, — с мрачным видом заявил юноша. — Путь Царей в южной части долины — это второй способ попасть сюда, а его круглосуточно охраняют люди моего племени. В долину Искандера могут попасть только торговцы и купцы, но они всегда идут с навьюченными мулами, других путей нет.

Гордон с любопытством посмотрел на нового товарища и вдруг увидел в нем знакомые черты, не в силах вспомнить, где встречал их раньше.

— А кто такие люди твоего племени? — спросил он. — Ты не афганец и совсем не похож на восточного человека.

— Мы — дети Искандера, — ответил Бардилис. — Когда много лет назад Великий Завоеватель прошел через эти горы, он построил город, который мы называем Аталусом, и оставил в нем несколько сотен своих солдат с женами. Искандер снова двинулся на запад, и через какое-то время пришло сообщение, что он погиб, а его империя распалась. Но люди Искандера в нашем поселении остались свободными. Много раз мы резали афганских псов, пытающихся покорить нас.

И тут Гордона осенило — он понял, что именно показалось ему знакомым. Искандер — Александр Великий, завоевавший эту часть Азии и оставивший после себя колонии. Профиль юноши был классическим греческим, таким, какие Гордону доводилось видеть только высеченными в мраморе, да и имена, которые произносил Бардилис, имели греческое происхождение. Он был потомком какого-то македонского солдата, последовавшего за Великим Завоевателем, когда тот пытался покорить Восток.

Чтобы проверить догадку, Гордон обратился к Бардилису на древнегреческом, одном из множества языков — современных и мертвых, — которые он успел выучить за время своей долгой карьеры. Юноша воскликнул от изумления.

— Ты разговариваешь на нашем языке! — ответил он также на древнегреческом. — За тысячу лет здесь не появлялось ни одного чужеземца, который знал бы наш язык. Мы говорим с мусульманами на их языке, но они не знают ни слова из нашего. Значит, ты тоже сын Искандера?

Гордон покачал головой, пытаясь придумать, как объяснить свое знание языка юноше, ничего не ведающего о мире за пределами этих гор.

— Мои предки были соседями людей Александра, — наконец заявил он. — Так что многие из представителей моего народа говорят на твоём языке.

Они приближались к каменным строениям, поблескивающим сквозь деревья, и Гордон понял, что «деревня» Бардилиса — это внушительных размеров город, окруженный стеной. Несомненно, город являлся работой каких-то давно умерших греческих архитекторов, и у Гордона создалось впечатление, что он внезапно оказался в прошлом и увидел наяву то, что изучал в книгах по Древней Греции.

За стенами города крестьяне возделывали землю примитивными сельскохозяйственными орудиями, пасли овец и крупный рогатый скот. Вдоль берега ручья, петляющего по долине, паслись кони. Все мужчины оказались высокими и светловолосыми, как Бардилис. Они бросили работу и побежали навстречу приближающейся паре, с враждебностью и удивлением поглядывая на черноволосого незнакомца, пока Бардилис их не успокоил.

— Впервые за много столетий в долину входит человек, который не является ни пленником, ни торговцем, — пояснил Бардилис Гордону. — Пожалуйста, не произноси ни слова, пока я не скажу тебе. Я хочу поразить своих соплеменников твоими знаниями. Они откроют рты от удивления, когда услышат, что чужеземец разговаривает на нашем родном языке!

Ворота в стене были открыты, их никто не охранял. Гордон обратил внимание, что сама стена находится в плачевном состоянии. Бардилис пояснил, что стражников у южного входа в долину дос-

таточно, чтобы защитить город, и что враги еще ни разу не добирались до него. Юноша повел Гордона по широкой вымощенной улице. Мимо них по своим делам спешили светловолосые мужчины, женщины и дети, одетые точно в такие же туники, как у греков, живших две тысячи лет назад; их окружали точные копии сооружений, стоявших в древних Афинах.

Вскоре вокруг прибывших собралась толпа, но преисполненный важности Бардилис не сразу удовлетворил любопытство соплеменников. Он направился к огромному зданию в центре города, поднялся по широким ступеням и вошел в просторный зал, где несколько человек, одетых в более богатые одежды, чем простоллюдины, сидели за маленьким столиком, играя в кости. Вслед за Гордоном и Бардилисом вошла толпа и остановилась в предвкушении какого-то важного сообщения. Вожди прекратили игру, и один из них — великан, весь вид которого свидетельствовал о привычке управлять, — спросил:

— Чего ты хочешь, Бардилис? И кто этот незнакомец?

— Друг Аталуса, Птолемей, — ответил Бардилис царю. — Он говорит на языке Искандера!

— Что за сказки? — властным голосом переспросил вождь.

— Пусть они послушают тебя, брат! — с победным видом повернулся Бардилис к Гордону.

— Я пришел с миром, — коротко сказал Гордон на древнегреческом. — Меня зовут Эль Борак, но я не мусульманин.

По толпе прокатилась волна удивления, Птолемей почесал подбородок и нахмурился, подозрительно поглядывая на чужеземца. Царь был великомерно сложен, чисто выбрит и, как все его со-

племенники, имел золотистые волосы и голубые глаза.

Он нетерпеливо слушал рассказ Бардилиса о встрече с Гордоном, а когда юноша сообщил о том, как американец поднял камень, освободив его от капкана, Птолемей нахмурился и непроизвольно напряг мышцы. Казалось, он недоволен восторгом соплеменников и их одобрительными возгласами, с которыми те восприняли рассказ. Очевидно, эти потомки греческих атлетов с таким же восхищением относились к физическому совершенству, как и их древние предки, а Птолемей был тщеславен.

— Как он мог поднять такой камень? — заметил царь. — Он же небольшого роста. Его голова едва достигает моего подбородка.

— Он гораздо сильнее, чем можно судить по его внешности, царь, — ответил Бардилис. — Эти синяки и ссадины на моей ноге подтверждают, что я говорю правду. Он поднял камень, который я не смог даже сдвинуть с места, а затем спустился по Дороге Орлов, на что решится не каждый житель Аталуса. Он пришел издалека и сражался с врагами, а теперь ему нужно поесть и отдохнуть.

— Тогда дай ему еду и место для отдыха, — презрительно проворчал Птолемей, поворачиваясь спиной, чтобы снова вернуться к игре в кости. — Если он окажется мусульманским шпионом, то ты ответишь за это головой.

— Я с радостью отдам свою голову, чтобы доказать его честность, царь! — с гордостью ответил Бардилис, затем взял руку Гордона в свою и тихо добавил: — Пойдем, мой друг. Птолемей нетерпелив и строг. Не обращай на него внимания. Я отведу тебя в дом моего отца.

Когда они проходили сквозь толпу, Гордон увидел лицо, сильно отличающееся от светлых открытых лиц горожан, — худое и смуглое, с черными глазами, полными подозрительности, внимательно оглядывающими американца. Это был таджик с мешком за спиной. Заметив, что его рассматривают, таджик ухмыльнулся и резко вскинул голову. В этом жесте было что-то знакомое.

— Кто этот человек? — спросил Гордон.

— Абдулла, мусульманский шакал, один из тех, кому мы разрешаем заходить в долину с бусами, зеркалами и другими безделушками, которые нравятся нашим женщинам. Мы меняем на них руду, вино и шкуры.

Теперь Гордон вспомнил, что встречал этого изворотливого типа, обычно болтающегося в Пешаваре, и его подозревали в контрабандной торговле винтовками. Но когда американец оглянулся, смуглое лицо уже затерялось в толпе. У Гордона не было причин опасаться Абдуллу, даже если тот и вспомнил его. Таджик не мог знать про бумаги, которые нес американец. Гордон чувствовал, что граждане Аталуса с симпатией относятся к другу Бардилиса, несмотря на явную ревность тщеславного Птолемея, вызванную восхвалением силы чужеземца.

Бардилис провел Гордона по улице к большому каменному дому с портиком, украшенным колоннами, где с гордостью представил нового друга отцу, почтенному мужчине по имени Пердиккас, и матери, уже немолодой, но высокой и статной женщине. Гордон увидел младшего брата Бардилиса и его сестер — цветущих красавиц. Атланцы явно не держали своих женщин взаперти, как мусульмане. Американец испытывал странное чувство, будто вдруг

оказался в семье, жившей две тысячи лет назад. Очевидно, что эти люди явно не были варварами. Несомненно, они стояли на более низком культурном уровне, чем их предки-эллины, но тем не менее оказались гораздо более цивилизованны, чем их воинственные соседи-афганцы.

Они искренне заинтересовались своим гостем, но, за исключением Бардилиса, никто больше не проявил любопытства к миру, находящемуся за пределами долины. Вскоре юноша проводил Гордона во внутренние покои и поставил перед ним еду и питье. Американец тут же осушил кубок вина и с жадностью набросился на еду, внезапно осознав, сколько дней поста предшествовали этому пиру. Пока Гордон ел, Бардилис развлекал его беседой, не упоминая о людях, преследующих американца. Он предполагал, что это афганцы с окрестных гор, чья враждебность стала уже легендарной. Гордон узнал, что никто из аталанцев никогда не уходил за пределы долины более чем на день пути. Воинственность горных племен, окружающих долину, полностью изолировала аталанцев от мира.

Когда Гордон наконец изъявил желание поспать, Бардилис оставил его одного, пообещав, что гостя никто не побеспокоит. Американца встревожило отсутствие дверей в отведенных ему покоях; здесь была только занавеска, висящая в арочном проеме. Бардилис заверил, что в Аталусе нет воров, но осторожность вошла в привычку Гордона, и его не оставляло беспокойство. Комната открывалась в коридор, который, как догадался чужеземец, вел к входной двери. Граждане Аталуса явно не считали необходимым охранять свои жилища. Но если местные жители могли спокойно спать, чувствуя себя в полной безопасности, к гостю это не относилось.

В конце концов Гордон отодвинул свое ложе — единственный предмет мебели; убедившись, что никто не следит за ним, он нашел в стене неплотно прилегающий камень и вынул его. Затем Гордон достал из-под мышки водонепроницаемый пакет, засунул его в отверстие, поставил камень на место и вернул ложе в изначальное положение.

Потом он вытянулся на ложе и стал думать, как живым добраться до цели с документами, которые так много значили для мира в Азии. Здесь он был в безопасности, но не сомневался, что Хуньяди поджидает его за пределами долины с терпением кобры, стерегущей свою добычу. Гордон не может оставаться здесь вечно. Когда-нибудь ночью ему придется уйти в горы; Хуньяди, несомненно, направит за ним все горные племена. Но Гордон верил в свою удачу и твердую руку, как раньше. Вино, которое он выпил, было крепким, к тому же он здорово устал после долгого путешествия. Размышления перешли в сон. Он спал глубоко и долго.

***

Гордон проснулся от шороха занавески в арочном проеме. В доме стояла ночная тишина. Американец понял, что проспал много часов.

Он сел на ложе в крошечной тьме и спросил:

— Это ты, Бардилис?

— Да, — пробормотали в ответ.

Гордон мгновенно понял, что это не его юный друг, но в ту же секунду его стукнули по голове чем-то тяжелым, в глазах замелькали искры, и он отключился.

Когда Гордон пришел в себя и открыл глаза, его ослепил свет факела. Вокруг стояли трое крупных светловолосых граждан Аталуса, лица которых ока-

зались тупыми и жестокими, в отличие от тех, что ему уже довелось здесь увидеть.

Потом он очнулся со связанными руками на каменной плите. Факел бросал неровный свет на полуразрушенные стены пустой комнаты, покрытые паутиной. Внезапно послышался звук открываемой двери, что заставило Гордона вытянуть шею. Он тут же увидел человека, чем-то похожего на стервятника. Это оказался таджик Абдулла.

Абдулла посмотрел сверху вниз на американца. Крысиные черты лица исказила злобная гримаса.

— Страшный Эль Борак лежит передо мной! — насмехался таджик. — Дурак! Я сразу же узнал тебя во дворце Птолемея.

— Ты не должен держать на меня зла, — заметил Гордон.

— Я и не держу, мой друг, — ответил таджик. — Мне лично ты не нужен, но ты принесешь мне прибыль. Это правда, что ты никогда не делал мне зла, но я всегда боялся тебя. Как только я увидел тебя в городе — сразу собрал пожитки и ушел, не зная, что ты намерен здесь делать. У входа в долину мне повстречался Густав Хуньяди, который сильно интересуется тобой. Он спросил, не видел ли я тебя случайно в Аталусе, куда ты сбежал, украв у него документы. Я, конечно, ответил, что видел, а он попросил меня помочь пробраться в долину. Я отказался, — ведь эти аталанские дьяволы убьют меня, если я попытаюсь провести в долину Искандера незнакомца. Хуньяди отправился назад в горы с четырьмя турками и ордой потрепанных афганцев, которых он нанял, а я вернулся в долину, объяснив стражникам, что испугался патанов. Эти трое парней согласились помочь мне тебя захватить. Никто не узнает, что с тобой случилось, а Птолемей не

станет из-за тебя беспокоиться, потому что рассказ о твоей силе вызвал его ревность. По древней традиции царь Аталуса должен быть самым сильным мужчиной в городе. Птолемей сам убил бы тебя со временем, но этим займусь я. Не хочу, чтобы ты гнался за мной, когда я заберу у тебя бумаги. В конце концов Хуньяди получит их — если готов заплатить!

Таджик засмеялся каким-то трескучим смехом, а затем повернулся к могучим аталанцам.

— Вы обыскали его?

— Мы ничего не нашли, — ответил один из гигантов.

— Вы не знаете, как искать! Я сам займусь этим.

Абдулла умело провел рукой по телу пленника, но и его попытки не увенчались успехом. Таджик нахмурился и попытался залезть под мышки американца, но руки Гордона были плотно привязаны к телу, так что задача оказалась невыполнимой.

Абдулла с беспокойством вынул из-за пояса кривой кинжал.

— Разрежьте веревки, — приказал он. — А затем вы все трое будете держать его. Это леопард, которого опасно выпускать из клетки.

Гордон не оказывал сопротивления, когда двое аталанцев схватили его за руки, а третий обхватил ноги. Аталанцы держали Гордона крепко, но к словам Абдуллы о могучей силе чужеземца они отнеслись скептически.

Таджик снова приблизился к пленнику и уже собрался было убрать кинжал за пояс, как вдруг Гордон подобно спущенной стальной пружине, напрягая все мышцы, рывком освободил ноги и с силой ударил Абдуллу пятками в грудь. Если бы на ногах Гордона были ботинки, то он сломал бы тад-

жику ребра. Но на этот раз торговец просто отлетел назад, взвыв от боли, а затем стукнулся спиной об пол.

Гордон не останавливался. Рванувшись еще раз, он высвободил левую руку, приподнялся и с размаху ударил кулаком в челюсть державшего его аталанца. Кулак Гордона был подобен молоту, и аталанец рухнул, как забитый бык. Остальные бросились на американца. Гордон перекатился на пол, отгородившись плитой от нападавших. Один из них подобрался к Гордону, но тот схватил запястье аталанца, завернул ему руку за спину, а затем перекинул его через голову. Противник ударился головой об пол с такой силой, что тут же потерял сознание.

Уцелевший стражник оказался более осторожным. Увидев, какой огромной силой обладает чужестранец и с какой поразительной ловкостью он двигается, гигант вытащил из-за пояса длинный нож и стал медленно приближаться к Гордону, выбирая момент для решающей атаки. Гордон отступил назад таким образом, чтобы от блестящего лезвия его отделяла плита. Противник стал огибать ее. Внезапно американец нагнулся и выхватил такой же нож из-за пояса лежащего на полу стражника. Но стоило ему наклониться, как аталанец зарычал, будто лев, обогнул плиту и занес руку с ножом.

Гордон согнулся еще ниже — и блестящее лезвие просвистело прямо у него над головой. Потеряв равновесие, противник свалился на пол, затем покатился вперед и наткнулся на выставленный Гордоном нож. Когда длинное лезвие вошло в тело аталанца, из его глотки вырвался приглушенный крик, и гигант потянул чужеземца за собой на пол.

Американец вырвался из слабых рук противника и поднялся на ноги. Его одежда была

перепачкана кровью аталанца, в руке он все еще держал окровавленный нож. Абдулла, шатаясь, тоже поднялся, все время постанывая, с позеленевшим от боли лицом. Гордон зарычал и в ярости бросился на таджика. Вид ножа, с которого капала кровь, и лицо Гордона, искаженное дикой гримасой, заставили таджика действовать мгновенно. С воплем ужаса он бросился к двери, по пути выбив факел из подставки. Факел упал на пол, рассыпая искры в разные стороны, быстро потух, и комната погрузилась в темноту. Гордон врезался в стену.

Когда он наконец нащупал дверь, в комнате оставались только аталанцы — мертвые или лишившиеся чувств.

Выйдя из дома, американец оказался на узкой пустынной улочке. Звезды уже гасли на небе, а значит, близился рассвет. Похоже, дом, в котором его держали, был давно заброшен. В конце улицы Гордон узнал дом Пердиккаса. Значит, его унесли недалеко. Очевидно, похитители не ожидали никакого вмешательства. Гордон размышлял, участвовал ли в этом заговоре Бардилис. Американцу не хотелось думать, что юноша предал его. Но в любом случае ему придется вернуться в дом Пердиккаса, чтобы забрать спрятанный в стене пакет. Он пошел вниз по улице. Теперь, когда битва была позади и кровь в венах уже не так бурлила, он чувствовал легкое головокружение и тошноту от удара, после которого лишился сознания.

Приближаясь к дому Пердиккаса, американец внезапно заметил бегущую к нему фигуру. Это оказался Бардилис, тут же бросившийся в объятия Гордона с криком облегчения, который просто не мог быть фальшивым.

— Брат мой! — воскликнул юноша. — Что случилось? Я только что заходил к тебе в комнату и обнаружил, что она пуста. Твое ложе испачкано кровью. Ты не ранен? О, я вижу рану, у тебя на голове!

В нескольких словах Гордон объяснил, что произошло, не упоминая о спрятанных документах. Он представил все таким образом, что Бардилис посчитал Абдулу давним врагом Гордона, жаждавшим отмщения. Теперь американец доверял юноше, но все равно необходимости открывать правду о пакете не было.

Бардилис побелел от гнева.

— Позор моему дому! — воскликнул он. — Вчера вечером этот шакал Абдулла сделал подарок моему отцу — большой кувшин с вином, — и мы все его пили, за исключением тебя: ты уже отдыхал. Теперь я знаю, что в него было добавлено снотворное, потому что мы спали, как убитые. Вчера ты стал нашим гостем, и я поставил по слуге у каждого входа в дом, но они тоже заснули, выпив вина Абдуллы. Несколько минут назад я отправился искать тебя и обнаружил, что горло одного слуги перерезано. Именно того, который дежурил у выхода на эту улицу: сюда открывается дверь из коридора, проходящего мимо отведенной тебе комнаты.

Наконец они вернулись в дом. Пока Бардилис ходил за чистой одеждой, Гордон достал пакет из тайника и снова спрятал у себя на теле. На рассвете Гордон предпочитал уже держать его при себе: скоро все должны проснуться.

Вскоре вернулся Бардилис с бриджами, сандалиями и туникой — традиционной одеждой аталанцев. Пока американец переодевался, юноша с восхищением разглядывал загорелое тело чужеземца,

на котором не было ни одной складки жира — только мускулы.

Не успел Гордон переодеться, как в доме раздались громкие голоса, потом послышался приближающийся топот ног, и в арочном проеме показалась группа вооруженных мечами светловолосых воинов. Их предводитель показал на Гордона и заявил:

— Птолемей приказал немедленно доставить этого человека во дворец, в зал правосудия.

— В чем дело? — воскликнул Бардилис. — Эль Борак — мой гость.

— Я выполняю только приказы царя, — ответил воин. — Я не спрашиваю объяснений.

Гордон положил руку на плечо Бардилиса, пытаясь его успокоить.

— Я пойду с ними. Мне интересно узнать, что хочет от меня Птолемей.

— В таком случае я тоже пойду с тобой, — заявил Бардилис, стиснув зубы. — Я не знаю, что может означать этот приказ, но ты — мой друг.

Солнце только поднималось над горизонтом, когда они шли ко дворцу, но по белой улице уже сновали люди, многие из которых пристраивались к процессии.

Поднявшись по широкой дворцовой лестнице, они вошли в огромный зал, украшенный лепными колоннами. В противоположном конце был еще один ряд широких ступеней, ведущих к возвышению, где на мраморном троне восседал царь Аталуса. Как обычно, он был мрачен. Несколько вождей расположились на каменных скамьях по обеим сторонам возвышения, а простолюдины устроились вдоль стен, оставив свободной середину зала.

На этом свободном месте перед тронем скрючилась фигура, напоминающая стервятника. У ног Аб-

дулды, глаза которого горели от страха и ненависти, лежал труп аталанца, убитого Гордоном в заброшенном доме. Двое других незадачливых похитителей стояли рядом, покрытые синяками от ударов американца. Аталанцы явно чувствовали себя неловко.

Гордона провели к возвышению, стражники заняли места за его спиной. Без всяких церемоний Птолемей обратился к Абдулле:

— Выступай со своим обвинением.

Абдулла тут же прыгнул вперед и показал костлявым пальцем на Гордона.

— Я обвиняю этого человека в убийстве! — кричал он скрипучим голосом. — Сегодня перед рассветом он набросился на меня и на моих товарищей, пока мы спали, и зарезал того, кто сейчас лежит перед вами. Остальные с трудом спаслись.

По толпе пробежал возглас удивления. Птолемей с суровым видом обратился к Гордону:

— Что ты можешь сказать в ответ?

— Он врёт, — нетерпеливо заявил американец. — Я убил вот этого, да...

Его заглушил дикий рев толпы. Люди стали угрожающе приближаться к Гордону, но их оттеснили стражники.

— Я только защищал свою жизнь, — разозленно продолжал Гордон, которому совсем не нравилось положение обвиняемого. — Этот таджикский шакал в компании с тремя сообщниками — мертвецом и двумя, стоящими рядом с ним, — прошлой ночью проскользнул в дом Пердиккаса, в отведенную мне комнату. Меня ударили по голове чем-то тяжелым, я потерял сознание, а затем они отнесли меня в заброшенный дом, чтобы ограбить и убить.

— Да! — в гневе кричал Бардилис. — И они перерезали горло одному из слуг моего отца.

При этих словах настроение толпы изменилось. Теперь люди стояли в нерешительности.

— Ложь! — завизжал Абдулла, предпринимая отчаянные и безрассудные шаги, на которые его толкали алчность и ненависть. — Бардилис околдован! Эль Борака — колдун! Как еще он мог выучить ваш язык?

Толпа быстро отреагировала на эти слова — люди украдкой стали делать знаки, предохраняющие от дурного глаза. Аталанцы оказались такими же суеверными, как и их предки. Бардилис выхватил меч, вокруг него сгруппировались его молодые друзья, готовые к схватке, подобно охотничьим собакам.

— Для меня неважно, кто он: колдун или человек, — заявил Бардилис. — Он — мой брат, и я не позволю никому до него дотронуться, не рискнув головой.

— Он — колдун! — продолжал кричать Абдулла, брызгая слюной. — Я давно его знаю. Будьте осторожны! Он принесет безумие и разрушение в Аталус. Он носит на теле свиток с магическими письменами, и именно в нем заключается его колдовская сила. Отдайте мне этот свиток — я унесу его подальше от Аталуса и уничтожу там, где он никому не принесет зла. Позвольте мне доказать, что я не вру. Подержите Эль Борака, пока я его обыскиваю, и я докажу вам, что говорю правду.

— Я не позволю никому прикоснуться к Эль Бораку! — бросил вызов Бардилис.

Тут с трона поднялся Птолемей — смутный и мрачный, внушающий благоговейный страх. Не спеша, великан спустился по ступенькам со своего возвышения. Стражники мгновенно расступились, опасаясь встречаться с ним взглядами. Бардилис не сдвинулся с места, готовый бросить вызов даже своему

царю, но Гордон отстранил юношу. Эль Борак был не из тех, кто тихо стоит в стороне, позволяя другим защищать свою честь.

— Это правда, — спокойно сказал он, — что у меня на теле спрятан пакет с бумагами, но так же правда и то, что он не имеет никакого отношения к колдовству и что я убью любого, кто попытается отнять его у меня.

В эту секунду величавое спокойствие Птолемея будто испарилось, и он воскликнул в ярости:

— Ты посмеешь противостоять даже мне? — Голос царя звучал громкоподобно, глаза горели, а огромные кулаки сжимались и разжимались. — Ты уже считаешь себя царем Аталуса? Ты, черноволосый шакал, я убью тебя голыми руками! Все назад, освободите нам место!

Разбрасывая в стороны всех попадавшихся на пути, Птолемей бросился на Гордона, словно разъяренный бык. Атака оказалась такой быстрой и неистовой, что Гордон не успел остановить натиск противника. Они столкнулись грудь в грудь, и американца, который был гораздо меньше ростом, откинуло назад; он упал на колени. Птолемей продолжал атаковать, разозленный тем, что кто-то посмел оспорить его право считаться самым сильным человеком Аталуса. Мужчины сцепились в смертельной схватке, а окружавшие их зрители кричали и подбадривали противников.

Эль Бораку нечасто доводилось встречать соперников, превосходящих его по силе, но царь Аталуса, казалось, состоял из китовых костей и железа. В то же время он мог действовать с поразительной для такого крупного человека быстротой. Ни один из противников не имел оружия. Это была рукопашная схватка, они боролись, как их предки, прародители

расы. Птолемей понятия не имел о современных приемах и правилах борьбы, сражаясь, как лев или тигр, с неистовством первобытного человека. Гордону пока удавалось уворачиваться от его объятий, которые могли бы сломать позвоночник, как сухую ветку. Удары американца, обычно сокрушительные, постоянно достигали цели, но огромный царь Аталуса только шатался и содрогался под ними, подобно дереву на сильном ветру. Он крепко стоял на ногах, снова и снова атаковал, пускаясь вперед, словно тайфун, желая поскорее расправиться с чужестранцем, разорвав его на части мощными руками.

Пока Гордона спасали лишь умение перемещаться с поразительной скоростью да навыки, полученные во время боксерских тренировок, которые он уже столько раз за свою жизнь применял на практике. Обнаженный до пояса, покрытый синяками и ссадинами, он отражал атаку за атакой. Его истерзанное тело сотрясилось от ударов, но и огромная грудь Птолемея тяжело вздымалась. Лицо гиганта напоминало кусок сырого мяса, а на его теле появились следы ударов, которые уже давно убили бы кого угодно.

Издав вопль — что-то среднее между ругательством и рыданием, — Птолемей бросился всем телом на американца, пытаясь задавить его своим весом. Когда они оба рухнули на пол, царь Аталуса хотел ударить противника коленом в пах, но Гордон успел увернуться, и колено гиганта проскользнуло мимо, а сам американец ужом выскользнул из-под царя Аталуса.

Пошатываясь, они одновременно поднялись на ноги. Глаза Гордона слепил пот, смешанный с кровью, но он все равно видел возвышающуюся над ним фигуру царя, расставляющего руки. Кровь текла по груди Птолемея. Царь втянул живот, набирая воздух

в легкие, и именно в живот противника Гордон направил свой коронный удар левой, вложив в него всю силу. Сжатый кулак вошел точно в солнечное сплетение. Царь выпустил воздух, издав невнятное рычание. Его руки опустились, и он зашатался, как дерево, по которому только что ударили топором. Гордон не терял ни секунды и на этот раз направил удар правой прямо в челюсть гиганта. Послышался хруст костей, Птолемей рухнул вниз лицом и больше не шевелился.

***

В наступившей тишине все глаза, округлившиеся от неожиданности и удивления, смотрели на распростертое тело гиганта и на окровавленного темноволосого чужестранца, стоявшего над ним. Тишину пререзал стук копыт и голос задыхающегося человека, доносившиеся с улицы все громче и громче. Лошадь встала перед ступенями дворца, и все собравшиеся повернулись к двери. В зал, шатаясь, вошел воин, кашляющий кровью.

— Это стражник из охраняющих вход в долину! — воскликнул Бардиллис.

— Мусульмане! — прохрипел вновь прибывший, зажимая рукой рану на плече, из которой сквозь пальцы лилась кровь. — Триста афганцев. Они атаковали проход. Их ведут чужестранец и четверо турок с оружием, бьющим много раз подряд, без перезарядки! Они расстреляли нас с большого расстояния, когда мы только заняли боевые позиции, чтобы охранять проход. Афганцы вошли в долину...

Он покачнулся и упал, а изо рта у него пошла кровь. В плече, у самого основания шеи, зияла рана от пули.

Ужасная новость была встречена без криков ужаса. В полнейшей тишине, снова воцарившейся в

зале, все глаза устремились на Гордона, который стоял, прислонившись к стене и хватая ртом воздух. У него кружилась голова.

— Ты одолел Птолемя, — заявил Бардиллис. — Он мертв или лежит без чувств. Пока он беспомощен, ты — царь. Таков наш закон. Приказывай, что делать.

Гордон с трудом собрался с мыслями и воспринял ситуацию как должное — без возражений и вопросов. Если афганцы уже в долине, то нельзя терять ни секунды. Ему показалось, что он слышит отдаленный грохот выстрелов.

— Сколько человек в состоянии держать оружие? — спросил он.

— Триста пятьдесят, — сообщил один из вождей.

— Тогда пусть берут оружие и следуют за мной. Стены города обветшали. Если мы останемся внутри, а осадой будет руководить Хуньяди, мы окажемся в ловушке, как крысы. Мы должны разбить их одним ударом — только в этом случае мы сможем победить.

Кто-то принес ему кривую турецкую саблю в ножнах, прикрепленных к поясу, который Гордон тут же застегнул вокруг талии. У него продолжала кружиться голова и ныло все тело, но он все-таки сумел собраться с силами. Перспектива решающей схватки с Хуньяди заставляла кровь бурлить в жилах.

По приказу чужеземца аталанцы подняли бесчувственного Птолемя и опустили на ложе. Царь еще ни разу не пошевелился, и Гордон посчитал вполне вероятным, что он получил сотрясение мозга. Во-первых, нанесенный американцем удар просто сломал бы череп любого менее слабого противника, а во-вторых, падая, царь ударился головой о каменный пол.

Гордон вспомнил про Абдуллу и огляделся вокруг в поисках таджика, но тот уже успел испариться.

Во главе воинов Аталуса Гордон направился по улицам города к массивным воротам. Все были вооружены длинными кривыми мечами, некоторые — тяжеловесными фитильными ружьями — древним оружием, захваченным у горных племен. Американец знал, что оружие афганцев ничуть не лучше, но из-за винтовок Хуньяди и турок аталанцы могут понести большой урон.

Затем Гордон увидел орду, заполняющую долину. Правда, противники пока еще находились на значительном расстоянии и шли пешком. К счастью для аталанцев, у одного из стражников, охранявших проход в долину, была лошадь. В противном случае о нападении они узнали бы только тогда, когда афганцы уже добрались бы до стен города.

Атакующие были пьяны от возбуждения и останавливались, чтобы поджечь одиноко стоящие на пути хижины, подстрелить пасущийся скот, растоптать посадки. Ими двигало одно желание — нести разрушение. За спиной Гордона послышался гул, и, оглянувшись назад, он увидел напрягшиеся тела и горящие гневом голубые глаза. Американец понял, что руководит отрядом смельчаков, готовых сражаться до последнего.

Он повел их к длинной неровной каменной стене, пересекающей равнину. Это были остатки древнего укрепления, давно покинутого и разрушившегося за века, но оно обеспечивало хоть какую-то защиту. Когда они добрались, завоеватели все еще находились вне досягаемости огня. Афганцы ускорили шаг, перестали отвлекаться на уничтожение всего живого на своем пути и завывали, как волки.

Гордон приказал своим воинам лечь за камни и подозвал к себе тех, у кого имелись фитильные ружья. Таких оказалось около тридцати.

— Не обращайтесь внимания на афганцев, —ставлял их американец. — Стреляйте в людей с винтовками. Тщательно целитесь и ждите моего приказа, затем стреляйте все одновременно.

Орда, одетая в лохмотья, растягивалась по мере приближения. За полуразрушенной стеной их молча ждали суровые воины, готовые стоять не на жизнь, а на смерть. Аталанцы дрожали от нетерпения, но Гордон пока не давал сигнала. В середине приближающейся людской массы он увидел высокую худощавую фигуру Хуньяди и турок в тюрбанах. Противники невозмутимо шли вперед, уверенные, что у аталанцев нет современного оружия и что Гордон потерял свое: они видели, как тот спускался по отвесной каменной стене без винтовки. Гордон ругал последними словами Абдуллу, из-за предательства которого он лишился и пистолета.

Когда афганцы находились еще вне досягаемости фитильных ружей, Хуньяди выстрелил — и воин, стоявший рядом с Гордоном, рухнул на землю: пуля пробила ему голову. По линии защитников пробежали возгласы ярости и нетерпения, но Гордон успокоил их, приказав ниже пригнуться за камнями. Хуньяди выстрелил снова, его примеру последовали турки, но пули отскочили от камней. Афганцы приближались, подвывая от жажды крови и нетерпения. Они быстро превращались в неуправляемую толпу.

Гордон выжидал, чтобы заманить Хуньяди поближе, но внезапно с сотрясающим землю криком афганцы понеслись вперед мимо венгра. Их ножи блестели, как блики солнца на воде. Хуньяди гром-

ко заорал, не в состоянии больше видеть и целиться в своих врагов из-за спин союзников. Несмотря на его крики и приказы остановиться, они продолжали нестись вперед.

Прячущийся за камнями Гордон с ненавистью смотрел на бегущих к нему врагов, пока не увидел их глаза, горящие фанатичным огнем.

— Пли! — приказал американец.

Громоподобный звук тридцати выстрелов сотряс долину. Фитильные ружья на таком расстоянии били уже смертельно. Волна свинца накрыла надвигающихся врагов, и афганцы попадали на землю. Забыв про осторожность, аталанцы перескочили через стену и бросились на шатающихся врагов, еще не оправившихся от выстрелов. Ругаясь, как только что ругался Хуньяди, Гордон выхватил из ножен кривой меч и последовал за ними.

Теперь не оставалось времени для приказов. Аталанды сражались с афганцами, как бились люди тысячу лет назад, в беспорядке, без какого-либо плана. Они напрягали все силы, кричали, изрыгали проклятия. Это была толпа, среди которой то и дело, подобно молниям, сверкали клинки. Афганские ножи длиной в ярд скрещивались с кривыми мечами аталанцев. Когда ножи или мечи рассекали плоть и кость, звуки напоминали те, что доносятся из сараев забойщиков скота. Умиравшие тянули за собой живых, воины падали, спотыкаясь о трупы. Стороны сражались без передышки, не прося пощады и не считывая на нее. Тысячелетия вражды и ненависти вылились в бойню.

За все время схватки не прозвучало ни выстрела, но вскоре Гордон заметил, что толпу пытается обойти Хуньяди со своими турками, стреляя с поразительной точностью в спины аталанцев. В рукопашной

схватке крепкие аталанцы были достойными соперниками волосатым афганцам и по численности немногим превосходили нападавших, но они утратили преимущество изначальной позиции. А теперь еще винтовки венгра и его ближайших приспешников вносили разлад в их расстроенные и без того ряды. Двое турок вышли из игры: в одного попал кусок свинца во время залпа из фитильных ружей, а второму вспорол живот умирающий аталанец.

Гордон пробирался сквозь массу сражающихся, уворачиваясь от клинков, пока не столкнулся лицом к лицу с одним из оставшихся в живых турок. Противник наставил на него дуло винтовки, нажал спусковой крючок, но обойма оказалась уже пустой, а в следующую секунду кривой меч Гордона проткнул соперника насквозь и вышел на целый фут из спины. Не успел американец извлечь клинок из тела противника, как последний турок выстрелил в него из пистолета, промахнулся и в негодовании отбросил пистолет в сторону. Турок бросился вперед, размахивая саблей, надеясь снести Гордону голову. Эль Борак парировал удар зазвеневшим клинком, потом его кривой меч рассек воздух, подобно голубому лучу, и прошел сквозь череп турка до подбородка.

Наконец он увидел Хуньяди. Венгр искал что-то на поясе — Гордон понял, что у противника кончились патроны.

— Мы уже много раз стреляли друг в друга, Густав! — крикнул Гордон. — И мы оба до сих пор живы. Иди сюда, давай сразимся холодными клинками!

С диким смехом венгр вырвал из-за пояса стальной клинок, ярко сверкнувший в лучах утреннего солнца. Густав Хуньяди был высоким мужчиной, происходившим из благородной семьи мадьяров,

гибким и вертким, как пума, с бегающими глазами и жестко очерченным ртом.

— Я ставлю свою жизнь против небольшого пакета документов, Эль Борака! — засмеялся венгр, когда их клинки встретились.

Сражение, минуту назад бушевавшее вокруг, прекратилось, наступила тишина. Воины отступили назад, их груди вздымались, с мечей капала кровь. Они наблюдали за своими предводителями, решившими померяться силами.

Кривые мечи сверкали на солнце, встречались, отлетали в стороны, терлись друг о друга, подобно живым существам.

К счастью для Эль Борака, его запястье было прочнее стали, взгляд острее и увереннее, чем у сокола, мозг работал в унисон с мышцами, и весь он являл собой грозное оружие, словно отточенный клинок. Хуньяди включил в свою игру все мастерство людей, сражающихся мечами, все навыки, которым обучают наставники в Европе и Азии, и всю хитрость дикаря, которую он усвоил в смертельных схватках на окраинах земли.

Венгр был выше Гордона, а его рука длиннее. Снова и снова его меч почти касался горла американца, один раз даже скользнул по руке Гордона, и на ней тут же появилась алая струйка. Тишину нарушали только топот их ног, свист клинков, рассекающих воздух, и тяжелое дыхание двух мужчин. Гордону было труднее: сказывалась недавняя схватка с Птолемеем. У него уже дрожали ноги, в глазах темнело. словно сквозь туман он увидел победную улыбку, появившуюся на тонких губах Хуньяди.

Собрав последние силы, Гордон предпринял решительный выпад, на который его толкнуло отчая-

ние, — словно умирающий волк неожиданно пришел в ярость. Как молния, мелькнул стальной клинок — и Хуньяди оказался на земле, пронзенный узким кривым мечом Гордона.

Венгр поднял горящие глаза на победителя, и его губы исказила жуткая улыбка.

— Слава повелительнице истинных авантюристов! — прошептал он, захлебываясь собственной кровью. — Слава госпоже Смерти!

Его голова упала на землю, и Хуньяди затих, повернув бледное лицо к небу; из его рта струилась кровь.

Афганцы стали потихоньку отступать, их дух был сломлен. Они напоминали стаю волков, потерявшую своего вожака. словно очнувшись от сна, аталанцы с победным криком ринулись за ними. Неудачливые завоеватели нестройными рядами бросились наутек, а разъяренные аталанцы преследовали их, рассекая клинками их спины, прогоняя из своей долины.

Гордон смутно видел, что рядом с ним остался Бардилис, залепанный кровью, но возбужденный и радостный. Юноша поддерживал старшего товарища, который, казалось, в любую минуту может рухнуть без сознания. Американец стер со лба пот, смешавшийся с кровью, а потом дотронулся до пакета у себя на теле. Из-за этого пакета уже погибло много людей, и еще многие погибли бы, включая незащищенных женщин и детей, если бы он не был спасен.

Бардилис что-то прошептал, предупреждая Гордона. Американец поднял голову и увидел царя Аталуса, неторопливо идущего к ним от города. От ударов железных кулаков Гордона у Птолемея опухло лицо и заплаыл глаз. Царь перешагивал через трупы, устилающие долину, и наконец остановился, подойдя к Гордону и его молодому другу.

Бардилис схватился за окровавленный меч, но Птолемей, заметив этот жест, улыбнулся разбитыми губами. Он держал что-то за спиной.

— Я пришел с миром, Эль Борак,— спокойно сказал он.— Человек, способный сражаться так, как сражался ты,— не колдун, не вор и не убийца. А я не глупец, чтобы ненавидеть того, кто победил меня в честной схватке и спас мое царство, пока я лежал без чувств. Ты пожмешь мою руку?

Гордон пожал протянутую руку, испытывая самые лучшие чувства к этому великану, которого он с радостью назвал другом. Ведь его единственным недостатком было тщеславие.

— Я пришел в себя слишком поздно, чтобы участвовать в битве,— продолжал Птолемей.— Я видел только ее конец. Но если я не успел вовремя на поле брани, чтобы бить мусульманских шакалов, то, по крайней мере, избавил нашу долину от одной крысы, прятавшейся во дворце.

С такими словами он бросил что-то к ногам Гордона. Это оказалась отсеченная голова Абдуллы. Его черты навсегда застыли от ужаса, а невидящие глаза смотрели на американца.

— Ты останешься жить в Аталусе и станешь моим братом, как и братом Бардилиса? — спросил Птолемей, глядя вдаль, на проход, через который воины гнали афганцев.

— Благодарю тебя, царь,— ответил Гордон,— но я должен вернуться к своему народу, а впереди меня ждет еще долгий путь. После того как я отдохну несколько дней, я должен буду покинуть вас. Единственное, чего я прошу от граждан Аталуса,— это немного еды в дорогу. Твои люди такие же сильные и отважные, как их древние предки.

ЛЕВ ТИВЕРИАДЫ

ражение в долине Евфрата подходило к концу, хотя резня еще продолжалась. Залитое кровью поле, где багдадский калиф со своими турецкими союзниками отбил натиск Дубейза ибн-Садаки, властителя Хиллы и пустыни, усеивали тела облаченных в доспехи воинов, будто разбросанные ураганом. Огромный канал, который люди называли Нилом, соединявший Евфрат с Тигром, был забит трупами кочевников;

а те из них, кто остался в живых, отчаянно спасались бегством, направляясь к белым стенам Хиллы, видневшимся в отдалении над безмятежными водами реки.

Сельджукские воины, словно ястребы, преследовали беглецов, выбивая их из седел. Блистательная мечта арабского эмира наяву оказалась морем крови и стали, а он сам, яростно прищипоривая лошадь, также мчался к реке.

Но в одном месте бой все еще продолжался. Там любимый сын эмира Ахмет, стройный юноша лет семнадцати-восемнадцати, отчаянно защищался бок о бок со своим единственным товарищем. Набросившиеся на них всадники отскочили назад, с воплями бессильной ярости уклоняясь от ударов огромного меча, которым тот защищался.

Фигура этого человека казалась здесь чуждой и неуместной. Его рыжая грива резко отличалась от черных вьющихся волос нападавших — как и его запыленные доспехи от их серебристых кольчуг и сияющих шлемов, украшенных перьями. Он был высок и могуч, под доспехами угадывались прекрасно развитые мускулы. Выражение его смуглого, покрытого шрамами лица было сумрачным, а взгляд синих глаз — холодным и жестким, словно сталь, из которой гномы на Рейне выковывали мечи для героев северных лесов.

В жизни Джону Норвальду пришлось нелегко. Он происходил из семьи, разоренной норманнами-завоевателями. Этот потомок феодального тана помнил лишь крытые соломой хижины и нелегкую жизнь наемного солдата, за жалкую плату служившего баронам, которых ненавидел.

Он родился на севере Англии, в древнем Дейнла, где давно обосновались синеглазые викинги, и по крови был ни саксонцем, ни норманном, а датчанином, и обладал мрачной несокрушимой силой холодного Севера. После каждого удара, который наносила ему жизнь, он становился еще более жестоким и безжалостным. И в долгом странствии на восток, которое привело его на службу к сэру Уильяму де Монсеррату, сенешалю пограничного замка, находившемуся за Иорданом, ему также пришлось нелегко.

За всю свою тридцатилетнюю жизнь Джон Норвальд мог вспомнить лишь один добрый поступок, одно милосердное деяние по отношению к себе; и именно благодаря ему он теперь с отчаянной яростью противостоял целой орде врагов.

Во время первого набега Ахмета его конники заманили де Монсеррата с горсткой вассалов в ловушку. Юноша не боялся боя, но жестокость, с которой добивали поверженных противников, была ему не по сердцу. Корчившийся в кровавой пыли Джон Норвальд, оглушенный и полумертвый, смутно увидел, как легкая рука оттолкнула поднятый над ним ятаган, и над ним склонилось юное лицо со слезами жалости в черных глазах.

Ахмет, слишком мягкий для своего века и той жизни, которую ему приходилось вести, заставил своих изумленных воинов поднять раненого франка и взять его с собой. Пока рана Норвальда заживала, он лежал в шатре Ахмета неподалеку от оазиса, где жили племена ассадов, а ухаживал за ним собственный лекарь юноши. Когда он снова смог сесть на коня, Ахмет отвез его в Хиллу. Дубейз ибн-Садака всегда старался потакать капризам сына и даровал Норвальду жизнь, хотя с набожным ужа-

сом и пробормотал что-то в бороду. Но в последствии он не жалел о своем решении, поскольку мрачный англичанин оказался воином, стоящим трех его собственных.

Джон Норвальд не чувствовал никакой вины ни по отношению к де Монсеррату, который бежал от засады, оставив его в руках мусульман, ни по отношению ко всей той расе, от представителей которой он всю жизнь терпел лишь беды. Жизнь арабов хорошо соответствовала его урюмому, свирепому нраву, и он погрузился в водоворот набегов, пограничных войн и междоусобиц обитателей пустыни — как будто родился в бедуинском шатре из черного войлока, а не под соломенной йоркширской крышей.

И теперь, после неудачной попытки ибн-Садаки овладеть Багдадом и тронем, англичанин снова оказался в окружении врагов, обезумевших от запаха крови. Вокруг него и его юного товарища роились дикие наездники Мосула, хищники Васита и Бассоры, чей господин Зенги Имад-ад-дин в тот день перехитрил ибн-Садаку и уничтожил его войско.

Ахмет и Джон Норвальд, пехотинцы, отражали натиск, стоя спиной к стене из человеческих и лошадиных трупов. Эмир в шлеме, украшенном пером цапли, натягивая поводья турецкого скакуна, выкрикивал свой боевой клич, а позади него толпился его охрана.

— Прочь, мальчик! Предоставь его мне! — прорычал англичанин, отталкивая Ахмета назад. Ятаган выбил синие искры из его шлема, а ответный удар огромного меча Норвальда выбросил уже мертвого сельджука из седла. Стоя над телом предводителя нападавших, франкский великан отбивал удары воинов, с воплями нахлынувших на него.

Кривые сабли разбивались о щит и доспехи англичанина, а его длинный меч крушил щиты, кирасы и шлемы, разрубая плоть и ломая кости, устилая землю у его ног трупами. Оставшиеся в живых, задышавшись и вопя, отступили.

Тут громовой голос заставил их оглянуться назад, и они расступились, пропустив вперед высокого, крепко сложенного всадника. Тот подъехал к защищавшимся и остановился, натянув поводья. Джон Норвальд впервые оказался лицом к лицу с Зенги-эш-Шаами Имад-ад-дином, правителем Васита и губернатором Бассоры, которого называли Львом Тивериады — за подвиги, свершенные им при осаде этого города.

Англичанин отметил ширину мощных плеч, сильные руки, державшие узду и рукоять меча, магнетический взгляд горящих синих глаз, безжалостное смуглое лицо. Под тонкой черной линией усов улыбались широкие губы; но улыбка походила скорее на оскал охотящейся пантеры.

Зенги заговорил, и в его мощном голосе ощущались не то глумление, не то злобное ликование.

— Кто эти паладины, что стоят посреди своих жертв подобно тиграм в их логове, и никого не найдет, кто выступил бы против них? Рустем ли это попирает моих эмиров — или всего лишь отступник-назарейнин? А другой, клянусь Аллахом — если я не лишился разума, — детеныш волка пустыни! Разве ты не Ахмет ибн-Дубейз?

Норвальд урюмо молчал, прищуренными глазами он изучал турка, сжимая окровавленную рукоять меча.

— Ты не ошибся, Зенги-эш-Шаами, — гордо ответил Ахмет, — а это мой брат по оружию Джон Норвальд. Прикажи, о принц, своим волкам наступать.

Многие из них пали. И еще не один падет, прежде чем их сталь доберется до наших сердец.

Зенги, подвластный демону-насмешнику, что таится в сердцах всех сыновей Азии, пожал могучими плечами.

— Сложите оружие, волчонок,— и я клянусь честью моего рода, что ничей меч не коснется вас.

— Я не доверяю ему,— прорычал Джон Норвальд.— Пусть только он приблизится хоть на шаг, и отправится в ад вместе с нами.

— Нет,— ответил Ахмет.— Князь сдержит свое слово. Опустите меч, брат мой. Мы сделали все, что только могут люди. Мой отец эмир выкупит нас.

Он бросил ятаган с мальчишеским вздохом нескрываемого облегчения, а Норвальд с неохотой положил свой меч.

— Я предпочел бы вонзить меч в его тело,— проворчал он.

Ахмет повернулся к победителю и распростер руки.

— О, Зенги...— начал он, но тут турок сделал быстрый жест, и двое пленников ощутили, что их схватили и связали за спиной руки ремнями, врезающимися в тело.

— В этом нет никакой необходимости, принц,— запротестовал Ахмет.— Мы отдались в ваши руки. Прикажите вашим людям освободить нас. Мы не попытаемся бежать.

— Замолчи, щенок! — отрезал Зенги. В его глазах все еще плясала опасная насмешка, но лицо потемнело от ярости. Он приблизился к пленным.

— Ни один меч не коснется тебя, собака,— неторопливо сказал он.— Таково было мое слово, а свои клятвы я держу. Ничей клинок не приблизится к тебе, однако сегодня же вечером стервят-

ники будут пировать твоим телом. Твой пес отец убежал от меня, но ты не убежишь; а когда ему расскажут о твоём конце, он будет в муке рвать на себе волосы.

Ахмет, которого крепко держали солдаты, побледнев, поднял глаза; но заговорил без страха:

— Значит, ты нарушаешь клятву, турок?

— Я вовсе не нарушаю клятву,— ответил повелитель Васита.— Кнут — не меч.

Он поднял руку, державшую ужасный турецкий бич, из семи сыромятных ремешков с вплетенными кусочками свинца. Нагнувшись в седле, он с ужасной силой ударил юношу бичом поперек лица. Брызнула кровь, и один из глаз Ахмета оказался наполовину вырванным из глазницы. Юношу держали крепко, и он не мог уклоняться от обрушившихся на него ударов Зенги. Но он не издал ни всхлипа, хотя от ударов, раздиравших плоть и ломавших кости, его лицо превратилось в ужасающее кровавое безглазое месиво. Только под конец, когда умирающий потерял сознание и его тело обвисло в руках державших его солдат, с истерзанных губ сорвался еле слышный животный стон.

Джон Норвальд молча следил за этой сценой, и его сердце превращалось в лед, который не смогло бы растопить ничто, а в душе зрела неистребимая, первозданная ярость.

Избиение закончилось. Еще подававшую признаки жизни кровавую массу, в которую превратился Ахмет ибн-Дубейз, небрежно бросили на кучу мертвецов. На пурпурную маску его лица упала тень крыльев стервятников. Зенги отбросил бич, с которого капала кровь, и повернулся к безмолвному франку. Но когда он встретил взгляд горящих глаз пленника, улыбка исчезла с его губ и насмешки

остались невысказанными. В этих холодных глазах турок прочел беспредельную ненависть — чудовищную, пылающую, едва ли не осязаемую, исходящую из глубин ада и неподвластную времени.

Турок задрожал, словно от невидимого ледяного ветра. Однако он вернул себе присутствие духа.

— Я оставляю тебе жизнь, неверный, — сказал Зенги, — согласно моей клятве. Ты получил представление о моей силе. Помни о ней те долгие тоскливые годы, когда ты пожалеешь о моем милосердии и будешь вить, умоляя о смерти. И знай, что так же, как я поступил с тобой, я поступлю и со всем христианским миром. Я пришел в Европу и, оставив тамошние замки в развалинах, вернулся на восток, привесив к седлу головы их властелинов. Я приду туда снова — но не с набегом, а чтобы завоевать. Я сброшу в море их полчища. Франкистан зарывает над своими мертвыми королями, а мои кони растопчут крепости неверных; ибо здесь, на этом поле, я вступил на сияющие ступени лестницы, ведущей к царскому трону.

— Тебе, Зенги, тивериадской собаке, я скажу лишь одно, — ответил франк голосом, который сам не узнал. — Через год ли, десять или двадцать лет я приду снова; и ты заплатишь этот долг.

— Так сказал охотнику пойманный волк, — ответил Зенги и, обращаясь к мамелюкам, державшим Норвальда, сказал: «Поместите его с невыкупленными пленниками. Отвезите его в Бассору и позаботьтесь, чтобы его продали гребцом на галеру. Он силен и, возможно, проживет года четыре или пять».

Беглецам, стремившимся достичь отдаленных башен Хиллы, алый закат солнца представлялся зловеще-кровавым. Но калифу, стоявшему на холме, и возносившему голос к Аллаху, который еще раз

доказал господство выбранного им земного наместника и спас священный Город Мира от осквернения, земля казалась залитой светом имперского величия.

— Воистину, в исламском мире возвысился юный лев, чтобы сделаться мечом и щитом правоверных, восстановить мощь Мухаммеда и одолеть неверных.

***

Князь Зенги был сыном раба. Это не было большим недостатком в те дни, когда сельджукские императоры, как позже и османские, управляли с помощью генералов и сатрапов, вышедших из рабов. Его отец, Ак-Сункур, занимал высокие посты при султани Мелик-шахе, и в отрочестве Зенги прошел основательное обучение у военачальника Кербози из Мосула.

Зенги не принадлежал к сельджукам; его предки были тюрками из-за Оксуса и принадлежали к народу, который позже стали называть татарами. Его соплеменники быстро стали выдвигаться на первый план в западной Азии после того, как империя сельджуков, поработивших их и позже обучивших искусству править, начала рушиться. С ослаблением ига султанов эмиры начали вести себя беспокойно. Сельджуки пожинали плоды той феодальной системы, чьи семена они сами и посеяли; а среди ревниво относившихся друг к другу сыновей Мелик-шаха не оказалось ни одного достаточно сильного, чтобы остановить распад.

Пока что владения, в которых правили вассалы султанов, хотя бы внешне сохраняли верность своим властителям, но уже начинался тот неизбежный

процесс, который в конечном счете привел к созданию молодых царств на руинах бывшей империи. И в первую очередь это происходило благодаря энергии одного человека, Зенги-эш-Шаами — Зенги-сирийца, которого называли так из-за его успехов в битвах с крестоносцами в Сирии. Народная молва оставила Зенги незамеченным, возвеличивая Саладина, который выдвинулся позже и затмил его. Однако он был предшественником великих мусульманских героев, которым предстояло разрушить королевства крестоносцев, и если бы не он, то выдающиеся свершения Саладина могли бы никогда не осуществиться.

Среди сонма неясных призраков, которые движутся сквозь эти кровавые годы, ярко выделяется одна фигура — человек на вздыбленном черном жеребце, в черном шелковом плаще поверх доспехов, с окровавленным ятаганом в руке. Это Зенги, сын языческих кочевников, первый в блистательном ряду выдающихся воителей — Нур-ад-дин, Саладин, Балибар, Калавун, Баязет, Суботай, Чингизхан, Хулагу, Тамерлан и Сулейман Великий, перед которыми отступали негибимые люди христианского мира.

Взятие Тира крестоносцами в 1224 году явилось высшей точкой франкского владычества в Азии. После этого удары воинов ислама падали на все более слабеющее государство. Ко времени битвы при Евфрате европейское королевство простиралось от Эдессы на севере до Аскалона на юге — приблизительно на пять сотен миль. Однако его ширина с востока на запад составляла всего пятьдесят миль, и расстояние от мусульманских укрепленных городов до христианских владений было короче дневного конного перехода.

Так не могло длиться вечно. Причиной же тому, что это положение сохранялось настолько долго, частично явилась упрямая доблесть крестоносцев, а частично отсутствие у мусульман решительного вождя.

Таким вождем стал Зенги. Когда он разбил ибн-Садаку, ему исполнилось тридцать восемь, и он всего лишь год как получил во владение Васит. На место правителя султан назначал людей не моложе тридцати шести лет, и большинство вельмож оказывались намного старше, когда устаивалось той же чести, что и Зенги. Но такой почет лишь разжег в нем честолюбие.

То же солнце, что беспощадно жгло Джона Норвальда, который в цепях тащился по дороге, ведшей его к скамье галерного гребца, сияло на позолоченных доспехах Зенги, направлявшегося на север, чтобы в Хамадхане поступить на службу к султану Мухаммеду. И похвальба Зенги, что он шагает по лестнице, ведущей к славе, не была беспочвенной. Весь правотворный мусульманский мир соперничал в его восхвалении.

До франков, которые попробовали его когтей в Сирии, дошли смутные слухи о сражении неподалеку от Нильского канала, да и другие новости о росте его могущества. Стало известно о разногласиях между султаном и калифом и о том, что Зенги обратился против своего прежнего повелителя, приняв участие в походе на Багдад под знаменами Мухаммеда. Арабские менестрели пели, что отличия сыплются на него, словно звезды. Зенги поднимался все выше — губернатор Багдада, правитель Ирака, князь эль-Джезиры, атабег Мосула, а франки тем временем игнорировали новости с Востока с упрямой слепотой, свойственной их расе, пока их

границы не уподобились аду и рев Льва не потряс башни их крепостей.

Заставы и замки запылали; сердца христиан ощутили сталь лезвий, а их шеи — ярмо раба. Под стенами обреченного Атариба Болдуин, король Иерусалима, видел, как отборные отряды его рыцарей были рассеяны и бежали в пустыню. И еще раз, в Барине, Лев обратил Болдуина и его дамаских союзников в бегство; а когда сам император Византии Иоанн Комнин выступил против победоносных турок, он обнаружил, что с тем же успехом можно преследовать пустынный ветер, который, неожиданно меняя направление, истребляет отставшую часть его войска и постоянно тревожит его боевые линии.

Иоанн Комнин решил, что мусульманских соседей не следует презирать больше, чем своих варварских франкских союзников и, прежде чем отплыть от сирийского побережья, вступил в тайные переговоры с Зенги, что позднее привело к большой крови. Его уход позволил турку беспрепятственно выступить против своих вечных врагов франков. Целью Зенги была Эдесса, самый северный оплот христиан, и один из их наиболее укрепленных городов. Но, подобно ловкому игроку, он обманывал противника уловками и ложными ходами.

Королевство шаталось под его ударами. Все заглушали крики конников, звон тетивы луков и свист мечей. Солдаты Зенги пронеслись по стране, и копыта их коней разбрызгивали кровь на знамена королей. Крепости гибли в пламени, изрубленные трупы устилали долины, смутные руки тащили вопящих светловолосых женщин, а повелителям франков оставалось только стонать от гнева и боли. Зенги в украшенном звездами тюрбане, с окровав-

ленным ятаганом в руке, на своем вороном жеребце несся к желанному трону.

А пока он, словно ураган, опустошал страну, свергал баронов, а потом делал кубки из их черепов и устраивал конюшни в их дворцах, рабы-гребцы на одной из галер под нескончаемый скрип весел и доводивший до безумия плеск волн перешептывались друг с другом в вечной темноте трюма, обсуждая рыжеволосого гиганта, который всегда молчал и которого не могли сломить ни тяжкая работа, ни голод, ни удары бича, ни бесконечная вереница ожесточенных лет.

Шли годы — блистательные, звездные годы наездника в сияющем седле, обладателя дворца под золотым куполом; мрачные, безмолвные, ожесточенные годы в наполненной скрипом и вонью темноте галерных трюмов.

***

Словно ветер летит над землей Его конь,
И Тень Смерти скользит вслед за ним по земле,
И рыдают владыки кафиров ведь Он
Царства их растоптал, и дворцы их в огне!

Так пел бродячий менестрель-араб в таверне небольшой деревушки, стоявшей на древней, а теперь мало используемой дороге между Антиохией и Алеппо. Деревня состояла из горстки глинобитных хижин, сгрудившихся у подножия холма, на вершине которого находился замок. Население здесь было смешанным — сирийцы, арабы, люди с примесью франкской крови.

В тот вечер в таверне собрались люди самые разные — местные крестьяне; пара арабов-пастухов; французские наемные солдаты из замка на

холме, в потрепанной кожаной одежде и ржавых доспехах; паломник, отклонившийся в сторону от своего пути на юг, к святым местам; оборванный менестрель.

Обращали на себя внимание два человека. Они сидели напротив друг друга за резным столом грубой работы, ели мясо и пили вино; и явно были незнакомы, так как не обменялись ни словом, хотя украдкой поглядывали друг на друга. Оба были высоки и широкоплечи, но на этом сходство между ними заканчивалось. Один был чисто выбрит на его хищном ястребином лице холодно мерцали пронизательные синие глаза. Его вороненый шлем лежал на скамье рядом с ним, вместе с прямоугольным щитом; а кольчужный подшлемник был сдвинут назад, обнажая густые ярко-рыжие волосы. Его доспехи были отделаны золотом и серебром, а на рукоятке меча сверкали драгоценные камни.

Человек, сидевший напротив, в пыльной серой кольчуге с выдавшим виды ничем не украшенным мечом, по сравнению с первым выглядел бесцветно. К его коротко остриженным каштановым волосам хорошо шла небольшая борода, скрывавшая сильную нижнюю челюсть.

Менестрель закончил песню под звон бросаемых ему монет и оглядел слушателей — наполовину дерзко, наполовину настороженно.

— Вот так, господа мои, — провозгласил он, одним глазом посматривая на добычу, а другим на дверь, — Зенги, князь Васита, поднялся со своими мамелюками на лодках вверх по Тигру, чтобы помочь султану Мухаммеду, стоявшему лагерем под стенами Багдада. И когда калиф увидел знамена Зенги, он сказал: «Вот, теперь поднялся против меня молодой лев, который победил для меня ибн-Сада-

ку; откройте ворота, друзья, и отдайтесь на его милость, так как здесь нет никого, кто мог бы противостоять ему». И это сделали, и султан отдал Зенги всю землю эль-Джезиры.

— Золото и власть он тратил без счета. Он добился, чтобы Мосул, его столица, который он нашел в руинах, расцвел, как роза в оазисе. Цари дрожали перед ним, но бедняки радовались, так как он оградил их от меча. Те, кто служит ему, смотрят на него как на Бога. Говорят о нем, что он дал рабу на сохранение отруби и в течение года не спрашивал о них. А когда спросил, раб отдал ему отруби прямо в руки, завернутые в салфетку. И за такое усердие Зенги доверил ему управлять замком. Потому что, хотя атабегу служить и нелегко, он справедлив к истинно преданным.

Рыцарь в сияющих доспехах бросил менестрелю монету.

— Ты хорошо пел, язычник! — воскликнул он резким голосом, странно произнося норманско-французские слова. — А знаешь ли ты песню о разграблении Эдессы?

— Да, господин мой, — ухмыльнулся менестрель, — и с позволения вашей милости попробую спеть ее.

— Прежде твоя голова покатится по полу, — внезапно с угрозой произнес другой рыцарь. — Достаточно, что ты восхваляешь собаку Зенги прямо нам в лицо. Никто в моем присутствии — и под христианской крышей — не будет петь о бойне в Эдессе.

Менестрель побледнел и попятился назад, потому что холодные серые глаза франка смотрели с явной угрозой. Рыцарь в разукрашенных доспехах

взглянул на говорившего — с любопытством, но без возмущения.

— Ты, друг, говоришь как человек, кому тяжело слышать об этом, — сказал он.

Тот мрачно взглянул на говорившего, но ответил лишь легким пожатием могучих плеч и вернулся к еде.

— Погоди, — упорствовал второй, — я не хотел задеть тебя. Я недавно появился в этих краях; я сэр Роджер д'Ибелин, вассал короля иерусалимского. Я воевал с Зенги на юге, когда Болдуин и Анар дамасский составили союз против него, и лишь хотел узнать подробности о взятии Эдессы. Бог свидетель, лишь немногим христианам удалось спастись, чтобы рассказать о нем.

— Прошу простить мою кажущуюся неучтивость, — ответил другой. — Я — Майлз дю Курсей и состою на службе у принца Антиохии. Я был в Эдессе, когда она пала.

— Зенги пришел из Мосула и опустошил Диар Бекр, отвоевав у сельджуков город за городом. Граф Жослен де Куртений умер, и власть оказалась в руках этого бездельника Жослена II. Поздней осенью Зенги осадил Амид, и граф встрепнулся — но лишь для того, чтобы со всеми своими домочадцами отправиться в Тюрбессель.

— Нас оставили в Эдессе, поручив город попечению жирных армянских купцов, которые держались за свои мешки с деньгами и, дрожа в страхе перед Зенги, были неспособны преодолеть свою свинскую жадность настолько, чтобы оплачивать наемников, оставленных Жосленом для защиты города.

— Ну, как всем известно, стоило Зенги узнать, что этот недоумок Жослен бежал из Эдессы, как он

оставил Амид и пошел на нас. Он подвел к стенам города осадные машины и круглые сутки атаковал ворота и башни, которые никогда бы не пали, имей мы достаточно людей, чтобы оборонять их.

— Но наши жалкие наемники повели себя плохо, надо отдать им должное. Никто из нас не знал покоя, днем и ночью скрипели баллисты, камни и тараны крушили башни, тучи стрел затмевали солнце, а дьяволы Зенги с пением лезли на стены.

— Мы отбивали их атаки, пока у нас не полопались мечи, наши кольчуги превратились в кровавые лохмотья, а руки от усталости уже не могли держать оружие. В течение месяца мы держали осаду, ожидая графа Жослена; но тот так и не пришел.

— И вот утром 23 декабря тараны и другие машины наконец пробili большую дыру во внешней стене, и мусульмане хлынули в нее, словно река, прорвавшая дамбу. Защитники гибли во множестве, но никакая человеческая сила не смогла бы остановить этот поток. В город ворвались верховые мамелюки, и началась настоящая бойня. Турецкие сабли не знали пощады. Священники умирали в алтарях, женщины в двориках своих домов, дети во время игры. Тела загромождали улицы, в канавах текли потоки крови, и мимо этого всего, подобно призраку Смерти, на черном жеребце ехал Зенги.

— Однако тебе удалось уйти?

Холодные серые глаза сделались мрачнее:

— У меня был небольшой отряд конников. Когда турецкая булава выбила меня из седла, они подобрали меня и поскакали к западным воротам. Большинство их погибло на извилистых улочках, но оставшиеся в живых доставили меня в безопасное место. Когда я пришел в себя, город остался далеко позади.

— Но я поскакал обратно.— Говоривший, видимо, забыл о слушателях. Его глаза смотрели вдаль, а бородатый подбородок опирался на кулак в латной перчатке. Казалось, он говорил сам с собой.— Да, я снова очутился в этой адской пасти. Среди разбросанных тел я нашел умирающего слугу, и перед смертью он сказал мне, что та, за которой я вернулся, погибла, сраженная ятаганом мамелюка.

Он встряхнул плечами и пробудился от горьких воспоминаний. Его взгляд снова стал холодным и жестким; а голос — резким.

— Я слышал, что за два года в Эдессе произошли большие перемены. Зенги восстановил стены и сделал город одним из своих самых надежных оплотов. Наша власть в этой стране рушится. Зенги нужна лишь небольшая помощь, чтобы хлынуть в Европу и уничтожить там все остатки христианства.

— Эта помощь может прийти с севера,— пробормотал бородатый рыцарь.— Я был в свите баронов, которые сопровождали Иоанна Комнина, когда Зенги перехитрил его. Император вовсе не питает к нам любви.

— Ба! Он, по крайней мере, христианин,— рассмеялся тот, кто назвался д'Ибелином, запуская пальцы в свои густые золотистые волосы.

Холодные глаза дю Курсей сузились, остановившись на тяжелом золотом перстне необычного вида на его пальце, однако он промолчал.

Не обращая внимания на пристальный взгляд норманна, д'Ибелин поднялся и бросил на стол монету. Мимоходом попрощавшись с гуляками, он вышел из таверны, гремя доспехами. Было слышно, как он нетерпеливо требует подать ему лошадь.

Сэр Майлз дю Курсей также встал, взял шлем со щитом и последовал за ним.

Человек, назвавшийся д'Ибелином, проехал, вероятно, полмили, и оставшийся позади него замок на холме превратился в неясный силуэт, на котором горело несколько ярких точек, когда топот копыт заставил его обернуться. Он гортанно выругался — не по-французски. В вечернем сумраке он различил фигуру своего недавнего компаньона и взялся за рукоять меча. Дю Курсей остановился рядом с ним и сказал:

— Антиохия находится в другой стороне, господин мой. Возможно, вы по ошибке выбрали не ту дорогу. Три часа пути в этом направлении приведут вас в земли сарацин.

— Друг,— отпарировал тот,— я не спрашивал у тебя совета о том, куда ехать. Направлюсь я на восток или на запад — это едва ли твое дело.

— Мое дело как вассала принца Антиохии расследовать подозрительные действия в пределах его владений. Когда я вижу человека, путешествующего под ложной личиной, с сарацинским перстнем на пальце, едущего ночью к границе, мне это представляется достаточно подозрительным, чтобы начать дознание.

— Я могу объяснять свои действия, если сочту нужным,— резко ответил д'Ибелин,— но на эти оскорбительные обвинения отвечу посредством меча. Что считаешь ты ложной личиной?

— Вы не Роджер д'Ибелин. Вы даже не француз.

— Нет? — В голосе другого прозвучала насмешка, и он потащил меч из ножен.

— Нет. Я был в Константинополе и видел наемников с Севера, которые служат императору греков. Я не мог забыть ваше ястребиное лицо. Вы

шпион Иоанна Комнина — Вульфгар, сын Эдрика, капитан варангской гвардии.

Самозванец издал дикое животное рычание и прищпорил свою лошадь; та заржала и сделала резкий прыжок, и в этот момент он взмахнул мечом, вложив в удар всю свою силу. Но дю Курсей был слишком умелым бойцом, чтобы его так легко удалось застигнуть врасплох. Вывернув поводья, он развернул коня, поднимая его на дыбы.

Обезумевшая лошадь варанга промчалась мимо, и просвистевший меч выбил искры из поднятого щита норманна. С яростным воплем варанг снова ринулся в атаку. Мечи со свистом описывали в воздухе сверкающие дуги, со звоном ударяясь о щит или кольчугу.

Всадники сражались в угрюмом молчании, которое нарушало лишь их напряженное дыхание, однако лязг мечей оглашал ночь, и искры летели, как от наковальни. Затем с оглушительным грохотом меч разбил шлем и расколол череп. Убитый выпал из седла, тяжело ударившись о землю. Лишившаяся всадника лошадь поскакала прочь, а победитель, стряхнув с лица пот, слез с коня и нагнулся над неподвижной фигурой в латах.

***

У дороги, которая вела на юг от Эдессы к Ракке, расположился большой лагерь мусульман — ряды разноцветных шатров. Это был неторопливый поход — с фургонами, избытком роскоши и множеством женщин и рабов. После двух лет, проведенных в Эдессе, атабег Мосула через Ракку возвращался в свою столицу. В сгущающихся сумерках мерцали огни; вокруг костров, на которых готовился ужин,

звучали песни в сопровождении лютен и слышался смех.

К Зенги, игравшему в шахматы со своим другом и летописцем Усамой, арабом из Шейзара, приблизился евнух-Ярукташ. Он низко поклонился и писклявым голосом нараспев произнес:

— О, Лев Ислама, перед тобой хотел бы предстать эмир неверных — греческий капитан, назвавшийся Вульфгаром, сыном Эдрика. Вождь Иль-Гази со своими мамелюками натолкнулся на него, ехавшего в одиночку, и хотел убить; но тот поднял руку, и они увидели на ней перстень, который ты дал императору как знак для его тайных посланников.

Зенги подергал свою седеющую бороду и довольно усмехнулся:

— Приведите его ко мне.

Раб отвесил поклон и удалился.

Зенги сказал Усаме:

— Аллах, ну и собаки же эти христиане, которые предают и убивают друг друга, стоит пообещать им золото или землю!

— Стоит ли доверять такому человеку? — задумчиво произнес Усама. — Если он предает своих, он, несомненно, предаст и тебя, если ему это потребуется.

— Пусть я стану есть свинину, если доверяю ему, — ответил Зенги, перемещая шахматную фигуру пальцем, унизанным перстнями. — Как сейчас эту пешку, я буду двигать и императором греков. С его помощью я раздавлю королей Европы как ореховую скорлупу. Я посулил императору отдать ему их морские порты, и он будет держать свои обещания до тех пор, пока не подумает, что добыча находится у него в руках. Ха! Не города он

получит от меня, а удары наших мечей. То, что мы захватим вместе, будет только моим — но этого мало. Клянусь Аллахом, мне недостаточно ни Месопотамии, ни Сирии, ни всей Малой Азии! Я пересеку Геллеспонт. Я въеду на своем жеребце во дворцы Золотого Рога! Весь Франкистан будет дрожать передо мной!

Голос Зенги звучал, как боевая труба, ошеломляя слушавших его своим напором. Его глаза сияли, а пальцы железной хваткой вцепились в шахматную доску.

— Ты стар, Зенги, — осторожно заметил летописец. — Ты сделал многое. Разве нет предела твоему честолюбию?

— Есть! — рассмеялся турок. — Луна и звезды! Стар? Я на одиннадцать лет старше тебя, а духом моложе, чем ты когда-либо был. У меня стальные мускулы, в сердце пылает огонь, а разум даже острее, чем в тот день, когда я сокрушил ибн-Садаку у берегов Нила и вступил на сияющую лестницу славы! Но молчи, сейчас приведут франка.

Маленький мальчик лет восьми сидел, скрестив ноги на подушке у края помоста, на котором находилось ложе Зенги, и смотрел на него с обожанием. Его карие глаза искрились, когда Зенги говорил о своих устремлениях, он дрожал от волнения, как будто его душа занялась огнем от безумных слов турка. Теперь он, как и другие, смотрел на вход в шатер, через который вошел новоприбывший в окружении мамелюков. Ножны, висевшие у того на боку, были пусты — приказала ему оставить оружие перед входом в шатер.

Мамелюки отступили назад и выстроились по обе стороны помоста, франк один остался стоять перед повелителем. Острые глаза Зенги скользнули

по высокой фигуре в сияющих доспехах, отделанных золотом, всмотрелись в чисто выбритое лицо с холодными глазами и остановились на перстне с вырезанной на нем фразой из Корана.

— Мой властелин, император Византии, — сказал по-турецки франк, — посылает тебе, о Зенги, Лев Ислама, привет.

Говоря, он изучал внушительную фигуру турка, облаченную в сталь, шелк и золото, — сильное смуглое лицо, могучее тело, и прежде всего глаза атабега, в которых светила неуходящая молодость и прирожденная свирепость.

— И что сказал твой властелин, о Вульфгар? — спросил турок.

— Он посылает тебе это письмо, — ответил франк, вынимая свиток и подавая его Ярукташу. Тот, в свою очередь, на коленях поднес его Зенги. Атабег внимательно прочел пергамент с несомненной подписью императора Византии и запечатанный его печатью. Зенги никогда не имел дело с вассалами, а лишь с самой высокой властью — и среди друзей, и среди врагов.

— Печати были сломаны, — сказал турок, устремив пронзительный взгляд на неподвижное лицо франка. — Ты читал это письмо?

— Да. Меня преследовали люди принца Антиохии, и, опасаясь, что меня схватят и обыщут, я распечатал послание и прочел его — так что, если мне пришлось бы его уничтожить, я мог бы устно передать тебе его содержание.

— Тогда мне хотелось бы узнать, соответствует ли твоя память твоей осмотрительности, — сказал атабег.

— Как пожелаешь. Мой повелитель говорит тебе: «Касаясь того, о чем мы вели переговоры: мне нуж-

ны более надежные доказательства твоей искренности. И потому отошли мне с этим посланником, которому, хотя он тебе и незнаком, можно довериться, подробное изложение твоих пожеланий и несомненные доказательства той помощи, которую ты обещал нам в предполагаемом выступлении против Антиохии. Прежде чем я выйду в море, я должен знать, что ты готов двинуться в пеший поход, и мы должны клятвенно обязаться помогать друг другу». На послании стоит собственноручная подпись императора.

Турок кивнул; в его синих глазах заплесали чертики.

— Это в точности его слова. Благословен монарх, который может похвастаться таким вассалом. Садись на те подушки; тебе принесут мясо и вино.

Подозвав Ярукташа, Зенги прошептал ему что-то на ухо. Евнух вздрогнул и мгновение смотрел ему в глаза, затем поклонился и поспешил из шатра. Рабы принесли еду, запрещенное вино в золотых сосудах, и франк с явным удовольствием принялся есть. Зенги с ничего не выражающим лицом следил за ним. Мамелюки в сверкающих доспехах стояли как статуи.

— Ты вначале прибыл в Эдессу? — спросил атабег.

— Нет. Когда я в Антиохии сошел с судна, то направился в Эдессу, но едва пересек границу, как повстречавшиеся мне арабы-кочевники, узнав это кольцо, сказали, что ты направился в Ракку, а оттуда в Мосул. Так что я повернул и поехал наперерез вам, а дорогу мне открывал перстень, который знают все твои подданные. Затем мне повстречался вождь Иль-Гази, который и сопровождал меня сюда.

Зенги кивнул.

— Мне необходимо быть в Мосуле. Я возвращаюсь в свою столицу, чтобы собрать войско. Когда я вернусь, то с помощью твоего повелителя сброшу франков в море.

— Но я забываю, что гостю подобает оказывать любезности. Это князь Усама из Шейзара, а этот ребенок — сын моего друга, Неджм-эд-дина, который спас мою армию и мою жизнь, когда я бежал от Караджи-Виночерпия — одного из многих моих врагов, кто когда-либо видел мою спину. Его отец пребывает в Баальбеке, управлять которым я ему поручил, но я взял Юсефа с собой, чтобы он повидал Мосул. Воистину, он значит больше для меня, чем мои собственные сыновья. Я прозвал его Салах-эд-дин, и он должен стать чувствительной занозой на теле христианства.

В этот момент появился Ярукташ и что-то прошептал на ухо Зенги. Атабег кивнул.

Когда евнух вышел, Зенги повернулся к франку. Манера поведения турка слегка изменилась. Он слегка прикрыл заблестевшие глаза, губы тронула насмешливая улыбка.

— Я хотел бы показать тебе человека, с которым ты давным-давно знаком, — сказал он.

Франк поднял удивленный взгляд.

— Неужели у меня есть друг среди жителей Мосула?

— Увидишь! — Зенги хлопнул в ладоши, и в шатер вошел Ярукташ, таща за руку женщину. Он швырнул ее на ковер к самым ногам франка. Тот смертельно побледнел и с криком вскочил на ноги.

— Эллен! Бог мой! Ты жива!

— Майла! — будто эхом отозвалась она, сиюсь подняться. В ошеломлении он смотрел на ее рас-

простертые белые руки, на бледное лицо, обрамленное золотыми волосами, которые падали на обнаженные плечи. Потом, позабыв обо всем, упал на колени и обнял ее.

— Эллен! Эллен де Тремон! Я искал тебя по всему свету и проделал для этого путь сквозь сам ад — но мне сказали, что ты мертва. Муса, прежде чем он умер у моих ног, поклялся, что видел тебя лежащей в собственной крови среди трупов слуг во дворе вашего дома.

— Лучше бы так и случилось! — прорыдала она, опустив голову ему на грудь. — Но когда они зарубили моих слуг, я, потеряв сознание, упала среди их тел; кровь запятнала мою одежду, и меня сочли мертвой. Это Зенги обнаружил, что я жива, и взял меня... — Она спрятала лицо в руках.

— Итак, сэр Майлз дю Курсей, — вмешался насмешливый голос турка, — ты нашел друга среди мосульцев! Глупец! Мои глаза острее, чем меч. Ты думаешь, что я не узнал тебя, несмотря на твое выбритое лицо? Я слишком часто видел тебя на укреплениях Эдессы, убивавшего моих мамелюков. Я узнал тебя, как только ты вошел. Что ты сделал с настоящим посланцем?

Майлз решительно высвободился из рук девушки, поднялся и повернулся лицом к атабегу. Зенги также встал — быстрый и гибкий, как большая пантера, — и вынул свой ятаган. Мамелюки молча и быстро сомкнулись вокруг них. Рука Майлза оставила пустые ножны, и его глаза на мгновение остановились на чем-то у его ног — это был кривой нож для разрезания фруктов, позабытый и наполовину скрытый подушкой.

— Вульфгар, сын Эдрика, лежит мертвым среди деревьев на антиохийской дороге, — сумрачно ска-

зал Майлз. — Я сбрил бороду и взял доспехи и перстень этого пса.

— Чтобы шпионить за мной, — заметил Зенги.

— Да. — В голосе Майлза дю Курсей не было страха. — Я хотел узнать подробности заговора, который вы замыслили с Иоанном Комнином. Получить доказательства его предательства и узнать ваши планы, чтобы сообщить обо всем повелителям страны.

— Я догадался об этом, — улыбнулся Зенги. — Я узнал тебя, как уже говорил. Но мне хотелось, чтобы ты полностью выдал себя; потому и привели девушку, которая за годы своего пленения часто с плачем повторяла твое имя.

— Это был недостойный поступок — и он вполне в твоем духе, — упрямо сказал Майлз. — Все же я благодарю тебя за то, что ты позволил мне еще раз увидеть ее и узнать, что та, которую я так долго считал мертвой, жива.

— Я оказал ей большую честь, — со смехом ответил Зенги. — Она в течение двух лет пребывала в моем гареме.

Мрачный взгляд Майлза лишь стал еще темнее, но на висках вздулись вены, едва ли не готовые разорваться. У его ног девушка тихо рыдала, закрыв лицо руками. Мальчик, сидевший на подушке, неуверенно осматривался вокруг, ничего не понимая. В глазах Усамы появилась жалость. Но Зенги широко ухмылялся. Для турка такие сцены были как вино, и он весь трясся от смеха.

— Ты должен благословлять меня за мое благородство, сэр Майлз, — сказал Зенги. — И восхвалять мое царское великодушие. Да, о твоей девушке! Когда я разорву тебя завтра четырьмя дикими коня-

ми, она отправится вместе с тобой в ад, сидя на колу!

Майлз дю Курсей метнулся со стремительностью змеи. Выхватив из-под подушки нож, он прыгнул — но не к атабегу, находившемуся под охраной мамелюков, а к ребенку, сидевшему у края помоста. Прежде чем кто-либо мог остановить его, он подхватил мальчика Саладина одной рукой, а другой прижал изогнутое лезвие к его горлу.

— Назад, собаки! — В его голосе звучало безумное торжество. — Назад, или я отправлю это языческое отродье в ад!

Смертельно побледневший Зенги выкрикнул приказание, и мамелюки отступили назад. И пока дрожащий атабег стоял в неуверенности — в первый и единственный раз за всю свою дикую жизнь, — дю Курсей отступал спиной к выходу, держа своего пленника, который не кричал и не сопротивлялся. В его задумчивых карих глазах не было страха, а лишь покорность судьбе — странная для его возраста.

— Ко мне, Эллен! — крикнул норманн, мрачное отчаяние которого сменилось стремительными действиями. — Выходи, прячься позади меня! Назад, собаки, вам говорю!

И он, пятясь, вышел из шатра. Мамелюки, бежавшие с саблями в руке, застыли как вкопанные, увидев, какая опасность грозит любимцу их повелителя. Дю Курсей знал, что успех его действий зависит от скорости. Внезапность и дерзость его поступка застали Зенги врасплох — вот и все. Поблизости стояло несколько лошадей, оседланных и взыужданных на случай какого-либо каприза атабега, и дю Курсей достиг их одним прыжком. Конюхи отступили назад, услышав его угрозу.

— В седло, Эллен! — крикнул он, и девушка, которая следовала за ним как замороженная, механически подчиняясь его приказам, вскочила на лошадь. Норманн сделал то же самое и быстро перерезал веревки, которыми были привязаны лошади. Рев, раздавшийся в палатке, подсказал ему, что недолгое замешательство Зенги окончилось. Он опустил невредимого ребенка на песок, поскольку его ценность как заложника миновала. Застигнутый врасплох Зенги инстинктивно подчинился своей необычной привязанности к ребенку, но Майлз знал, что, когда безжалостный разум атабега заработает снова, даже эта привязанность не воспрепятствует его желанию схватить их.

Норманн помчался прочь, таща за поводья коня Эллен и пытаясь своим телом заслонить ее от стрел, которые уже свистели вокруг них. Плечом к плечу они пересекли широкое открытое пространство перед шатром Зенги, прорвались сквозь кольцо костров, на мгновение их задержали растяжки палаток и спящие вокруг фигуры воняющих людей, затем шум позади затих.

Было темно; по небу, закрывая звезды, неслись облака. Позади послышался стук копыт, и Майлз свернул с дороги, которая вела на запад, в пустыню. Топот коней удалился в западном направлении. Преследователи выбрали старую караванную дорогу предполагая, что беглецы окажутся впереди них.

— И что теперь, Майлз? — Эллен ехала рядом с ним, припав к его закованной в железо руке — как будто она боялась, что он может внезапно исчезнуть.

— Если мы поедem напрямик в сторону границы, они догонят нас еще до рассвета, — ответил он. — Но мне эти земли знакомы так же хорошо,

как и им,— я давно уже пересек их вдоль и поперек с графами эдесскими во время набегов и войн; так что я знаю, что мы можем добраться до Джабар Кал'ата, который находится на юго-западе. Командует гарнизоном в Джабаре племянник Муин-эд-дина Анара, который является подлинным правителем Дамаска и который, как ты, возможно, знаешь, заключил с христианами договор против Зенги, своего давнего соперника. Если мы сможем достигнуть Джабара, нам окажут защиту, дадут продовольствие и свежих лошадей и проводят до границы.

Девушка согласно кивнула головой. Она все еще была как в тумане. Свет надежды слишком слабо теплился в ее душе, чтобы причинять ей новую боль. Возможно, в плену она до какой-то степени прониклась фатализмом своих владельцев. Майлз смотрел на нее, поникшую в седле, молчаливую и покорную, и думал о той дерзкой, смеющейся красавице, полной жизни и радости, которую он сохранил в памяти. И с бессильной яростью проклинал Зенги и его дела. Так они и ехали — отчаявшаяся женщина и озлобленный мужчина, результат деяний Льва, чьи жертвы, живые и мертвые, заполняли землю, словно после эпидемии горя, страданий и отчаяния.

Всю ночь они спешили, прислушиваясь к звукам, которые могли бы сказать им, что преследователи обнаружили их след. И на рассвете, когда солнце загло шлемы догонявших их конников, они увидели башни Джабара, отражающиеся в водах Евфрата. Джабар был надежной крепостью, окруженной рвом; оба конца которого соединялись с рекой.

На их зов вышел командир гарнизона, и нескольких слов, сказанных ему, хватило, чтобы он

приказал опустить подъемный мост. Это оказалось более чем кстати. Когда они скакали по мосту, сзади забарабанили копыта, и уже в воротах их осыпал град стрел.

Глава преследователей придержал коня и дерзко обратился к командиру, стоявшему на башне:

— Эй, ты, выдай нам этих беглецов, иначе твоя кровь прольется на пепелище твоей крепости.

— Разве я собака, что ты говоришь со мной подобным образом? — спросил сельджук в ярости. — Убирайтесь, или мои лучники пронзят тебя десятками стрел.

В ответ мамелюк издевательски рассмеялся и указал рукой в сторону пустыни. Солнце в отдалении вспыхивало на приближающемся океане стали. Командир побледнел. Наметанный глаз подсказал ему, что к крепости движется целая армия.

— Зенги свернул с пути, чтобы затравить пару шакалов, — насмешливо продолжал мамелюк. — Он оказал им большую честь, идя по их следу всю ночь. Вышли их сюда, глупец, и мой повелитель направится дальше.

— Пусть будет, как пожелает Аллах, — успокоившись, сказал сельджук. — Но друзья моего дяди отдались в мои руки, и да падет на меня позор, если я выдам их кровопийце.

Он не изменил свое решение и тогда, когда сам Зенги с потемневшим от ярости лицом остановил своего жеребца у башни и прокричал:

— Приняв моих врагов, ты лишился права и на твой замок и на твою жизнь. И все же я буду милосерден. Выдай беглецов, и я позволю тебе уйти целым и невредимым с твоими женщинами и слугами. А если станешь упорствовать в своем безумии, я сожгу тебя в замке, как крысу.

Сельджук негромко сказал стоявшему рядом лучнику:

— Пусти стрелу в эту собаку.

Стрела, не причинив вреда, отскочила от кирасы Зенги, и атабег, издевательски рассмеявшись, отъехал прочь. Так началась осада Джабар Кал'ата, невоспетая и непрославленная. Однако в ее ходе Судьба бросила свой жребий.

Конники Зенги опустошили окружающую замок местность и установили блокаду вокруг замка, так что никакой гонец не смог бы прорваться сквозь нее и отправиться за помощью. И пока эмир Дамаска и повелитель Европы оставались в неведении относительно того, что происходило за Евфратом, их союзник принял неравный бой.

К ночи подошли фургоны и осадные машины; и Зенги приступил к решению своей задачи — с умением, которому он был обязан большим опытом. Турецкие саперы, несмотря на стрелы защитников, осушили ров и заполнили его землей и камнем. Под прикрытием темноты они закладывали под башни мины. Баллисты Зенги со скрипом метали огромные камни, которые сметали людей со стен или обрушивали кровлю башен. Его тараны долбили стены, его лучники непрерывно обстреливали башни, а его мамелюки с помощью лестниц и осадных башен все время шли в атаки. Запасы продовольствия в кладовых замка шли на убыль; росли груды трупов, повсюду в замке лежали стонущие раненые.

Но командир-сельджук не колебался в выборе. Он знал, что теперь никакой ценой не смог бы выкупиться от Зенги — даже выдав своих гостей; и, к его чести, такая мысль даже и не приходила ему в голову. Дю Курсей знал это, и хотя ни слова не было произнесено между ними, коман-

дир мог убедиться в горячей благодарности норманна. Майлз выражал ее действиями, а не словами — в схватках на стенах и у ворот, в долгих ночных часах, проведенных в дозоре на башнях; в яростных ударах меча, которые крушили доспехи и разрубали тела. Он отталкивал от стен штурмовые лестницы, и вцепившиеся в них турки вопили, летя навстречу смерти, а их товарищи цепенели от ужаса, видя страшную силу рук франка. Но гремели тараны, свистели стрелы, стальные валы вздымались снова и снова, и измученные защитники падали один за другим — пока не осталась лишь горстка людей, чтобы защищать рушащиеся стены Джабар Кал'ата.

***

Зенги играл в шахматы с Усамой в шатре, который стоял на расстоянии чуть дальше полета стрелы от стен осажденной крепости. Безумие дня сменила зловещая тишина ночи, которую нарушали лишь отдаленные стоны бредящих раненых.

— Люди для меня пешки, друг мой, — сказал атабег. — Я обращаю неудачу в успех. Я долго колебался, прежде чем напасть на Джабар Кал'ат, который должен стать хорошим оплотом против франков, — как только я возьму его, заделаю стены и размещу там гарнизон моих мамелюков.

— Я знал, что мои пленники отправятся сюда; именно поэтому я свернул лагерь и отправился в путь раньше, чем мои разведчики напали на их след. Логика подсказывала, что они станут искать прибежища именно здесь. Я завладею не только замком, но и франками — что несравненно важнее. Узнай сейчас кафиры о моем сговоре с императором, и мои планы могут потерпеть неудачу. Но они не

узнают, пока я не нанесу удар. Дю Курсею не удастся сообщить им об этом. Если он не погибнет при взятии замка, я разорву его дикими лошадьми, как и обещал; а этой неверной придется смотреть на это, сидя на колу.

— Разве нет в твоей душе никакого милосердия, о Зенги? — запротестовал араб.

— А оказала ли мне жизнь какое-либо милосердие — если не считать того, что я добыл собственным мечом? — воскликнул Зенги. Его глаза засияли в мгновенной вспышке его необузданного духа. — Человек должен либо наносить удары, либо получать их; убивать или быть убитым. Люди — волки, а я лишь самый сильный волк в стае. И люди, потому что они боятся меня, приползают ко мне и целуют мои сандалии. Страх — единственное чувство, которое может их на что-то сподвигнуть.

— Ты в сердце язычник, Зенги, — вздохнул Усама.

— Возможно, — ответил турок, пожав плечами. — Если бы я родился за Оксусом и поклонялся желтоликому Эрлику, как это делал мой далекий предок, я не в меньшей степени был бы Зенги-Львом.

— Я пролил реки крови во славу Аллаха, но никогда не просил у Него милосердия или покровительства. Какое дело богам, жив человек или умер? Позволь мне жить ярко, чувствовать вкус вина, ветер на моем лице, сияние царских регалий, яркое пламя битвы, позволь мне испытывать все ощущения нашей безумной жизни — и я не стану искать ни рай Мухаммеда, ни ледяной ад Эрлика, ни черную бездну забвения.

И будто в подтверждение своим словам, он налил себе кубок вина и вопросительно взглянул на

Усаму. Араб, содрогнувшийся от богохульных слов Зенги, отодвинулся от него, не в силах преодолеть набожный ужас. Атабег осушил кубок и в татарской манере, громко, чмокнул губами от удовольствия.

— Я думаю, что Джабар Кал'ат завтра падет, — сказал он. — Кто противостоял мне? Сосчитай их, Усама, — это были ибн-Садака, и калиф, и сельджук Тимурташ, и султан Давуд, и король Иерусалима, и граф Эдесский. Правитель за правителем, город за городом, армия за армией — и я сломал их, отбросив со своего пути.

— Ты прошел через море крови, — сказал Усама. — Ты заполнил рынки рабов франкскими девушками, а пустыни — костями франкских воинов. Ты не пощадил и мусульман, если они становились твоими соперниками.

— Они стояли на пути моей судьбы, — рассмеялся турок, — а эта судьба — стать султаном Азии! И я буду им. Я сковал из мечей Ирака, эль-Джезиры, Сирии и Рума единый клинок. Теперь, когда мне помогут греки, сам ад не сможет спасти назаретян. Бойня? Люди еще не видели настоящей бойни; погожди, пока я въеду в Антиохию и Иерусалим с мечом в руке!

— Сердце твое как сталь, — сказал араб. — И все же я видел в тебе один проблеск нежности — твою привязанность к сыну Неджм-эд-дина, Юсефу. Найдется ли в тебе ли подобный проблеск раскаяния? Из всех твоих деяний найдется ли хоть одно, о котором ты сожалеешь?

Зенги молча поиграл пешкой. Затем его лицо потемнело.

— Да, — не сразу сказал он. — Это случилось давным-давно, когда я разбил ибн-Садаку на бе-

регу этой же реки, ниже отсюда. У него был сын Ахмет с лицом девушки. Я забил его до смерти своим бичом. Вот единственный мой поступок, о котором я, пожалуй, жалею. Иногда мне он снится.

Затем с резким: «Хватит!» он оттолкнул в сторону шахматную доску, разбрасывая фигуры.

— Я хотел бы поспать, — сказал он и, упав на свой диван, мгновенно уснул. Усама тихо вышел из шатра, пройдя между четырьмя гигантами-мамелюками в позолоченных доспехах, стоявших на страже у входа.

В замке Джабар командир-сельджук держал совет с сэром Майлзом дю Курсеом.

— Мой брат, для нас настал конец пути. Стены рушатся, башни готовы упасть. Не следует ли нам поджечь замок, перерезать горла нашим женщинам и детям и на рассвете пойти в атаку, чтобы встретить смерть как подобает мужчинам?

Сэр Майлз покачал головой:

— Давайте попытаемся продержаться еще один день. Во сне я видел знамена воинов Дамаска и Антиохии, идущих к нам на помощь. — Он лгал в отчаянной попытке укрепить дух фаталиста-сельджука. Каждый следует своему инстинкту, а Майлзу было свойственно из всех сил держаться за последние крохи жизни, прежде чем покориться мучительной смерти. Сельджук кивнул.

— Если Аллах пожелает, мы продержимся в течение еще одного дня.

Майлз подумал об Элен, к которой отчасти вернулась ее бывшая жизнерадостность, и в своем беспросветном отчаянии не увидел ни искры света. Когда он нашел Элен, это снова пробудило его

давно похолодевшее сердце. Теперь, в смерти, ему предстояло потерять ее навсегда. С горечью он снова взвалил на себя бремя жизни.

Зенги беспокойно ворочался. Осторожный, как пантера, даже во сне, он сразу ощутил рядом с собой какое-то легкое движение. Проснувшись, огляделся по сторонам: толстый евнух Ярукташ неподвижно застыл с кувшином вина, не донес его до рта. Он подумал, что Зенги лежит мертвецки пьяный, и потому прокрался в шатер, чтобы приложиться к вину, к которому питал слабость. Зенги зарычал, как волк; в нем проснулся свойственный ему дьявол.

— Собака! Разве я глупый, жирный купец, что ты пробираешься в мой шатер, дабы глотить мое вино? Убирайся! Завтра я займусь тобой!

Холодный пот выступил на гладком лице Ярукташа, когда он выбегал из царского шатра. Его жирная плоть тряслась в предвкушении неизбежности казни на колу. Даже во времена жестоких хозяев имя Зенги вошло в поговорку среди рабов и прислужников, вызывая в них ужас.

Один из мамелюков, стоявших на страже у шатра, поймал Ярукташа за руку и с угрозой спросил: «Почему ты убегаешь, скопец?»

И тут евнуха осенила настолько неожиданная мысль, что он даже задохнулся от ее великолепия и дерзости. Зачем оставаться здесь, чтобы оказаться посаженным на кол, когда перед ним открыта вся пустыня и есть люди, которые защитят его во время бегства?

— Наш повелитель обнаружил, что я пью его вино, — выдохнул он. — Он угрожает мне пыткой и смертью.

Мамелюки одобительно рассмеялись при виде перепуганного евнуха. Но то, что Ярукташ сообщил дальше, заставило их содрогнуться:

— Вы также обречены. Я слышал, как он проклинал вас за то, что вы плохо охраняете и позволяете его рабам воровать вино.

Оцепеневшим от страха мамелюкам и в голову не пришло, что они никогда не получали приказа не впускать евнуха в царский шатер. Они тупо стояли, ничего не соображая; их умы походили на пустые кувшины, ожидающие, когда их наполнят коварные слова евнуха. Ярукташ прошептал несколько слов, и мамелюки, словно тени, последовали по его пятам, оставив шатер без охраны.

Миновала полночь. Луна скрылась за холмами. Зенги снова пробудился от сновидений об имперском величии и в недоумении оглядел тускло освещенный шатер. Снаружи стояла тишина, которая почему-то показалась ему напряженной и зловещей. Зенги окружали десять тысяч вооруженных людей, однако сейчас он ощутил обособленность и одиночество — как будто оказался последним оставшимся в живых среди мертвого мира. И тут он увидел, что не один в шатре. На него сумрачно глядел незнакомый человек странного вида.

Зенги с ужасом смотрел на одетую в лохмотья фигуру. Руки незнакомца походили на искривленные сучья древних дубов, а мускулы казались на стальными канатами.

Седые волосы ниспадали на широкие плечи, седая борода закрывала могучую грудь. Устрашающие руки были сложены на груди, и он стоял неподвижно, словно статуя, глядя на ошеломленного турка. Лицо было изможденным и морщинистым, и каза-

лось изваянным из камня каким-то безумным скульптором.

— Изydi! — задыхаясь, произнес Зенги, на мгновение снова сделавшись степным язычником. — Дух зла — призрак пустыни — демон холмов, — я не боюсь тебя!

— Не случайно ты заговорил о призраках, турок!

Глубокий низкий голос пробудил в Зенги неясные воспоминания.

— Я — призрак человека, умершего двадцать лет назад, и пришел из тьмы более глубокой, чем адская. Ты позабыл о моем обещании, князь Зенги?

— Кто ты? — спросил турок.

— Я — Джон Норвальд.

— Тот франк, что служил у ибн-Садаки? Невозможно! — воскликнул атабег. — Двадцать три года назад я приказал отправить его на галеры. Какой галерный раб смог бы прожить так долго?

— Я смог, — ответил другой. — Там, где другие мерли как мухи, я оставался в живых. Меня не могли убить ни голод, ни штормы, ни сражения, ни бичи, которыми меня исхлестали с головы до ног.

— Годы были долги, Зенги-эш-Шаами, и тьму наполняли глумливые голоса и жуткие лица. Взгляни на мои волосы, Зенги, они белы, как иней, хотя я на восемь лет моложе тебя. Смотри на эти чудовищные лапы, которые были руками, на эти узлы мускулов — я вращал тяжелые весла, пройдя многие тысячи лиг в штормы и в штиль.

— И все же я оставался в живых, Зенги, даже тогда, когда моя плоть умоляла о конце долгой агонии. Когда я терял сознание, меня приводил в чувство не бич, а ненависть, которая не позволяла

мне умереть. Эта ненависть, тивериадская собака, двадцать три года удерживала душу в моем измученном теле. На галерах я потерял мою молодость, мою надежду, мою мужественность, мою душу, мою веру и моего Бога. Но моя ненависть пылала огнем, который не смогло бы потушить ничто.

— Двадцать лет на веслах, Зенги! Три года назад галера, на которой я тогда находился, потерпела крушение на рифах у побережья Индии. Погибли все, кроме меня, который, зная, что его час настал, разорвал свои цепи и добрался до берега. Я еще нетвердо стою на ногах — из-за кандалов и долгого сидения на галерной скамье, Зенги, хотя руки мои невероятно сильны. Я три года шел из Индии. Но моя дорога кончается здесь.

Впервые в жизни Зенги ощутил страх, который заставил его язык прилипнуть к гортани и заморозил кровь в жилах.

— Эй, охрана! — проревел он. — Ко мне!

— Зови громче, Зенги! — произнес Норвальд своим глубоким голосом. — Они не слышат тебя. Я прошел через твой спящий лагерь, подобно ангелу Смерти, и никто не видел меня. Твой шатер стоял без охраны. И вот, враг мой, ты отдан в руки мои, и твой час настал!

Со свирепостью, рожденной отчаянием, Зенги вскочил с подушек и выхватил кинжал, но англичанин набросился на него, словно огромный тигр, и повалил обратно на диван. Турок ударил наугад и почувствовал, что лезвие глубоко вонзилось в бок противника; но когда он вытаскивал его, чтобы нанести еще один удар, то ощутил на запястье железную хватку, а правая рука франка схватила его за горло, не давая крикнуть.

Когда атабег ощутил нечеловеческую силу нападавшего, его охватила слепая паника. Запястье будто оказалось в стальных тисках, сокрушающих плоть. Из-под пальцев другой руки англичанина, вцепившейся турку в горло, текла кровь — кожа была порвана, словно гнилая тряпка. Обезумев от удушья, Зенги свободной рукой пытался оторвать пальцы Норвальда от своего горла, но безуспешно. Мощные мышцы левой руки Норвальда напряглись, и раздался жуткий хруст ломающихся костей. Кинжал выпал из онемевших пальцев Зенги. Норвальд тут же подхватил его и вонзил в грудь атабега.

Турок выпустил руку, сжимавшую его горло, и поймал другую, с ножом, но эта последняя отчаянная попытка освободиться ему не помогла. Норвальд неспешно искал цель, пока его враг корчился в беззвучной агонии. Как в тумане, Зенги видел приближающееся лицо, израненное и окровавленное. А затем острое кинжала нашло его сердце, и видение ушло вместе с жизнью.

Утама, который не мог заснуть, подошел к шатру атабега и удивился отсутствию часовых. Он застыл как вкопанный. Когда из шатра появилась человеческая фигура, непонятный страх заставил волосы на его затылке зашевелиться. Он различил высокого седобородого мужчину, одетого в лохмотья. Араб неуверенно протянул руку, не смея коснуться призрака. Он видел, что рука человека была прижата к его левому боку, а из-под пальцев капала кровь.

— Куда ты идешь, старик? — запинаясь, произнес араб и невольно отступил назад под устремленным на него жутким взглядом горящих глаз.

— Я возвращаюсь в ту бездну, что породила меня, — ответил тот глухим голосом, и, пока араб в недоумении смотрел на незнакомца, тот прошел

мимо него медленным твердым шагом и исчез в темноте.

Усама вбежал в шатер и в ошеломлении остановился, увидев неподвижное тело атабега, лежащее среди порванных шелков и окровавленных подушек.

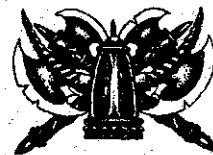
— Конец царственным устремлениям и честолюбивым мечтам! — воскликнул араб. — Смерть — черная лошадь, которая может остановиться ночью перед любым шатром, а жизнь более непостоянна, чем пена на морских волнах! Горе исламу, ибо сломан его самый острый меч! Теперь может возрадоваться христианский мир — ведь Лев, что держал его в страхе, лежит мертвый!

Подобно степному пожару, пробежало по лагерю известие о смерти атабега, и подобно мякине, унесенной ветром, рассеялись его приверженцы, на ходу грабя лагерь. Власть, что объединяла их вместе, перестала существовать, и каждый был сам за себя, а добыча доставалась сильному.

Измученные защитники замка, стоявшие на стенах, поднимали зазубрившиеся мечи для последней смертельной схватки. Они изумились, увидев в лагере осаждавших замешательство, беготню, ссоры, грабеж и крики — и, наконец разбегающихся по равнине эмиров и солдат. Эти хищники жили своим мечом, и им дела не было до мертвого, хотя бы и властителя. Они направили своих коней кто куда в поисках нового господина, спеша пробиться, самому сильному.

Ошеломленный, еще не понимая, какое чудо спасло Джабар Кал'ат и всю страну, Майлз дю Курсей стоял с Эллиен и их другом сельджуком, глядя вниз на безмолвный опустевший лагерь, где под утренним ветерком лениво хлопал порванный шатер, в котором лежало окровавленное тело того, кто был Львом Тивериады.

ВЕРНОСТЬ ПРИЗВАНИЮ

Усталость бытия желаешь сбросить с плеч? —
явился призрак, в мысли проникая.
Но кто ты и о чем ведешь ты речь? —
Слова сорвались с губ моих, во мраке исчеза.
Я тот, к кому нужда заставит обратиться
Любого — будь он нищий иль король.
Ты можешь звать меня — Самоубийство,
Воспринимая это имя, как пароль,
Что открывает двери в мир свободы,
Где нет ни зависти, ни гордости, ни ссор
И где душа, томящаяся годы,
Оставив брешьность тела, выйдет на простор.

(Пер. И. Мостового)

В течение 1935 года главной заботой Говарда стало ухудшившееся здоровье матери. Отказавшись от запланированной на зиму поездки по южному Техасу, Роберт в середине марта отвез родителей в Темпл, расположенный в ста пятидесяти милях от Кросс Плэйнс. Там, в больнице, Эстер удалили желчный пузырь. Она поправлялась очень медленно, и Роберту пришлось провести в Темпле целый месяц. Несмотря на

то что д-р Говард имел право на льготное медицинское обслуживание, расходы оказались обременительными и для отца, и для сына. Роберт пытался тратить на себя как можно меньше, снимая комнату в самом дешевом пансионе, и так часто недоедал, что похудел на пятнадцать фунтов. Когда здоровье Эстер восстановилось настолько, что она была в состоянии перенести поездку, врачи в больнице заявили, что больше ничем не могут помочь больной. С тяжелым сердцем Роберт и его отец устроили некое подобие постели на заднем сиденье машины и отвезли Эстер домой. Примерно в тридцати милях от Темпла в автомобиле отказало сцепление, и они оказались «...в затруднительном положении на проселочной дороге, в пяти милях от ближайшего городка. В довершение ко всему прочему надвигалась сильная гроза. Я отыскал фермера, у которого был старенький «форд», и он отвез нас на буксире до ближайшего населенного пункта, деревни, которая называлась Копперас Коув; едва мы успели отвезти маму в единственную находившуюся здесь гостиницу, как началась гроза».

Починка машины заняла несколько часов. Ожидая, пока ее произведут, Говард разговорился с пожилым владельцем ранчо, пытаясь выведать у него местные предания, но тот вежливо уклонялся от ответа. Похоже, старик заподозрил, будто его собеседнику нужны сведения о какой-то древней наследственной вражде. Тем не менее фермер пригласил молодого человека к себе, намекнув, что когда он получше узнает гостя, то решит, стоит ему доверять или нет.

В конце концов дождь прекратился, машина была отремонтирована, и Говарды смогли завершить путешествие. Когда в Лампасас мотор опять заглох, Роберт осыпал ругательствами «тупого» механика из Темпла, который чинил машину. Семье пришлось провести ночь в гостинице и снова отправиться в путь лишь утром. Как раз во время этой поездки Роберт сказал отцу, что «не хочет жить после того, как умрет мама».

По возвращении домой у Эстер Говард на месте шва образовался абсцесс. Ее пришлось на несколько дней отвезти в больницу в Коулмэн, а потом привозить туда каждые несколько дней, чтобы промывать и перевязывать рану. Все увеличивающиеся расходы на лечение подтолкнули Говарда написать редактору «Сверхъестественных историй» Фарнсворту Райту, сообщая о своих затруднениях и умо-

ляя его выслать давно обещанный чек. В то время журнал был должен Говарду больше восьмисот долларов — «достаточных», по его словам, «чтобы заплатить все долги и снова встать на ноги». Райт выслал ему немного денег — столько, сколько позволило скверное финансовое положение журнала. Стоит заметить, что на момент смерти Говарда «Сверхъестественные истории» задолжали ему больше тысячи долларов.

Абсцесс удалось вылечить, но у миссис Говард начался сильный кашель. В самом конце июля вся семья поехала в Лаббок, расположенный в 180 милях к северо-западу от Кросс Плэйнс, а затем они проделали еще 120 миль на север, по направлению к Амарильо, чтобы узнать, не поможет ли Эстер тамошний сухой высокогорный климат избавиться от кашля. Перемена климата не возымела желаемого действия, и Говарды возвратились домой по расположенной ближе к южной границе штата дороге через Сан-Андржео.

Во время этих поездок Роберт Говард внимательно вглядывался в местные ландшафты и красочно описывал их так, словно глядел на них глазами человека, не ожидающего увидеть эти места вновь:

«Апрельские и майские дожди определенно приносили нечто новое в привычный пейзаж. Густая зеленая листва выглядит по-тропически роскошно, а красные и желтые цветы сплетаются в великолепный ковер, сверкающий на фоне зелени».

Несмотря на то что любому, даже не сведущему в медицине человеку было ясно, что Эстер Говард неизлечимо больна туберкулезом, в письмах Роберт никогда и словом не упоминал об этом. Он следовал семейной традиции — скрывал, отрицал и игнорировал вещи, которые не хотел воспринимать. Так как в те времена еще не знали средств лечения туберкулеза, произнести название болезни означало для Роберта признать самое страшное — что дни его матери сочтены.

К середине ноября состояние Эстер снова ухудшилось, и Говарды отвезли ее в санаторий Торбетта в Марлине. Там жил друг Роберта Терстон, увлекающийся оккультизмом. Роберт сожалел, что Терстон Торбетт, изучавший в течение трех лет в Калифорнии изобразительное искусство, забросил это занятие ради увлечения оккультными науками.

Из плевры миссис Говард удалили около галлона жидкости. Когда Роберт узнал, что его матери придется пробыть в санатории неделю или даже больше, он отвез отца домой, захватил пишущую машинку и вернулся в Марлин, где печатал свои рассказы прямо в пансионе. Кроме того, он узнал от д-ра Фрэнка Торбетта много исторических преданий. Доктор пережил те трудные времена, когда «никогда не осмеливался открыть утром дверь сарая и накормить лошадь без заряженного револьвера в руке».

Эстер Говард в конце концов вернулась в Кросс Плэйнс, однако прошло всего две недели, и в плевре вновь скопилось жидкость. На этот раз Говарды повезли ее в Сан-Анджело, находившийся в 105 милях к юго-западу от Кросс Плэйнс. После того как она провела несколько дней в больнице Шэннона, ее перевезли в санаторий, расположенный в деревушке Уотер Вэлли, к северо-западу от Сан-Анджело. Там она провела шесть недель. Роберт навещал ее почти каждый день, и как-то раз по дороге купил широкополый светло-коричневый стетсон, шляпу, гораздо менее бросающуюся в глаза, чем его черное мексиканское сомбреро.

Так как состояние Эстер продолжало ухудшаться, ее на двенадцать дней перевели в Сан-Анджело, «а затем мы отвезли ее домой, потому что в больнице для нее сделали, кажется, все, что было в их силах». Ей по-прежнему требовалось время от времени делать пневмоторакс — Роберт называл это «вдуванием». Процедура состояла в следующем: между ребрами в плевренную полость вводилась игла, через которую вдувался воздух, заставляя легкое сокращаться. Медики пришли к выводу, что другое легкое миссис Говард менее подвержено туберкулезной инфекции. Несмотря на то что процедура была болезненной и утомительной, мать Роберта, по его словам, переносила ее героически.

...

Из-за всех этих поездок и забот о больной матери Роберту катастрофически не хватало времени для сочинения рассказов. Нечасто удавалось выкраивать время и для того, чтобы писать письма. Если в 1934 году им было написано, по имеющимся у нас сведениям, двадцать пять писем, то в 1935-м — только семнадцать. Несомненно, он написал много писем, которые не сохранились, но эти цифры на самом

деле отражают то стрессовое состояние, в котором находился в то время Говард.

Тем не менее он, когда позволяли обстоятельства, продолжал писать. Нельзя забывать о том, что в жизни Говарда были две вещи, придававшие ему сил и уверенности: присутствие матери и сочинение рассказов. Когда его мать неделю за неделей была вынуждена проводить в больнице, необходимость писать становилась еще более острой, особенно учитывая, что в течение лета и осени 1935 года ему очень не хватало общества Новэлин, единственной женщины, с которой он был по-настоящему близок.

В конце 1934 года Говард написал, но не сумел продать рассказ, называвшийся «*Воительница*», действие которого происходило во Франции эпохи Возрождения. Возможно, на него оказало влияние произведение молодой красивой писательницы, только что начавшей писать в стиле героической фэнтези, — Кэтрин Люсиль Мур. В 1934 году в октябрьском выпуске «Сверхъестественных историй» появился «*Поцелуй черного бога*», первая из пяти повестей о рыжеволосой средневековой воительнице, Джайрел из Джойри, которая защищает свой замок и владения как от обычных врагов, так и от сверхъестественных сил. Когда вышла вторая повесть о Джайрел, Говард отправил мисс Мур письмо с поздравлениями, а также рукопись своего рассказа «*Воительница*».

«*Воительница*» — один из многочисленных рассказов Говарда, где описывались исторические события и вполне реальные приключения. Ему доставило огромное удовольствие писать приключенческие истории на основе исторических фактов, Роберт мечтал, что сможет посвятить остаток жизни сочинению рассказов в этом жанре. Истории, происходившие в средневековой Европе, захватывали Говарда так же, как и приключения варваров. Об этом периоде он писал так: «Отважная эпоха, черт побери! Каждый ловкий мошенник мог зарабатывать на жизнь надувательством, так же как и сейчас, но тогда в этом было какое-то величие, благородные помыслы, живость и столь любимый нами ореол славы, без которых не стоит и жить». Однако многие стороны средневековой жизни полностью противоречили этим утверждениям Говарда, и нет сомнений, что, если бы он знал об этом периоде несколько больше, он бы возненавидел рели-

гиозный фанатизм и четкое разделение тогдашнего общества на классы.

Говард начал еще две истории о воительнице по имени Агнес де ла Фер, но так и не довел их до той степени завершения, когда рассказ можно продать. К несчастью для писателя, жанр приключенческой исторической новеллы достиг пика популярности в 1950-х годах, два десятилетия спустя после его смерти. Если бы он остался в живых, его женщины-воительницы — Белит, Рыжая Соня, Агнес де ла Фер и появившаяся позднее в одном из последних рассказов о Конане «Гвозди с алыми шляпками» Валерия — несомненно, принесли бы своему создателю славу и состояние.

Когда стало ясно, что его историко-приключенческие рассказы не пользуются особым успехом, Говарду пришла в голову мысль писать вестерны. Этот жанр художественной литературы был очень популярен в 1930-х годах. Но теперь писатель оказался перед дилеммой. Вестерны — именно настоящие, серьезные вестерны — притягивали его, как магнит, но он начал понимать, что во время нефтяной лихорадки, охватившей город, он запомнил не так уж много деталей, и у него не осталось заметок о том, как жилось людям в его родном краю. Говард писал:

«А теперь в моей памяти все это смешалось в несусветной путанице. Я так увлекся сочинениям романтических экзотических историй, что найти путь обратно, к реалистическому изображению жизни, мне теперь чертовски трудно».

Он слишком поздно осознал, что бережно хранимые воспоминания о реальных событиях, даже если они причиняют боль и заставляют стогать со стыда, придают произведениям писателя тот неповторимый колорит, которого не удастся достичь путем косвенного опыта, например при чтении книг и просмотре кинофильмов.

Более того, у Говарда никогда не было — да он и не пытался их приобрести — глубоких познаний о сложностях, нюансах и противоречиях человеческой природы. Поэтому его герои, за редким исключением, представляют собой определенные стереотипы. Когда он писал для дешевых журналов, это было вполне приемлемо, но для писателя, желающего получать большее вознаграждение и публиковаться в престижных серьезных журналах, подобный факт являлся серьезным упущением.

Истина заключается в том, что Роберт Говард, как в плане личностных особенностей, так и полученного им опыта, был далек от того, чтобы реально смотреть на мир. Настолько всепоглощающими были его страх и ненависть по отношению к «врагам», так часто он оказывался в полном одиночестве, что жизнь людей, которые его окружали, представлялась ему менее «реальной», чем демоны и чудовища из ночных кошмаров. Он, даже не сознавая того, нашел свое единственно возможное место как писателя в царстве фантазии и в причудливых юмористических вестернах.

Несмотря на то что Запад Брекенриджа Элкина был не более реальным, чем Хайборийская эпоха Конана, этот герой тем не менее пользовался не меньшим успехом, чем варвар из Киммерии. Отис Клайн отослал тринадцать рассказов об этом веселом парне из Невады в английскую фирму, принадлежавшую Херберту Дженкинсу. Редактор сообщил, что если Говард сможет написать продолжение к рассказам, то он опубликует их как единый роман.

Говард послушно включил в рассказы Глори МакГроу, девушку, к которой Брек был равнодушен, но постоянно ссорился из-за идиотских пустяков. Он так и не успел отослать переработанное произведение в Англию, но после его смерти, в конце 1936 года, на его адрес был выслан контракт с авансом в 150 долларов. Книга, вышедшая под названием «Джентльмен с Медвежьего Ручья», увидела свет в 1937 году, ее охотно покупали, что давало возможность выпустить повторное, более дешевое издание. Изменило бы это судьбу Роберта Говарда, если бы книга была выпущена годом раньше? Говоря откровенно, мы в этом сомневаемся.

На фоне выдуманного Говардом Запада появился еще один комический персонаж, Бакнер Дж. Граймс. Этот местный гигант стал главным героем одного из лучших вестернов Говарда — «Леопард-людоед», опубликованного в 1936 году в июньском выпуске журнала «Ковбойские истории». Второй рассказ про Граймса, «Бродяга с реки Ножа», был опубликован в этом журнале уже после смерти Говарда.

***

По настоянию своего нового агента, Отиса Клайна, Говард начал действовать в неожиданном направлении. Он продал один из своих рассказов в журнал «Пикантные приключе-

ния», который относился к так называемым горячим изданиям и считался почти порнографическим. Если сравнивать с тем, что можно найти в наши дни на страницах обыкновенных журналов, эти рассказы были полны скромности, под стать робкому застенчивому юноше. В них упоминалось о прелюбодеянии, но вместо того, чтобы подробно описывать соответствующую сцену, автор обозначал этот момент с помощью многоточий.

За первым рассказом, *«Девушка на корабле Дьявола»*, который редактор переименовал в *«Дьяволицу»*, последовали еще четыре истории. В них появился очередной типичный говардовский герой, Дикарь Билл Клэнтон, моряк, которого больше всего на свете занимают драки. Как и все герои Говарда, он был широкоплечий, с четко обозначенной талией и крепкими кулаками человек, с прилизанными черными волосами, голубыми глазами, в которых горело желание подражаться, и с искривленным в жестокой ухмылке ртом....

Говард сообщил о своей новой затее Лавкрафту:

«Я попробовал писать для «Пикантных приключений», эротического журнальчика, в который постоянно пишет Эд Прайс. Я продал первую пробную серию рассказов, но это требует... живого, изящного стиля, который чужд моей естественной манере писать... Почему бы тебе тоже не взяться за это дело? ...на рассказах, где есть сексуальные сцены, можно наверняка неплохо заработать... Просто напиши об одном из твоих интимных приключений, слегка изменив, чтобы оно соответствовало сюжету. Именно так я писал ту самую серию рассказов, что мне удалось продать».

Должно быть, подобный совет чрезвычайно шокировал Лавкрафта, известного своими пуританскими взглядами. Человека, который гордился тем, что принадлежит к высшему обществу Новой Англии, одна лишь мысль об использовании такого метода привела в ужас. Что же касается Роберта Говарда, мы рады, что у него оказалось такое богатое воображение; а также тому, что он не публиковал эти рассказы под своим именем, а воспользовался в качестве псевдонима именем одного из своих предков — Сэм Уолсер.

...

Говард также работал еще над несколькими рассказами, которые не имели особого успеха. Он продал рассказ о

Фрэнсисе Гордоне, чтобы его опубликовали в июне 1935 года. В следующем рассказе из этой серии, *«Кровь богов»*, говорится о приключениях Гордона в Аравии и о том, как он разыскивает таинственного человека знатного происхождения, который отправляется в пустыню с грузом драгоценных камней. Действие другой истории о сокровищах, *«Проклятие кровавого бога»*, происходит в Афганистане; там рассказывается о золотом, усыпанном драгоценными камнями идоле величиной с человеческий рост, и об охотниках, соперничающих между собой в поисках клада.

Отис Клайн не возлагал особенных надежд на эти истории. Он говорил своему клиенту: «Тема драгоценных камней или сокровищ, спрятанных внутри идола, уже исчерпана, редакторам она порядком надоела». Случилось именно так, как он предсказывал, — рассказ продать не удалось, и он не был опубликован до тех пор, пока два десятка лет спустя его не переделали в историю о Конане.

Припоминая все истории, которые он читал или слышал о жизни людей в южных штатах до Гражданской войны, Говард написал научно-фантастический рассказ, который появился в февральском выпуске журнала «Сверхъестественные истории» за 1935 год под названием *«Суеверный ужас»*. В рассказе говорится о гигантской африканской обезьяне-людоеде и коварном чернокожем слуге религиозного культа.

«Черный Канаан», — рассказ, в котором еще более ярко выражен расизм автора, был опубликован в июньском выпуске журнала «Сверхъестественные истории» 1936 года. В болотистых джунглях негры поднимают восстание, но его подавляют доблестные белые. Откровенная и жестокая расовая неприязнь белых в этом рассказе может вызвать негодование у некоторых современных читателей. И все же это реалистичное изображение отношения к неграм большинства землевладельцев, живших в южных штатах в прошлом веке. Примерно в то же время, когда появился *«Черный Канаан»*, Говард написал рассказ *«Мертвые помнят»*. В этой фантастической истории симпатии автора находятся на стороне негритянских юноши и девушки, зверски убитых злобным коварным-рассказчиком, на которого обрушивается возмездие сверхъестественных сил.

Над этими и другими, менее значительными произведениями Говард работал в течение последнего года своей жизни.

После его смерти было обнаружено около восьмидесяти непроданных рассказов и очень много незавершенных вещей. Осталось неизвестным, когда именно они были написаны, и мы можем только догадываться об истории их публикации. Некоторые из них были возвращены из забвения и переделаны в рассказы о Конане. Другие были дописаны различными писателями и опубликованы на волне недавно вспыхнувшего интереса к Роберту Говарду и его самому знаменитому герою — Конану из Киммерии.

...

Несмотря на частые посещения больниц, бессонные тревожные дежурства у кровати больной и лихорадочному стучанию по клавишам пишущей машинки, Роберт Говард умудрялся время от времени общаться со своими сверстниками. Однако вряд ли это общение согревало ему душу; мы подозреваем, что по крайней мере некоторые из его затруднений объясняются тем невероятным положением, в котором он оказался. Роберт неустанно заботился о матери и в то же время находился в подавленном состоянии из-за ограничений, которые неизбежно возникли из-за того, что он был вынужден ухаживать за больной. Он стремился открывать для себя новые литературные сферы, но все, что он получал от новых редакторов, это письма об отклонениях рукописей. Он жаждал свободы, но условия жизни сдерживали его порывы.

Одним из друзей, отношения с которыми постепенно сходили на нет, была Новэлин Прайс. Когда Новэлин вернулась обратно в Кросс-Плэйнс после пребывания в браунвудской больнице, она решила задуматься над своим будущим. Они с Бобом снова стали видеться, но в их встречах уже не чувствовалось былой теплоты. Роберт явно не подходил на роль лучшего друга, а уж тем более мужа; это вынудило девушку расширять круг своих знакомых. Она много слышала о друге Боба из Браунвуда — высоком и симпатичном Труэтте Винсоне; как-то Новэлин сказала Бобу, что, когда вернется в Браунвуд во время школьных летних каникул, попытается встретиться с Винсоном.

Роберт усмехнулся: «Он никогда не пригласит тебя на свидание! Ты не сможешь увлечь ни одного парня и говоришь это просто для того, чтобы вызвать у меня ревность».

Эти грубые слова привели, разумеется, к тому, что Новэлин окончательно укрепила в своем решении встретиться с

Труэттом Винсоном. После свидания с ним она рассказала обо всем Роберту. Сначала Говард отказывался ей верить — даже когда она показала ему книгу Винсона, которую тот надписал для нее. Когда в конце концов факт стал очевидным, Роберт пришел в ярость и прекратил встречи с Новэлин.

Прошло несколько недель, и Новэлин послала Бобу записку, в которой предлагала ему забыть ссору и увидеться с ней. С истинно говардовским умением игнорировать неприятные вещи Роберт написал ответное письмо, в каждой строчке которого сквозили оскорбленное достоинство и гнев:

*Кросс Плэйнс, Техас 8 июля, 1935 г.
Дорогая Новэлин!*

Благодарю за приглашение; однако ты вряд ли можешь на самом деле предполагать, будто мне так нравятся насмешки и презрение, что я вернусь за повторной их порцией.

Думаю, ты понимаешь, что я хочу сказать, но я все же разъясню свою мысль, чтобы между нами не осталось никаких недоразумений. Я считаю, что ты и Труэтт нечестно поступили со мной, скрывая свои встречи. В этой секретности не было ни малейшей нужды, и единственной вашей целью было сделать из меня идиота. Мне нет дела до того, с кем ты встречаешься или с кем встречается Труэтт; но если бы вы оба отнеслись ко мне хоть с каким-то уважением, вы бы просто упомянули в разговоре тот факт, что встречаетесь. Если бы ты все рассказала мне, я бы не подумал ничего плохого; если бы ты ни о чем не сообщила просто из-за легкомыслия или беспечности, я бы постарался не придавать этому особого значения. Но у вас обоих много раз была возможность сказать мне, а вместо этого вы скрыли ваши встречи — и, несомненно, оба насмеялись надо мной.

Теперь я понимаю, почему ты так смеялась во время нашей последней встречи, хотя мне до сих пор не ясно, в чем был смысл этих насмешек. Почему ты решила, что будет потрясающим розыгрышем скрыть от меня, что вы встречаетесь с Труэттом, я не могу догадаться до сих пор. Но знать, что такое пренебрежение по отношению ко мне было намеренным, — для меня вполне достаточно.

Воспользоваться доверием, уважением и вниманием друга для того, чтобы сделать из него дурака, — такая победа не делает чести никому.

Искренне твой Роберт И. Говард

Ни одна женщина не ответила бы на такое незаслуженное оскорбление, однако Новэлин отправила Роберту пыльное выразительное письмо:

12 июля, 1935 г.

Дорогой Боб!

Хотя после таких твоих слов мне нечего добавить, я, как женщина, все же скажу еще кое-что. Ты упомянул, что тебе все равно, с кем я встречаюсь. Я это знаю, Боб. Все то время, что мы встречались с тобой, я прекрасно понимала, как ты относишься к женщинам. Ты всегда хотел быть свободным и независимым и считал, что женщина связывает мужчину по рукам и ногам. Эта мысль ужасала тебя. Для тебя самое главное — сохранение своей независимости. Как бы странно это ни казалось, я тоже требую для себя свободы; сохранение независимости я считаю законом и своей жизнью. Я буду делать все, что доставляет мне удовольствие, и не считаю себя обязанной рассказывать даже близким друзьям о своих личных делах.

Я действительно сказала тебе, что хочу встретиться с Труэттом, когда вернусь домой. Однажды, когда я упомянула о том, что виделась с Труэттом, ты сказал, что я напрасно пытаюсь заставить тебя поверить, будто у меня было с ним свидание. Я ответила, что на самом деле собираюсь встречаться с ним этим летом. Ты же решил, что я рассчитываю встречаться с ним и в будущем. Ты сказал: «Ты можешь это сделать, но до сих пор не сделала». Поэтому я решила прекратить разговор. Позже ты взял книгу, которую он мне дал, на первой странице которой были его и мои инициалы. Я видела, как ты взглянул на эту страницу, и когда ты не обратил на это никакого внимания, я мысленно зааплодировала тебе. «Хорошо, — сказала я себе, — он хочет показать мне, что это его несколько не трогает. Он хочет внушить мне, что он меня не любит и не испытывает хотя бы малейшего укола ревности. Разумный ход». Я думала, что ты смеялся надо мной, потому что полагал, будто я выдаю за правду нечто такое, чего не было на самом деле, но я не лгала. Помнишь, ты все время говорил мне, что я для тебя просто подруга, а я позаботилась о том, чтобы ты знал, что я осознаю, какие существуют между нами отношения.

Я встречалась с Клайдом четыре года. Мы виделись с ним за две недели до его свадьбы, и он даже не упомянул, что

собирается жениться. Когда же он сообщил мне об этом, я была совершенно раздавлена. Все мои друзья в Браунвуде сочувствовали мне. Думаешь, легко было узнать такое? Но в конце концов я решила, что это его дело, и не сказала ему ни слова о том, как он со мной поступил. А сейчас я отношусь к Клайду так же, как и раньше. Я продолжаю считать его своим другом и не думаю, что он обошелся со мной несправедливо.

Я всегда полагала, что ты на целую голову выше всех остальных моих знакомых. Я не верила, что ты опустился до такой мешанской мелочности, и не верю, что ты на самом деле думаешь, будто я и Труэтт поступили с тобой нечестно. Ты знаешь нас обоих достаточно хорошо, чтобы быть уверенным, что мы не изменили нашей дружбе. Я не могу отделаться от мысли, что тебе надоело терять свое драгоценное время, встречаясь со мной, а тут представился такой удобный случай освободиться от меня на весь следующий год. Я не могла не знать, что иногда мешала твоей работе и устоявшемуся, размеренному образу жизни. Ты мог просто по-человечески объяснить мне, что не можешь больше уделять мне время.

В моем предыдущем письме я посчитала само собой разумеющимся, что мы все еще друзья, и пригласила тебя встретиться, полагая, что наша дружба останется такой же, как прежде. Прошу прощения за то, что совершила ошибку.

Я хочу, чтобы ты знал: я всегда искренне желаю тебе успеха и счастья.

Новэлин

Через несколько недель буря утихла. Роберт и Новэлин снова начали встречаться, хотя между ними уже не было прежней душевной близости. Оба знали, что в Кросс Плэйнс нет никого, кто говорил бы на их языке. С кем еще они могли обсудить что-то более значительное, чем местные сплетни или цены на зерно, хлопок и нефть?

Редкие встречи Роберта и Новэлин продолжались в течение осени 1935 года. Несмотря на то что зимой Говард большей частью был поглощен заботами о матери, в феврале они встретились еще раз. Как настоящая женщина, Новэлин до сих пор не потеряла надежду направить Боба по тому пути, который считала единственно возможным для него, поэтому она продолжала убеждать его стать самостоятель-

ным и перестать цепляться за юбки матери. Мы, конечно, не знаем всех подробностей этого разговора, но предполагаем, что Боб закусил удила и заявил, что никому не позволит учить его, как распорядиться своей собственной жизнью. Как бы то ни было, их встреча закончилась бурной ссорой, и они расстались более чем холодно.

Это было их последнее свидание. Говард написал Лавкрафту, что он «возобновил прежнюю любовную связь и опять разорвал ее». В конце школьного семестра, той же весной, Новэлин уехала в университет штата Луизиана, где начала занятия, чтобы получить степень магистра.

***

Говард радовался, когда ему изредка предоставлялся шанс отдохнуть от обязанностей сиделки. 19 июня 1935 года он вместе с Труэттом Винсоном отправился в пятидневное путешествие в Нью-Мексико. Они поехали через Карлсбад и Росуэлл по направлению к Линкольну, крошечной деревушке, находившейся недалеко от резервации апачей Мескальеро, которая в конце 1870-х годов была очагом кровавой резни в графстве Линкольн, устроенной «Малышом» Биллом. Говард и Винсон сфотографировались на фоне старого деревянного здания суда и тюрьмы, откуда сбежал Малыш Билл, убив при этом двух человек. Зная, что в Линкольне погибло много людей, Говард позднее написал:

«Я нигде не испытывал такого всепроникающего ужаса, как при посещении Линкольна. Если на этом полушарии есть заколдованное место, то он находится именно здесь. Я чувствовал, что, если я провел бы там хоть одну ночь, видение кровавых событий преследовали бы меня во сне».

Когда друзья ехали в Санта-Фе через Альбукерк, раздражение Говарда вызывали толпы туристов, особенно те из них, которые были одеты «в британском стиле», то есть в «шлемы от солнца, трикотажные рубашки с короткими рукавами и штаны до колена». В то время только начинали носить спортивные рубашки с короткими рукавами, сделанные по образцу рубашек поло, а шорты еще два десятка лет не считались исключительно одеждой американцев. Говард также писал об испанцах, которых в Нью-Мексико было великое множество: «...или, как их здесь называют, испано-американцы. Ты или я в соответствии с их представлениями назывались бы англо-американцами. Испано-американцы, черт побери! Мексика-

нец всегда будет для меня мексиканцем, где бы я его ни встретил».

Он обнаружил, что мексиканцы в Нью-Мексико гораздо лучше образованны и живут в более приличных условиях, чем мексиканцы из Оклахомы или Техаса, но добавлял: «Признаюсь, мне казалось немного странным, что отношение к мексиканцам здесь такое же, как к белым...». Несмотря на подобный шовинизм, Говард соглашался позднее с Лавкрафтом, что население Нью-Мексико в конце концов станет однородным.

Вместе с Винсоном Роберт посетил музей искусств и старый дворец губернатора в Санта-Фе. В музее он увидел картину «Стоик», которая произвела на него чрезвычайное впечатление, и с рассеянным интересом осматрел археологическую выставку предметов утвари индейцев пуэбло. Позже он написал Лавкрафту:

«Мы остановились в Санта-Фе всего на одну ночь. Я очень хотел бы побыть там подольше... Но Винсон горел желанием вернуться домой, по какой причине — он так и не сказал, но для него это было, видимо, так важно, что я не стал настаивать».

Винсону не терпелось попасть домой, потому что Боб оказался «ужасным водителем и самым худшим из соседей по комнате». В номерах для туристов в те времена ставили лишь одну двуспальную кровать, и часто там не было даже туалета. Когда приходилось ночевать в таких переполненных гостиницах, Винсону постоянно мешали возня и непрерывное бормотание Роберта. Поэтому Говард и Винсон отправились домой через Эль-Пасо, где посмотрели несколько фильмов, одним из которых был «Доносчик», и переночевали. На следующий день они добрались до Браунвуда, Говард высадил Винсона и поехал домой, проведя за рулем шестнадцать часов. За один день он проехал 570 миль.

В январе 1936 года Говарду представилась еще одна возможность кратковременного отдыха. Он поехал в Браунвуд и пригласил Смита и Винсона выпить с ним по стаканчику. Как и раньше, в его воображении этот вечер превратился в истинную оргию. Он написал об этой встрече своему другу по переписке Огасту Дерлету:

«Один из них — гигант весом около 220 фунтов — устроил настоящий кутеж. Он попытался завязать стрельбу, а виски,

смешанное с запахом порохового дыма и хлопьями свинца,— сочетание, отнюдь не подходящее для джентльмена... Помню, как мы схватились с ним врукопашную, и я до сих пор прихрамываю на одно колено, потому что, когда мы покатились по полу, я сильно расшиб ногу.

В течение зимы 1935—1936 года у Роберта Говарда появились странные причуды. Он отрастил длинные, свисающие как у моржа, черные усы. Новэлин не раз говорила, что ей нравятся небольшие, аккуратно подстриженные усы, и была уверена, что Боб носил это косматое украшение исключительно для того, чтобы позлить ее. После их последней встречи он сбрил усы.

Потом Роберт где-то приобрел легкий, голубоватого-серого цвета плащ длиной до колен, какие носили еще в девятнадцатом веке. Люди, которые помнят Говарда, говорят, что это, возможно, был плащ офицера армии конфедератов. В прохладную погоду он разгуливал в этом необычном одеянии по городу, голову его украшало давно забытое мексиканское сомбреро. В таком причудливом наряде Говард казался еще более странной и подозрительной личностью, что заставляло жителей города окончательно укрепиться в своем дурном мнении о нем. Возможно, такое привлечение внимания к своей персоне было на самом деле для Говарда молчаливой мольбой о помощи.

Но ему никто не мог помочь. Для туберкулеза типичны улучшения и ухудшения состояния больного, иногда миссис Говард становилось совсем плохо, но потом внезапно ненадолго наступало улучшение. Когда казалось, что матери становится лучше, радости Роберта не было границ. Он бродил по дому, что-то напевая, или начинал со страшной скоростью печатать рассказы. Часто он раскачивался взад-вперед, сидя на перилах крыльца, распевая при этом во все горло.

Когда же наступало ухудшение, Роберт впадал в тяжелейшую депрессию. Он совершенно терял контроль над собой. В один из таких моментов он писал:

«Зима была суровой и не прошла для нее даром. Сначала одна, а затем другая сиделка, которых мы нанимали для присмотра за ней, заболели, поэтому заботы о матери полностью легли на нас с отцом... У меня почти нет времени писать, поэтому мое письмо такое короткое и несвязное. Мне кажется, что мы мало чем можем помочь ей, хотя, видит Бог, я готов

пожертвовать чем угодно, даже собственной жизнью, только бы это принесло ей хоть какое-то облегчение.

Той зимой д-р Говард стал принимать пациентов не в аптеке, как прежде, а на дому. Пациенты входили через переднюю дверь, и доктор принимал их на застекленной террасе.

В начале 1936 года Говарды попросили свою соседку, Кейт Мерримэн, вести домашнее хозяйство и помогать ухаживать за больной. Миссис Говард сильно потела по ночам, и мисс Мерримэн и Роберт должны были несколько раз в течение ночи менять ночные рубашки на умирающей; она болезненно переносила холод, и всю процедуру приходилось выполнять, не откидывая одеяла. Роберт и мисс Мерримэн по очереди дежурили у постели больной; но Роберт мог восполнить недостаток сна на следующий день, а Кейт Мерримэн должна была идти хлопотать по хозяйству. Но даже когда Роберт засыпал, он оставлял широко открытым окно между своей комнатой и комнатой матери, чтобы слышать любой доносящийся оттуда звук.

В конце концов Кейт Мерримэн не смогла больше справиться с таким объемом работы. В мае 1936 года она была вынуждена уйти от Говардов. После этого им пришлось нанять двух сиделок и кухарку, чтобы они смогли выполнять всю работу, которую раньше делали мисс Мерримэн и Роберт. Однако даже тогда Кейт Мерримэн продолжала время от времени приходить, чтобы помочь Говардам. По словам Кейт Мерримэн, от Роберта не было большого толка в домашнем хозяйстве. Это было сказано вовсе не для того, чтобы выставить его в дурном свете, потому что тогда домашнее хозяйство целиком лежало на женских плечах, а мужчин и мальчиков учили не вмешиваться в ту сферу, где царили женщины.

В надежде, что здоровая пища придаст Эстер сил, Говарды купили двух молочных коз, и Роберту пришлось учиться доить их. Какое-то время казалось, что козье молоко идет Эстер на пользу, но через некоторое время у нее опять начался плеврит. Так как поездки были ей противопоказаны, пришлось вызвать доктора из Браунвуда, чтобы он удалил скопившуюся в плевре жидкость.

В конце февраля отец и сын, совершенно отчаявшиеся перед лицом неизбежного, отвезли Эстер в санаторий, находившийся в восточном Техасе. Но и там доктора ничего

не могли для нее сделать. Совершенно измученный и подавленный, Роберт обрушил свой гнев на медиков и больницы:

«Я питал напрасные надежды... Большинство этих специалистов... оказались просто болванами, некомпетентными теоретиками... теория, теория, теория! Боже мой, за последние несколько месяцев я сыт по горло всей этой теорией... Демонстрируя свою ученость, он [сын главного врача больницы] не обращал внимания на состояние моей матери — или старался не обращать... Но прежде чем мы расстались с ним, он был чертовски рад делать все то, что предлагал мой отец, — не предлагал, черт возьми, а приказывал! (Самым большим болваном из них был один парень из Калифорнии... который был склонен относиться к живому человеку, как к морской свинке... но я не позволю ни одному из них ставить опыты на моих близких, пока жив и могу стоять на ногах.)»

Последний раз Говарды привезли Эстер домой в начале марта, после этого она прожила еще несколько месяцев. В мае Роберт написал Лавкрафту:

«Я не знаю, выживет она или нет. Она очень слаба и весит всего 109 фунтов — хотя ее нормальный вес равнялся 150 фунтам, — а ее организм усваивает лишь очень немногие продукты; но если она поправится, то будет обязана своей жизнью стараниям моего отца...»

Несмотря на то что Роберт громко и возмущенно протестовал против «теории» и докторов, которые обращались со своими пациентами, как с «морскими свинками», он не мог не признать, что его мать умирала от туберкулеза, возможно, осложненного раковой опухолью, и что в те времена средства против туберкулеза не существовало. Хотя Эстер было уже почти шестьдесят семь лет (именно этот факт тщательно скрывали родители Роберта), и она прожила столько, сколько жили обычно люди ее поколения, — ни внутреннее убеждение Роберта Говарда, ни то, что его родители всю жизнь отрицали реальность происходящего, не смогли заставить его смириться с неизбежностью ее смерти.

...

Однако, несмотря на свою горе, Говард написал в течение зимы 1935—1936 года пять вестернов и продал их в солидный журнал, называющийся «Аргоси»; до этого ему уда-

лось опубликовать на его страницах лишь один рассказ, и он давно мечтал о том, что будет регулярно снабжать этот журнал своими произведениями. Два из его рассказов были вестернами в полном смысле этого слова — обычные заурядные истории, они назывались «Мертвые помнят» и «Святыни стервятников». Но остальные три — одни из лучших юмористических вестернов Говарда, их невозможно читать без смеха. «Человек из Пекоса», «Люди на суде Линча» и «Мятеж в Бакснорте» — эти рассказы были опубликованы в августе—ноябре 1936 года и служат неопровержимым доказательством, что настоящий писатель даже в самую трудную для него минуту может создавать достойные произведения, если находит хоть какое-то время для творчества. Эти рассказы также доказывают, что с литературной точки зрения Говард был молодым, многообещающим писателем.

Произведения, написанные им в 1936 году, были менее удачными. Он почти завершил работу над романом «Альмарик» и еще над одной небольшой повестью; но по этим произведениям нетрудно заметить, в каком состоянии был тогда Говард.

«Альмарик» был его третьим романом, не считая автобиографического произведения «Пост-Оукс и Сэнд-Рафс». Этот небольшой роман написан в жанре фантастической сказки в духе рассказов Бэрроуза о Джоне Картере с Марса. Как и Бэрроуза, Говарда не слишком заботила научная достоверность, и он писал роман с небывалым размахом. Легко догадаться, что писатель надеялся отослать свое произведение в один из научно-фантастических журналов, которые в 1930-х годах росли, как грибы после дождя.

Изобретя машину, с помощью которой человек может в мгновение ока оказаться на далекой планете, ученый помогает Исе Кэрну уйти от закона, отправив его на планету Альмарик. Описание, которое ученый дает Кэрну, самому сильному человеку в мире, довольно точно подходит самому Говарду, или, скорее, его идеализированному представлению о себе:

«Многие люди рождаются не в свое время; Иса Кэрн, во всяком случае, родился не в свою эпоху. Он не был ни слабоумным идиотом, ни примитивным человеком, выходцем из низших слоев населения; его интеллект был гораздо выше среднего, но тем не менее в современном мире он был не на своем месте. Я никогда не знал ни одного человека,

который был бы так мало приспособлен к жизни в эпоху машин...

Он был беспокоен и порывист, не терпел никаких ограничений и не признавал ничьих авторитетов. Он ни в коем случае не был возмутителем общественного спокойствия, но никогда не мирился с тем, что, как ему казалось, являлось хотя бы малейшим посягательством на его свободу. Им владели примитивные страсти, у него был буйный нрав, а храбростью он не уступал ни одному человеку на планете. Даже во время спортивных соревнований он должен был сдерживать себя, чтобы не искалечить своих соперников. Короче говоря, Иса Кэрн был очень странным человеком — человеком, чье тело и склад ума были характерны скорее для первобытной эпохи.

В колледже с Кэрном невозможно было играть в футбол, не рискуя закончить игру с переломанной рукой или ногой. Ему окончательно запретили играть, когда случайно, не рассчитав силу удара, он убил партнера по тренировке. Затем он и его приятель не сошлись во взглядах на политику, и Кэрн в качестве убедительного довода разбивает ему голову. Вот почему он был вынужден лететь на Альмарик.

На планете Альмарик Кэрн оказывается среди необыкновенно сильных неандертальцев, живущих в городах и обладающих красивыми женщинами. Кэрн счастливо обитает среди них, пока его вместе с возлюбленной не похищают крылатые существа, похожие на демонов. Эти чудовища, или яги, оставляют пленников в черной цитадели Югги, на горе Ютла, на берегах реки Йо в стране Ягг. Там они встречаются со злой королевой Ясминой. Как воскликнул потом один из критиков: «Йинго-го, йинго-го!»

Бурное, насыщенное событиями повествование может бессознательно понравиться читателю, который не будет обращать внимания на все несоответствия и нелепости в романе. Хотя он и вышел в 1939 году в журнале «Сверхъестественные истории» в трех частях, это одно из самых слабых произведений Говарда.

Конец этой истории довольно необычен. Землянин и его подруга хотят привести достижения земной культуры в примитивную культуру его новой родины. Эта концовка настолько не соответствует общему замыслу романа — населенного благородными дикарями, проникнутого романтикой первобытного существования, что мы подозреваем, что она

была дописана либо Отисом Клайном, литературным агентом Говарда, либо Фарнсуортом Райтом, редактором «Сверхъестественных историй», с целью попытаться предотвратить негативный отклик читателей.

Примерно в тот же период Говард начал писать повесть «Нехт Семеркехт». Она отражает помыслы самого автора — Говард пытался убедить себя преодолеть естественную тягу к жизни и выполнить давнее обещание умереть вместе со своей матерью.

Главный герой повести — Эрнандо де Гусман, участник королевской экспедиции 1540—1542 годов, направлявшейся из Мексики в Канзас в поисках золота. Эрнандо заблудился в прерии и после долгих скитаний набрел на город, в котором жили полувивилизованные индейцы; городом правит злой бессмертный волшебник по имени Нехт Семеркет.

Как и во многих произведениях Говарда, события в повести развиваются бурно, но вскоре сюжет становится все более схематичным, а потом, как в рассказе «Волки по ту сторону границы», превращается просто в набросок. Эндрю Дж. Оффутт закончил повесть, опираясь на эти наброски, — в конце концов Эрнандо удается избавиться от злого колдуна. Но его триумф длится недолго, потому что в город врываются индейцы с равнин. Египетский маг, умирая, успевает напустить на них ядовитый газ; и все — главный герой, захватчики-индейцы и просто ни в чем не повинные люди — в конце рассказа погибают.

«Нехт Семеркехт» — последнее произведение, написанное Говардом, от него веет мраком и ужасом перед неизбежностью судьбы. Однако эта повесть представляет для нас интерес по двум причинам. Во-первых, в ней приводится к логическому завершению одна из повторяющихся тем произведений Говарда — всеобщее разрушение. Еще большее значение для биографов имеет глубина проникновения в сущность борьбы между жизнью и смертью, которая непрерывно происходила в душе Говарда в первую половину 1936 года.

Оставшись один среди равнин, Эрнандо ощущает инстинктивную жажду жизни, которая просыпается в нем в тот момент, когда жизнь не стоит того, чтобы за нее бороться. Эрнандо размышляет о том, что бессмысленно цепляться за жизнь только потому, что примитивный инстинкт заставляет нас так поступать. Говард выделил курсивом внутренний монолог Эрнандо:

«Мы, люди, пытаемся дать разумное объяснение слепому инстинкту самосохранения и строим уютные воздушные замки, чтобы доказать, будто жить лучше, чем умереть, в то время как наш хваленый — но игнорируемый нами! — интеллект отрицает жизнь, как ни поверни! Ах, но как же мы, цивилизованные люди, ненавидим и боимся своих животных инстинктов!.. Так же, как ненавидим и испытываем ужас перед открывающейся темной, наполненной пронзительными криками пропастью первобытных начал, которые и породили род людской...»

О, разумеется, все наши действия определяются здравым смыслом, даже когда он подсказывает нам, что лучше умереть, чем жить! Не ум, которым мы так гордимся, приказывает нам жить — и убивать ради выживания, — но слепой безрассудный животный инстинкт.

Эрнандо де Гусман, как и его создатель, не мог обманывать себя и думать, найдется ли логическое объяснение, почему он должен продолжать бороться, почему не «прекратить существование, от которого уже давно испытываешь мучительную боль, а не наслаждение». Он знал, что, даже если он сумеет добраться до лагеря, даже если найдет золото, жизнь останется такой же убогой, как и прежде. Но в отличие от своего создателя, Эрнандо последовал зову своих животных инстинктов и продолжал сражаться за жизнь.

***

Примерно в феврале 1936 года двое молодых поклонников Конана из Скенектэди, штат Нью-Йорк, нарисовали карту хайборийского мира в соответствии с теми сведениями, что содержались в рассказах о Конане. Ими были П. Миллер, школьный администратор, археолог-любитель и начинающий, но уже пользующийся успехом автор научно-фантастических произведений, и д-р Джон Д. Кларк, химик, работавший в компании «Дженерал Электрик». Они отослали карту Роберту Говарду вместе с письмом, в котором обсуждался жизненный путь Конана.

10 марта Говард отправил ответное письмо, весьма теплое и дружелюбное. В нем он говорил, что карта Кларка и Миллера и описание жизни Конана очень близко совпадали с его собственным мнением по этому вопросу; в конверт он вложил для сравнения карту, сделанную им самим. Он сообщил также, что не может предвидеть, какая судьба ждет

Конана, поскольку он только «описывал его приключения, в точности как он сам рассказывал их мне...».

Говард написал далее, что Конан, по его мнению, будет править Аквилонией еще много лет, и это будут времена мятежей и войн. Его ждали странствования по всему хайборийскому миру, и варвар даже оказался на безымянном Западном континенте. Говард не знал, захватил ли он эту огромную территорию и создал там империю или же погиб при попытке осуществить эти великие завоевания, и не мог предсказать, сколько еще рассказов о жизни и любовных похождениях Конана будут опубликованы. Те, кто сегодня лишь пролистывают книги о великом варваре, и те, кто читает их внимательно, все еще ломают голову над этой загадкой, но мы знаем, что гигант-киммериец до сих пор путешествует по Хайбории, и есть много историй, которые он так и не успел еще рассказать.

***

В оживленной переписке с поклонниками не было ни намека на тяжелейшие условия, в которых вынужден был работать Говард, ни одного слова о том, что он хотел уйти из этой жизни, но в его стихах и разговорах с отцом писатель не скрывает своего желания покончить жизнь самоубийством. В действительности, очень немногие люди так открыто и красноречиво говорят о тех чувствах, которые приводят их к трагической кончине.

Еще десять лет назад в поэмах Говарда часто встречались строки о смерти: «Жизнь — это лжец, блудница со зловещими глазами...», «Агония, подобно острым копьям, пронзает мой мозг...», «Годы моей жизни подобны ножу, вонзающемуся в сердце». У него было ощущение, будто он зря прожил жизнь, что никогда не был по-настоящему свободен, люди вокруг него — всего-навсего жуткое воющее стадо, а слава — обманчива и кратковременна.

В стихотворении «Соблазнитель» Говард почти открыто заявил о своем намерении:

Когда встревоженный рукой моей метали
Полет свой завершит, узор кровавый образуя,
И оборвет, как налетевший шквал,
Те нити, что, меня с Землей связуя,
Пустили корни в тело бренное мое,
Рассеется туман, застывший Время,
И, выполнив предназначение свое,

Нетленная душа, поставив ногу в стремя,
Вновь будет на коне и мир теней покинет,
Неторопливо путь держа туда,
Где в свете дня шатры свои раскинет
И горечь позабудет навсегда.

(Пер. И. Мостового)

Самые близкие друзья Говарда, такие, например, как Труэтт Винсон и Новалин Прайс, даже не догадывались о желании Роберта умереть от своей собственной руки и были поражены, услышав о его смерти. Но Говард сказал как-то Клайду Смиту: «Мой отец — настоящий мужчина и сможет позаботиться о себе, потому что я собираюсь прожить ровно столько, сколько проживет моя мать». А вот слова Кейт Мерримэн: «Миссис Говард говорила, будто Роберт все время твердил, что если она умрет, то он убьет себя... но ей казалось, что она сумела отговорить его от этого». Однако, судя по поведению миссис Говард, мисс Мерримэн подозревала, что в глубине души она «на самом деле хотела, чтобы он умер вместе с ней, то есть покончил жизнь самоубийством».

Роберт также косвенно намекнул на свои намерения своему литературному агенту Отису Клайну. Клайн вспоминал об этом так:

«Несколько недель назад он прислал мне письмо, в котором говорилось, что в случае его смерти я должен связаться с его отцом. Так как у Роберта было не все в порядке с сердцем, я подумал, что он боялся сердечного приступа, но уж никак не ожидал от него самоубийства. Примерно в то же время он прислал мне рассказ о бедняке, которого удержало от самоубийства лишь то, что он узнал об измене своей подружки, и в конце концов этот человек сбегал с возлюбленной своего „благожелателя“».

В понедельник 8 июня Эстер Говард впала в кому. Именно в этот день Кейт Мерримэн заметила странные перемены в поведении Роберта. Обычно, когда состояние его матери ухудшалось, на его лице было написано безысходное отчаяние, а теперь он оставался вполне жизнерадостным, его состояние напоминало облегчение человека, который, находясь в крайне затруднительном положении, наконец-то понял, что ему нужно делать.

В течение следующих трех дней Роберт спал лишь урывками. Он мало ел, но беспрестанно пил кофе, напиток,

который никогда особенно не любил; если его употреблять в огромных количествах на пустой желудок, можно вызвать состояние, близкое к галлюцинированию. Когда Роберт стал пить слишком много кофе, Кейт Мерримэн спросила: «Не хочешь ли добавить сахара или сливок?»

Он ответил: «Не знаю. Мне просто нужно что-то для подкрепления сил...» И продолжал пить один черный кофе.

Большую часть времени Роберт проводил в спальне своей матери. 10 июня, в среду, он спросил отца, думает ли он, что Эстер когда-нибудь придет в сознание. Айзек Говард отрицательно покачал головой. Затем сын спросил его: «Куда ты пойдешь, папа?»

На что доктор ответил: «Туда же, куда и ты».

Тогда Роберт сел в машину и поехал в Браунвуд. Он отправился на кладбище Гринлиф и попросил мистера Басса, секретаря кладбищенской ассоциации, оставить участок земли № 13 для трех захоронений. Прежде чем закончить разговор, он добавил: «Мне важно знать, будут ли ухаживать за этим участком. Мой отец и я уходим и не вернемся больше». Басс тогда подумал, будто Роберт намекает на то, что смерть жены окажется для доктора непосильным ударом.

Вернувшись домой, Роберт застал своего отца плачущим в гостиной. Он обнял старика за плечи и сказал: «Не надо падать духом! Все будет хорошо. Все уже кончено». Затем Роберт покинул комнату, что-то напевая, чем привел мисс Мерримэн в немалое изумление.

Позже он вручил мисс Мерримэн большой конверт, сказав, что, если с ним что-нибудь случится, она должна будет отдать этот конверт д-ру Говарду.

Около полудня Айзек Говард пришел к выводу, что его жене осталось жить всего несколько часов. Ему тоже бросилось в глаза кажущееся все более неадекватным поведение сына. Решив, что будет лучше, если вечером он будет не один, д-р Говард настоял на том, чтобы его старый друг д-р Дж. Р. Дилл из Райзинг Стар приехал в Кросс Плейнс, взяв с собой двух своих невесток, Веру МакДонах и Ли Боуден. Он также попросил на некоторое время приехать к ним молодую пару, учителя Кларенса С. Мартина и его жену Берди.

Мартиньи прибыли, когда солнце уже клонилось к закату. Когда появился Роберт, миссис Мартин сказала: «Роберт, если ты достанешь шланг, я полью цветы».

«Нет, миссис Берди,— ответил он.— Это уже ни к чему».

В течение вечера Айзек Говард несколько раз выходил из маленькой душной гостиной и сидел, горестно раскачиваясь всем телом, на перилах крыльца. Вскоре к нему присоединился Роберт, нервно ходивший взад-вперед и то спускавшийся, то поднимающийся по ступенькам. Каждый раз, когда он подходил к перилам, он останавливался и странным взглядом смотрел на отца.

Позднее д-р Говард говорил, что думал, будто Роберт решил убить его, но не мог решиться на такой поступок, пока была жива его мать. Некоторые из тех, кто наблюдал за ним в тот вечер, придерживались того же мнения. В Техасе друзей обычно не приглашают присутствовать у постели умирающего человека. Эти люди подозревали, что Айзек Говард упрямился их провести ночь в его доме, чтобы ни на минуту не спускать глаз с Роберта, поскольку опасался, что он может убить либо его, либо самого себя. Позже д-р Говард взял свои слова обратно, утверждая, что не верил, будто Роберт на самом деле хотел убить его; но эта неуклюжая отговорка вполне могла быть обычным говардовским жестом, рассчитанным на спасение доброго имени семьи.

Мы можем только догадываться, какие именно мысли посещали Роберта Говарда в ту ночь. Мы никогда не узнаем, думал ли он, что убийство отца будет актом милосердия, потому что старик не сможет выдержать одиночества; или же надеялся, что они все вместе отойдут в мир иной; или эта смерть отвечала его одержимости идеей всеобщего уничтожения. Как бы то ни было, Роберт был уверен, что его отец скоро умрет, что подтверждают слова, произнесенные им на кладбище.

Но все-таки в течение вечера ему удалось на некоторое время отвлечься от этих мрачных размышлений. Удалившись в свой кабинет, Роберт попытался привести в порядок кучу бумаг, которые он держал в небольшом сундуке. Рукописи, копии, наброски рассказов, заметки и письма лежали там беспорядочной грудой. Некоторые из них не были даже скреплены между собой и лежали отдельными страницами. Роберт начал разбирать бумаги, но вскоре прекратил это занятие и подбросил всю грудку вверх — так, что пол полностью был засыпан снегопадом из отпечатанных на машинке листков. Затем он вернулся в комнату матери, чтобы провести там остаток ночи.

...

Было около семи утра 11 июня, низкое красное солнце озаряло раскаленное, безоблачное небо. В маленьком домике Говардов царил суеда. Кларенс и Берди Мартин попрощались с доктором. Недавно нанятая кухарка вошла в кухню и принялась готовить завтрак для д-ра Говарда и оставшихся гостей. Кейт Мерримэн тем временем отправилась домой, так как пришла дневная сиделка, миссис Грин.

Роберт, который просидел всю ночь не смыкая глаз у постели матери, повернулся к миссис Грин и спросил ее, как недавно спрашивал отца, есть ли хоть малейший шанс на то, что мать придет в сознание. Сиделка мягко ответила: «Нет».

Возбужденный огромным количеством выпитого кофе, измученный бессонной ночью и потрясенный чувством грядущей неизбежной утраты, Роберт Говард немного помедлил, чтобы в последний раз взглянуть на неподвижное тело матери. Затем он вышел из душной спальни и направился в свой крошечный, заваленный рукописями кабинет, и напечатал на машинке свои последние отчаянные слова. Как во сне, он вышел из дома, сел в автомобиль, дотронулся до предохранителя на пистолете и устремился к розовому рассвету нового мира и лучшей жизни.

Мы можем только надеяться, что Говард нашел то, что искал. Для человека столь неуравновешенного, столь увлекающегося, находящегося в такой зависимости от обстоятельств, которые он не мог контролировать, раздираемого испытываемыми им неудержимой яростью и тяжелой депрессией, не было другого выхода, чтобы успокоить свою ненависть и заглушить страх одиночества. Даже после того, как мы пристально пригляделись к этому человеку и написанным им произведениям, мы не можем с уверенностью назвать причину «терзающей его агонии» и «кроваво-красной боли», на которые он жаловался в своих стихах. Что же это была за «битва» и «жуткий шум и гомон», от которых он так устал? Мы знаем, что он действительно испытывал сильные мучения. Возможно, те, чьи усилиями была выкована его личность, отнеслись к своей задаче без должного внимания, поскольку не придали значения процессу закалки, которая и наделяет человека любовью к жизни, несмотря на все ее трудности и разочарования.

Защищая сына от пагубного воздействия окружающего бездушного мира, родители Роберта не дали ему возможно-

сти достичь зрелости. Поддерживая наивную детскую мысль сына, что он умрет, когда умрет она — если и не открыто, то с явными знаками одобрения, — мать задушила его стремление к независимости. Все это заставляло Роберта думать о том, что жить не стоит. Кроме того, на него повлияли взгляды отца, который долгое время верил в переселение душ и обсуждал эти идеи с сыном.

Хотя Говард провозгласил себя агностиком, в душе он верил, что смерть не является концом всего. Наоборот, она была чем-то вроде освобождения, переход в какое-то новое состояние — эти мысли он красноречиво изложил в заключительных строках стихотворения «Соблазнитель». Но все же Роберт не был окончательно убежден в этом. Он также писал о «молчании и долгом, мрачном покое». Но даже если смерть и была концом всего, вечным сном без сновидений, он предпочел ее той жизни, которую знал.

Кроме того, отношение Говарда к смерти напоминало отношение ребенка, который, в отличие от взрослых, не понимает ее действительного смысла. Ему, как и многим молодым самоубийцам нашего времени, смерть казалась простым, естественным способом бегства. Он так и не научился смотреть на смерть глазами взрослого здравомыслящего человека, и это отразилось в том, с каким спокойствием герои его произведений уничтожают себе подобных, — хотя следует оговориться, что подобная кровожадность также отражает и требования журналов, где печатались его произведения. С другой стороны, неминуемость смерти собаки Пестрика и его матери наполняли Роберта горечью и гневом. Он не мог воспринимать смерть как неизбежное завершение отпущенного всем времени на жизнь.

История жизни Говарда — трагическая драма человека, который так и не смог примириться с действительностью. В выдуманном мире Конана и короля Кулла Говард чувствовал себя бесстрашным, неуязвимым и желанным для всех женщин мужчиной — мужчиной, который мог убивать своих врагов дюжинами. Одной рукой он сбрасывал правителей с тронов и создавал империи, напоминавшие своим великолепием восточные, побеждал сверхъестественные силы зла волшебством, которое было доступно ему одному. Но для повседневной жизни, с ее непридуманными разочарованиями и неизбежными потерями Говарду не хватало внутренних сил. Когда над

ним нависла угроза потери материнской защиты, он предпочел встать на путь самоуничтожения.

Хоффман Прайс прекрасно понимал самые сокровенные стремления Говарда, и его оценка не утратила своего смысла и по сей день. Он написал одному из поклонников творчества Говарда следующие слова:

«Говард в возрасте тридцати лет испытывал беспомощность и отчаяние, которое характерно скорее для потерявшего мать ребенка. Я помню свои ощущения, когда был совсем маленьким, — моя мать тяжело болела, и почти не было шансов на ее выздоровление... Это было больше, чем страх потери, это был эгоистичный страх перед множеством неприятных ощущений, жестокой реальностью — враждебным миром, в котором у меня не будет ни одного близкого человека.

Теперь мне кажется, что Говард — большой и сильный, вспыльчивый и грубоватый, с детства сохранил именно то состояние разума, которое я пытался описать; взрослея, он приобрел налет взрослой жестокости, не обладая которой не смог бы совершить самоубийства.

Пятилетний ребенок, лишенный материнской эмоциональной и духовной поддержки, не говоря уже о внимании, будет испытывать ужас перед миром, но в конце концов он сумеет приспособиться к нему. У него просто не будет возможности покинуть этот мир, а если и будет, то ему не хватит храбрости ею воспользоваться. Но Говард обладал стремлением пятилетнего ребенка уйти из этого мира и непоколебимой решимостью взрослого человека».

Как только раздался выстрел, кухарка пронзительно закричала. Д-р Говард и д-р Дилл выбежали на улицу и, подхватив Роберта на руки, поспешно внесли в дом. Когда они положили его на одну из кроватей на террасе, то увидели, что пуля пробила голову чуть выше правого уха и вышла слева. После многих лет медицинской практики они оба прекрасно понимали, что везти Роберта в больницу бесполезно.

Леа Боуден побежала за Кейт Мерримэн. Как только стало известно о случившемся, все остальные врачи города поспешили в дом Говардов в надежде оказать какую-нибудь помощь. Приехал мировой судья и позвонил Джеку Скотту из газетной редакции. Скотт прыгнул в машину и помчался к дому Говардов. Вот как он вспоминает об этом:

«Мировой судья ждал меня на крыльце. Я стал задавать ему какие-то вопросы, потому что мне нужно было написать заметку для газеты, и он сказал: „Пойдем со мной, я покажу тебе комнату, в которой работал Роберт“.

Я последовал за ним в комнату Роберта. Там стояла старая пишущая машинка с заправленным в нее листом бумаги. Я выдернул его и прочел:

Труд завершен. Исчезло все.
Пир кончился печальный.
И лампы гаснут в тишине...
Что впереди?
Костер лишь погребальный.

(Пер. А. Андреева)

«Что это значит?» — спросил судья.

Около четырех часов дня Роберт умер, не приходя в сознание. Айзек Говард громко рыдал, оплакивая свою потерю. Он настолько обезумел от горя, что Дилл и другие врачи начали опасаться, что у их коллеги случится сердечный приступ. Они настояли на том, чтобы он отправился в госпиталь. Айзек согласился, и они помогли ему одеться, однако внезапно д-р Говард передумал и отказался ехать. Кейт Мерримэн вспоминает: «Он был крайне эмоциональным человеком. Мне казалось, что он мог зарыдать — и тут же перестать плакать по собственному желанию, именно так и происходило в течение нескольких дней после того, как умерли его жена и сын».

После того как человек из похоронного бюро забрал тело Роберта, несколько соседей и знакомых врачей, созная, в каком состоянии находился Айзек Говард, решили остаться с ним на ночь. Поэтому уже вторую ночь в доме Говардов продолжали царить беспокойство и суета.

...

Эстер Говард лежала в забытии, не слыша топота ног незнакомых людей и рыданий своего мужа в день смерти сына. В полной тишине в 10 часов 30 минут следующего вечера, 12 июня, она скончалась, так и не придя в сознание.

Родственники с обеих сторон приехали в Кросс Плэйнс, чтобы поддержать обезумевшего от горя доктора. Миссис

Дэвид Говард, жена его брата, приехала из Марта, штат Техас; миссис Сирси, одна из сестер миссис Говард, приехала из Экстера, штат Миссури; на похороны и отпевание также прибыли еще несколько племянников и племянниц из Арканзаса, Оклахомы и Миссури.

В ту субботу в маленькой гостиной домика в Кросс Плэйнс стояло два открытых гроба; члены семьи, друзья и соседи заходили, чтобы отдать последнюю дань умершим. Около полуночи измученный и убитый горем д-р Говард отправился в ванную комнату. Он оставался там так долго, что его друзья, зная, сколько оружия находится в стоящем там шкафу, испугались, что, не помня себя от горя, Айзек выстрелит в себя. Когда он вернулся в гостиную, несколько человек решили убрать из шкафа ружья, передавая их друг другу через окно ванной комнаты.

Но его друзьям не стоило так волноваться. Айзек Говард был храбрым и мужественным человеком. Хоффман Прайс, которого доктор считал одним из лучших друзей своего сына, написал о нем восемь лет спустя:

«...стоит мне подумать о д-ре Говарде — а ему шел уже семьдесят четвертый год, зрение его постепенно слабело, в течение этих восьми лет он был совершенно одинок и в своем доме, и в мире, из которого в один день ушли его жена и сын, — как не могу не сказать: „Я от души желал бы Роберту обладать тем же мужеством, что его отец“.

Д-р Говард... был настолько сильным и бесстрашным человеком, что я вынужден отдать ему должное: ни моя жена, ни я сам никогда не испытывали к нему жалости... Он жил, ни на что не жалуясь, и сочувствовать ему, как мы сочувствуем людям, у которых случались в жизни куда менее горестные события, означало бы унижить этого человека...»

В воскресенье, 14 июня 1936 года, в баптистской церкви состоялись первые в городе двойные похороны. Эти похороны были необычны по нескольким причинам. В отпевании принимали участие четыре священника. Отправлял службу преподобный Б. Дж. Ричбург, странствующий проповедник, бывший пастор из Кросс Плэйнс, давний друг д-ра Говарда. Ему помогали Дж. С. Манн, священник из местной методистской церкви, С. П. Коллинз, священник из пресвитерианской церкви, и В. У. Тэйтум, священник из баптистской церкви.

Преподобный Ричбург прочитал проповедь об адском огне и проклятии из книги пророка Самуила 31:4. «И Савл взял меч и пал на него». Проповедь, отражавшая христианский запрет на самоубийство, крайне разочаровала старого доктора. В течение недели или двух после церемонии слышали, как он ворчал, что этот тип «молился за то, чтобы мой мальчик отправился в ад!».

Народу пришло столько, что многие не уместились в здании церкви. Почти все жители города собрались на отпевание — несмотря на все странности, Говарды пользовались огромным уважением. Они были той семьей, по которой сразу узнавали город: доктор с его язвительным, острым языком и преданностью своим пациентам, миссис Говард с ее утонченностью, безупречными манерами и превосходной манерой одеваться, а также Роберт, игравший роль единственного интеллектуала в городе.

Казалось, такое бурное выражение сочувствия было вызвано легким ощущением вины. Даже сейчас многие жители города выражают интерес к судьбе странного молодого человека, который был «чужим среди своих» и не видел ни от кого ни сочувствия, ни понимания. В нежелании же некоторых говорить о Роберте Говарде слышится молчаливый вопрос: «Разве можно было бы что-то изменить?» Если бы об этом спросили нас, мы бы твердо ответили: «Нет». Именно его внутренний мир, а не внешний и не люди, среди которых он жил, определил судьбу Роберта Говарда. И этот внутренний мир сформировался задолго до того, как он со своей семьей поселился в Кросс-Плэйнс.

...

После отпевания по никому не известной причине д-р Говард настоял на том, чтобы катафалк везли не по главной улице, а по узким, маленьким улочкам города. В тридцати милях от города, на кладбище Гринлиф, два сосновых гроба были опущены в могилы, место для которых Роберт сам выбрал несколько дней назад.

На следующий день после похорон Айзек Говард наконец смог взять себя в руки. Вместе с Кейт Мерримэн он пошел в кабинет Роберта, чтобы попытаться привести разбросанные там бумаги хоть в какой-то порядок. Пытаясь собрать воедино одну из рукописей, Кейт Мерримэн нашла страницу из письма Роберта, адресованного Новэллин. В нем

он упрекал ее за то, что она насмехалась над его черным сомбреро, добавляя, что, зная о тех трудностях, которые ему приходилось преодолевать, нелепо и недостойно устраивать спор из-за шляпы.

16 июня, когда Айзек Говард подал прошение на назначение его главным распорядителем имущества его сына, он «с мрачным видом поклялся, что, насколько ему известно, покойный Роберт Говард умер, не оставив официального завещания».

Через некоторое время была произведена оценка состояния, оставленного Робертом Говардом. В список его имущества, если не включать туда 1000 долларов, которые так и не выплатил ему журнал «Сверхъестественные истории», входило 702 доллара наличными, 1850 долларов на счету в банке и машина, оцененная в 350 долларов, что в общей сумме составило 2902 доллара. Оценить произведения Говарда не сочли нужным.

...

Позже над могилой матери и сына водрузили огромный гранитный памятник. Наверху было выбито имя «Говард». Ниже было стихотворение, выбранное самим д-ром Говардом из второй книги пророка Самуила 1:23: «Они жили праведно и даже в смерти остались неразлучными». На мемориальной доске блестяли три отполированных таблички. На левой было выгравировано имя Роберта. На центральной табличке был указан действительный год рождения Эстер Говард. На третьей, которая некоторое время оставалась без надписи, через восемь лет появилось имя Айзека Говарда, и сейчас на них мы можем увидеть следующее:

Роберт И.	Эстер Ирвин	Айзек М.
Писатель и поэт	Жена и мать	Врач
1906—1936	1870—1936	1871—1944

Д-р Говард заплатил 250 долларов за участок земли и в первые несколько недель, когда горе его было особенно сильным, часто приходил на могилы жены и сына. После каждого дождя он беспокоился, что от оставшихся луж гробы начнут гнить. К осени беспокойство превратилось в такой навязчивый ужас, что он приказал выкопать гробы и обить их железом. Это выполнили пятеро кладбищенских работников с помощью водруженной на грузовик лебедкой. Каждый из работников получил по 25 долларов,

более чем приличные деньги во времена Депрессии. Однако один из них, Гомер Томас, все еще вспоминает этот случай как одно из самых неприятных поручений, которые ему когда-либо приходилось выполнять,—и сосновые гробы, и то, что в них находилось, были изрядно подвергнуто разложению.

Айзек Говард также очень беспокоился о том, как будет выглядеть участок земли вокруг могил. Его старый друг, д-р Чемберс, к этому времени переехал в графство Браун, и Айзек Говард избрал в качестве своего личного шофера его сына, Норриса. На «шевроле» Роберта они совершили несколько поездок по оранжереям и цветочным магазинам. Машину предварительно вымыл рабочий гаража, который до сих пор вспоминает невыносимый запах крови, оставшийся после того, как машина простояла несколько дней на горячем июньском солнце. Айзек Говард беспрестанно говорил о том, как надо ухаживать за могилами, изучал декоративные растения и настойчиво расспрашивал о видах растений и ценах на них. Однако он так ничего и не посадил на могилах своих близких.

Леон СПРЭГ ДЕ КАМП

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАК ОГНЯ

Перевод с англ. В. Правосудова

Глава 1. Ночные клинки	7
Глава 2. Черная Страна	25
Глава 3. Люди Исмаила	59
Глава 4. Шепчущие клинки	91
Глава 5. Маска сорвана	109
Глава 6. Призрак кошмарного лабиринта	123
Глава 7. Смерть, крадущаяся по дворцу	145
Глава 8. Загнанные волки	161
Глава 9. Поля, залитые кровью	177
Глава 10. Последняя схватка	201

ДЬЯВОЛЫ ПЕСКОВ

Дочь Эрлик-хана

Перевод с англ. Г. Подосокорской 227

Затерянная долина Искандера

Перевод с англ. М. Жуковой 323

Лев Тивернады

Перевод с англ. М. Скороденка 365

Л. Спрэг де Камп. Верность призванию 407

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

ЗНАК ОГНЯ

Составитель *Александр Тишинин*

Ответственный редактор *Наталья Баулина*

Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*

Главный художник *Сергей Шикин*

Художественный редактор *Елена Иванова*

Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*

Верстка *Анны Новиковой*

Корректор *Вера Безымянская*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 06.04.98.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 23,52. Тираж 7000 экз.
Заказ 1250.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.

194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.

E-mail: sevzap @info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА

**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гонимые смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •

Впервые в России!
ЗНАМЕНИТАЯ ЭПОПЕЯ
МАЙКЛА МУРКОКА
"САГА ОБ ЭЛЬРИКЕ
МЕЛНИБОНЭЙСКОМ"

в 4-х томах

- ♦ ПОХИТИТЕЛИ СНОВ ♦
- ♦ СТРАЖ ХАОСА ♦
- ♦ МЕСТЬ РОЗЫ ♦
- ♦ ПРИНОСЯЩИЙ БУРЮ ♦

Впервые в России!
Трилогия популярной
американской писательницы
МЕРСЕДЕС ЛЭКИ

• ГЕРОЛЬДЫ •
ВАЛДЕМАРА

**Читайте в новой серии
издательства «Северо-Запад»
лучшие книги отечественных
авторов!**

*Научная фантастика и фэнтези,
альтернативная история и мистика
ждут вас на
"Перекрестке миров"*

**Читайте в серии
«Перекресток миров»
новые книги**

**Константина Бояндина
Михаила Ахманова
Андрея Дашкова
Сергея Герасимова**

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

"АСТ"

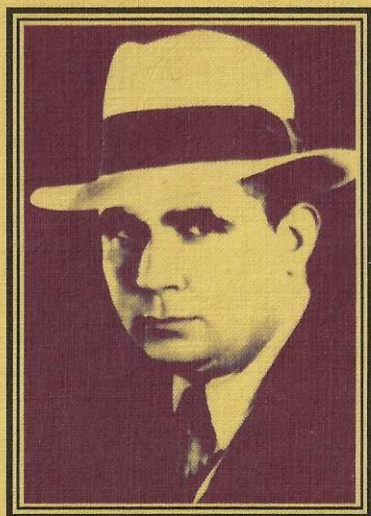
По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

собрание сочинений

Роберт Ирвин Говард

(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

— Гулистан! — эхом повторил Гордон. — Страна Гулей. Край, откуда нет возврата. И они бежали туда?!

— Мы пытались выследить их... Но это не люди — это демоны! Тебе никогда не вернуть похищенного!

С презрительной усмешкой франк провел пальцем по отточенному лезвию сабли. Сталь и огонь — и отважное сердце... ни один демон не устоит против них!

•Северо-Запад®